

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Сергей Тармашев

ХОЛОД

НЕОТВРАТИМАЯ ГИБЕЛЬ

Отныне у этого мира только один господин. Его имя — ХОЛОД

Annotation

В начале XXI века механизм
грядущего катаклизма уже
отсчитывал последние часы
прежнего мира. Из-за собственной
алчности, глупости и
безответственности человечество
вплотную приблизилось к роковой
границе. Гольфстрим остыл.
Невообразимых размеров ледник
стремительно покрывал планету.
Теперь ее цвет не голубой и не
зеленый, а БЕЛЫЙ...

Где-то на экваторе температура
не опускается ниже нуля. Все знают,
что дело в реакторе, который из

последних сил удерживает Холод, рвущийся на приступ последнего оплота цивилизации. Но не все знают, что жить теплому миру осталось считанные недели. Ожидающие мучительной смерти люди снаряжают экспедицию в неведомую Сибирь. Если верить слухам, среди льдов и снегов, в жесточайшем противоборстве с природой живут те, кого не смогли покорить ни могучие армии, ни свирепые мутанты, ни даже Холод. Теперь будущее человечества в руках замотанных в звериные шкуры кровожадных дикарей...

- [Сергей Тармашев](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Сергей Тармашев

Неотвратимая гибель

*Я люблю меч не за то,
что он острый, стрелу – не
за её полет, воина – не за
силу. Я люблю их за то, что
они защищают Родину: её
красоту, древность и
мудрость.*

*Джон Рональд
Роуэл Толкиен*

Затевающие войну

сами попадают в свои сети

*Иоанн Дамаскин,
7 век н. э.*

Пролог

США, Аляска, 250 км к северо-востоку от Анкориджа, военный полигон Гакона, объект НААРР, максимальный режим секретности. 26 мая 2017 года, 6 часов 54 минуты, время местное.

Пара патрульных бронетранспортеров шла по неширокой проселочной дороге вдоль наголо выбритой полосы отчуждения, упирающейся в кромку глухого леса. Наводчик-оператор орудийных систем привычным взглядом лениво окидывал через совмещенный с тепловизором и

спутниковым интерфейсом прицел
тянущуюся справа опушку вековой
тайги, выискивая цели. Целей не
было, как не было их ни разу за все
семь лет его службы на этом объекте.
Добраться сюда, в дремучую
глухомань, не так-то просто, даже
если очень захочется. Кругом
практически непроходимые леса и
целая команда организаций,
бдительно стерегущих бесценное
сокровище: тут и АНБ, и Центр
космических технологий ВВС, и
ВМС, наверняка и без ЦРУ не
обошлось, лично он в этом был
абсолютно уверен. Собственно
потому каждый из патрулирующих
объект экипажей и не уставал

смотреть в оба — проверки бдительности начальство устраивало с упорством, которому впору было позавидовать. Если настоящих целей наводчик-оператор не видел здесь ни разу, то учебно-тренировочных насмотрелся на добрый десяток лет вперед. Впрочем, сегодня все держали ухо остро не просто так. Через пять минут на объекте начнется секретный эксперимент особой важности, и очень скоро враги американской демократии в очередной раз смогут на своей шкуре ощутить всю мощь военно-научной мысли самого передового государства в мире.

Собственно, бесконечный лес

огромных антенн, тянущийся слева от дороги, и есть тот самый сверхважный и сверхсекретный объект, точнее, основная его составляющая. На четырнадцати гектарах запрятанной среди непроходимого леса земли расположены триста шестьдесят радиопередатчиков, сто восемьдесят антенн, радар некогерентного излучения с антенной диаметром в двадцать метров, лазерные локаторы, магнитометры, мощнейшие суперкомпьютеры, обрабатывающие сигналы и управляющие антенным полем, и солидных мощностей газовая электростанция. Фактически здесь развернута фазированная

решетка исполинской антенны площадью в шестьдесят квадратных километров, гигантская плазменная пушка, новейшее оружие будущего, против которого у врагов США нет ни единого шанса. И это только один из целой сети подобных объектов, грамотно распределенных по земному шару под прикрытием сугубо научных исследований. Сегодня они работают в безукоризненной синхронности, словно единый организм, готовясь нанести незримый удар по врагам демократии, и несколько десятков таких же патрулей, как этот, зорко следят за подступами к запретным периметрам.

— Престон! — Командир бронетранспортера скосил глаза на бортовой хронометр. — Увеличьте скорость, мы должны быть в контрольной точке «Чарли-15» через две минуты. Сто пятьдесят секунд до выключения моторов.

— Да, сэр! Выполняю, сэр! — отрапортовал механик-водитель, прибавляя газу, и бронемашина побежала быстрее. Идущий следом второй БТР немедленно повторил маневр головной машины. — Сержант, сэр! — Водитель немного замялся, — разрешите вопрос, сэр?

— Задавайте, рядовой! — позволил командир, и наводчик-оператор едва заметно ухмыльнулся.

Механик-водитель оказался любопытным малым. Его перевели на базу меньше двух месяцев назад, парень ещё не успел набить оскомину местной службой, кипел энтузиазмом, фонтанировал любопытством и задавал много вопросов. Ничего, это пройдет. Все так начинали.

— Сэр! — Престон говорил, не отрывая взгляда от дороги. Надо отдать парню должное, бронетранспортер он водил хорошо. — Я знаю, что наш объект — кость в горле у всякого отребья вроде русских, китайцев и прочих потенциальных врагов Америки, а также купленных ими пацифистов.

Они не устают ныть на тему опасности, которую представляет объект ХААРП чуть ли не для всей планеты целиком! Это их реакция на наше научно-техническое превосходство или в подобных заявлениях есть доля истины? Мне доводилось читать статью одного очень важного яйцеголового, нобелевского лауреата, так он утверждал, что последствия воздействия на ионосферу Земли наших объектов могут оказаться совершенно непредсказуемыми. И будто бы именно с работой ХААРП напрямую связана череда техногенных катастроф и необъяснимых климатических

явлений, прокатившихся за последние годы по всему миру, сэр!

– Это полная чушь, рядовой! – осклабился командир. – Этот умник либо пытается добыть таким незамысловато-антипатриотическим способом немного пиара, либо просто продался арабам или русским. Или китайцам. Или ещё кому. Наши объекты находятся под абсолютным контролем! И если с их помощью и случается нечто трагическое, то только у наших врагов. Да и то мы никогда не афишируем свои атаки. Противник не в состоянии доказать что-либо, вот его подручные и изощряются в заумной болтовне. Сеть ХААРП

безжалостна к врагам и безвредна для друзей, рядовой!

— Сэр, но ведь мы организовывали лесные пожары у русских и китайцев! — никак не успокаивался Престон. — И аномальную жару тоже! Разве это не может пагубно отразиться на нас самих, сэр?

— Откуда у вас такая информация, рядовой? — хохотнул сержант. — Рядовой, находящийся на базе едва пару месяцев, уже в курсе государственных тайн! И куда только смотрит ЦРУ! А вообще тебе к Фостеру, это он у нас специалист по таким вопросам, у него шурин работает в радарном центре. —

Сержант прильнул к командирскому перископу и скомандовал: — Заходим на контрольную точку. Занять сектор обстрела! Приготовиться заглушить двигатель!

Патрульные БТРы сошли с дороги и вкатились в расположенный рядом приземистый железобетонный капонир. Пару лет назад командование приказало усилить меры безопасности на объекте, и патрульные маршруты оборудовали огневыми позициями для техники, а контингент охраны был удвоен. Количество и частота наземных и воздушных патрулей также возросли.

— «Большой папочка», это «Фокстрот-4»! — доложил в эфир

сержант, провожая взглядом через перископ уходящий в сторону посадочных площадок вертолетный патруль из двух «Апачей». — Нахожусь в точке «Чарли-15», вокруг чисто! К отключению двигателей готов!

— Это «Большой папочка», — откликнулся командный пункт базы, — подтверждаю прием, «Фокстрот-4»! Глушите моторы! Из радиоэфира не выходить!

Сержант велел своему патрулю вырубить двигатели БТР, ещё раз доложил командованию и перешел в режим ожидания. Он поерзал на сиденье и посмотрел на наводчика-оператора:

– Капрал Фостер!

– Да, сэр? – Наводчик уже знал, о чем пойдет речь. Сейчас сержант предложит ему рассказать новичку о ХААРП. Будто тот сегодня может услышать нечто такое, чего не слышал за полтора месяца. Фостер серьезно подозревал, что сержант попросту не может изложить это сам, слова для него оказались слишком заумными. Вот и потекает Престону с его вопросами, наверняка пытается заучить объяснения наизусть, чтобы потом пускать пыль в глаза девицам и собутыльникам во время отпусков. Вот уж точно – куда смотрит ЦРУ...

– Джек, может, объяснишь

парню принципы работы нашего объекта? – Сержант и на этот раз не был оригинален. – Времени у нас выше крыши! Только глаз с леса не спускать!

– Как скажешь, Том! – поддел его наводчик. – Мы здесь все подписывали заявление о неразглашении, так что можно не сомневаться, что дальше этого БТР наши разговоры не уйдут!

– Если это идет вразрез с безопасностью США, я беру свой вопрос обратно! – немедленно заявил Престон, но обрадоваться Фостер не успел.

– Да ладно! – осклабился сержант. – Об этом на базе известно

каждому! Я и сам могу рассказать, но Джек сделает это более складно! Давай, Джек, изложи грамотно, как мы поджарим сегодня русским задницы! Торопиться нам некуда.

— О'кей, — пожал плечами Фостер. В конце концов, почему нет, раз это способ убить время. — Слушай, рядовой! Фактически наша база — это огромная плазменная пушка. Все эти антенны и передатчики объединены в единое целое. Они посылают радиоволны в диапазоне частот от 2,8 до 10 мегагерц, суммарной мощностью в 10 гигаватт, что превышает солнечное излучение в этом частотном диапазоне почти на шесть

порядков. Своим сверхмощным излучением объект нагревает ионосферу Земли, это слой околоземного пространства, заполненный ионизированными атомами. Нагреваясь, эти атомы приобретают дополнительную энергию, в результате чего их электронные оболочки увеличиваются в сто пятьдесят раз. Ученые называют эти атомы сверхбольшими, а этот процесс — накачкой. В результате накачки в ионосфере Земли возникают так называемые плазмоиды — это образования искусственного происхождения, имеющие те самые сверхбольшие атомы с

высокоэнергетичным состоянием. Размеры плазмоидов огромны, до десятков километров в диаметре, но заметить их глазами, сам понимаешь, невозможно. В зависимости от режима накачки эти плазмоиды можно использовать либо как гигантское зеркало, прекрасно отражающее радиоволны, что значительно увеличивает дальность и качество связи и позволяет связываться даже с подводными лодками и подземными бункерами глубокого залегания. Либо как гигантский магнит, способный пожирать радиоволны, что позволяет вывести из строя беспроводную связь на целых континентах. Либо послать

сфокусированный энергетический импульс в заданный район поверхности, то есть ударить противника мощнейшей супермолнией, например, мгновенно вызвать множество лесных пожаров на вражеской территории. Либо вызвать аномальную жару в холодных странах или аномальный холод в жарких. Либо спровоцировать землетрясение на суше или под водой, что вызовет цунами, которое обрушится на побережье противника. Кроме того, ХААРП способен воздействовать и на психику людей. Мы с легкостью можем посылать на территорию врага импульсы беспокойства, страха или агрессии. В

результате любую дивизию или войсковую бригаду легко превратить в охваченную паникой неуправляемую толпу. Либо спровоцировать население на беспорядки, что, как гласят слухи, упорно ходящие по базе третьи сутки, мы и собираемся проделать сегодня с Москвой. Но всё это работает только до тех пор, пока наши объекты, объединенные в единую сеть, ведут накачку. Как только накачка прекращена, плазмоиды перестают образовываться. Те, что уже созданы, без подогрева ионосферы быстро теряют энергию и распадаются, что неизбежно приводит к прекращению процесса. Так что, рядовой, всё под

контролем, процесс от начала и до конца безопасен для нас. Ни о каких непредвиденных результатах не может идти и речи, это физика, а не болтология, так что не будь наивным и не позволяй предателям Америки себя надуть!

— Ты всё понял, Престон? — немедленно влез сержант таким тоном, будто являлся профессором Гарварда, которому они только что сдавали зачет по какой-нибудь ядерной физике или волновой теории. — И имей в виду, всё это государственная тайна, которую тебе доверила Америка!

— Сэр, да, сэр! — гаркнул механик-водитель, сверкая

белоснежными зубами. Его темнокожее лицо, погруженное в полумрак кабины бронетранспортера, сливалось с общими тенями, из-за чего у Фостера возникало ощущение, что у водителя вместо головы имелся лишь огромный зубастый рот. – Но, сэр, для чего тогда мы глушим двигатели? Если процесс безопасен?

– Элементарные меры предосторожности, рядовой! – важно изрёк сержант. – Чтобы работа двигателей не вызывала помех на радарх и антеннах. Это же сверхтонкая настройка оборудования, стоящего миллиарды долларов! Это тебе не...

– Внимание! – зашипел эфир. – Это «Большой папочка»! Объявляю готовность в две минуты! Начинаю отсчет! Одна пятьдесят восемь! Одна пятьдесят семь! Одна пятьдесят шесть...

– Полковник, сэр! – Офицер связи подошел вплотную к креслу и, наклонившись, едва слышно шептал ему в ухо: – У нас проблема! Майор Райли опять рвется к генералу. На этот раз с ним доктора Волынски, Курояма и ещё человек пять из числа научного персонала. Мы задержали их у дверей в командный пункт, но они требуют немедленной аудиенции у командующего!

– Майор Райли, похоже, чего-то недопонимает в словосочетаниях «национальная безопасность» и «сверхсекретный эксперимент особой важности», раз выбрал столь неудачное время для полемики! – так же шепотом ответил полковник, недовольно скривившись. Он не отводил глаз от командующего. Тот стоял рядом с начальником Центра космических технологий ВВС США и принимал доклад от командира их базы. – До начала эксперимента меньше десяти минут! Скажите ему, что он может изложить все свои претензии в рапорте после завершения эксперимента.

– Я говорил, сэр! – торопливым

шепотом возразил офицер. – Но он не желает внять здравому смыслу! Они угрожают саботировать процесс накачки, если их немедленно не выслушает генерал!

– Это уже слишком! – возмущенно вскинулся полковник. – Майор Райли перешел границы разумного. Похоже, он окончательно забыл о том, что носит мундир армии США! Я сам займусь этим прямо сейчас. Капитан, немедленно направьте к входу в командный пункт два отделения морпехов из состава охраны!

– Сэр, слушаюсь, сэр! – козырнул офицер связи и немедленно удалился.

Полковник, стараясь не нарушить атмосферу всеобщего внимания, царящую на заполненном офицерами командном пункте базы Гакона, тихо встал с кресла и направился к выходу.

— Какие-то проблемы, полковник? — Генерал всё-таки заметил его демарш.

— Никаких, сэр! — вытянулся по струнке полковник. — Текущие нюансы внутренней службы! Я вернусь через две минуты, сэр! С вашего позволения, сэр!

Генерал кивнул в знак разрешения, и полковник поспешил к мощным дверям, запирающим вход в зал управления ХААРП-Гакона.

Позади него зазвучал голос командира базы, продолжающего брифинг:

– Таким образом, через десять минут мы произведем накачку одновременно всей сетью ХААРП, объекты которой сработают в синхронном режиме. Плазмоиды будут настроены таким образом, что отраженные от ионосферы электромагнитные волны чрезвычайно малой частоты, так называемые ELF-волны, проникнут в мозг людей, находящихся в зоне облучения, и начнут оказывать прямое и немедленное воздействие на человеческую психику. Мы специально смодулировали волновые

частоты так, чтобы вызвать у подопытных неконтролируемое чувство агрессии и жажду насилия. Стоит отметить, что в Москве сейчас восемь часов после полудня, вечер, разгар автомобильных пробок. На дорогах порядка четырех миллионов автомобилей, их водители и пассажиры находятся во взвинченном состоянии, что является весьма благоприятной обстановкой для нашего эксперимента. Вспышки насилия на дорогах у русских происходят регулярно, так что заподозрить наше вмешательство им будет крайне непросто, а доказать – абсолютно невозможно. Аналогичная ситуация

традиционно сложилась к этому часу в Каире, который будет накрыт излучением при помощи объекта ХААРП, расположенного в Великобритании. Кроме того...

Один из охраняющих выход солдат коснулся сенсора, открывая массивные двери, и полковник вышел из зала. Мощные створы сошлись за его спиной, обрывая голос докладчика, и офицер торопливо зашагал к выходу из командного пункта. Завтра же он отдаст Райли на растерзание контрразведчикам, больше терпеть его выходки никто не собирается. Это ж надо! Он угрожает саботировать эксперимент,

обошедшийся стране в миллиарды долларов, призванный начать новую эру не только в военном деле, но и в священном распространении главенства американской демократии по всему миру! Полковник невольно усмехнулся. Термин «нести демократию» на сленге военных США давно уже означает проведение войсковой операции на территории противника. Но сейчас, пожалуй, впервые оба этих понятия действительно могут слиться воедино. Если эксперимент по управлению многомиллионными толпами одновременно в нескольких крупных городах, скажем так, не совсем дружелюбно настроенных

стран, пройдет успешно, проблема с контролем над противниками, как явными, так и вероятными, будет решена навсегда. Будущее мира, ни много ни мало, будет определено в ближайшие полчаса, и если Райли считает, что кто-то позволит ему провалить эксперимент в масштабах всей планеты, то глубоко ошибается. Завтра же на его карьере будет поставлен крест, и никакие научные заслуги тут не помогут. Хватит нянчиться с полупредательскими элементами, нелояльно настроенными к собственной стране!

Полковник достиг ещё одной переборки и несколько секунд ждал, пока несущие охрану морпехи

откроют для него дверные створы бронированного люка. Зарытый под землю центр управления базой Гакона создавался ещё в шестидесятих годах прошлого века, но модернизация и переоснащение шли в бункере постоянно. От тех времен здесь остались разве что стены и вот этот люк, створы которого распахиваются слишком медленно. Но менять его командование не стало, очень уж качественная вещь, те, кто проектировал и создавал люки, постарались на славу. Пожалуй, стоит заказать инженерам расчет новых, более скоростных сервоприводов, но без вмешательства

в остальную конструкцию...

— Полковник, сэр! — Майор Райли устремился к нему, не дожидаясь полного открытия дверей. — Нам необходимо немедленно переговорить с командующим! Это сверхважно! Вся наша группа требует аудиенции до начала эксперимента! В противном случае мы отказываемся принимать в нем участие!

Окружающая Райли толпа яйцеголовых, согласно кивая, дружно затянула свою излюбленную песню об опасности массивированной накачки ионосферы, которая-де грозит планете всей жуткими катастрофами. За последний год это

нытьё настолько достало
полковника, что он научился не
обращать на него внимания. Однако
сейчас дело обстояло иначе — до
начала эксперимента остаются
считанные минуты.

— Позволю себе напомнить вам,
майор, — холодно процедил
полковник, — что своими действиями
вы нарушаете Устав, а также прямой
приказ командования. Условия
проведения эксперимента
приравнены к боевым.
Соответственно ваши действия
классифицируются как измена
родине и саботаж в пользу
противника. — Он бросил на
лопочущих о своем ученых

уничтожающий взгляд: – В случае саботирования эксперимента вы создаете прямую угрозу национальной безопасности США и наших союзников. Вами будет заниматься трибунал. Надеюсь, все здесь присутствующие это хорошо понимают?

– Все здесь присутствующие хорошо понимают, что параметры инициированного излучения могут существенно отличаться от параметров накачки! Это было доказано неоднократно! – тут же встрял Курояма. Этот узкоглазый выскочка бесил полковника, пожалуй, даже сильнее, нежели сам Райли. – Функционирование ХААРП

помимо целенаправленного
воздействия на противника
постоянно сопровождается
разрушительными побочными
эффектами! Вы не хуже нас
осведомлены о техногенных и
климатических катастрофах,
невольными виновниками которых
мы стали за последние десять лет! Я
уже не говорю о последствиях наших
целевых экспериментов!

— Я ценю ваше мнение, доктор
Курояма, — ледяным тоном ответил
полковник, — равно как и мнение
всех остальных специалистов,
собравшихся здесь. Однако я ещё раз
напоминаю вам, что сегодняшний
эксперимент санкционирован

президентом и правительством и играет решающую роль в определении будущего всего мира. Вы можете изложить все свои претензии ПОСЛЕ его завершения.

— Последствия массивированной накачки могут быть фатальными! — воскликнул Райли. — В прошлый раз воздействие лишь одного объекта сети, наводящего лесные пожары на Россию, вызвало мощное землетрясение в Арканзасе! Абсолютно непредвиденный побочный эффект! Погибло множество людей! И сколько подобных случаев нам известно? Снег в Калифорнии, жара на Аляске, дыра в озоновом слое над Южным

полюсом и так далее, прецедентов множество! А сейчас вы собираетесь запустить на полную мощность всю сеть, несмотря на наши неоднократные предупреждения! Кто может знать, к каким последствиям это приведет?! Риск неуправляемой цепной реакции в пределах озонового слоя и ионосферы огромен! Кому будут нужны наши претензии ПОСЛЕ того, как планета лишится озонового слоя или с неё вообще сорвет половину атмосферы?!!

— К дьяволу вас и ваш трибунал, полковник! — Рядом с Райли бушевал Курояма. — Мы не пошевелим и пальцем ради этого чертового

эксперимента, пока нас не
выслушает командующий! Я написал
десятки рапортов и заявлений, и где
они?! Меня выслушивали и
благополучно игнорировали! Я
требую аудиенции с командующим! Я
требую аудиенции с президентом, с
Конгрессом, с ООН, с кем угодно, у
кого в голове ещё осталась хоть
унция здравого смысла, черт возьми!

— Я вас услышал,
джентльмены, — невозмутимо
отреагировал полковник, бросая
взгляд в боковой коридор, в котором
появился офицер связи в
сопровождении дюжины морпехов. —
Ваша позиция мне ясна. Поэтому
хочу сообщить вам следующее: я не

позволю никому сорвать или саботировать санкционированный президентом эксперимент, имеющий решающее значение для национальной безопасности Соединенных Штатов. Поэтому до завершения всех запланированных процедур я отстраняю вас всех от участия в эксперименте! Капитан! – Он обернулся навстречу спешащему с охраной офицеру. – Приказываю арестовать всех этих людей по подозрению в измене Родине! В случае неповиновения или оказания сопротивления приказываю применять оружие на поражение! Всю ответственность беру на себя! Вам всё понятно?

– Сэр, да, сэр! – гаркнул офицер и кивнул морпехам: – Арестовать подозреваемых! Изъять оружие, электронное оборудование и средства связи!

Солдаты оцетинились стволами и принялись бесцеремонно расставлять ученых вдоль стены с поднятыми руками, одновременно проводя обыск.

– Вы не имеете права! – возмущался Курояма, тщедушными ручонками вяло сопротивляясь двоим рослым морпехам. – Я этого так не оставлю! Я дойду до Президента и Конгресса...

– Руки на стену! – рывкнул один из морпехов, впечатывая Курояму в

стальную переборку с такой силой, что у того перехватило дыхание.

— Вы допускаете фатальную ошибку, полковник! — Райли не сопротивлялся и сам сдал морпехам свой пистолет. — Если всё обойдется, мы готовы ответить за свои поступки! Но что будете делать вы, если случится катастрофа?! Вашего жалкого раскаяния вряд ли будет достаточно для того, чтобы всё исправить!

— Этот эксперимент тщательно рассчитывался сотнями лучших научных умов США, — устало вздохнул полковник. — И ваши жалкие популистские попытки урвать немного славы за счет

подрыва национальной безопасности ни к чему не приведут. Вы будете изолированы на время проведения эксперимента, дальнейшую вашу судьбу решит трибунал. Завтра же вами займутся следователи. Кстати, доктор Курояма, все необходимые полномочия у меня есть. Приказ подписан лично президентом, и вы не могли об этом не знать. Капитан! – Он вновь посмотрел на офицера связи. – Увести арестованных! Научная команда из числа дублирующего состава должна занять их рабочие места не позднее, чем через две минуты. Через семь минут начинаем предстартовую проверку. И убедитесь, что все

каналы частной связи с внешним миром надежно блокированы. Выполнять!

Морпехи повели Райли и остальных к лифтам, и полковник удалился, спеша вернуться в зал управления. За его спиной доктор Курояма что-то возмущенно лопотал на тему того, что никакая демократия, национальная безопасность и жажда абсолютной власти не стоят жизни целой планеты, но полковник его не слушал. Давай-давай, говори больше, всё это потом ляжет на стол судьям, он лично позаботится, чтобы все твои вопли были четко отражены в рапортах морпехов, проводивших

задержание. Национальная безопасность для тебя не главное? Тем лучше. И как только Центр космических технологий ВВС организует подбор кадров для столь секретного объекта, как ХААРП, являющегося сердцем обороны США?! Понабрали черт знает кого...

Предстартовая проверка подходила к концу, все системы функционировали безукоризненно, после изоляции саботажников во главе с майором Райли иных эксцессов не возникло, и полковник сидел в своем кресле, разглядывая центральный картографический планшет. Огромная электронная

карта занимала всю стену и в реальном времени отражала картину, наблюдаемую с орбиты спутниковой группировкой. Все вопросы, связанные с безопасностью, были решены, он свою работу сделал, дело теперь за научными специалистами. Командующий, лично выслушав его доклад, одобрил действия полковника и поблагодарил за преданность Соединенным Штатам. Похоже, бесконечные и заунывные рапорта Райли сотоварищи порядком достали и высшее военное руководство страны, раз генерал понял всё с первых же слов. К счастью, волею господ всемогущего, всегда благоволившего Америке,

дублирующая команда ученых на базе имела и была достаточно квалифицирована для того, чтобы успешно заменить саботажников. Благо, на других объектах сети ХААРП ничего похожего не возникло, либо офицеры, ответственные за безопасность, исполнили свои функции столь же добросовестно, как это сделал он. Вскоре мощнейшая сеть лучевого оружия, продукт передовых разработок научного, военного и политического гения США, проведет первый по-настоящему широкомасштабный эксперимент по управлению населением стран потенциальных и реальных

противников.

Полковник скользнул взглядом по грандиозной карте, светящейся отметками накрываемых излучением площадных целей и точками готовых к нанесению удара объектов мировой сети ХААРП. За десятилетия, прошедшие с начала реализации этой сверхсекретной программы, была проделана колоссальная работа. В обстановке строжайшей конспирации, под прикрытием научных исследований и гражданских разработок, сеть удалось растянуть практически по всему миру. Объекты ХААРП стояли на Аляске, в Зоне 51, Лонг-Айленде, Перу, Бразилии, Пуэрто-Рико,

Великобритании, Японии, Китае, Индии, Норвегии и даже в России. А недавно построенный объект на базе США Эксмот в Западной Австралии, жемчужина сети ХААРП, превышает мощность объекта на базе Гакона почти вдвое. До сегодняшнего дня все они работали на пониженных мощностях, выполняя отдельные эксперименты, ставящие целью изучение сложнейшей мозаики механизмов, воздействующих на множество физических процессов. Как-то: поиск объектов глубокого и сверхглубокого залегания, в том числе секретных бункеров противника, подводных лодок, неразведанных запасов нефти;

увеличение дальности и качества связи, усовершенствование технологии «загоризонтных» радаров, получение возможности блокировать работу электронных систем на вражеских территориях, размерами сопоставимых с половиной континента; управляемого изменения климата, провоцирования в нужных точках схода исполинских лавин, землетрясений, цунами, наращивание и истончение озонового слоя над союзным или враждебным государством; воздействие на психику многотысячных толп и изучение довольно странных побочных эффектов этого облучения, и много

чего ещё.

Но сегодня произойдет первое сложение элементов мозаики в единую картину. Сразу несколько крупнейших мегаполисов потенциальных противников подвергнутся воздействию, которое спровоцирует массовые и предельно агрессивные беспорядки. Для увеличения эффекта в нужных районах будет блокирована беспроводная связь, а в некоторых местах полностью выйдут из строя электроприборы. Посмотрим, насколько оперативно и действительно противники отреагируют на кровавые бунты собственного населения, что вспыхнут через

несколько минут совершенно неожиданно, без каких-либо поводов и предпосылок. Несколько подземных толчков в нужных местах, ураганные ветра и ливневые дожди довершат картину «внезапных» катаклизмов. Трех-четыре суток хорошей встряски будет вполне достаточно для первого раза, как в случае со всем известным ураганом, очень своевременно изменившим расклад сил на позапрошлых выборах. Позже ученые привычно обвинят во всем солнечные вспышки, геомагнитные бури и прочие парады планет. Зато если эксперимент пройдет удачно и докажет свою полную эффективность, можно

смело предсказать, что не пройдет и двух лет, как американская демократия уверенно распространится по всему миру. Политические режимы противников США быстро рухнут, потонув в разрухе, хаосе и кровавой агрессивности собственных народов. Опять же, успокоить возбужденные толпы будет делом элементарным — изменение параметров накачки можно произвести в течение считанных минут. В крайнем случае можно организовать тропический ураган. Когда ветер переворачивает пикапы, а вода в городах доходит до второго этажа, всем быстро станет не до восстаний. Все будут сидеть на

крышах зданий очень смирно. И ждать дядюшку Сэма, единственную надежду на спасение. Впрочем, это уже тема отдельного эксперимента.

— Сэр, у нас всё готово к началу! — доложил командующему начальник Центра военно-космических технологий ВВС. — Получены доклады с объектов! Все системы в норме, сеть работает согласно заданным характеристикам! Ждем вашей команды!

— Связь с президентом! — потребовал командующий. Ему немедленно подали трубку правительственной связи. Генерал несколько секунд молчал, после чего произнес: — Господин президент?

Мы начинаем! – Он выслушал короткую фразу. – Спасибо, сэр! – Командующий положил трубку и торжественно произнес, обращаясь сразу ко всем: – Мы верим в господа нашего, а господь наш верит в Америку! С божией помощью начинаем! Запустить обратный отсчет!

Старший диспетчер базы выпрямился в кресле, из-за чего его немного сутулое тело на пару секунд стало выше ростом на пару дюймов, после чего наклонился к микрофону, вновь ссутулившись, и коснулся сенсора исходящей связи:

– Внимание! – произнес он в эфир. – Это «Большой папочка»!

Объявляю готовность в две минуты!
Начинаю отсчет! Одна пятьдесят
восемь! Одна пятьдесят семь! Одна
пятьдесят шесть...

— Эй ты, баран!!! — Усталый
дальнобойщик одновременно выжал
педаль тормоза и клавишу
клаксона. — Смотри, куда прёшь,
скотина тупая!!! Наворовали бабла у
народа на дорогие тачки, теперь
проехать невозможно! Козёл!!!

Из окна черного «БМВ», нагло
вклинивающегося между огромной
фурой и еле плетущейся впереди
сквозь бесконечную московскую
пробку легковушкой, высунулся
бородатый кавказец. Он сложил

пальцы левой руки в красноречивом жесте и ткнул им в сторону кабины грузовика, что-то злобно бормоча.

— Гнида черножопая! —

взъярился дальнобойщик. —

Понабежали со своих вонючих гор, словно тараканы, житья от вас нет! —

Он опустил стекло и заорал бородатому: — Да пошел ты!..

— Что ты сказал, ишак?! —

Мгновенно взбесившийся кавказец выскочил из машины и бросился к фуре. — Я твой нюх топтал, лошара, давай, выходи, поговорим, как мужчины!

— Сейчас я с тобой поговорю, мразота! — пообещал дальнобойщик, нащупывая под сиденьем

монтажку. – Мало не покажется! – Он пинком открыл дверь и выпрыгнул из кабины.

Замерший на парализованном многокилометровой пробкой МКАДе поток машин уже надрывался сигналами клаксонов. Остановившаяся фура окончательно убила и без того почти мертвое движение, и донельзя взвинченные водители теряли последние остатки терпения. Отовсюду звучали взбешенные крики и трехэтажная ругань.

– Слышь ты, урод, куда вылез?!! – орал дальнобойщику кто-то из остановившейся позади машины. – Ты, чё, один на дороге?!

Залезь обратно, кретин, и убирай отсюда нафиг свою гробовозку!

— Завали хайло, дебил! — с ненавистью окрысился на него дальнобойщик. — Я никуда не тороплюсь! — он ткнул монтировкой вперед, на уходящую вдаль многокилометровую пробку. — Не трамвай, пообедешь, если захочешь! Понял, козлина?!!

— Ты кого козлом назвал, носорог недоделанный?! — взревел водитель и полез из машины, но дальнобойщик уже не обращал на него внимания.

Он обошел кабину своей фуры и, отведя назад сжимающую монтировку руку, двинулся на

кавказца:

— Ну что, настоящий мужчина, — угрожающе прошипел он, брызгая слюной, — кого ты там топтал, гомик черножопый?!

Рука кавказца рванулась к карману, вытаскивая пистолет, и дальнобойщик ринулся к врагу, пытаясь успеть добраться до него прежде, чем тот успеет выстрелить. Взмах монтировкой и выстрел произошли одновременно, и десятки пар глаз устремили свои взоры на разворачивающуюся трагедию. Стальной заостренный крюк монтировки проломил кавказцу голову, тот осел на дверь своей машины и сполз на асфальт,

обливаясь кровью. Дальнобойщик, зажав рукой простреленную грудь, медленно переступил ногами, пытаясь облокотиться на кабину фуры. В следующую секунду позади него возник человек с телескопической дубинкой в руках. Он с размаху ударил дальнобойщика по затылку, сбивая с ног, и принялся с остервенением избивать лежащего.

— Это тебе за козла, урод! И за дебила! — наотмашь орудовал дубинкой пылающий яростью водитель.

— Ты что, сука, своих бьешь?! — заорали позади. — Со зверьем снюхался, падла!

Он резко обернулся, заносся

дубинку для удара, но не успел. Вышедший из ближайшего застывшего в пробке автомобиля мужчина с перекошенным ненавистью лицом разрядил ему в голову всю обойму травматического пистолета. Водитель выронил дубинку, хватаясь за разбитое пулями лицо, и повалился наземь рядом с лежащим в растекающейся луже крови трупом дальнобойщика.

— Вы чего творите, недоноски?! — орал кто-то ещё. — Совсем отупели, дебилы?!

— Заткни хлебало, чмо!!! — зарычал мужчина, тыкая в возмущающегося разряженным пистолетом.

– Засунь его себе в зад, дебил! –
оскалился тот. – Думаешь, у тебя
одного ствол есть?

Мужчина, исторгая поток
ругательств, бросился на обидчика и
с размаху разбил рукояткой
пистолета приоткрытое стекло
водительской двери, пытаясь
дотянуться до сидящего в салоне
человека. Изнутри загрохотали
выстрелы, со всех сторон к месту
событий уже бежали вооруженные
кто чем люди.

В трехстах метрах дальше по
МКАД, на посту ДПС, облаченный в
полицейскую униформу человек с
погонами майора надрывно кричал в
рацию.

– ...Повторяю! У меня массовые беспорядки! Движение парализовано! Повсюду массовые драки с применением холодного и травматического оружия! Эти дебилы крушат машины и режут друг друга! Тут безумие какое-то! Срочно нужна помощь, ОМОН, спецназ, ВДВ, я не знаю, что угодно!!! Как слышите меня?! Прием! Прием!

Эфир шипел и трещал, наводненный помехами, выдавая вместо ответа лишь громкий скрежет.

– Я сказал, прием, вашу мать!!! – заорал майор и с размаху запустил рацией в ближайшую стену. – Тупые козлы! Ненавижу! Сидят на жирных

задах в теплых кабинетах, а нам тут кровью захлебываться?! – Он рванул валяющийся на письменном столе короткоствольный автомат и в бешенстве выпустил очередь по мониторам дорожных видеокамер.

– Андрюха, ты что творишь, придурок?! – вбежал в помещение полицейский с оружием в руках. – Это же мониторы! Тут же камеры повсюду, начальство с дерьмом сожрет!

– Заткнись, баран! – огрызнулся майор, тыкая рукой в окно. – Вон туда смотри! Мониторы он пожалел, мля!

За окном, посреди забитой машинами МКАД, бесновалась

обезумевшая от ярости
многотысячная толпа. Группы людей
переворачивали легковушки, били
стекла грузовикам, сходились друг с
другом в остервенелых драках,
нанося удары ножами, битами,
монтировками, баллонными
ключами и всем, что попадалось под
руку. С разных сторон гремели
выстрелы, раздавались крики боли и
многоголосый рев, кипящий
бешенством. Десятка три
разъяренных водителей набросились
на двоих инспекторов ДПС,
дежуривших у входа на пост, и
принялись безжалостно избивать
полицейских ногами. Из здания
поста выскочил кто-то из

сотрудников полиции и тут же открыл огонь из автомата, поливая потерявших рассудок от бешенства людей свинцом и матом. Несколько человек рухнули, обливаясь кровью, остальные бросились на стреляющего, игнорируя инстинкт самосохранения.

— Менты — людей расстреливают!!! — истошно завопил кто-то из крупной группы разномастно одетых автолюбителей, молотящей чем попало по кабине бензовоза. — Бей козлов!!!

Толпа дико и кровожадно взревела, и не меньше сотни людей со всех сторон бросились к посту ДПС. Полицейского с автоматом

сбили с ног и в считанные секунды затоптали насмерть. Оставшиеся на посту сотрудники полиции успели запереть входную дверь, но кипящая бешенством толпа не успокоилась и принялась взламывать дверные створы.

– Бензин давайте!!! – срываясь на безумный визг, орала женщина в норковом полушубке, заляпанном пятнами свежей крови. – Зажарим гадов! Мужики! Вскрывают бензовоз!

– Всех завалю, ублюдки!!! – хрипел со второго этажа поста ДПС майор, плюясь брызгами белой пены. Он вскинул автомат и дал по толпе длинную очередь прямо через

стекло, не переставая изрыгать ругательства. Его сослуживец стоял рядом, безумно вращая глазами, и вел огонь по бесчинствующей человеческой массе, целясь сразу во всех, от ближайших до самых дальних.

У бензовоза уже возникла давка, бензин лился прямо на асфальт кольцевой дороги, и люди набирали его в ведра, пластиковые бутылки и емкости из-под омывателя ветровых стекол. Кто-то чиркал зажигалкой, кто-то доставал спички.

— Убери огонь, недоносок! — орали откуда-то сзади. — Взорвется всё, идиот!

— Пошел ты, гомик! — ответили

ему, и возле бензовоза мгновенно вспыхнула ещё одна драка, в которую быстро вступали всё новые и новые люди.

В рвущей друг друга на куски толпе что-то вспыхнуло, по залитому бензином асфальту побежал огонь, и спустя несколько секунд языки пламени заплясали на бочке бензовоза. Грянул оглушительный взрыв, расшвыривая вокруг людей и фонтан пылающих брызг, и в майское небо взвился огромный огненный столб. Многотысячная масса озверевших бесчинствующих людей, забившая собой МКАД, не обратила на это никакого внимания. Люди яростно били, топтали, резали и

рвали друг друга на куски, сбившись в стихийно образовавшиеся группы. Самолеты, падающие с неба с отказавшими двигателями, толпа провожала полными мстительной злобы взглядами и издевательским хохотом.

Операторы аппаратуры секретной связи вывели на экраны очередную порцию свежих данных, и обозначенные на карте мира зоны целевого воздействия несколько раз мигнули подсветкой, подтверждая обновление информации. Полковник внимательно ознакомился с высыпавшими на экраны строками докладов и удовлетворенно

улыбнулся. Эксперимент едва начался, но уже дал поразительные результаты, превзошедшие все ожидания.

— Текущее время эксперимента четыре часа тридцать минут! — прозвучал общий доклад старшего диспетчера. — Все системы функционируют стабильно, мы абсолютно контролируем накачку. Сеть готова к запуску третьей фазы!

Действительно, ХААРП сработал безупречно. Москва, Санкт-Петербург, Минск, Киев, Каир, Пекин, Дели, Пхеньян, Каракас и двадцать других городов-целей, расположенных на территориях явных и тайных врагов Соединенных

Штатов, утопали в хаосе в буквальном смысле этого слова. Данные со спутников и доклады резидентуры с пометкой «сверхсрочно» красноречиво доказывали полную эффективность эксперимента. Противники США полностью потеряли контроль над своими столицами, охваченными народными бунтами. На улицах полыхали пожары, кипела кровавая резня, воздействию излучения подверглись все без исключения, как обыватели, так и сотрудники силовых ведомств. Для усиления эффекта сеть ХААРП блокировала над целевыми объектами радиосвязь и сделала невозможным всякое воздушное

движение. Сейчас на Солнце наблюдаются гипервспышки и прочая электро-магнитно-астрально-аномальная активность, позже яйцеголовые с удовольствием подведут под всё произошедшее научные основания, и журналисты растащат их по всему миру, тщательно смакуя подробности в части, касающейся количества жертв. Эти стервятники ради лишнего доллара превратят любую трагедию в сенсацию, так что в успехе сокрытия истины сомневаться не приходится. Несколько элементарных финансовых и патриотических манипуляций с «лидерами мнений» научного и

журналистского сообществ, и ХААРП останется в стороне, как было всегда в течение всех этих лет.

– Российская агентура сообщает, что президенту русских удалось покинуть Москву. – Уполномоченный офицер ЦРУ положил на стол перед командующим несколько листов бумаги, покрытых скудными строками распечаток. Полковник обернулся к начальству и с интересом посмотрел на документ. Сидящие по обе стороны от командующего начальник Центра космических технологий ВВС и командир базы Гакона, не сговариваясь, перевели взгляды на уполномоченного представителя

ЦРУ.

— По данным резидентуры, его отъезд более походил на прорыв, — продолжил тот, — и сопровождался серьезным количеством убитых и раненых как со стороны охраны, так и со стороны бунтующего населения. В настоящее время Кремль захвачен разъяренной толпой, есть данные о жестоких убийствах некоторых членов правительства. Более точную информацию мы ожидаем через два часа. Президенту Белоруссии не удалось вырваться из своей резиденции, согласно последней оперативной информации, его охрана ведет бой, пока ей удастся сдерживать бунтовщиков. Ситуация

внутри других целевых объектов, подвергнувшихся облучению, в целом схожая, вы можете ознакомиться с нашей сводкой. К сожалению, сбор информации существенно затруднен, наша агентура, оказавшаяся в зоне воздействия, вышла из-под контроля, поэтому нам приходится делать ставку на спутники и сбор сведений в граничащих с зонами эксперимента районах, куда выходят многочисленные группы беженцев.

— Они жгут собственные города! — довольно констатировал командующий, один за другим просматривая аналитику ЦРУ. — Полиция и армия не только утратили лояльность правительствам, но

являются одними из основных участников вооруженных столкновений. Превосходно! Я позволю себе сделать смелое заявление: не пройдет и трех лет, как планета будет полностью под нашим контролем. Джентльмены, сегодня великий день! Подобно отцам-основателям США, мы закладываем фундамент нового мира!

— Мы считаем текущий момент идеальным временем для запуска третьей фазы эксперимента, — сообщил начальник Центра космических технологий ВВС. — Лесные пожары и резкое увеличение температуры воздуха максимально усилят эффект воздействия.

Задымленность, аномальная жара либо оба этих фактора, вместе взятые, умножат хаос и вызовут проблемы с питьевой водой и медикаментами, что приведет облученные города противников к фатальным последствиям. Устранить которые удастся далеко не всем. Мы предлагаем начать третью фазу накачки немедленно, сформировать антициклоны необходимой направленности над целями и удерживать их до тех пор, пока спецспутники на орбите будут в состоянии справляться с нагрузкой. Согласно нашим подсчетам, это период от двух до четырех месяцев.

— Начинайте! — отдал приказ

командующий. — Практика лесных пожаров и создания над территорией противника областей с аномальной температурой всегда оправдывала себя и не раз доказывала свою эффективность. На этот раз её воздействие окажется ещё более значительным, последние годы ВТО действовало очень эффективно, и основные мировые поставки пресной воды и медикаментов сосредоточены в наших руках. Арабы прибегут к нам на поклон очень быстро, и цветные либо последуют их примеру, либо утонут в снегу посреди июня! Впрочем, с Восточной Европой придется повозиться несколько дольше.

Запустить третью фазу!

— Внимание! Это «Большой папочка»! — зазвучал голос старшего диспетчера. — Начинаем запуск третьей фазы! Даю отсчет! Одна минута до запуска! Пятьдесят восемь секунд! Пятьдесят семь...

Полковник позволил себе сдержанную удовлетворенную улыбку. Значит, он был прав — этот эксперимент выходит далеко за рамки одной лишь сети ХААРП, и в его подготовке принимали участие все спецслужбы США и союзников. Это, бесспорно, приятно. Как и то, что его имя в числе прочих патриотов Соединенных Штатов после этого эксперимента будет вписано в

историю золотыми буквами. Он многое сделал для того, чтобы сегодняшний день принес свои великие плоды. Кстати, о безопасности. Кто-то из научного персонала с тревожным выражением лица спешил к командующему между длинных верениц рабочих мест операторов, густо напичканных электроникой. Полковник мгновенно напрягся и поднялся со своего кресла. Двое морпехов из числа охраны центра управления, заметив его реакцию, немедленно направились к нему.

— Господин командующий, сэр! — Тщедушный очкарик вне всякой субординации встрял в беседу

высшего руководства. – Мы не можем начинать третью фазу! Накачка ведется слишком агрессивно! Столь мощное вмешательство в естественное состояние ионосферы планеты никогда ранее не проводилось, его последствия могут оказаться непредсказуемы!

Полковник криво усмехнулся. Похоже, болезнь майора Райли заразнее, чем он предполагал.

– Доктор Ван Литтен! – Он в два шага приблизился к очкарику и крепко взял его за локоть. – Вы нарушаете субординацию, а также приказ о проведении эксперимента, под которым вы, напоминая, ставили свою подпись.

— К дьяволу подпись, полковник! — неожиданно дерзко огрызнулся тщедушный сморчок от науки. — Мы рискуем планетой! Сеть ХААРП пятый час проводит накачку огромной мощности! Инициация третьей фазы выведет наше воздействие на максимум! Никто не знает, чем всё это может закончиться!

— Я не претендую на ученую степень, доктор, — усмехнулся полковник, — но разве эксперименты не для того и существуют, чтобы выяснять неизвестное?

— Это вам не игрушки! — все сильнее распалялся Ван Литтен. — Вы забавляетесь с целой планетой,

ни много ни мало! Это будет
пострашнее ядерной бомбы!

— Джентльмены! — вмешался
командующий. — Здесь не
дискуссионный клуб! Были
проделаны тысячи расчетов,
составлены сотни прогнозов, и все
они дали благоприятные результаты!
Выясняйте свои научные позиции
вне командного центра! — Он едва
заметно кивнул полковнику и
перевел взгляд на ученого: —
Сегодняшний эксперимент играет
решающую роль в судьбе планеты,
это вы заметили верно, доктор. И он
обошелся американским
налогоплательщикам в миллиарды
долларов! Сорвать его в угоду

популизму и мелким разногласиям – преступление не только перед Соединенными Штатами, но и перед самой демократией, торжество которой во всем мире мы с вами сегодня приближаем! А сейчас прошу меня извинить, я должен командовать экспериментом.

Командующий потерял интерес к Ван Литтену и о чем-то тихо заговорил с начальником ЦКС ВВС США.

– Но, господин генерал, сэр! – растерянно возразил очкарик. – Вы не понимаете! Это...

– Это вы не понимаете, доктор! – перебил его полковник, подавая знак морпехам. – Никто не

позволит вам ни саботировать, ни тем более сорвать величайший эксперимент в области военной науки. Увести!

Морпехи синхронным движением схватили ученого под руки и вынесли из зала, словно тот был невесомой тряпичной куклой. Ван Литтен беспомощно бултыхался в их железной хватке, пытаясь что-то объяснить, но его никто не слушал. Вскоре стальные створы входных дверей сомкнулись за верещащим предостережения доктором, обрывая поток его слов.

— ... Одиннадцать секунд! — Полковник прислушался к голосу диспетчера. — Десять! Девять!..

Он вернулся к своему креслу, но садиться не стал. Вместо этого полковник обвел пристальным взглядом сверкающее дисплеями и индикаторами помещение зала управления, заполненное операторами, научными специалистами, диспетчерами, экспертами и прочим личным составом, напряженно работающим во благо эксперимента. День сегодня действительно выдался непростой. Несмотря на все старания, без эксцессов не обошлось, зря командование не прислушалось к его рапортам с требованиями отстранить от участия в проекте майора Райли ещё два месяца назад. И хоть

контроль над ситуацией полковник не утратил ни на секунду, расслабляться не стоило. Однако демарш доктора Ван Литтена никто не поддержал, и атмосфера вокруг хоть и оставалась напряженной, но при этом была весьма патриотичной. Если кто-то и проводил взглядом недовольного доктора наук, то это был осуждающий взгляд.

— ...Два! Один! Запуск! — провозгласил диспетчер, и суэта операторов за рабочими местами усилилась. Спустя секунду посыпались доклады.

— Выход на полную мощность! — сообщил кто-то из диспетчеров. — Успешно!

– Получаю данные с других объектов сети! – вторили ему из противоположной части зала. – Сеть работает синхронно! Отклонения в пределах допустимых значений!

– Спецспутники он-лайн! – заявил один из операторов. – Фиксирую зарождение антициклонов! Связь с метеостанциями! Успешно! Подтверждение получено!

– Плазмоиды над Московским регионом готовы к сбросу энергии! – выкрикнул кто-то из экспертов. – Сброс! «Дождевой эффект» состоялся! Мы сделали это!

– Получаю данные с орбиты! – тут же подхватил кто-то из

диспетчеров. — Фиксирую возгорания
лесных массивов в области цели!
Переходим к следующей зоне!

— Отличная работа,
джентльмены! — похвалил
командующий, и полковник,
наконец, позволил себе опуститься в
кресло. Третья фаза началась
успешно. Термин «дождевой эффект»
на языке эксперимента означал
успешное возникновение разрядов
гигантских супермолний, что
единовременно и одномоментно
ударяют из ионосферы и мгновенно
поджигают лесные массивы, вызывая
пожары на значительной площади.
Через несколько часов в целевых
районах атмосферы сформируются

мощные антициклоны, поползет
вверх температура воздуха, дымом от
горящих лесов затянет города,
охваченные всплеском насилия,
словом, враги получают хаос высшего
качества. Конечно, пока это
происходит только в крупных
политических и промышленных
центрах, но тут главное – начать. Ещё
несколько уточняющих
экспериментов, и от объединенной
сети ХААРП не скроется ни один
враг демократии, недаром
совокупные возможности сети
позволяют накрывать излучением
едва ли не целые полушария
планеты.

Командир БТР открыл крышку люка, и теплый майский ветер принес в душную стальную коробку бронетранспортера душистый запах леса. Наводчик-оператор сделал глубокий вдох и потянулся на сиденье, хрустя затекшими суставами.

— Сержант, сэр! — Престону опять не сиделось. — Как долго нам ещё находиться на одном месте, сэр? Мы уже шесть часов не двигаемся, и в эфире тишина. Вы уверены, что на базе всё в порядке?

— Абсолютно, рядовой! — загоготал сержант. — Если бы что-то пошло не так, ты бы это сразу понял! Два года назад от сильных перепадов

температур у одной из излучающих антенн ослабла растяжка, и направление её воздействия, или как там правильно это называется, изменилось. Так на нас выпал дождь из дохлых птиц! Оказывается, где-то наверху как раз пролетала стая! Антенну отключили и выслали к ней ремонтников, так у них на джипе сгорел соленоид, пришлось пешком идти. Толстый Боб изрядно струхнул тогда, все боялся, что у него во рту расплавятся платиновые коронки!

— А такое возможно?! — удивился Престон, переводя недоуменный взгляд с сержанта на Фостера.

— Конечно нет, — лениво процедил наводчик. — Это дежурная

хохма в ремонтном отделе. Толстого Боба вечно подначивают из-за его платиновых зубных протезов, мотивируя это тем, что, мол, недаром на нашу базу не берут гражданских ученых, если у них установлены кардиостимуляторы. У Боба мозгов не много, и он принимает за чистую монету страшную связь между кардиостимуляторами и зубными протезами. Так что сиди спокойно, рядовой, всё под контролем.

— И обед сухим пайком нам компенсируют начислением бонуса к зарплате, что лично меня вдохновляет! — снова заржал сержант. — А режим радиомолчания во время эксперимента — дело святое,

таковы требования безопасности, чтобы не привлекать внимания станций радиоперехвата противника. Раз в полчаса проводится обмен докладами, этого вполне достаточно, чтобы спокойно дожждаться смены. Тебе что, скучно, рядовой?

— Есть такое дело, сэр! — подтвердил Престон. — Засиделся без движения! Виноват, сэр!

— Привыкнешь, — ободрил его сержант. — Мы все тут поначалу зады себе отсиживали о сиденья, а потом — ничего, притерлись. Я разрешаю тебе открыть люк и осмотреть окрестности методом визуального наблюдения, рядовой, это позволит тебе немного размяться. БТР не

покидать! Повертел головой из люка, и обратно за штурвал! Если начальство заметит, нам задницу надерут так, что мало не покажется!

— Я понял, сэр! — кивнул механик-водитель. — Я только вытянусь в полный рост и всё, сэр! Спасибо, сэр!

Он распахнул люк и встал на ноги, высовываясь наружу. Фостер негромко хмыкнул. Кто только догадался определить почти двухметрового Престона в механики-водители? Парень сидит, скрючившись в три погибели. Его место в охране командного центра, а не в утлом БТР. Если там, наверху, кто-то не зря получает зарплату, то

надолго этот парень в их экипаже не задержится.

— Красота-то какая! — романтично протянул наполовину скрывшийся в люке Престон. — Никогда раньше мне не доводилось видеть такого!

— В ваших краях нет леса, рядовой? — иронично усмехнулся сержант. — Ты что, из Техаса или из пустыни Мохаве, где никто не видел много больших деревьев в одном месте?

— Я про северное сияние, сэр! — отрапортовал тот. — Я из Вирджинии, сэр! В наших краях его не бывает! Всегда мечтал посмотреть на это своими глазами!

– Северное сияние, Престон? – поднял брови наводчик-оператор, потянувшись к перископу.

– Да, капрал! – подтвердил механик-водитель. – Прямо над нами! Во всё небо! Так и полыхает, словно сам господь улыбается мне!

– И действительно, – протянул наводчик, поднимая обзор на максимально доступную высоту. – Очень обширное и яркое, определенно, это самое сильное сияние из тех, что мне доводилось видеть! Могу поклясться, минуту назад его не было!

– Стоит доложить на базу, – решил сержант и вышел в эфир: – «Большой папочка», это

«Фокстрот-4»! Нахожусь в контрольной точке «Чарли-15», наблюдаю северное сияние! Прием!

— Вас слышу, «Фокстрот-4»! — откликнулась база. — Повторите, что вы видите?

— Северное сияние, сэр! — Сержант задрал голову и рассматривал полыхающее яркими вспышками небо через открытый люк бронетранспортера. — Очень обширное и очень интенсивное! От горизонта до горизонта, сэр!

— «Большой папочка», это «Фокстрот-8»! — вклинился в эфир голос командира другого патруля. — Подтверждаю, сэр! Северное сияние в небе над базой! Оно огромное, сэр,

тут всё так и сверкает, сэр!

— Это «Янки-7»! Мы тоже видим это, сэр! Особенно с северной стороны, очень яркие вспы... — В эфире раздался тихий свист, быстро нарастая, и доклад «Янки-7» потонул в оглушительном писке рации. Экипаж БТР схватился за уши, инстинктивно пытаюсь отключить рвущую в куски барабанные перепонки рацию. Свист, режущий уши, словно ножом, не пропадал.

— Черт! — Сержант, кривясь от боли, сорвал с себя шлемофон, и тут же натянул его обратно. — Звук идет снаружи! Закройте люки!

Экипаж судорожно захлопнул люки,
запечатывая

бронетранспортер, но раздирающий на части мозг свист быстро усиливался, сотрясая боевую машину мелкой дрожью. На приборной панели вспыхнул красным огнем индикатор шумомера, показывая отметку в сто шестьдесят децибел, и наводчик-оператор, хрипя от боли, почувствовал щелчок в носу. На комбинезон хлынула тонкая струйка крови.

— Бежим... — прохрипел сержант, сверкая белками закатившихся глаз, и рванулся к люку, пытаясь выбраться наружу. В следующий миг громкость свиста резко скакнула вверх, шумомер полыхнул цифрой «213», и экипаж БТР зашелся в беззвучном

крике, содрогаясь в смертельной агонии.

— Текущее время эксперимента шесть часов семь секунд! — оповестил зал управления старший диспетчер, и полковник посмотрел на пустую чашку из-под кофе, стоящую на краю стола.

Желудок понемногу начинал требовать обеда, и он прикинул, насколько с его стороны будет уместно покинуть помещение командного центра и подняться на уровень выше, в столовую. С одной стороны, он свою работу сделал, и дальнейшее присутствие здесь является сугубо номинальным

занятием. С другой, – покидать зал управления раньше командующего ради приема пищи есть решение не вполне удачное. Да и разглядывать снимки с орбиты, фиксирующие полыхающие пожарами леса и торфяники русских, было приятно и довольно увлекательно. Не говоря уже о ежечасных сводках ЦРУ, сообщающих о кровавых массовых беспорядках, бушующих в городах-целях. Там хаос перешел все мыслимые и немыслимые пределы. Похоже, командующий и прочие высшие офицеры также увлеклись результатами, в связи с чем обед, четко предусмотренный план-графиком эксперимента,

откладывался на полчаса уже дважды.

— Текущая разведсводка, господин генерал! — Перед командующим вновь появился представитель ЦРУ, и все, кто оказался неподалеку, обратились в слух.

Генерал быстро просмотрел свежие распечатки, короткими фразами комментируя полученную информацию. На его губах блуждала довольная усмешка, не обещающая врагам США ничего хорошего.

— В Каире толпа взяла штурмом резиденцию президента... На улицах Картахены идут бои с применением танков и тяжелых орудий... Дели

охвачен пожарами, касты
безжалостно режут друг друга,
правительство покинуло столицу... В
России горят леса и торфяные
болота, внезапно усилившиеся ветра
гонят ядовитый дым на крупные
города, Сибирь задыхается... Всякие
контакты с Москвой потеряны,
очевидцы сообщают о жестоких
уличных боях и десятках тысяч
убитых и раненых. В Санкт-
Петербурге разъяренная толпа
линчует сотрудников консульств
иностранных государств, повсюду
идут бои между представителями
этнических группировок... К Минску
со всех сторон подтягиваются
бронетанковые подразделения... —

Генерал оторвался от документов и обратился к собравшимся офицерам: – Превосходно, джентльмены! Наши враги запомнят этот день и последующие трое суток надолго!

Он победно расправил плечи и посмотрел на командира базы:

– Теперь мы можем с чистым сердцем сделать перерыв на прием пищи. Надеюсь, у вас достаточно специалистов, чтобы обеспечить безукоризненное течение эксперимента и при этом накормить всех людей?

– Точно так, сэр! – вытянулся по струнке командир базы. – Мы готовы работать в три смены, сэр! Весь личный состав получит полноценное

питание и сон! Патрули на поверхности снабжены сухим пайком и будут поощрены...

— Генерал, сэр! — Громкая связь ожила голосом старшего диспетчера. — Находящийся на поверхности патруль сообщает об обширном северном сиянии в небе над базой! Подключаю частоту охраны! — Динамики чем-то щелкнули, и диспетчер продолжил: — Вас слышу, «Фокстрот-4»! Повторите, что вы видите?

— Северное сияние, сэр! — сообщили ему в ответ сквозь довольно сильный треск помех. — Очень обширное и очень интенсивное! От горизонта до

горизонта, сэр!

— «Большой папочка», это «Фокстрот-8»! — присоединился ещё один далекий голос. — Подтверждаю, сэр! Северное сияние в небе над базой! Оно огромное, сэр, тут всё так и сверкает, сэр!

— Это «Янки-7»! — Полковник поднял брови. Это же его люди, охрана на поверхности, та, что контролирует внешний вход в командный центр базы. — Мы тоже видим это, сэр! Особенно с северной стороны! Очень яркие вспышки...

В эфире внезапно раздался оглушительный ультразвуковой писк, и операторы, не сговариваясь, сорвали с себя наушники. Люди

вскрикивали и чертыхались, потирая саднящие болью уши. Диспетчер спешно отключил громкую связь, и крайне болезненный звук исчез. Командующий открыл было рот, собираясь задать вопрос начальнику ЦКС ВВС, но доклад одного из экспертов его опередил:

— Антенное поле базы издает ультразвуковые колебания силой свыше двухсот тридцати децибел! Аппаратура контроля выходит из строя! Связь с наземными постами потеряна!

— Срочно эвакуировать весь наземный персонал! — подскочил командир базы. — Всем патрулям немедленно вернуться в ангары и

спуститься в бункер! Полковник...

— Ионосфера в областях воздействия меняет свойства! — испуганно сообщил кто-то из операторов эксперимента. — Плазмойды не реагируют на изменение параметров накачки! Мы теряем контроль!

— Фиксирую расслоение звуковой волны на поверхности! — громко заговорил уткнувшийся в усыпанный красными строками монитор оператор. — Рядом с нами формируется мощный источник инфразвука! Мы в эпицентре колебаний!

— Нестандартная реакция в ионосфере!!! — паническим

фальцетом завопил научный специалист, лихорадочно вбивая пальцы в клавиатуру компьютерного терминала. — Характеристики полей самопроизвольно меняются! Над нами образовывается цепная реакция...

Мощный толчок, сотрясший бункер, заглушил его слова. Помещение тряхнуло с такой силой, что по стенам и переборкам с громким хрустом поползли трещины. Пол мелко задрожал под ногами, и нечто тяжелое и липкое тихо и надрывно загудело на пределе слышимости, отдаваясь леденящим холодом в каждой клетке тела.

— Землетрясение! — вопил

учёный. — Сила инфразвука двенадцать децибел! Она падает! Отмените эксперимент, сейчас же!!! Мы все умрем!!!

Командующий, вцепившийся в стол, вскочил с трясущегося кресла и срывающимся от страха голосом закричал:

— Прекратить эксперимент! Обесточить антенные поля! — Новый подземный толчок сбил стоящих людей с ног. С операторских мест падали мониторы, центральный экран с треском раскололся надвое, брызжа искрами и сверкающими в их отблесках осколками, бункер ходил ходуном. — Отключить центральное питание!!! — верещал генерал,

пытаясь подняться. – Отключайте!!!
Отключайте!!!

– Отключаю – не
отключается!!! – истошно вопили в
ответ. – Сеть не реагирует на
команды!!!

Полковник вскочил и бросился к
командующему, спеша эвакуировать
его из опасной зоны, как вдруг
приступ животного ужаса
раскаленным обручем сдавил
стремительно тонущее в
первобытных инстинктах сознание.
Он изо всех сил рванулся к выходу,
сбивая попадающихся на пути
мечущихся людей, вопящих от страха,
и в этот миг бункер сотряс
следующий удар. Сверху посыпались

обломки потолочных перекрытий, и электропитание вырубилось, погружая всё вокруг в темноту, разрываемую многоголосыми криками боли и панического ужаса. Спустя пару секунд тускло вспыхнуло аварийное освещение, но его лампы тут же начали лопаться одна за другой, возвращая во мрак бьющихся в предсмертной агонии людей, корчащихся на захламленном полу. На фоне тяжелых глухих вибраций, разрывающих внутренние органы, звуки взрывающихся генераторов, искрящих аварийных энергоёмкостей бесперебойного питания и рушащихся перекрытий были не слышны, и хрипы и стоны

умирающих сливались воедино с всепоглощающим гулом. Над всем этим безумием разгулявшейся смерти одиноко возвышался монитор системы экстренного оповещения, чудом удержавшийся на треснувшей пополам стене. На его дисплее меланхолично мигала надпись, заключенная между двумя кроваво-красными восклицательными знаками: «Внимание! Смертельная опасность! Сила инфразвука 7 децибел! Всему персоналу срочно покинуть зал управления!»

Западная Австралия, база вооруженных сил США Эксмот, объект сети ХААРП, 27 мая 2017

года, 09 часов 11 минут, время местное.

— Господин бригадный генерал, сэр! — в голосе оператора звучал неприкрытый страх. — Мы потеряли связь с объектом на Аляске! Не отвечает ни один канал связи! Такого никогда не было, сэр!

— Связь с объектом «Зона 51» потеряна! — раздался доклад второго офицера. — Не могу восстановить, они там словно исчезли!

В следующую секунду сообщения посыпались со всех постов связи сразу. Операторы докладывали наперебой:

— База в Лонг-Айленде ушла в оф-лайн! Не удастся восстановить

связь!

— Объект в Пуэрто-Рико отключил все каналы связи!

— Связь с объектом в Великобритании прервана без объяснения причин!

— Объект в Индии перестал отвечать на вызовы!

— Объект в Японии недоступен! Связь разорвана!

— Связь с объектом в России потеряна! «Сура» не отвечает на попытки соединения!

Бригадный генерал, командующий базой Эксмот, растерянно глядел на электронную карту мира. Объекты сети ХААРП один за другим разрывали связь без

каких-либо объяснений, что полностью противоречило регламенту эксперимента. И это сейчас, в тот самый момент, когда ионосфера совершенно неожиданно начала менять свои параметры, несмотря на накачку. Главная база ХААРП на Аляске не отвечала на вызовы, в Пентагоне ни черта не понимали, уполномоченный представитель ЦРУ лихорадочно терзал спутниковый телефон, безуспешно пытаясь прояснить ситуацию по своим каналам.

– Сэр! – кто-то из офицеров зала управления вскочил из-за своего рабочего места. – Новостные телеканалы сообщают о новой череде

природных катастроф! Их местоположения совпадают с точками дислокации объектов нашей сети!

Офицер быстро коснулся сенсорной панели своего пульта, и на одном из настенных экранов вспыхнуло изображение гражданского репортера. Надпись внизу изображения гласила: «CNN, экстренный выпуск».

— ... силой девять баллов по шкале Рихтера. Его эпицентр, предположительно, находится в районе небольшого городка Гакона, связь с которым потеряна. Те немногие радиолюбители, кому удалось выйти в эфир, умоляют о

помощи и сообщают о чудовищных разрушениях по всей Аляске. Однако помощь сможет прийти к ним далеко не сразу. Подземные толчки продолжаются, магнитометры сходят с ума, в радиусе пятисот миль отказывает электрооборудование и радиосвязь!

Репортер поднес руку к уху, прислушиваясь к скрытому в ушной раковине телефону, и продолжил:

— Только что нами было получено срочное сообщение! На Лонг-Айленд движется цунами! Высота волны достигает двенадцати метров! Ещё полчаса назад океан в том районе был совершенно спокоен, наиболее вероятно, что это как-то

связано с землетрясением на Аляске!
Даем прямую трансляцию!

Картинка на экране сменилась кадрами, снимаемыми с воздуха. Вертолет кружил над прибрежным городом, смятым в лепешку волной чудовищной силы.

– Мне подсказывают, что с Лонг-Айлендом связаться не удалось! – торопливо сообщал за кадром голос репортера. – Вы видите прямое включение из Норвегии, это небольшой городок Тромсё, он тоже подвергся катастрофическому удару стихии! Гигантская волна буквально смыла город с лица земли! Вспышки на Солнце впервые привели планету к подобному кошмару! Неужели это и

есть тот самый, обещанный
индейцами майя, конец света,
запоздавший на пять лет?!

— Сэр, есть связь с NASA! —
вскинул голову один из операторов. —
Они сообщают чудовищные
известия! В Англии землетрясение,
Японию захлестнуло волной, над
объектом в Индии смерч высотой в
четыре мили!

Внезапно телевизионное
изображение дрогнуло, картинка
пошла рябью, освещение заморгало,
один за другим зазвучали сигналы
системы аварийного оповещения,
сообщая о неполадках и отказах
оборудования. Бригадный генерал
схватил микрофон общей связи и

торопливо произнес:

– Это бригадный генерал Кларк!
Приказываю срочно обесточить базу!
Немедленно обесточить излучатели!
Перевести центр управления на
аварийное питание! Прервать
эксперимент!!!

**США, Вашингтон, округ
Колумбия, президентский бункер
под Белым домом, 4 августа 2018
года, 11 часов 33 минуты, время
местное.**

– Это проверенная
информация? – человек в строгом
костюме отложил в сторону лист
бумаги, густо покрытый печатным
текстом, и посмотрел на сидящих за

круглым столом людей. – Я должен быть абсолютно уверен в том, что иных способов спасти страну не существует! Вы понимаете, что влечет за собой ваш доклад?!

– Абсолютно, господин президент! – подтвердил немолодой мужчина в генеральском мундире. – Мы пересчитали всё трижды. Над этим анализом работали совместно все наши структуры, мы использовали объединенные возможности. Ошибки быть не может. Нас ждёт второй ледниковый период.

– Но ведь после прошлогодних, так называемых «солнечных вспышек», в мире стоит аномальная

жара! — нахмурился тот. —
Африканская погода пришла даже на
Аляску! Откуда должен появиться
холод?

— Всё произойдет именно из-за
этой жары, сэр! — вступил в разговор
седой джентльмен в
безукоризненном костюме. —
Слишком высокие температуры
вызвали ураганное таяние
тысячелетних ледовых шапок на
полюсах. Огромные количества
холодной пресной воды поступают в
мировой океан. Под их воздействием
теплые океанические течения,
формирующие климат на планете,
либо остывают, либо меняют своё
направление. Не пройдет и трех лет,

как Гольфстрим станет холодным. Предлагаемые нами меры позволяют отсрочить этот процесс. Массированное распыление в атмосфере сернистых соединений с целью увеличения плотности отражаемого солнечного излучения и, соответственно, уменьшения поглощаемого, а также хирургически точечное вмешательство в состояние ионосферы при помощи объекта ХААРП...

— Достаточно, профессор! — оборвал докладчика президент. — ХААРПа Америке хватило с лихвой! И не только Америке, если вы не заметили! Мир до сих пор не оправился от прошлогодних

катаклизмов, и всем нам очень повезло, что версию с экстремальными вспышками на Солнце удалось сделать основной причиной всего произошедшего!

— Мне очень жаль, господин Президент, но это единственный выход, — скорбно покачала головой госсекретарь. — Что бы мы ни предприняли, отменить произошедшие с ионосферой изменения мы не в силах. Аномальная жара будет держаться, льды будут таять, теплые течения будут остывать. Нам необходимо выбирать: либо мы сдаемся на милость провидения и принимаем удар судьбы, либо принимаем

решение бороться до конца.

— Сколько у нас есть времени? — хмуро буркнул президент, обводя присутствующих вопросительным взглядом. — Огромную страну не подготовить к вечной мерзлоте за пару лет!

— Если оставить всё, как есть, — вновь заговорил учёный, — то уже следующее лето будет холоднее нынешнего. Это не принесет значительных температурных проблем, но не останется без внимания общественности. Последуют громкие заявления о приближении ледникового периода, которые будут широко растиражированы СМИ. Что, в свою

очередь, вызовет нездоровый ажиотаж, панику, падение фондовых рынков, рост цен на продовольствие, энергоносители и так далее. Но главное, и это же самое неприятное, частный капитал и страны-конкуренты устремятся получить контроль над экваториальными территориями, куда смертельный холод доберется в последнюю очередь. Впрочем, для нас это ничего не меняет. Каждое последующее лето будет приблизительно вдвое холоднее предыдущего, и уже через четыре года плюсовая температура летом будет сохраняться только, как уже было сказано, на экваторе. В наших же широтах вечная зима начнется

уже в 2022 году. Это означает начало мирового обледенения, и, если учесть, что скорость движения ледниковой толщи, согласно нашим прогнозам, будет достигать полутора-двух ярдов в сутки...

— Понятно, — прервал его президент, становясь ещё мрачнее. — За столь короткий срок нам не справиться. Тем более на фоне неизбежно вспыхивающего ажиотажа и борьбы за энергоносители. Что вы предлагаете?

— Мы предлагаем принять меры, — заявил человек в генеральском мундире. — При правильном подходе к проблеме мировое сообщество не будет

сопротивляться распылению в атмосфере реагентов. Плюс ХААРП, один объект, что на базе Эксмот в Австралии, нам удалось сохранить, он не пострадал в прошлогодней катастрофе. С помощью этих и ряда других, менее крупных мер, мы сможем отсрочить наступление похолодания, а главное, всеобщей паники и ажиотажа, по нашим подсчетам, лет на десять. К сожалению, по истечении этого времени обледенение планеты будет сдерживать невозможно, и оно произойдет лавинообразно. Запредельные морозы ударят внезапно и за два года закуют планету в ледяной панцирь почти

полностью. Но к этому времени мы сможем подготовиться к господству холода.

— Правда, необходимо отметить, — подчеркнул учёный, — что некоторые наши аналитики считают, что в случае принятия нами первого сценария США и вся цивилизация неизбежно рухнут в хаос, зато ионосфера планеты имеет шанс самоотрегуливаться и вернуться в прежнее состояние. На это они отводят срок от ста до двухсот лет. В случае принятия нами второго сценария саморегуляция ионосферы может не наступить никогда, зато мы спасаем США. Нам необходимо принять решение,

господин президент. Сегодня.
Времени у нас мало.

Несколько минут президент молчал, обдумывая слова советников, после чего посмотрел на госсекретаря.

— Я хочу посоветоваться с... нашими друзьями, — заявил он. — Что бы мы ни выбрали, без их финансового и политического влияния нам не обойтись. Предлагаю продолжить заседание через час.

— В этом нет смысла, господин президент. — Госсекретарь преданно глядела ему в глаза. — Я уже посоветовалась с ними. Как вы понимаете, я должна была подготовиться к этому заседанию.

– И какова их позиция? – Ни для кого из присутствующих не было секретом, что стоящий сегодня перед президентом выбор есть не более чем фикция. В действительности всё напрямую зависит от мнения тех, кто является истинными хозяевами мировой финансовой и политической системы, так было всегда, и так всегда будет. Но могущественные властители мира не приемлют даже малейшего нарушения собственного инкогнито и потому никогда не нарушают установленных ими же правил. А правила эти гласят, что у электората не должно быть сомнений в дееспособности и

самостоятельности правительства. Так что глава государства давно поднаторел в проведении подобных двусмысленных переговоров. Вот и сейчас он весьма умело скрыл нервозность и блестяще сохранил лицо, задавая этот вопрос настолько безразличным тоном, что непосвященному человеку могло и впрямь показаться, что мнение неких «друзей» несет для президента исключительно информативную составляющую.

— Они за принятие второго сценария, — мягко ответила госсекретарь. — Но конечное решение, разумеется, остается за вами. — В её голосе, как всегда, не

было и тени намека или издевки.

Минут пять президент молчал, углубившись в раздумья, и в зале стояла полная тишина. Присутствующие ожидали решения первого лица государства, заранее известного всем собравшимся. Наконец президент счел паузу выдержанной достаточно и поднял голову, обжигая сидящих за столом полным решительности взглядом.

— Я принимаю решение в пользу будущего Соединенных Штатов! — пылко произнес он. — Как президент, я обязан заботиться в первую очередь о своих согражданах! Они доверили мне свои судьбы, и я не имею права подвести их, ибо отвечаю за них

перед господом и американским народом! Итак, господа, делайте всё ради спасения нашей великой страны и её народа!

— Вы приняли блестящее решение, господин президент! — восхитилась госсекретарь. В её голосе угадывалось не меньше тонны уважения. — Решение, судьбоносное для Соединенных Штатов Америки! Мы всецело поддерживаем вас! Без сомнений, вы — истинный патриот Америки, и избиратели не прогадали, возложив надежды на будущее государства на вас! Каждый из нас гарантирует вам свою абсолютную поддержку!

Она посмотрела на генерала, и

тот протянул президенту объемистую папку с документами.

– Это описание разработанного нами плана по спасению США и список первичных действий, которые необходимо предпринять в максимально кратчайшие сроки. Все необходимые возможности у нас для этого имеются.

Президент раскрыл папку и принялся изучать документы. Спустя минуту на его лице отразилось неподдельное удивление.

– Переселение в Африку?! – Он оторвался от чтения и посмотрел на генерала. – Открыть свободную миграцию из Конго в Соединенные Штаты? Нас захлестнет поток

мигрантов! Вы серьезно?!

— Территориям, на которых ныне располагаются США, осталось существовать не более десяти лет, — напомнил ему генерал. — После чего эти земли неизбежно поглотит холод и идущий за ним мировой ледник. Спасти их невозможно. Так что пусть едут оттуда сюда в погоне за великой американской мечтой. А мы всеми силами поможем им в этом. Чем меньше их останется в Конго, тем проще. Мы даже организуем программу финансирования мигрантов: деньги и вид на жительство в США в обмен на принадлежащие им земли, если таковые находятся в интересующем

нас районе.

— Это обернется колоссальными расходами. — Президент вновь нахмурился. — И почему именно Конго? Их там вроде два, этих Конго? Для проекта «Холод» представляет интерес тот, что громко зовется Демократической республикой, имея при этом крайне смутные понятия о том, что такое демократия?

— Именно так, сэр! — ответил генерал. — Для выживания нам необходимо заполучить узкую полосу экваториальной суши размерами сто пятьдесят на шестьсот пятьдесят, максимум шестьсот восемьдесят километров, удаленную от океанского побережья

не менее чем на триста миль и не имеющую серьезных возвышенностей. Такие места есть только в Бразилии и Африке. Но получить в собственность территорию в сто тысяч квадратных километров внутри Бразилии за столь короткий промежуток времени невозможно. Конго же подходит для нашей программы идеально, обширные территории, широкий перечень полезных ископаемых, включая нефть и уран. Мы приложим максимальные финансовые, политические и экономические усилия и быстро добьемся своих целей. К тому же оборонять африканский анклав будет гораздо

проще, чем бразильский, в отличие от Южной Америки, в той части Африки нет государств ни с серьезной экономикой, ни с серьезной армией. Не говоря уже о том, что катастрофическое похолодание, которое произойдет практически мгновенно, застанет их врасплох. Этому мы также поспособствуем.

— Сто тысяч квадратных километров? — невольно ужаснулся президент. — Так мало? Вы всерьез считаете, что мы сможем переселить туда триста миллионов американских граждан?

— Не считаем, — вмешался вице-президент. — Но данная территория —

это всё, что в наших силах. Именно на такой площади оставшийся в нашем распоряжении объект ХААРП сможет поддерживать плюсовую температуру. Поэтому как такового глобального переселения не будет. В африканском анклавe место найдется только для истинных патриотов США и настоящих друзей нашей великой страны. Случайным людям там делать нечего. Именно они, кстати, и хлынут на территорию той же Бразилии, Эквадора и так далее, когда температура на планете начнет резко падать. Африканскому континенту тоже достанется, но к тому моменту мы будем готовы.

— В таком случае, может, нам

стоит выстроить больше объектов ХААРП? – предложил президент, переводя взгляд на представителя науки. – И мы сможем расширить безопасную территорию?

– Теоретически это может оказаться возможным, – ответила за того госсекретарь. – Практически же мы не достигнем успеха. Главная проблема в том, чтобы не привлекать к проекту «Холод» внимания наших врагов, особенно Китая, чьи интересы в Конго до катаклизмов прошлого года были представлены весьма широко. А чем больше территория, тем сложнее удерживать в тайне всё, на ней происходящее. К тому же строительство новых

объектов ХААРП вызовет ненужную шумиху в свете прошлогодних событий. Позже, когда африканский анклав будет полностью оборудован и защищен, мы сможем рассмотреть вопрос о возведении дополнительных объектов.

— Хочу заметить, господин президент, — подал голос учёный, — что подобное строительство потребует очень крупных финансовых вложений, что может затормозить реализацию проекта «Холод». А это, учитывая реалии, крайне нежелательно. К тому же объект ХААРП на базе Эксмот придется существенно усовершенствовать, он не рассчитан

на непрерывную работу на высоких мощностях в течение десятков, а возможно, и сотен лет. Требуемая модернизация сама по себе обойдется нам в огромную сумму.

— Я понимаю, — кивнул президент. — Но удержать наш проект в абсолютной тайне будет нелегко.

— Мы уже позаботились об этом. — До сих пор молчавший человек в штатском передал ему тонкую папку. — Это краткий обзор детального плана, разработанного объединенным штабом спецслужб. Мы организовали его специально для осуществления прикрытия проекта «Холод». Африканский анклав будет возводиться под видом разработки

месторождений полезных
ископаемых и строительства
химических заводов по их
переработке. На означенных
производствах местные
террористические организации
проведут серию терактов, которые
вызовут утечку ядовитых веществ,
загрязнение окружающих земель и
так далее. Разумеется, в
действительности ничего подобного
не случится. План многоступенчатый
и включает в себя обширный
комплекс различных мероприятий.
Это позволит нам в конечном итоге
объявить территорию, занятую
объектом «Холод», зоной проведения
контртеррористической операции, к

тому же ещё и зараженной, и опасной для жизни, и даже проклятой, что сыграет немаловажную роль в отпугивании местных племен и народностей, являющихся весьма суеверными. Мы гарантируем результат, даже если для этого нам придется применить некие кардинальные меры воздействия к отдельным, особо ярым личностям и организациям, настроенным к США особенно враждебно.

— Понимаю, — повторил президент, наскоро просматривая содержимое папки. Он отложил документы спецслужб и вновь вернулся к бумагам по проекту «Холод». Покопавшись в них с

минуту, он посмотрел на
госсекретаря: — Я не нахожу данных
по численности населения, которое
вместит в себя проект «Холод». Вы
сознательно не приводите эти
цифры?

— Да, — подтвердила та. — Этих
данных не будет ни в одном
документе вплоть до окончания
строительства. Незачем будоражить
общественность, если что-либо о
проекте все-таки просочится в СМИ.
Могу сказать, что проект «Холод»
рассчитан нами на сорок миллионов
человек. Но мы не будем заполнять
его более чем на три четверти.
Остальное будет оставлено на
перспективу. Ведь мы должны

заботиться о будущем.

Глава 1

Африканский континент, экваториальная зона, столица государства Новая Америка город Нью-Вашингтон. Температура воздуха +2 градуса по Цельсию, 25 декабря 2224 года, 17 часов 00 минут по единственной системе счисления.

— Брр, какой жуткий холод сегодня на улице! — Хилари, постариковски кряхтя, заперла за собой входную дверь и в нерешительности посмотрела на платяной шкаф верхней одежды. — Даже плащ снимать не хочется! Майк! Я дома!

– Да, мама! – Майк уже спешил в прихожую. – Снимай, даже не сомневайся! В доме очень тепло, я ещё утром, как только передали свежий температурный прогноз, позаботился об изменении параметров климатической установки. У нас жарче, чем летом!

– Твоя правда, сынок, – согласилась мать, расстегивая толстый синтетический пуховик до пят. – Мои изрядно замерзшие уши чувствуют тепло. И всё же в этом году рождественские морозы свирепствуют! Говорят, сегодня ночью температура упадет до нуля! Где это видано?! Босс даже дал нашему офису три дня выходных,

сказал, мол, в честь Рождества. Как бы не так! Меня не обманешь, он просто боится, что сотрудники на таких холодах слягут с болезнями!

— Так ведь больничный всё равно оплачивается по медицинской страховке! — усомнился Майк, принимая из рук матери плащ. — О чем вашему боссу переживать? Может, он просто хороший человек и захотел продлить людям праздник!

— Как же, держи карман шире! — иронично усмехнулась Хилари. — Не будь наивным, сынок! Если мы заболеем, кто на него работать будет? На временных рабочих требуется отдельная лицензия и отдельная зарплата! Знаю я, какой он хороший

человек! Пятнадцать лет в этой конторе работаю! Лишних затрат он избегает, вот и все причины! – Она дождалась, когда Майк повесит её плащ, и ласково обняла сына: – Добрый ты у меня, сынок, чуткий и отзывчивый! Во всем хорошее видишь, даже в таких негодях, как мой босс. Не в отца пошел, спасибо тебе, господи! Сколько на тебя смотрю, не устаю радоваться!

В ответ на это Майк предпочел тактично промолчать. Отец развелся с матерью девятнадцать лет назад, когда маленькому Майку едва исполнилось четыре года, и с тех пор отношений с бывшей семьей не поддерживал. Хилари частенько

поруговала его, не уставая напоминать сыну, что отец женился на другой женщине чуть ли не на следующей неделе после развода, усыновил двоих её детей и позже родил ещё одного, а судьбой собственного первенца так ни разу и не поинтересовался. Сам Майк отца не помнил и потому относился к нему безразлично, но ради душевного спокойствия Хилари старался не поднимать эту тему, чтобы не берeditь матери старую, но так и не затянувшуюся душевную рану.

— Но, мама, десять дней оплачиваемых выходных в любом случае лучше семи! — Майк аккуратно вернул коснувшийся было

болезненной темы разговор в
прежнее русло. — Отдохнешь,
выспишься вволю, пригласим
соседей на барбекю, я специально
приберег на подобный случай
абонемент на один семейный пикник
в парке развлечений!

— Десять лучше семи, —
согласилась Хилари. — Если не
учитывать, что двести лет назад
рождественские каникулы вообще
длились две недели. Вот когда люди
действительно отдыхали!

— Двести лет назад не было
Холода, — риторически изрёк Майк. —
Если верить учебникам по истории,
тогда вообще всё было по-другому.
Хотя лично я считаю, что во всём

есть свои плюсы. Вот, например, тогда на Рождество было невероятно холодно, намного ниже нуля, везде лежал снег, люди замерзали заживо, если случайно засыпали в парке на лавочке после рюмки-другой виски. А у нас есть Реактор, и всегда тепло.

— Ничего себе тепло! — всплеснула руками Хилари, округляя глаза. — Два градуса! Если ночью всё-таки грянет ноль, то это будет исторический минимум! Такое последний раз было двадцать лет назад! — От волнения она забыла, что ещё вчера в подобном же разговоре называла в связи с обещанным синоптиками похолоданием вдвое меньшую цифру. — И чем там только

эти полярники занимаются, на Реакторе-то?! До ледяного коллапса страну довести решили в честь Рождества или они уже начали пропускать эту самую рюмку-другую?! Куда правительство смотрит?!

– Вот в апреле заступлю на вахту и сам всё выясню, – улыбнулся Майк, подбирая лежащий на трюмо конверт со штемпелем Агентства по подбору кадров.

– Тебе дали назначение! – радостно охнула Хилари. – Сынок! Поздравляю! Это превосходно! Мы должны это отпраздновать! – Она потащила его на кухню. – Наконец-то ты добился своего!

Мать усадила его за стол и принялась извлекать из холодильника нехитрую снедь, не переставая восторгаться радостным известием.

— Фергюссоны и Джексоны позеленеют от зависти! — вещала она, сноровисто нарезая ветчину для сэндвичей. — А старая Пауэлс просто лопнет от злости, мерзкая карга! Мой сын стал уважаемым человеком, в отличие от её оболтусов, не поднявшихся выше рядовых копов! — В её руках появилась небольшая початая бутылка виски: — Майк, сынок, доставай стаканы, по двадцать грамм за это сам господь бог велел!

Хилари разложила по тарелкам свежеприготовленные сэндвичи, поставила в микроволновую печь вчерашнюю пиццу и быстро плеснула в стаканы немного виски.

— За тебя, Майк! — провозгласила она, торжественно расправляя плечи. — За моего сына, Майка Батлера, отважного полярника! И пусть твой мерзкий папаша подавится, когда увидит твое фото на всех информационных сайтах! Теперь наша жизнь пойдет по-другому!

Она залпом осушила стакан и побежала к микроволновой печи, звенящей сигналом завершенной программы разогрева. Майк ласково

посмотрел ей вслед и улыбнулся. Конечно, рано делить непойманную индейку, но, в общем-то, она права. Самое трудное позади. Его взяли в Полярное Бюро. Целый год он непрерывно подавал прошения, сдавал профессиональные тесты, проходил медицинские комиссии, снова подавал прошения, и снова сдавал тесты. Каких только причин ему не называли в качестве отказа! И что чернокожим американцам эволюционно противопоказано работать в условиях запредельного Холода, где температура в самые теплые времена не поднимается выше минус сорока градусов. И что с его ростом в шесть футов два дюйма

будут постоянные проблемы с изготовлением арктического снаряжения. И что его мускулистое тело весом в сто восемьдесят фунтов имеет слишком большую парусность, и потому подогрев термокомбинезона не будет справляться с обогревом. И что... Да много что ещё. Но он не сдавался и в конце концов добился своего. Ведь что бы там ни говорили в Агентстве по подбору персонала, а избытка в добровольцах Полярное Бюро не испытывало. Платят там, конечно, очень хорошо. Но и условия труда — не приведи господь! Сколько народу возвращается с полярных вахт с обморожениями или ампутациями, а

то и вовсе в гробу – обитающее в Холоде зверье кровожадно и смертельно опасно, сражения с этими тварями порой идут не на жизнь, а на смерть. Работа там не для слабаков, это Майку было хорошо известно, рассказы старика Джеймса он помнил в мельчайших деталях.

– Это верно, мама, – согласился с Хилари Майк. – Теперь у нас все будет хорошо. За неделю до начала вахты я получу первый аванс, и мы переедем из этой утлой каморки в просторную квартиру в центре Нью-Вашингтона. Ты уже можешь понемногу подыскивать нам новые апартаменты.

– Действительно?! – Мать

торопливо поставила на стол разогретую пиццу и затрясла руками, видимо, тарелка оказалась слишком горячей. – О мой бог! Не может быть! Неужели сбылась моя мечта сорокалетней давности?! Я с двенадцати лет мечтала уехать из этих трущоб куда-нибудь в центр столицы! Но, подожди, сынок, когда тебе выходить на новую работу? Ты что-то говорил про апрель? А до тех пор тебе разрешили остаться в Гуманитарной миссии? Нам надо чем-то платить за жилье всё это время!

– Не волнуйся, я всё продумал, – успокоил её Майк. – В апреле меня увезут на первую вахту, но мой

контракт с Полярным Бюро начинается с февраля. Пока я буду проходить обучение, для меня изготовят персональное снаряжение. В течение этого времени мне будут платить только десять процентов от основной суммы жалованья, то есть раза в полтора больше, чем я зарабатываю сейчас. А до февраля я буду работать у Джеймса, это никого не волнует, так что деньги на аренду квартиры у нас будут.

— Вот и прекрасно! — Хилари уселась за стол, налила себе ещё немного виски и мечтательно протянула: — Ох, и скорее бы началась твоя вахта! Наконец-то ты забудешь эту высокомерную Лив,

выбьешься в люди и найдешь себе хорошую жену! Я уже хочу нянчить внука! За нашу новую жизнь! – провозгласила она и одним глотком опустошила стакан.

Майк молча последовал её примеру. О Лив с Хилари он разговаривать не любил, мать не понимала и не одобряла его пылких чувств к дочери одного из самых влиятельных магнатов страны, и вряд ли её обрадует известие о том, что всю эту историю с работой в Полярном Бюро он затеял ради того, чтобы вырасти в глазах недоступной девицы.

– Сынок, какие у тебя планы на вечер? – вдруг спохватилась

Хилари. – Я бы хотела сходить к Фергюссонам, если ты не против. Мне не терпится сообщить им эту прекрасную новость!

– Сходи без меня, мам, о кей? – вопросительно посмотрел на неё Майк. – Ты же знаешь, я их не люблю. Особенно их раскормленного кота, который вечно трется о ноги. После него неделю везде находишь кошачью шерсть, даже в нашей квартире! А я пока съезжу в Гуманитарную миссию, навещу Джеймса. Он многим помог мне, без него у меня бы не было даже такой работы. Старик наверняка забыл, что сегодня Рождество, и до сих пор сидит в офисе. Я поздравлю его,

отправляю домой и вернусь. За час до полуночи буду здесь.

– Договорились! – согласилась Хилари. – К твоему возвращению я приготовлю королевские гамбургеры! Сегодняшнее Рождество особенное и отпраздновать его нужно по-особенному!

До аэродромного комплекса Майк добрался за час. В рождественский вечер захолустная окраина столицы была никому не нужна, и во всем вагоне монорельсового электропоезда, идущего к вечно безлюдному аэропорту, он оказался единственным пассажиром. Майк

сидел на обшарпанном затертом сиденье в центре салона, смотрел, как по оконному стеклу стекают капли холодного зимнего дождя, и пытался представить, каково ему придется там, за полярным кругом, у Реактора. Старик Джеймс рассказывал о работе полярников одновременно захватывающие и жуткие вещи. Истории, полные героических побед человека над не знающей пощады стихией. Истории, ледящие кровь фактами трагедий, когда безжалостный Холод одерживал верх над самоотверженными героями. Теми самыми, что стоят на страже существования последнего оплота

человеческой цивилизации, великой Новой Америки, упрямо не отдающей Холоду крохотную часть планеты площадью в сто тысяч квадратных километров. Двадцать пять лет назад Джеймс перестал быть полярником. Он проработал в Бюро одиннадцать лет, провел семнадцать вахт, но из последней вернулся с обмороженной ногой. Повреждения оказались настолько тяжелыми, что развившийся некроз тканей не оставил врачам выбора, и Джеймсу ампутировали ногу. С тех пор он работает в Гуманитарной миссии, являясь её бессменным начальником. Говорит, что не видел для себя занятия, не связанного с

Холодом, вот и принял предложение занять эту никому не нужную должность. Миссия расположена на территории Аэродромного комплекса, не Холод, конечно, но шаттлы и беспилотные челноки уходят за полярный круг именно отсюда. Старик называл это «тёплым соседством».

Неужели жестокая и непреодолимая сила Холода настолько велика, что до такой степени притягивает к себе людей, побывавших внутри него? Как можно быть привязанным к тому, что лишило тебя ноги и едва не отобрало жизнь? Мысли Майка вновь потянулись к Полярному Кругу.

Говорят, когда-то давно, когда планета ещё была теплой и имела иные цвета, кроме белого, словосочетание «полярный круг» имело совершенно другое значение. Майк не помнил, что оно означало тогда, но, как любой цивилизованный человек, хорошо знал, что оно означает сегодня.

Если смотреть на Землю с метеоспутника, ты увидишь белый шар, над которым теснятся исполинские белые воронки циклонов, несущих в себе немыслимо холодные ураганы, и белые вихри антициклонов, утешающие поверхность ещё более ледяными буранами. Но белый цвет

покрывает планету не везде. Если присмотреться внимательнее, можно увидеть нечто вызывающе нарушившее ледяную гармонию белого. Африканский континент, центральная часть материка. Здесь, точно по экватору, протянулась узкая полоса жизни, шириной в сто пятьдесят и длиной чуть более шестисот шестидесяти километров. Новая Америка, последний оплот тепла на навечно скованной Холодом планете, вечнозеленый клочок земли под всегда чистым небом. Даже в самые лютые морозы температура здесь никогда не опускается ниже нуля, большую же часть года на территории Новой Америки

термометры показывают двадцать семь градусов тепла по Цельсию. Граница между последним очагом тепла и бескрайним Холодом представляет собой гигантские безжизненные поля, окружающие пространство жизни сильно вытянутым эллипсом. На стыке холодного и теплого воздушных фронтов резкий перепад температур вызывает поистине бешеную конвекцию. Ураганные ветра, закольцованные силой науки вокруг последнего оплота цивилизации, свирепствуют в тех местах вот уже почти две сотни лет. Бесконечная ярость стихии давным-давно срезала с поверхности всё вплоть до самого

камня и с тех пор вгрызалась дальше, медленно, но неуклонно углубляя огромные желоба, ставшие своеобразным руслом для свирепых воздушных потоков. Это и есть Полярный Круг.

Полярный Круг — это величайшее изобретение американской науки. Именно его изобретению цивилизация обязана тем, что до сих пор существует. Закольцованные ураганы и снежные торнадо не только надежно защищают Новую Америку от заведомо низких температур и сдерживают мировой ледник. Они надежно отсекают последний оплот цветущей жизни от безумных и

кровожадных порождений Холода. Две сотни лет назад разразилась ужасающая катастрофа: царившая десять лет изнуряющая жара, охватившая планету после фатальных солнечных катаклизмов, внезапно сменилась лютыми морозами. Всё произошло в считанные недели, и очередная зима пришла на Землю навсегда. Падение температуры воздуха оказалось обвальным и повсеместным, смертельный Холод превратил планету в ледяное кладбище замерзшей заживо цивилизации, заснеженные надгробия-небоскребы которой неторопливо размалывал в каменную труху наступающий с полюсов

ледник.

Но не всё живое мгновенно погибло в ледяной хватке Холода. Уцелевшие в студеном хаосе люди и звери, пытаясь отсрочить свою гибель, устремились к экватору, туда, где неумолимо опускающаяся температура ещё позволяла выжить. Экваториальные страны мгновенно утонули в потоках мигрирующей фауны и оказались захлестнуты ордами беженцев. В условиях стремительно опускающейся до ужасающих отметок температуры люди быстро теряли человеческий облик, движимые лишь одной всепоглощающей целью — выжить. Вспыхнувшая борьба за

сокращающиеся с каждым днем
жизненные территории погрузила
медленно замерзающие
экваториальные страны в пучину
кровавой бойни. Государства
развалились на вооруженные до
зубов человеческие анклавов, что
яростно отбивались от обезумевшего
от ужаса зверья и миллионов
несчастных, пытающихся найти
укрытие от заповоляющего всё
вокруг Холода.

Но пятидесятиградусные
морозы быстро расставили всё по
своим местам. Непривычная к столь
запредельным холодам флора
погибла в считанные месяцы. Это
вызвало мор среди фауны.

Травоядные животные, лишившись источников пищи, быстро вымерли, следом погибли хищники, и вскоре голод ударил по оставшимся людям. Жестокие бураны и ураганы довершили скорбную картину: мировая цивилизация закончила своё существование. Огромные мегаполисы превратились в ужасающих размеров свалки заледеневших трупов, ожидающих погребения под неумолимо надвигающимся ледником. Лишь жалкой горстке человеческих анклавов, врывшихся в землю ошестинившимися стволами орудий железобетонными укреплениями вокруг месторождений

энергоносителей, какое-то время удавалось выживать. Но гибель лесов и нашествие ледника сделали поверхность планеты бескрайним полем, над которым шквальные ветра разгонялись до небывалых скоростей. Температура опускалась ещё ниже, почва превращалась в вечную мерзлоту на многие десятки метров вглубь, нефтяные резервуары замерзали, угольные разрезы истощались, ветряные электростанции не выдерживали ударов стихии колоссальной мощи. Анклавы один за другим погибали, сожранные Холодом. Но тех из них, кто из последних сил цеплялся за жизнь даже зубами, добил иной враг.

Мутанты. Великий античный мыслитель не ошибался: природа не терпит пустоты. Даже если это пустота ледяных равнин, скованных запредельным Холодом. На месте превратившихся в ледяные кладбища городов, лесов и равнин поселились те, кто оказался достаточно силен и сообразителен для того, чтобы приспособиться к новой жизни. Остатки прежнего животного мира образовали новые пищевые цепочки. В их основании находились мхи и лишайники, быстро адаптировавшиеся к существованию под снежной толщей даже при таких морозах. На вершине пирамиды, согласно всем законам выживания,

оказались наиболее конкурентоспособные. Те, кто продлевает свою жизнь, отнимая чужую. Хищники. Наиболее опасными из которых стали двуногие. Именно одичавшие и озверевшие потомки людей, попавших в рабство Холода, но не замерзших заживо, беспощадные, кровожадные и вечно голодные, сокрушили последние очаги умирающей цивилизации. С тех пор на покрытой ледяным панцирем и снежными толщами планете безраздельно властвовали верные слуги всеобъемлющего Холода: бескрайние студеные пустоши, голод и борьба за жизнь, среди которых

уже не было места Человеку Разумному. Лишь немногочисленные стаи дикарей, считающих себя животными и во всем подражающие своим кумирам, медленно вымирали среди заледеневших развалин погибшей цивилизации.

И лишь одно государство избежало подобной участи – Новая Америка. Страна, объединившая лучших из лучших представителей планеты Земля, правопреемник великих Соединенных Штатов, цвет и квинтэссенция всего самого передового в науке, промышленности и демократическом устройстве общества – словом, всего того, что олицетворяет собой Человек.

Именно они создали климатический Реактор — грандиозный комплекс сооружений, при помощи которого был выстроен Полярный Круг и с тех пор поддерживается его существование. Великие умы точно рассчитали время удара Холода и вывели Реактор на полную мощность в последнее перед вечной зимой лето, когда ещё ничто не предвещало стремительной катастрофы. Работа Реактора поддерживала температуру воздуха в Новой Америке в диапазоне комфортных для жизни температур, и чем холоднее становилось вокруг, тем мощнее бушевали ураганы, образовавшие Полярный Круг. Свирепая сила

неукротимых стихий надежнее любых крепостей ограждала Новую Америку от наплыва беженцев и мигрирующей фауны. И вот уже два века она ограждает её от Холода и адаптировавшихся к нему мутантов.

Конечно, защитные укрепления у нас тоже имеются, они выстроены вдоль всего Полярного Круга, но чудовищные ураганы оказались столь непроницаемы для внешних факторов, что оборонительные позиции не столько охраняют граждан Новой Америки от вторжения извне, сколько служат границами территории, на которой поддерживается благоприятный климат. Майк улыбнулся, завидев

приближающуюся громаду
космодромного комплекса.
Подъезжаем! Аэродромный комплекс
находится сразу за ним. Оба они
используются крайне редко, один для
вывода на орбиту метеоспутников,
другой для отправки вахт к Реактору,
пожалуй, сложно определить, что
происходит реже. Пожалуй,
аэродромный всё-таки чаще
эксплуатируют, всё-таки вахты
заступают раз в пять месяцев, да и
челноки Гуманитарной миссии ходят
время от времени, они хоть и
беспилотные, но всё же... Спутники
запускают не так часто, их
производство крайне сложно и
дорого. В детстве Майк хотел стать

конструктором метеоспутников, от работы которых зависит климат Новой Америки, ведь они являются важной составляющей Реактора, но физика и математика давались ему в школе очень нелегко, и от этих планов пришлось отказаться.

После он пробовал заниматься спортом, и даже преуспел в школьной сборной по футболу, но потом Хилари стала часто болеть, и с деньгами в семье стало туго. Тогда Майк решил попытать счастья и поискать работу, на которую он мог бы ходить после школьных занятий. Долгое время это не удавалось, пока, наконец, ему не попалась на глаза вакансия клинингового рабочего на

аэродромном комплексе. За уборку взлетно-посадочной полосы платили гроши, но и работать надо было нечасто, и Майк принял предложение, в деньгах они с Хилари нуждались очень сильно. Там, в аэропорту, он и познакомился с одноногим Джеймсом. Бывший полярник Джеймс возглавлял Гуманитарную миссию, в которой был одновременно и директором, и отделом кадров, и менеджментом, и кладовщиком, и бухгалтером, и всем остальным. Прямо скажем, работы у миссии было столько, что он запросто справлялся с ней, даже единолично замещая все эти должности. Однако возраст

понемногу брал своё, и ковылять на одной ноге становилось всё сложнее, и Джеймс стал задумываться о помощнике. Усердие и исполнительность Майка, надраивающего до блеска взлетную полосу на стареньком электрокаре клининговой службы, Джеймсу понравились, и он предложил парню вакансию экспедитора-разнорабочего. Так Майк попал на работу в Гуманитарную миссию.

Впрочем, миссией организацию Джеймса можно было назвать только с большой натяжкой. Старик рассказывал, что когда-то, лет, эдак, сто сорок с небольшим назад, их контора действительно была

настоящей Гуманитарной миссией. В то время где-то в экваториальной части Южной Америки, на территории, бывшей до Холода то ли Бразилией, то ли Боливией, то ли вообще Эквадором – да и какая теперь разница? – ещё существовало несколько человеческих анклавов, доживающих свои последние годы. Первоначально Новая Америка поддерживала с ними исключительно радиосвязь, но позже, когда положение анклавов стало совсем плачевным, один из кандидатов в президенты на тогдашних выборах предложил оказывать погибающим помощь. Мы ведь демократическая страна, а

значит, человеколюбивая, и не можем остаться в этой трагедии сторонними наблюдателями.

В итоге кандидат в президенты создал Гуманитарную миссию, а после своего избрания уделил много времени и сил развитию её деятельности. Он даже позволил крупным коммерческим фирмам спонсировать миссию в счет оплаты налогов и первым привлек к платежам свой фамильный бизнес. Поначалу, лет десять, всё шло хорошо. Миссия на средства, собранные энтузиастами и частично выделяемые государством, закупала продовольствие, предметы первой необходимости, принимала в дар

теплые вещи, одеяла и прочее, и отправляла всё это в анклав. Специально для таких полетов миссии выделили несколько шаттлов, ранее предназначенных исключительно для доставки вахтовых смен к Реактору. Несомненно, гуманитарная помощь спасла в анклавах сотни человеческих жизней, но, как известно, там, где нет демократии, ничто хорошее не может существовать долго.

Анклавам понравилось существовать за счет Новой Америки, и они начали требовать. Да, да, в это сложно поверить, но эти иждивенцы стали качать права.

Майк, когда слышал рассказ Джеймса, не переставал удивляться дремучей глупости недемократических режимов и стоическому терпению и добродетели работников Гуманитарной миссии. Анклавы заявляли, что они, видите ли, не нуждаются в обносках и консервах, и требовали поставок энергоносителей, оборудования для развертывания сложных пищевых производств, каких-то там технологий и бог знает чего ещё. Некоторые и вовсе решили, что граждане Новой Америки обязаны переселить их к себе! Можно подумать, что без них тут жить

некому. Короче, на шаттлы начались нападения. Эти психи забирались внутрь и отказывались покидать летательный аппарат, требуя отвезти их в Америку. Один раз пилоты ответили отказом, за что были жестоко убиты. В другом анклавe экипаж шаттла, опасаясь за свои жизни, согласился, но маниакально настроенных недоумков набилось внутрь так много, что предельная полетная нагрузка оказалась серьезно превышена. Пилоты предупреждали о высокой вероятности крушения, но их доводы никого не интересовали. Их едва не растерзали за эти предупреждения, и шаттл поднялся в воздух. В результате

при прохождении Полярного Круга ему не хватило скорости, он не смог пробить ураган, сорвался с траектории и разбился в Холоде. Естественно, не выжил никто.

После этих событий шаттлы заменили беспилотными челноками. Их грузоподъемность была намного меньше, зато более не приходилось рисковать жизнями экипажа и жутко дорогостоящими летательными аппаратами, изготавливаемыми по последнему слову науки и техники исключительно ради доставки вахт к Реактору. Беспилотные челноки оборудовали автоматикой, строго следившей за наполнением трюма, и если она замечала внутри человека,

то челнок попросту не поднимался в воздух, о чем и были предупреждены анклавны. И конечно же это ничего не изменило, кто бы сомневался! Анклавны наплевали и на здравый смысл, и на перспективу потерять поставки продуктов и теплой одежды, и вообще остаться без всякой помощи. Попытки улететь в грузовом челноке в Новую Америку быстро приняли повсеместный характер, и в конце концов, закончилось всё это тем, что ни один из посланных в очередной раз в анклавны челноков не смог подняться в воздух. Все они где-то там и остались, причем эти агрессивные психи из анклавов, набившиеся

внутри, не покидали трюмов годами! По крайней мере, до того момента, пока не вышла из строя аппаратура челноков. Они даже не сливали топливо из баков, в надежде что челноки все-таки когда-нибудь полетят обратно в Новую Америку.

На этом работа Гуманитарной миссии фактически прекратилась. Несколько лет она существовала без всякой деятельности, изредка выходя на связь с вымирающими анклавами в попытке возобновить свою работу. Но вместо слов раскаяния и благодарности за десятилетия помощи, в эфире звучали звенящие ненавистью требования о переселении, угрозы и прочее

исполненное агрессией безумие. Граждане Новой Америки, видя такую благодарность за свою доброту, вполне объяснимо потеряли интерес к миссии. Следом ушли коммерческие организации-спонсоры, несколько позже конгресс снизил финансирование до минимума. Лет пять всё находилось в таком вот непонятно-подвешенном состоянии, пока Национальное Космическое Агентство не сообщило о гибели последнего из анклавов, что располагался, кажется, в Бразилии. В общем, смысла в существовании Гуманитарной миссии более не имелось, и её решили закрыть. Учитывая тот факт, что Новая

Америка ставит человеколюбие на первое место в своей жизненной философии, прежде чем окончательно принять решение о расформировании Гуманитарной миссии, президент приказал убедиться, что помогать больше действительно некому.

Почти месяц орбитальные спутники изучали скованное Холодом ледяное безмолвие планеты, пытаясь вызвать на связь или хотя бы заснять кого-либо из сохранивших разум представителей иных стран. Но радиостанции анклавов умолкли навеки, а среди обледеневших развалин их последних очагов существования бродили лишь

дикие звери, рыскающие в поисках трупов, и ещё более дикие двуногие, чьи предки утратили человеческий облик ещё лет семьдесят назад. Стало ясно, что после того, как там будет сожран последний труп, развалины анклавов опустеют навсегда. Судьба Гуманитарной миссии была решена, и её расформирование не состоялось, фактически благодаря случайности. В последний день поисков со спутника пришли странные снимки. Огромная толпа косматых дикарей, замотанных то ли в шкуры, то ли во что придется, бесновалась у костра немаленьких размеров. Качество съемки оставляло желать лучшего, но

на некоторых снимках было видно, как часть дикарей, раздевшись почти полностью, с разбегу прыгала в трехметровое пламя, в то время как ещё одна часть косматых бросалась в прорубленную в толстенном льду глубокую дыру, внутри которой можно было заметить воду.

Фотографии были опубликованы всеми таблоидами и мгновенно облетели Новую Америку. Изучив изображения, ученые пришли к выводу, что спутник зафиксировал факт массового суицида, устроенного неким племенем потомков людей, одичавших давным-давно. Судя по тому, что на одном снимке удалось довольно отчетливо разглядеть

нескольких человек с копьями в руках, стоящих поодаль от костра и охвативших место проведения ужасающего ритуала полукольцом, массовое самоубийство предприняло не все племя целиком, но явно большая его часть. Наиболее вероятной причиной происходящего ученые назвали голод. Именно столь жутким способом племя регулировало свою численность. Интересной оказалась и форма самоумерщвления: тем, кто не мог заставить себя сгореть в огне, предоставлялась возможность утопиться. Причем вода в выдолбленном во льду бассейне не замерзала мгновенно, что

свидетельствовало о наличии в том месте некоего природного горячего источника, наличие которого дикари смогли определить, либо его местоположение передавалось по наследству. Всё это целиком позволило ученым сделать вывод, что изображенное на фото племя сохранило минимальные зачатки разума. В ту пору Новая Америка готовилась к выборам, и действующий президент предложил протянуть умирающим от голода дикарям руку помощи.

Несколько недель спутники разыскивали полудикое племя с орбиты, но долгое время бушующие на обледеневшей планете ураганы не

позволяли обнаружить дикарей вновь. Наконец, в один из периодов редкого метеорологического затишья, спутник засек крупный костер, вокруг которого суицидально настроенное племя совершало точно такой же жуткий обряд. Оказалось, что находятся дикари на территории бывшей России, в местности, ранее именовавшейся как Сибирь. Согласно немногим сохранившимся архивам, в тех краях лютые морозы стояли всегда, что частично объясняло, почему племя выжило. Помимо этого историки напомнили, что русские исторически относились к Соединенным Штатам Америки враждебно, за что не раз были

наказаны силой оружия и разнообразных политических и экономических санкций. Однако все эти действия так и не принесли результата, агрессивность и враждебность русских так и остались за гранью здравого смысла, что полностью объясняло истоки столь жестоких законов, царящих в племени дикарей. После обнародования данной информации многие общественные активисты потребовали либо исключить всякую возможность агрессии со стороны дикарей, либо не затевать опасных авантур с гуманитарной помощью вообще.

Правительство учло требования

своего народа, и с суицидным племенем попытались установить радиосвязь. Как и предсказывали ученые, это ни к чему не привело, радиостанций у дикарей не оказалось, что и не удивительно. Тогда было решено отправить к ним беспилотный челнок с грузом гуманитарной помощи: по два центнера консервированной сои и кукурузы, четверть тонны гамбургеров и пятьдесят килограмм ручных зеркал и стеклянных бус яркой расцветки, на последних двух наименованиях ученые настояли особо. Идею с челноком раскритиковала оппозиция, заявившая, что «железная птица»,

пышущая огнем и с грохотом опускающаяся с неба на землю, ничем не поможет суеверным дикарям, но лишь распугает их и ещё сильнее подтолкнет к суициду. Миссию необходимо либо отменять, либо проводить на пилотируемом шаттле, чтобы вид живых людей, выходящих из него, успокоил насмерть перепуганных дикарей хотя бы частично. Правительство возражало против пилотируемого полета, ссылаясь на трагический опыт Гуманитарной миссии с анкклавами, и твердо стояло на том, что нельзя подвергать опасности жизнь пилотов. На что оппозиция, в свою очередь, приводила свою

аргументацию: люди, появившиеся из недр пышущей огнем «железной птицы», будут восприняты дикарями чуть ли не как боги, и им ничто не угрожает, кроме разве что слепого поклонения. Споры не утихали до последнего, тем более что постоянно бушующие над Сибирью циклоны, бураны и снегопады сводили работу спутников на нет, и расчет полета неоднократно откладывался.

Наконец над целевым регионом установился недолгий штиль, в течение которого удалось провести спутниковую съемку местности. Картина оказалась крайне непростой. Во-первых, ни самих дикарей, ни их стойбище обнаружить

не удалось, хотя местоположение жертвенного кострища было определено с точностью до пяти метров. Во-вторых, район обитания племени находился в непосредственной близости от края наступающего ледника, посреди заледеневшего леса. Несколько сильных геомагнитных аномалий, а также крупных размеров дыра в озоновом слое, пропускающая мощные потоки солнечной радиации, затрудняли подробную разведку местности. В-третьих, само по себе данное местоположение уже являлось проблемой. Мировой ледник, захвативший большую часть планеты, на севере достигал тропика

Рака, а на юге почти вплотную подошел к тропику Козерога, покрывая поверхность Земли более чем трехкилометровым панцирем из льда и снега. Таким образом, Сибирь оказалась лежащей в некоей огромной чаше, образованной возвышающимися вокруг стенами ледника. Ученые объяснили это тем, что основной ледник, наступающий с севера, был рассечен Уральскими горами и разошелся на два потока, между которыми и образовалась чаша. У подножия этих потоков начали возникать менее крупные ледники, которые в настоящий момент медленно поглощают чашу. Судьба дикарей в конечном итоге

решена, в этом сомнений нет. Зато посадка шаттла в чашу сопряжена с огромным риском, ведь сверху, на уровне ледниковой поверхности, бушуют ветра огромной силы, и время полета необходимо досконально согласовывать с метеосводкой.

В итоге правительство решило отправлять беспилотный челнок, а если страх перед «железной птицей» не позволит дикарям воспользоваться гуманитарной помощью, то программа будет свернута как не имеющая смысла. Полет тщательно рассчитали, и челнок вылетел к кострищу. В условиях запредельного Холода,

безраздельно господствующего за Полярным Кругом, отказывало любое записывающее оборудование, установленное не внутри летательного аппарата, и никакой фото— или видеоинформации получить никто не ожидал, поэтому план был прост. Челнок совершит посадку возле кострища, выдвинет грузовую аппарель и вытолкнет наружу полеты с грузом. После чего останется в таком положении до тех пор, пока погодные условия не позволят ему вылететь обратно. Если кто-то из дикарей за это время рискнет заглянуть в трюм, то внутренняя видеокамера зафиксирует это. Если суицидальное племя

русских окажется столь же агрессивным и нетолерантным, как их предки, то на внешней обшивке, а также в трюме, останутся следы от копий, стрел, камней или чем ещё эти дикари попытаются убить «железную птицу». Так что оставалось лишь дожждаться возвращения челнока, и Новая Америка с любопытством ожидала завершения столь занятого эксперимента.

Результаты оказались неожиданными. Челнок вернулся назад со своим же грузом на борту. Когда автоматика сообщила о неизменившейся взлетной массе, диспетчер Национального

Космического Агентства даже хотел отменить взлет, опасаясь, что горючего не хватит для возвращения столь тяжелой машины. Но метеоусловия над Сибирью стремительно ухудшались, оставлять челнок в котловине почти трехкилометровой глубины означало гарантированно потерять его навсегда, и Агентство решило рискнуть. Летательный аппарат поднялся в воздух и благополучно вернулся в Новую Америку. В первое мгновение после вскрытия грузового отсека механики решили, что автоматика, призванная выдвинуть аппарель и вытолкнуть груз, попросту не сработала.

Однако позже выяснились любопытные подробности. Запись с камеры внутреннего наблюдения показала, как трюм открылся, аппарель вышла, и груз был вытолкнут наружу. Несколько часов ничего не происходило, после чего в трюме появились дикари в одеждах из шкур. Они занесли полеты с гуманитарной помощью обратно и даже закрепили груз, причем довольно толково, благодаря чему он вернулся невредимым. Мнения журналистов, наблюдавших запись, немедленно разделились. Одни считали, что таким образом дикари продемонстрировали добрую волю, другие сочли возврат помощи

прямым заявлением о том, что русские, даже одичав, по-прежнему не желают иметь с Америкой никаких дружеских отношений. Их спор разрешился после того, как сотрудники Гуманитарной миссии вскрыли все упаковки с грузом. Ящики с консервами и гамбургерами не претерпели никаких изменений, а вот в последнем коробе зеркал и бус не обнаружилось. Вместо них там оказалось пятьдесят килограмм обработанных звериных шкур. Этот по-детски честный обмен тронул сердца американцев, и Гуманитарную миссию было решено сохранить.

С тех пор вот уже более ста

тридцати лет несколько раз в год, когда позволяют метеоусловия, с аэродромного комплекса Нью-Вашингтона стартует челнок с грузом зеркал и бус. Он пронзает исполинские ураганы Полярного Круга и уходит в заснеженную Сибирь, где совершает посадку, если есть на то воля господ и умеренная скорость буранов, гуляющих по поверхности мирового ледника. Бывали случаи, когда сила разъяренной стихии скачкообразно возрастала, и челноки разбивались о ледяной панцирь, сорванные ураганным ветром с расчетной траектории. Чтобы такого не происходило, размеры челноков были

уменьшены, обтекаемость и скорость увеличены. За прошедший век русские дикари так и не стали брать у Новой Америки что-то ещё, кроме стеклянных бус и зеркал, так что никакого смысла гонять в Сибирь крупные аппараты, требующие большого расхода топлива, не имелось. Назад челноки всё так же возвращались с грузом шкур, эквивалентным по весу отправленным стеклянным безделушкам.

Со временем интерес к дикарям у широкой общественности пропал, про русских забыли, и лишь Гуманитарная миссия, персонал которой сократился до пары-другой

человек, еще помнила о затерянной
посреди ледника Сибири. В
основном потому, что шкуры пушных
зверей, выменянные у полудиких
русских на бесполезные стекляшки, с
удовольствием покупали
представители богатейших семейств
Новой Америки. Из шкурок шили
весьма теплую и гламурную
верхнюю одежду для холодов —
женские шубки и мужские куртки,
позволить себе которые могли очень
и очень немногие. Сказать по правде,
Майк сильно сомневался в
полезности столь баснословно
дорогостоящей одежды: ниже нуля
температура в Новой Америке не
опускается никогда, а ниже пяти

градусов тепла — только в самые лютые морозы. И платить столько денег за тряпку, боящуюся то дождя, то влажности, то каких-то бабочек, — да это полный бред, и только! Тем более что синтетический плащ или пуховик отлично греет и стоит недорого. Но у богатых свои причуды, и это даже хорошо, иначе Гуманитарную миссию давно уже закрыли бы к такой-то матери, и он, Майк, никогда не получил бы эту работу. Ведь челноки на эти свои полеты за мехами жрут топлива раз в десять больше, чем те меха стоят. Хотя, если рассмотреть цены, за которые продают шубы из сибирских шкур, то, может, дело даже выгодное.

Но Гуманитарная миссия не шьет шубы, она продает меха дизайнерскому дому «Нуар», входящему в промышленную империю Чарльза Шекельсона. Так что Майк и старый Джеймс получают жалованье благодаря казенным дотациям. Если кто и зарабатывает на этом, то это папаша очаровательной Лив.

Лив. Майк печально вздохнул. Дочь одного из самых богатых и влиятельных граждан Новой Америки, почетного члена некоего тайного клуба, держащего, по слухам, в кулаке даже правительство. Молодая, красивая, жизнерадостная и одновременно капризная,

высокомерная и неприступная для простого смертного. Любовь всей его жизни на протяжении последних пяти лет, с той самой минуты, когда он увидел её в офисе старого Джеймса. Это случилось на пятом месяце работы Майка в миссии. Те дни были для него очень важными и волнительными, впервые при нём происходила отправка челнока к дикарям Сибири, а тут ещё он лично принимал в организации полета самое непосредственное участие! Старый Джеймс показывал ему, как правильно готовить челнок, раскреплять предназначенный для обмена груз и передавать летательный аппарат после

окончания всех процедур стартовой службе аэродромного комплекса. Небольшой челнок заправили топливом, и крылатая машина, быстро взяв разгон, взмыла в солнечное небо. До Сибири было более восьми часов лету, и возвращение челнока ожидалось на следующий день. Майк тогда даже отпросился с последнего урока, чтобы прийти на работу пораньше. Вот тогда он впервые и увидел Лив. Черноглазая красавица появилась в офисе Гуманитарной миссии со своим отцом, мистером Чарльзом Шекельсоном, в сопровождении десятка человек отцовской свиты и вдвое большего количества

журналистов. Оказывается, мисс Шекельсон готовилась к предстоящему празднованию своего двадцатилетия, на которое в качестве подарка отец запланировал вручить ей бразды правления в дизайнерском доме «Нуар». По этому случаю Лив пожелала выпустить эксклюзивную коллекцию одежды, жемчужиной которой должна являться безумно красивая и баснословно дорогая женская шубка из лучших образцов сибирского меха. Юная темноволосая обольстительница, вот уже несколько лет являющаяся самой богатой и желанной невестой Новой Америки, планировала лично носить эту шубку в целях продвижения

своего нового предприятия, если, конечно, температура опустится хотя бы ниже отметки в плюс десять градусов по Цельсию. В качестве увеселительного и одновременно познавательного мероприятия отец устроил дочери экскурсию туда, откуда уникальные меха и начинают свой путь по Новой Америке, – в Гуманитарную миссию. Встреча прибывающего челнока, из небольшого трюма которого должны будут достать выменянные у дикарей шкуры, ещё несущие на себе сибирский снег, было обставлено как светское мероприятие не для всех.

Охрана мистера Шекельсона даже не хотела пропустить Майка

через кордон! Благо, один из дежуривших на аэродромном комплексе полицейских узнал его и выдал временный пропуск. Одноногий Джеймс без лишних слов велел Майку переодеваться в униформу Гуманитарной миссии и ассистировать при разгрузке и последующей обработке челнока. Так Майк на полминуты попал в объективы телекамер едва ли не всех информационных агентств. Летательный аппарат вернулся в Новую Америку всего лишь с тридцатиминутным опозданием, что вполне укладывалось в рамки допустимых отклонений, и спустя четверть часа стартовая служба

передала машину Гуманитарной миссии. Покрытый толстой ледяной коркой челнок полз по рулежной дорожке к ангару, оставляя за собой целые ручьи талой воды, и несколько секунд Майку пришлось орудовать скребком, чтобы освободить ото льда внешнюю поверхность грузового люка. Вообще-то грузовая аппарель смогла бы выдвинуться и без этой процедуры, сил автоматики хватает, ведь открывается же трюм в Сибири, но режиссер мероприятия велел Майку счищать лед под прицелом телекамер, чтобы всё выглядело эффектнее.

Майк с задачей справился, трюм открыли, контейнер с грузом

извлекли. Далее в дело вступил Джеймс. Он по-хозяйски распечатал крепежную систему, вскрыл контейнер и достал из него охапку шкур. В трюме челнока отопления не имелось, им пришлось пожертвовать ради уменьшения размеров корпуса и затрат топлива, так что внутри ящика всё ещё было жутко холодно, и на роскошных мехах действительно лежали ослепительно-белые кристаллики снежинок. Джеймс вручил Майку охапку шкур и незаметно прошептал:

— Иди, вручи это мисс Шекельсон, сынок! Только сделай все красиво, как хочет режиссер. Нам нужно дружить с её отцом, он

единственный влиятельный человек,
заинтересованный в существовании
миссии. Двигай!

Майк на негнущихся ногах
протопал к Лив и торжественно
протянул ей присыпанные быстро
тающими снежинками меха.
Красотка, обворожительным
движением поправив каре
шелковистых волос, лучезарно
улыбнулась ему и приняла подарок,
подставляя под охапку шкур
затянутые в перчатки из тончайшего
шелка ладони. Этот момент был
запечатлен на передовицах всех
информационных порталов, и
Хилари месяц не уставала с
гордостью рассказывать об этом

знакомым и рассылать ссылки. Сам же Майк оказался сражен ослепительной улыбкой Лив и уже на вторую секунду после того, как оказался вне вспышек фотокамер, понял, что влюблен в неё по уши. Всё могло бы так и закончиться на этом, но безответной любви Майка оказалось не суждено быть излеченной временем. Лив понравилось быть дизайнером меховой одежды. Более того, в одном из интервью она заявила, что будет лично отбирать меха для каждой эксклюзивной шубки, что призвана венчать ту или иную коллекцию. Талантливая красавица сообщила, что определить наивысшее качество

меха можно только в тот момент, когда их извлекают из недр челнока.

— В это мгновение сам Холод отдает мне свои сокровища, — объяснила репортерам Лив. — Именно в ту секунду я вижу, какое из них наиболее ценно. Самые роскошные меха Холод отдает особенно неохотно, вы можете увидеть это, если достаточно чувствительны!

Это объяснение вызвало у журналистов бурю аплодисментов, и в прессе появилось множество заметок, доказывающих особую сенситивность мисс Шекельсон, что ещё больше подстегнуло интерес к её авторским коллекциям. Правда,

нашлись злые языки, утверждавшие, что всё это полнейшая чушь, что никакой особой чувствительности у неё нет и не было, и это подтверждают её бывшие одноклассники, и что подобное заявление сделано исключительно ради подогревания ажиотажа, самопиара, соответствующие статьи оплачены её отцом, и прочее, прочее, прочее. Некоторые особо задыхающиеся от зависти даже умудрялись писать, что мисс Шекельсон, вообще-то, в первый раз сделала не самый удачный выбор меха для жемчужины коллекции, на менее претенциозных моделях были меха и получше, в связи с чем ей

советовали завести консультанта с более развитым вкусом. Майк читал такие возмутительные перлы с гневом. Все они просто завистники и неудачники, а этим «одноклассникам» попросту дали денег! На самом деле Лив просто сказочно прекрасна, идеальна и сверхъестественна, лично ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять её исключительность и сверхчувствительность к прекрасному. Столь прекрасное существо не может не быть сенситивной! И все её последующие шедевры были тому подтверждением!

Короче, с тех пор Лив каждый

раз лично встречала челнок Гуманитарной миссии, приезжая в офис старого Джеймса. Майк изо всех сил старался угодить своей возлюбленной, но заносчивая красавица лишь смеялась и подшучивала над ним. Но не это задевало Майка, Лив он был готов прощать всё. Вот что действительно бесило, так это язвительные насмешки её ухажеров, заявлявших в офис миссии вместе с ней. Они всячески старались выпячивать перед Лив своё умственное, финансовое и аристократическое превосходство над Майком, хотя на самом деле были ей смешны. Он, Майк, прекрасно это видел. Недаром

сама Лив никогда не упускала возможности уязвить очередного ухажера, впервые оказывавшегося вместе с ней в Гуманитарной миссии. В тот момент, когда Джеймс с Майком распечатывали грузовой контейнер и доставали из него меха, она, принимая из рук Майка очередную связку шкур, томно проводила по его мускулистому плечу ладонью и оборачивалась к своему новому спутнику. Окинув его сравнивающим взглядом, Лив печально вздыхала и возвращалась к изучению мехов. Майк был на седьмом небе от счастья и пытался делать ей галантные комплименты, но ухажера это мгновенно

закусывало, и он начинал изощряться в попытках унизить Майка в глазах Лив и превознести себя. Это бесило. Тем более, что языки у её ухажеров были без костей, и сравнивать Майка с дерьмом у них получалось довольно хорошо и не без сатиры и сарказма, что очень веселило Лив. Каждый раз, когда это начиналось, Майк с трудом сдерживал себя, чтобы не наброситься на тщедушных богатеньких папенькиных сынков с кулаками. Хуже всего было то, что старый Джеймс ни черта не понимал в происходящем.

— Брось, Майк! — вечно нудил он. — Эта маленькая чванливая стерва специально провоцирует их

поиздеваться над тобой! Она получает удовольствие от того, что смотрит, как ты бесишься, а они из кожи вон лезут, чтобы перед ней выслужиться! Если не хочешь угодить за решетку на всю жизнь за избиение какого-нибудь миллиардера, лучше забудь про эту бабу и её выходки. Единственно верное для тебя решение – это полный игнор! По кому ты сохнешь, сынок?! У неё каждые полгода новый бойфренд, ты помнишь, чтобы она приезжала к нам с одним и тем же франтом хотя бы трижды?

– Это всё не так, Джеймс! – горячо спорил со стариком Майк. – Она никакая не стерва! Она

прекрасна душой ещё более, чем
внешностью! Просто она очень
страдает от того, что с рождения
обречена жить в золотой клетке!
Втайне она мне симпатизирует, а
может, даже чувствует ко мне то же,
что я к ней! Но между нами
социальная пропасть, и она не в
силах её преодолеть! Против меня
всё: её семья, отец, родня,
общественное и финансовое
положение! Поэтому она страдает!
Ты же видишь, с какими глазами она
дотрагивается до моего бицепса! Ей
противны эти богатенькие слащавые
дохнотики, вот она и не может долго
терпеть никого из них! Она
воплощение добродетели и

целомудрия!

– Угу, угу, – кряхтел Джеймс, криво ухмыляясь. – Интернет почитай, там про её целомудрие много чего интересного есть.

– Это всё вранье! – вспыхивал Майк. – Сплетни завистников! Они завидуют ей до зарезу, вот и поливают грязью! Все эти фото якобы «от папарацци» и рассказы от богатых тусовщиков – обычный монтаж! Ты ничего не понимаешь!

– Да где уж мне! – фыркал старик, махнув на него рукой. – Смотри, сынок, ни к чему хорошему тебя это не приведет. Ладно хоть она держит тебя на вытянутой руке! Упаси господь, если ей вздумается

поиграть тобой поближе, её папаша в момент разотрет тебя в порошок, а заодно и меня вместе с нашей миссией, прицепом! В Полярное Бюро тебе надо, Майк, к Реактору! Вот где твое спасение. Холод съехавшие набекрень мозги враз на место ставит, там не до глупостей, там надо не только работу сделать, но ещё и выжить.

Два года Майк пытался держать себя в руках, подхлестываемый суровыми взглядами Джеймса, но на своё двадцатилетие не выдержал и прямо признался Лив в любви, не побоявшись присутствия рядом с ней нового ухажера. Черноглазая красотка рассмеялась и заявила, что

ему придется встать в очередь, красноречиво скосив глаза на своего спутника. Тот конечно же поднял Майка на смех, причем сделал это настолько остроумно, что Лив смеялась уже от души. Вот тогда Майк не выдержал и врезал богатенькому козлу промеж глаз, как следует! Лив была в восторге от его рыцарского поступка и даже сняла его победу на телефонную камеру. Правда, потом заявила полиция, и Майку пришлось туго. Две недели он провел за решеткой, пока решался вопрос о суде. К счастью, избитый им ухажер Лив оказался не папеньким сынком, а каким-то самостоятельным богатеem. Позже в

интернете ходили слухи, что он повздорил с Лив из-за того, что она показывала запись их драки друзьям. В общем, они расстались, а старый Джеймс каким-то чудом пробился к этому потерпевшему на прием. Говорят, они общались целый час, но о чем шла речь, старик так и не рассказал. Миллионер не стал предъявлять Майку обвинений, и полиция его отпустила, строго предупредив, что ещё один такой случай, и Майк загремит по полной.

В общем, после того случая он научился терпеть все нападки сопровождавших Лив дохляков. И конечно же эта его сдержанность не осталась незамеченной. Их

унизительные подначки стали ещё
больнее, а взгляды Лив ещё
несчастнее. В отличие от Джеймса
он-то видел, как она страдает, когда
переводит взгляд со своих слащавых
спутников на его мускулистую
фигуру! А те обзавелись
вооруженной охраной и ни в чем
себе не отказывали, особенно после
едких сравнений Лив, которые
бывали не в их пользу! Но теперь
поведением Майка интересовалась
полиция, и приходилось молча
сносить обиды. Как сказал какой-то
знаменитый американский классик,
год прошел, как день пустой, и в
конце концов Майк понял, что их
влюбленные сердца рано или поздно

разорвутся от горя. Пора было действовать, но как?..

Спасительная идея вспыхнула у него в голове, подобно молнии, в один из уикендов, когда они с Хилари купили за небольшую сумму копию нового блокбастера, ставшую хитом сразу после выхода. Фильм был о том, как храбрые полярники в условиях ужасающего Холода спасают Реактор от звероподобных дикарей, но суть не в том. В главной роли снимался Дэвид Бронсон, восходящая звезда кино. А как он стал знаменитым актером? Правильно, он был полярником и совершил подвиг! Когда их команда вела взрывные работы, что-то там не

так сработало, взрывчатка бахнула, троих покалечило, пятерых ранило. Так Бронсон по одному тащил на себе раненых по полторы мили, пока не вынес их в безопасное место, откуда смог вызвать помощь. О его подвиге узнала вся Новая Америка, и крупнейшая киностудия чуть ли не выкупила Бронсона у Полярного Бюро! Теперь он знаменитый на всю страну герой и киноактер с миллионными гонорарами.

Короче, Майк заявил Джеймсу, что решил стать полярником. Старик было заворчал, что если он наслушался баек про Бронсона, так это наверняка брехня, но быстро сменил пластинку и искренне

обрадовался за Майка, мол, наконец-то парень решил бросить эти сопли и устроиться на настоящую мужскую работу! Джеймс сразу же развил бурную деятельность и обил немало порогов, чтобы добиться содействия чиновников Полярного Бюро в трудоустройстве Майка. Но стать полярником оказалось не так-то легко. В Бюро его не брали очень долго, несмотря на вечную нехватку кадров. Почти полтора года прошло в утомительной бумажной волоките, но Джеймс не уставал подбадривать Майка, и они вдвоем вновь и вновь подавали одно прошение за другим.

— Всё будет о'кей, сынок, не вешай нос! — Старик решительно

потрясал
очередным
правительственным бланком, в
котором сообщалось об отказе. —
Афроамериканцев всегда неохотно
принимали в полярники. Они
эволюционно более теплолюбивы,
чем белые, и толстозадые чинуши из
Бюро просто боятся взять на себя
ответственность! А вдруг ты
обморозишься в первый же день, или
замерзнешь насмерть, или прочее
бла-бла-бла! Никуда они не денутся,
вот увидишь! Ты парень крепкий,
здоровье отменное и
целеустремленности тебе не
занимать! Поломаются немного и
возьмут, людей-то не хватает, много
ли народу желает получать большие

деньги, ежедневно рискуя жизнью и здоровьем? Мертвым деньги не нужны!

После столь своеобразного ободрения Майк садился писать новое прошение, после чего отправлялся сдавать новые тесты, и так продолжалось до сегодняшнего утра, когда он обнаружил в почтовом ящике давно знакомый конверт со штемпелем Полярного Бюро. Распечатав его, Майк даже не сразу понял, что вместо привычных строк отказа читает уведомление о приеме в штат и предписание явиться в Нью-Вашингтонский офис Бюро для зачисления на курсы профессиональной подготовки. В ту

минуту радости его не было предела, наконец-то он сделал первый шаг к Лив! Теперь осталось попасть к Реактору, совершить подвиг и стать звездой экрана. Но в успехе этого плана Майк не сомневался, если придется, он сам себя наизнанку вывернет, но подвиг совершит. А там кинокомпания за него ухватятся, он ведь будет первым афроамериканцем, который совершил подвиг за Полярным Кругом. Поэтому Бронсону он не конкурент, Новая Америка — демократическое государство, и рядом с белым героем обязательно должен стоять герой чернокожий. Так что место для Майка, если

подумать, очень даже есть, главное, чтобы его за это время не занял кто-то другой. Будет очень обидно, если такое произойдет сейчас, когда цель так близко. Нет, будет не обидно, будет катастрофа! Это он должен стать богатым и знаменитым, именно он, потому что его ждёт Лив! Она страдает, не в силах вырваться из золотой клетки, опутанной колючей проволокой правил аристократической жизни. Остается радоваться, что в Полярном Бюро не любят брать на службу афроамериканцев, не то место героя точно кто-то уже занял бы.

Вагон монорельсовой дороги остановился, и автоответчик

сообщил о прибытии на конечную остановку «Аэродромный комплекс», после чего заявил, что вагон дальше не идет, и предложил пассажирам покинуть салон. Майк плотнее застегнул пуховик и вышел на перрон, по пластиковой поверхности которого стучали мелкие капли рождественского дождя.

Старый Джеймс конечно же сидел в своем офисе, словно никогда и не слышал таких слов, как «праздник», «Рождество» и «выходной». Старик сидел в своем любимом кресле за рабочим столом возле электрического камина и возился с компьютером, перебирая

какие-то фотки.

– Привет, Джеймс, с Рождеством тебя! – Майк ворвался в кабинет, словно черный ураган. – Я так и знал, что застаю тебя здесь, даже звонить не стал! Тебе домой не пора? Праздновать?

– Закрой-ка двери поплотнее, сынок! – ворчливо запыхтел старик. – На улице плюс два! Решил мне офис выстудить? На мне, если ты заметил, арктического снаряжения нет!

– Да брось! – Майк вернулся и тщательно затворил входную дверь. – У тебя тут теплее, чем летом! – Он подошел к Джеймсу и посмотрел на монитор. – Ты снова возишься с этими дикарями! Я, конечно,

понимаю, что это наша работа, но не круглосуточно же! Тем более в Рождество! Поехали домой, Джеймс!

— Да? — вновь заворчал тот. — И что я буду там делать, сынок? Сидеть в одиночестве в полутеплой квартире и смотреть идиотские рождественские шоу, что крутят по ТВ? Уж лучше я посижу в офисе и позанимаюсь чем-то полезным! Здесь, по крайней мере, тепло, и все данные под рукой. В прошлый раз челнок привез уникальные снимки, я должен их изучить. Это поможет мне понять русских.

— Зачем, Джеймс? — Майк пододвинул к столу свободный стул и уселся рядом со стариком. — Ты

руководишь миссией почти тридцать лет, а до тебя она торговала с дикарями ещё лет сто двадцать, и за всё это время никто не узнал о них ничего нового. Дикари, да и дикари. Меняют баснословно дорогие меха на мусор – зеркальца и стекляшки. Даже еду нормальную не признают, и законы у них какие-то суицидные. Эти дикари – всего лишь дикари, Джеймс, просто они самую малость сохранили человеческий облик. Вот и всё. Это не стоит потерянного Рождества.

– А что стоит? – иронично крикнул старик, заерзав в кресле. – Вопли новомодных поп-звезд по кабельному? Вот эти-то уж точно не

сохранили человеческий облик вообще! Ты их клипы видел? Хотя... – Джеймс вяло махнул рукой. – Ты молодой, тебе эти вопли под дурацкую какофонию звуков нравятся, молодежь всегда такая. Им хоть что подавай, лишь бы не как у родителей. – Он укоризненно посмотрел на Майка и постучал пальцем по монитору: – Сынок! Эту белиберду я могу и тут посмотреть, не выходя из офиса! И елку вон через окно видно! Наряженная, как положено! У нас все елки под окнами, по всему периметру аэродромного комплекса, нарядили ещё неделю назад. Кто сказал, что я не смогу встретить Рождество в этом

кресле?! Тут мне будет уж точно комфортнее, чем в пустой квартире!

Майк вздохнул. Старый Джеймс в чем-то прав. Семьи у него нет, жена бросила его ещё тогда, когда он передвигался на обеих ногах, закрутила роман с каким-то офисным клерком, пока муж служил очередную вахту на Реакторе. Когда Джеймс вернулся, застал лишь пустую квартиру. Вахта за вахтой, время и пролетело. Потом он остался без ноги, а кому нужен одноногий? Вот и живет уже тридцать лет один, потому и в офисе его застать можно чуть ли не всегда, а в собственной квартире почти никогда. Может, и вправду здесь ему праздника больше,

чем дома, но Майку от души было жаль старика, и он решил хотя бы посидеть с ним час-другой, чтобы скрасить одиночество. Впрочем, всегда есть верный способ поднять Джеймсу настроение – надо начать разговор о его любимых дикарях. Просто начать, этого достаточно.

– Что за фотки? – Майк кивнул на монитор и улыбнулся. – Ты сказал, что нашел интересные снимки. В чем там дело? Ты убедил дикарей снять на видео очередной ритуал массового суицида?

– Перестань молоть чепуху, сынок! – укоризненно нахмурился было старик, но тут же проглотил наживку и принялся увлеченно

вещать: — Я же тебе говорил, что никакой это не суицид! Вспомни мою подборку спутниковых снимков!

Он принялся быстро щелкать мышкой, открывая папки с данными, и за несколько секунд вывел на монитор с десяток старых снимков, датированных позапрошлым десятилетием.

— Смотри сюда! — Джеймс указал на один из них. — Качество плохое, под спутником в тот день проходил мощный циклон, и серию снимков удалось сделать всего одну, когда в толще облачного фронта случайно возник разрыв.

Майк взгляделся в изображение. Полуголые дикари, как обычно,

прыгали в огонь, сокращая свою численность. Если бы не огромное кострище, с таким качеством снимка вообще было бы ничего не разглядеть. И так почти одни смазанные силуэты.

— И что? — не понял Майк. — На что смотреть-то? Как они себя на костре сжигают? Прости, Джеймс, но ты же знаешь, я не получаю удовольствия от садизма. Я вообще не понимаю, как они до сих пор не исчезли. Ты же говорил, что устраивают этот жуткий ритуал несколько раз в году!

— Два или три раза, — подтвердил старик. — Точно не известно. Но в этом-то и дело! — с жаром

воскликнул он, и Майк понял, что Джеймс оседлал любимого конька и теперь уж точно встретит Рождество с самыми теплыми эмоциями. – Они же не могут плодиться так быстро, что им требуется массовый суицид несколько раз в год! Ты вот сюда смотри! – Указатель мышки уткнулся в прыгающую в огонь косматую фигуру, кажется, обнаженную по пояс. – Видишь?!

– Он голый, что ли? – неуверенно уточнил Майк. – Ну, тот, что со шрамом на спине?

– Нет! – недовольно фыркнул Джеймс. – У вас, сопляков, только одно на уме! В штанах он! И баб голых тоже нет! Ты на шрам смотри!

— А что со шрамом? — покосился на него Майк. — Вроде шрам как шрам, качество отстойное, не видно толком...

— А вот что! — интригующим тоном произнес старик и развернул рядом со снимком ещё одно фото. — Это изображение было получено через два... эээ... через три года! Видишь эту фигуру?

— Блин, Джеймс, тут качество ещё хуже! — взмолился Майк. — Где ты только насобиравал это барахло, неужели орбитальные спутники так плохо работают? И что я должен увидеть? Ещё один дикарь со шрамом, только этот собрался утопиться! Ну и что?

– А то, болван, что это один и тот же дикарь! – накинулся на него старик, и Майку пришлось немного сбавить обороты. – Смотри внимательнее на шрамы! Они идентичны! Я, кстати, проводил компьютерное наложение. Результаты полностью подтверждают мои выводы.

– Ты хочешь сказать, что он не сгорел тогда и в этот раз они решили его утопить? – сообразил Майк. – Живучий абориген!

– Сейчас мне стыдно за твой мозг, сынок, – философски изрёк Джеймс, – но, признаюсь, в первую секунду я подумал точно так же. К счастью, было это давно. Вот тебе

третий снимок. Это – великий раритет, один из немногих, что удалось получить в отличном качестве.

Он вывел на соседний монитор ещё одно изображение. На нем было хорошо видно заснеженное кострище, в нескольких десятках метров от которого группа обнаженных по пояс дикарей замерла около довольно большого деревянного идола. У одного из них через всю спину шел старый шрам.

– Это тот же, что и на двух предыдущих фотках. И сделан снимок, – Майк посмотрел на дату в углу, – ещё через год с чем-то. – На этот раз он понял, к чему клонит

Джеймс. – Ты хочешь сказать, что ритуал дикарей – не суицид? Но зачем тогда им в полуголом виде, при температуре в минус пятьдесят, лезть в огромный костер или прыгать в ледяную воду? Почему она не замерзает, кстати?

– Не знаю, сынок, – довольно улыбнулся старик. – Но теперь ты мыслишь в правильном направлении! Почему не замерзает вода, теоретически объяснить можно. Ученые считают, что в том месте, на дне, из-под земли бьет горячий ключ. Вода, кстати, замерзает, вон какая толщина льда в этой дыре, куда они ныряют, просто замерзает она не сразу, так что некоторое время у них

есть. А вот зачем они всё это делают – вопрос немаленький! Я думаю, что это тест! Тест на выживаемость! Так они отсеивают слабых и нежизнеспособных. Тот, кто его проходит, например, получает право иметь потомство, или возможность претендовать на лучший кусок добычи, или ещё что.

– Ну... – Майк пожал плечами. – Какой-то смысл в твоём предположении есть, но...

– Конечно есть! – воодушевленно перебил его Джеймс. – Ты пошевели мозгами хорошенько, сынок! Они проводят свои ритуалы в пятидесятиградусный мороз в полуголом виде и при этом

до сих пор существуют! Это ли не доказательство смысла?! Вот! Самые последние данные!

Старик ткнул пальцем в клавиатуру, одновременно сворачивая все окна сразу, и немедленно принялся открывать новые. На мониторе возникло дрожащее изображение какого-то темного пространства. Приглядевшись, Майк узнал очертания грузового отсека челнока. Аппарель уже была выдвинута, и спустя пару секунд автоматика вытолкнула наружу полету с грузом. Темнота сменилась ярким, молочно-белым полотном.

— Что это? — Майк не смог разобраться в увиденном и перевел

взгляд на Джеймса.

— Снег, — лаконично ответил тот. — Подожди, они скоро появятся!

— Снег? — удивился Майк. — Ты установил камеру прямо на контейнер с безделушками?

— Да! — довольно осклабился старик. — Прямо снаружи и прикрепил! К одной из стенок. Долго она на Холоде, конечно, не протянет, но я на это и не рассчитывал. Главное, увидеть что-нибудь новое, жесткий диск-то внутри, вместе с остальной электроникой, в отапливаемом отсеке! К сожалению, я не знал, что груз сходит с аппарели не полностью и камера сейчас смотрит под острым углом в

снежную поверхность... Вот они, вот они!

Джеймс вперил в монитор жадный взгляд, словно смотрел это видео не в какой-нибудь сто пятый раз, а в самый что ни на есть первый. Майк последовал его примеру. По снежной белизне прошла крупная тень, изображение дрогнуло, и белое полотно на мониторе поплыло куда-то в сторону, похоже, ящики стаскивали с аппарели на землю. Картинку тряхнуло, и на экране появился вид на заснеженный пейзаж.

— Ого! — оценил Майк, разглядывая показавшуюся на заднем плане исполинскую стену ледника,

взметнувшуюся далеко ввысь, у подножия которой застыл густо усыпанный снежными шапками лес из заледеневших елей. — Джеймс, это что, раньше там был город?!

Он указал пальцем на виднеющиеся внутри ледника скелеты высотных многоэтажек, вмерзшие глубоко в ледяную толщу. Казалось, что огромный великан залил водой и заморозил в колоссальном куске льда целый мегаполис.

— Я так не думаю, — покачал головой старик. — Скорее, ледник образовался прямо на месте города, и произошло это очень давно и далеко отсюда. Потом ледяная толща

доползла досюда, в смысле, за много лет. Во льду все сохраняется в таком виде, в каком замерзло, сынок, и ты никак не определишь, сколько оно там пролежало. Нам с парнями у Реактора, когда проводились взрывные работы, случалось находить куски льда с рыбами внутри. Им лет сто пятьдесят, не меньше, а выглядят так, будто замерзли только что. Если бы там, — он кивнул на монитор, — стоял большой город, со спутника было бы видно. Нет, его притащил с собой ледник, и этот ледник медленно, но верно ползет дальше и в конечном итоге выдавит дикарей на поверхность планеты из этого

разлома.

— Ну, он, вообще-то, большой, — усомнился Майк. — Ты же сам говорил, что их котловина полтысячи с лишним километров длиной. Когда ещё это будет.

— Когда-нибудь всё равно будет, — заверил его Джеймс. — В отличие от нас, их ничто не защищает. Кроме самих себя.

— В смысле? — вновь не понял Майк. — Что ты имеешь в виду?

— Смотри-смотри! — скороговоркой ответил старик. — Сейчас поймешь! Запись, к сожалению, короткая, но всё самое главное видно очень отчетливо!

Изображение на экране вновь

задрожало и вдруг сменилось видом на нечто меховое, закрывшее весь обзор. Спустя секунду нечто отдалилось, и стало ясно, что это облаченный в одежду из шкур человек, разгружающий грузовой контейнер. Удаляющийся от контейнера дикарь нес в руках коробку с зеркалами, следом за ним шел ещё один, он тоже что-то нес, но камера была расположена слишком низко и не позволяла разглядеть лиц. Оба быстро ушли куда-то вбок и пропали из виду.

— А чего камера им в пупок смотрит? — Майк недовольно нахмурился.

— Наверное, контейнер с

камерой просел, — предположил Джеймс. — Снег глубокий. Говорю же, не рассчитал я! А ставить камеру в термокожухе прямо сверху на груз бесполезно, дикарям она почему-то не нравится! Сколько раз ставили, так они её сначала сбивали чем-то, то ли стрелой, то ли копьем, и только потом уже появлялись. И как только я не исхитрялся, подо что только не маскировал термокожух, один черт они его опознают. Может, шипит он на морозе или пар даёт...

— Хоть бы рожу рассмотреть, и то развлечение! — Майк продолжал наблюдать за обрезанными по грудь фигурами дикарей, разгружающих контейнер. — Э! Пстой-ка... Это на

них что надето вообще... типа, меховые футболки, что ли?!

– Вот и я о том же! – согласился Джеймс. – Сам не сразу сообразил. Они в безрукавках! Вон ручищи какие здоровенные, мускулы так и перекатываются! Хотел бы я знать, что они там едят такое, в самом сердце Холода, где ничего крупнее мха не растет.

– Во дела! – хмыкнул Майк, провожая взглядом полфигуры очередного дикаря, появившуюся в поле зрения камеры. На этот раз абориген шел в сторону контейнера, в руках он тащил охапку шкур пушного зверья. – Как у него руки не отваливаются?! Там, в снегах, тепло,

что ли?

— Заступишь на вахту и сам прочувствуешь, как там тепло! — саркастически усмехнулся старик, тыкая пальцем в нижний угол изображения, где были выведены показания термометра. Температура находилась на отметке «-54» по Цельсию и продолжала медленно понижаться. Вскоре картинка начала мутнеть, и качество видео быстро упало до состояния размытых клякс,двигающихся рывками.

— Всё, ветер начался! — Джеймс недовольно вздохнул. — Камера замерзла! — Он щелкнул мышкой и поставил видеопоток воспроизводиться непрерывно. —

Больше тут ничего не увидеть. Есть ещё видео с внутренней камеры трюма, но там как обычно – темно и тесно, мало что можно разобрать.

На соседнем мониторе возникла запись камеры трюма, показывающая небольшое темное пространство и ослепительно яркое, квадратное пятно открытого люка. Контраст темноты и сверкающего на солнце снега сильно засвечивал изображение, и разобрать можно было только силуэты. По этой же причине в трюме не ставили камеры ночного видения. Тем временем в люковом проеме показался дикарь с грузовым контейнером в руках. Косматая бородатая фигура в

мохнатых одеждах, с голыми от самых плеч здоровенными ручищами, замерла и, поднапрягшись, одним движением запихнула контейнер в трюм. Дикарь довольно крикнул и ушел восвояси.

— Неслабо он наш контейнер тягает! — отметил Майк. — Там полцентнера веса!

— Ну, так и я мог, когда моложе был, — не без гордости заявил старик. — Когда с Реактора на подрыв ледника выезжали, я стофунтовые мешки со взрывчаткой на руках носил! А там, между прочим, метров сто тащить приходилось.

— Да помню я, Джеймс, помню! — улыбнулся Майк, ласково

хлопая старика по плечу. — Ты рассказывал об этом много раз. Только в прошлом рассказе мешок весил пятьдесят фунтов.

— Сто! — обиженно вскинулся Джеймс. — Ты, видать, уши плохо мыл, сынок! Сто фунтов в тех мешках было!

— Ладно, сто так сто, — не стал спорить Майк. — Слушай, Джеймс, а что такого эксклюзивного в этом новом видео-то было?

— В этом?! Конечно же ничего! — Старик посмотрел на него, как на законченного дебила. — Не считая того, что я вижу, как дикари расхаживают в безрукавочках по пятидесятиградусному морозу! И это

не какой-нибудь особенный ритуал, в тот раз челнок пришел к ним в обычный день, это я точно могу утверждать! Ты так ничего и не понял, сынок?! Они порождения Холода, вот в чем эксклюзив! Если б я так мог, то не хромал бы сейчас на куске пластмассы! — Он красноречиво постучал кулаком по протезу ноги. — И множество парней не вернулось бы с Реактора обмороженными до черноты, а то и в заиндевевших гробах!

Майк просидел в офисе Джеймса еще полтора часа, после чего вновь поздравил старика с Рождеством и оставил его один на один с компьютером. Пора было

возвращаться домой, стоило приехать хотя бы за час до полуночи, не то Хилари будет волноваться. На обратном пути в вагоне монорельса было точно так же пусто, и всю дорогу Майк думал о том, каково ему придется там, у Реактора. После пяти лет рассказов Джеймса и зрелища его протеза, иллюзий он не питал и легкой прогулки не ожидал. Но всё-таки не до такой степени должно быть всё плохо! Майк не собирается проторчать на Холоде всю жизнь, чтобы потом вот так же вернуться с одной ногой или рукой вместо двух и оставшиеся годы висеть у компа в рождественские ночи. Например, где-нибудь в забытом господом

офисе аэропортового комплекса, и тихо фанатеть от каких-то укутанных в шкуры дикарей, что пляшут вокруг деревянных идолов и скачут через костер. Даже если они ходят с голыми руками и лазают в воду при стоящем вокруг диком Холоде. До такой степени промерзнуть мозгами Майк не планирует! Он будет делать свою работу исправно, как полагается, и при первом же удачном случае совершит подвиг ради их с Лив счастливого будущего. После этого они навсегда будут вместе.

Глава 2

Снабженец что-то пометил у себя на планшетном компьютере в стандартном бланке и вновь растянул портняжный сантиметр, окидывая фигуру Майка сосредоточенным взглядом.

– Так, парень, а ну-ка разведи руки немного! – потребовал он и принялся снимать с него мерку объема груди. – Хорошо, теперь опусти! Так... и вот так... – Его руки ловко орудовали сантиметром, измеряя то длину руки, то ширину плеч, то что-то ещё в спине. – Сейчас выдвини ногу на полшага вперед, я

хочу получить объем бедра! Угу...
Угу... О'кей! Теперь проверим
размер ноги!

— Сэр, можно спросить? — Майк
стоял замерев, словно манекен, и
старался четко выполнять
требования снабженца. Шутка ли, с
него снимают мерки на
персональное арктическое
снаряжение, и от того, насколько
точно всё изготовят, будет зависеть
его жизнь за Полярным Кругом.

— Спрашивай. — Снабженец
снова потянулся за планшетником и
застучал пальцами по сенсорному
дисплею, вводя в графы результаты
обмеров. — Наверное, хочешь узнать,
когда будет готово снаряжение?

– Да, сэр, – подтвердил Майк. – Дело в том, что мне заступать на вахту через четыре недели...

– Все новички задают этот вопрос! – ухмыльнулся тот. – Не волнуйся, парень, всё будет о'кей! Через неделю придешь на примерку, ещё неделю техническая станция провозится с подводкой шин внутреннего обогрева, потом пройдешь подгонку. Итого за три недели закончим. Далее, согласно инструкции, получишь снаряжение на руки, и у тебя будет четыре занятия по четыре часа каждое для того, чтобы разносить всё это барахло в тестовом режиме. Если что-то где-то будет натирать –

обращайся, поправим. Только учти, на тестовом режиме халтурить очень не рекомендую. Там, у Реактора, жаловаться будет некому, Холод оплошностей не прощает. Откажет обогрев ступни или кисти — вернешься назад с протезом в лучшем случае! А ты ещё и темнокожий, вашему брату за Полярным Кругом приходится нелегко, так что будь осторожнее. Ты понял, приятель?

— Да, сэр, — закивал Майк, — спасибо! Я обязательно учту ваш совет и сделаю всё, как положено!

— Отлично! — одобрил снабженец. — А теперь двигай в класс, я с тобой закончил.

В аудиторию, где проходили обучающие занятия, Майк успел попасть за секунду до начала урока. Совсем не старый эксперт, читающий лекции, смерил его суровым взглядом и молча указал на свободный стол протезом руки. Майк поспешил занять своё место, внутренне поежившись. За три дня занятий в центральном офисе Полярного Бюро он повстречал людей с протезами больше, чем за всю свою жизнь, раз в двадцать. Это вызывало у него легкий страх, но всякий раз он немедленно отгонял его мыслями о Лив и о том, что задуманный план есть единственный шанс для них обоих.

– Господа! – Эксперт постучал металлическим карандашом лазерной указки по столешнице. – Попрошу всех встать и подойти к макету Реактора! – Он поднялся с кресла и включил лазерный лучик. – Сегодня я покажу, где вам предстоит провести пять месяцев вахты. Поэтому настоятельно советую слушать очень внимательно, в электронных буклетах Бюро содержится только общая информация!

Присутствующие в классе люди покинули учебные места и столпились у стоящего посреди класса большого круглого стола, всю поверхность которого занимал

рельефный макет Реактора, выполненный из цветного пластика.

— Я хочу, чтобы вы разошлись вокруг стола так, чтобы всем было видно! — потребовал эксперт и занял лекторское место возле пульта управления подсветкой макета. — Итак, перед вами комплекс сооружений, традиционно именующийся Реактором, вернее, его точная копия в масштабе один к двадцати пяти, что означает, что вот это здание резервной электроподстанции, — луч указки уперся в приземистую белую коробку, — высотой в двадцать сантиметров, в действительности имеет пятиметровую высоту! Это

всем понятно?

Он окинул слушателей вопросительным взглядом, но не увидел в их глазах вопросов и продолжил, обводя лучом указки основную площадь макета, заставленную копиями конструкций скелетного типа, раскрепленных длинными штангами и растяжками.

— Основную часть Реактора площадью в сто квадратных километров занимают мощные радиопередатчики, составляющие единую фазированную решетку. Таким образом, господа, перед вами одна гигантская антенна! Именно она формирует погоду над Новой Америкой. В результате её работы в

ионосфере над нами возникают плазмоиды огромных размеров, о которых мы говорили на вчерашней лекции. Плазмоиды, подобно зеркалам, концентрируют солнечную энергию особым образом и направляют её на Новую Америку. Данный участок Реактора имеет исторически сложившееся название – сектор ХААРП! Как видите, кроме непосредственно антенн там ничего нет, за исключением пункта аварийного ручного управления, зарытого в землю заподлицо с поверхностью и законсервированного, так что надолго останавливаться на нем не имеет смысла. Конструкцию

стандартной антенны вам объяснят позже, на следующих лекциях. Итак, ХААРП.

Он коснулся сенсора, и поле радиопередатчиков вспыхнуло светодиодной подсветкой.

— Помимо концентрации солнечной энергии, ХААРП поддерживает и регулирует силу ураганов, составляющих Полярный Круг, который является для Новой Америки надежным барьером, непреодолимым для Холода и адаптировавшихся к нему мутантов всевозможных видов. Направления движения ураганов Полярного Круга контролируются спутниковой группировкой Полярного Бюро,

включающей в себя три специальных метеорологических спутника с уникальными возможностями, являющихся единым целым с сектором ХААРП, два основных и один запасной. На случай поломок и прочих непредвиденных обстоятельств. Средний срок службы такого спутника в режиме рабочей нагрузки составляет три года. Национальное Космическое Агентство строго следит за своевременным изготовлением и выводом на орбиту новых спутников взамен пришедших в негодность.

Эксперт вновь окинул слушателей взглядом:

— С данной информацией

проблем ни у кого быть не должно, почти всё это известно вам со школьной скамьи. Поэтому двигаемся дальше! – Он тронул ещё один сенсор, и на макете загорелась подсветка небольшой группы строений, плотно стоящих рядом друг с другом. – Этот сектор называется Эксмот, это также исторически сложившееся название. Именно здесь вы будете проводить большую часть времени во время вахты. Тут расположены: командный центр, жилые помещения, ангары для техники, радары и резервная электроподстанция! – Лазерное пятнышко указки заскользило от одного макета к другому.

— Так много всего и только несколько строений? — не выдержал Майк. — И как там умещается две сотни человек, да ещё с техникой? Места же совсем мало!

— Хороший вопрос! — одобрительно воскликнул эксперт. — В действительности вы видите лишь надземную часть сектора. Вот это и это — радары, тут, как я уже сказал, резервная электроподстанция, предназначенная для обеспечения питанием секторов ХААРП и Эксмот в случае отключения основной электростанции, остальное — ангары для техники. Двести двадцать три человека, составляющие вахту, живут под землей, там же находится и

центр управления Реактором. Сектор Эксмот создавался более двухсот лет назад, до климатической катастрофы, и Новая Америка сделала всё, чтобы встретить её во всеоружии! Три подземных уровня, по комфорту не уступающих хорошему отелю, тренажерный зал с бассейном, три ресторана, восемь баров, киноцентр и медицинский пункт, оборудованный самой современной аппаратурой. Вам будет чем заняться долгими холодными вечерами! Подробности узнаете на месте, а пока следуем дальше.

Эксперт машинально почесал протез, чем напомнил Майку старого Джеймса, при каждом дожде

жалующегося на зуд в отсутствующей ноге, и подсветил указкой отдельно стоящий макет строения:

— Господа, вы видите сектор Пауэр! Впрочем, между собой мы называем его Барбекю. Это атомная электростанция, снабжающая энергией все объекты Реактора, кроме Могильника, которому питание не требуется. АЭС была построена незадолго до наступления Холода и рассчитана на эксплуатацию именно в условиях предельно низких температур. Её устройство поистине революционно, в нем использовано воздушное охлаждение, благо чего-чего, а охлаждения у нас достаточно!

Слушатели засмеялись, оценив шутку, и один из них, судя по внешности, ровесник Майка, даже вставил свою реплику:

— Моя кузина работает на обогатительной фабрике! Они делают топливо для сектора Пауэр. Наша семья гордится тем, что имеет отношение к сохранению жизни в Новой Америке! Поэтому я решил стать полярником, сэр!

— Это очень похвальное и героическое решение! — немедленно согласился эксперт. — Ты настоящий патриот, парень, только будь предельно осторожен и внимателен, когда попадешь к Реактору. — Он многозначительно поднял руку с

протезом и с механическим жужжанием повертел искусственной кистью: – Холод ошибок не прощает!

Парень аж побледнел, не ожидая такого ответа, и Майк усмехнулся про себя. Этот точно конкуренции не составит, один на двоих подвиг делить не придется. К тому же он белый.

– Извините, сэр! – Майк обратился к инструктору. – Если это не является конфиденциальной информацией, сэр! Как случилось, что вы получили травму?

– Ты хотел сказать «остался без ладони», парень? – иронично усмехнулся эксперт. – Это корпоративная тайна. Но я вам её

раскрою, мы же теперь коллеги! Я работал в Могильнике, когда на нас напали мутанты. Какая-то зубастая тварь вцепилась мне в руку. Я забил её насмерть ледорубом, но она повредила тепловую шину, и у меня отказал обогрев перчатки. Пока я добрался до Реактора, кисть превратилась в ледышку, и врачи ампутировали её, чтобы спасти всё остальное. Ты хочешь узнать что-то ещё или мы можем продолжить?

— Нет, сэр! — От полученного объяснения Майк опешил, но вида не подал. Будущему герою испуг не к лицу, и выглядеть ошарашенным, как этот белый пацан рядом, он не собирался. — Спасибо за ответ, сэр!

Извините, сэр!

Но эксперт уже не обращал на него внимания. Луч лазерной указки скользнул по макету АЭС и переместился дальше, на идеально ровную бетонку взлетно-посадочной полосы.

— С Барбекю разобрались, — констатировал эксперт. — Там всё просто: в центре здание управления, по бокам два шарообразных теплообменника. Ядерное топливо завозится из Новой Америки шаттлами, для захоронения отходов служит Могильник. Теперь о главном. То, о чем молятся все: ниточка, соединяющая наши попавшие в рабство к Холоду души с

Новой Америкой, – сектор Аэродром. Вот он. Это – взлетная полоса, и она чистится от снега два раза в сутки, иначе к моменту прибытия или отправления шаттлов её будет уже не найти. Рядом – ангары. Туда загоняются прилетевшие шаттлы в случае получения штормового предупреждения, там же хранятся два шаттла, предназначенные для аварийного сообщения со страной в экстренной ситуации.

– Я слышал, что шаттл вмещает пятьдесят человек, – опять осмелел белый новичок. – Разве двух машин достаточно для эвакуации всего персонала?

– Эвакуация всего персонала

невозможна в принципе. — Эксперт смотрел на него с нескрываемой насмешкой. — Если Реактор прекратит функционировать, а без персонала Холод сожрет его очень быстро, то Новой Америке конец. Для того и существуем мы, полярники, чтобы Реактор работал бесперебойно в любых ситуациях, даже самых экстренных. Те шаттлы стоят в ангарах на всякий случай, потому что лучше с ними, чем без них. Каждые десять лет их меняют, но за это время они никогда не покидают ангаров, поэтому самые теплые места во всей вахте — это вакансии их пилотов. Пять месяцев все вкалывают, как проклятые, а эти

шестеро ни черта не делают, только сидят в ангаре по очереди и следят за отоплением. Но и это уже само по себе важно. Если оставить ангары без отопления, через пару дней шаттлы превратятся в насквозь заледеневшую рухлядь. И даже если гидравлическое оборудование не разорвет изнутри льдом, то отогревать такую махину придется неделю. И сразу отправлять на техническое обслуживание, потому что взлетать на ней после такого может решиться только самый отчаянный самоубийца.

— А как же другая техника? — не выдержал Майк. — Почему она не замерзает? На первой лекции нам

говорили, что Реактор обслуживают несколько десятков единиц техники! Или её тоже держат в отапливаемых помещениях?

— На Реакторе ВСЁ И ВСЯ держат в отапливаемых помещениях. — Эксперт равнодушно пожал плечами. — Вы всё поймете очень быстро, как только заступите на вахту. Любую единицу техники, от боевой машины до снегохода, категорически запрещается глушить вне ангара. Поэтому все они оборудованы аккумуляторами повышенной емкости. Двигатели внутреннего сгорания не используются, так как возить топливо шаттлами крайне накладно,

зато Барбекю хватает на всех, и на Завесу в том числе.

Он вновь коснулся сенсора, и подсветка обозначила тройную линию проволочных заграждений, опоясавшую все части Реактора, но не распространившуюся на огромное антенное поле.

— Господа, прошу обратить внимание! — Эксперт несколько раз обвел указкой охранный периметр. — Это важно! Завеса ограждает всё, кроме сектора ХААРП, так как он в охране не нуждается! Завеса представляет собой комплекс проволочно-тросовых заграждений, на которые всегда подается электрический ток огромной силы.

Завеса серьезно облегчает нам жизнь, так как не дает мутантам проникать на территорию Реактора. Даже мимолетный контакт с находящимися под напряжением проволочными заграждениями убивает зверьё наповал. Мутанты чувствуют это и предпочитают к нам не лезть, хотя единичные особи бросаются на Завесу почти ежедневно.

— Зачем они это делают? — насторожился Майк. Это, возможно, один из его шансов совершить подвиг. Ну, на перспективу, конечно, но со счетов сбрасывать не стоит.

— Тепло! — лаконично изрёк эксперт. — Я же сказал, все строения

Реактора отапливаются. Они теплее окружающего воздуха, и зверьё это чувствует, причем издалека. Мутантами движет стремление обогреться. Но у нас всё под контролем, Завеса состоит из трех рядов, и ещё ни разу ни одна тварь не смогла преодолеть их все. Двенадцать лет назад у нас был инцидент с белым медведем, предположительно больным бешенством, эта зараза вспыхивает вокруг Могильника довольно часто. Из-за своих крупных размеров медведю удалось прорвать проволочное ограждение первой линии и выжить под напряжением, но уже на второй линии его зажарило

окончательно. Так что даже в случае непредвиденных обрывов той или иной линии Завесы, Реактор остается надежно защищенным. Дистанция между линиями Завесы шесть метров, что позволяет без проблем очищать заграждения от снега, чем каждому из вас предстоит заниматься не одну сотню раз, господа!

— А током не убьет? — с опаской поинтересовался кто-то из слушателей. — Если там везде напряжение? Вдруг техника случайно заденет за токопровод?

— Завеса — это конструкция из толстой стальной проволоки, снег на ней практически не задерживается. —

Эксперт легонько коснулся
карандашом лазерной указки макета
проволочного периметра. – Вы же
видите, господа! Поэтому очистке
подлежат только опорные столбы,
точнее, их основания. Мы
используем для этого ветровую
турбину, на сленге полярников её
называют «пушкой». Аэросани
двигаются вдоль заграждения, и
оператор «пушки» действует
воздушной струей, сбивая снег.
Конечно, мы следим за техникой
безопасности! В командном центре
специальный оператор наблюдает за
очистителями, и в случае
необходимости он всегда готов
обесточить нужный участок Завесы.

Впрочем, сильные заносы случаются редко. Бураны и ураганы в зоне Реактора проходят каждую неделю, порывы ветра имеют скорость от шестидесяти до восьмидесяти метров в секунду, дуют каждый раз в разные стороны, так что сугробы там надолго не задерживаются. Это позволяет заранее замечать приближение падальщиков.

– Падальщиков? – переспросил тот молодой новичок, что спрашивал про шаттлы. – Это гиены?

– Это кто угодно, – без тени насмешки ответил эксперт. – Так мы называем мутантов, которые приходят к Завесе, чтобы пожирать трупы убитого током зверья. Голод

неотделим от Холода, и среди мутантов привередливых нет. Любой из них сожрет всё, что угодно, от заледеневшего трупа до застывшей колом на морозе резиновой изоляции. В пищу идет любая органика, лишь бы выжить. Так что если кого-то из тварей только что убило током у Завесы, пора ожидать появления целой стаи желающих заполучить её труп. И часто в результате дележки добычи количество трупов увеличивается.

— О боже мой! — воскликнул один из новоиспеченных полярников. — А оружие? У нас есть оружие? Вдруг какой-нибудь кровожадной твари удастся

перепрыгнуть через ограждения или совершить подкоп?!

— Не беспокойтесь, господа, система безопасности тщательно продумана, — заверил эксперт всех сразу. — Реактор существует две сотни лет! Аэросани оснащены пулеметом, бронемашины автоматическими пушками, даже на снегоходах установлено легкое вооружение. С правилами его эксплуатации вас ознакомят непосредственно на Реакторе. Но бояться нечего! Перепрыгнуть пятиметровую нитку Завесы, да ещё сразу три, невозможно. Тем более прорыть подкоп в вечной мерзлоте! Для этого требуются многочасовые

взрывные работы. Конечно, есть мутанты, способные вгрызаться и в мерзлоту, и птицы, передвигающиеся по воздуху, но явной опасности они не представляют. Мы всегда начеку, и любое приближение засекаем заранее. Завеса оборудована тепловизорами и видеокамерами с режимом круглосуточного наблюдения. Некоторые из вас проведут множество дежурств на наблюдательных постах, это комфортабельные операторские места, расположенные в тепле командного центра, туда сводятся данные со всех камер. В общем, если соблюдать инструкции и технику безопасности, вам ничто не будет

угрожать, господа!

Он одарил всех слушателей широкой улыбкой, при этом скользя по ним насмешливым взглядом. Экскурсовод вновь, словно невзначай, пошевелил искусственной кистью, и тихое жужжаниедвигающегося протеза заставило некоторых вздрогнуть.

— Итак, я хочу, чтобы вы внимательно изучили макет Реактора и запомнили его в точности! — потребовал эксперт. — К началу тестовых испытаний персонального снаряжения каждый из вас должен знать Реактор лучше, чем планировку собственных апартаментов! Приступайте, господа! Я буду

отвечать на ваши вопросы по мере сил.

– Сэр, почему сектор ХААРП не имеет Завесы? – поинтересовался Майк у эксперта, красноречиво продолжающего жужжать протезом.

– Она ему не нужна, – ответил тот. – За сорока километрами заграждений на Холоде не уследишь, да и охранять там нечего. Конструкции антенн и трансляторов стальные и гибкие, мутантам нечего сожрать. И зверье не любит подходить к ним слишком близко, мощные излучения ХААРПа их пугают. Ремонт или плановая замена конструктивных элементов требуется редко, и это производится силами

специальных бригад, состоящих из наиболее опытных полярников. Новичкам выход за пределы Завесы в течение первых двух вахт строго запрещен. Какие-нибудь ещё вопросы?

— Да, сэр, — не отступался Майк. — Где находится Могильник? Почему его нет на этом макете?

— Хочешь себе такую же штуку? — Эксперт сунул ему под нос протез и пошевелил пластиковыми пальцами.

— Я... — такого Майк не ожидал, — я хотел сказать... Мне просто интересно, сэр! У меня есть знакомый, он долгое время был полярником, остался без ноги. Он

много рассказывал мне о Реакторе, говорил, что Холод — опасное место...

— Место? — развеселился эксперт. — Парень, ты, видно, плохо его слушал! Место — это Новая Америка! Холод — это всё. Ему принадлежит планета. Вся, кроме нашего клочка земли. И он очень недоволен этим! И тот, кто думает, что это ерунда и байки, имеет все шансы вернуться домой в обледенелом ящике!

— Но из вашего рассказа следует, что опасаться нечего, всё под контролем! — упрекнул его Майк.

— Так и есть! — продолжал веселиться экскурсовод. — У нас всё

под полным контролем! Иначе Новая Америка была бы сейчас заснеженным кладбищем заледеневших трупов.

— Тогда в чем же опасность Холода? — Майк саркастически ухмыльнулся. — Кроме низких температур? Чего вы все так его одушевляете, словно он живое воплощение какого-нибудь древнего зла?

— Послушай меня, парень, я кое-что тебе расскажу сейчас! — радостно заулыбался однорукий эксперт. — Забегу вперед программы обучения! Реактор, — он кивнул на светящийся огнями макет, — расположен в Австралии, в одиннадцати с

половиной тысяче километров от нас. Это не экватор, но все ещё тропики, и там очень тепло – всего минус шестьдесят по Цельсию, а летом так и вовсе жара – до минус сорока пяти! Это бесконечная заснеженная пустыня, на которую медленно надвигается мировой ледник. Ледник сковывает всю планету, у него нет границ, и на его поверхности гуляют не просто снежные бури, там бушуют ураганы со скоростью ветра порядка ста – ста десяти метров в секунду. Срываясь с ледникового панциря, они слабеют в среднем до восьмидесяти метров в секунду. Это немного, всего-то двести девяносто километров в час!

Без опоры устоять на ногах невозможно, порыв ветра сбивает с ног человека в полном арктическом снаряжении и уносит прочь на многие километры! Поэтому вся территория Реактора имеет пешие маршруты, вдоль которых растянуты тросы, а снаряжение полярника оборудовано страховочными карабинами, позволяющими зацепиться за них, потому что удержаться на тросе руками в момент урагана сможет далеко не каждый! Не говоря уже о том, что в момент урагана ты не сможешь разглядеть даже перчатки, если вытянешь руку, всё вокруг тебя будет одним сплошным снежным месивом,

забивающим глаза, нос и уши, поэтому мы закрываем лицо масками.

Но это ещё не всё, приятель! При температуре воздуха в минус сорок по Цельсию, в нашем арктическом снаряжении вполне можно не просто выживать, но и комфортно работать на морозе часов десять – двенадцать. Но вот беда – на ветру любая поверхность накаляется ещё сильнее, и вот тут-то Холод и предстает во всей своей красе! Уже при скорости ветра в два метра в секунду, минус сорок превращается в минус сорок восемь! При пяти метрах в секунду – в минус пятьдесят шесть, при десяти метрах в секунду –

в минус шестьдесят градусов, а при двадцати — в минус шестьдесят восемь. Но такое конечно же бывает нечасто! Потому что нечасто на Реакторе бывает минус сорок! Обычно там минус шестьдесят с небольшим, я же говорил, что места у нас теплые, и ветерок легкий, двадцать метров в секунду, в итоге на поверхности снаряжения обычно фиксируют температуру в минус девяносто градусов по старику Цельсию, плюс-минус градус-другой!

А теперь подумай вот о чем: при охлаждении температуры кожи человека ниже плюс тридцати градусов, заметь, парень, я сказал ниже ПЛЮС тридцати, он начинает

дрожать. Вот почему любому из вас бывало зябко даже в Новой Америке, где всегда выше нуля. При понижении температуры кожи ниже двадцати семи градусов любой человек, не привыкший к Холоду, как к отцу родному, впадает в кому. А при температуре кожи в двадцать один градус наступает смерть. Самые живучие способны протянуть до двадцати градусов, в это время температура тела составляет где-то градуса двадцать два-двадцать четыре. При температуре кожи в плюс девятнадцать градусов за всю историю Полярного Бюро ещё никто не выживал. И все мы очень рады, что могучие ученые умы Новой

Америки создали для нас снаряжение с электрообогревом, которого хватает в среднем на десять часов непрерывной работы! Обогрев защищает нас от превращения в замороженное мясо! Как ты думаешь, приятель, какова температура на поверхности снаряжения, если в пятидесятиградусный мороз Холод одаривает нас свежим бодрящим бризом со скоростью ветра в тридцать метров в секунду? А если это зима и было не пятьдесят, а шестьдесят пять градусов ниже нолика?

Эксперт радостно улыбался Майку во все тридцать два зуба, выдерживая недолгую паузу. Майк

молчал, торопливо вспоминая рассказы старого Джеймса.

– Я тебе помогу! – сжалился над ним однорукий. – В обоих случаях за минус сто, но это уже не имеет значения! Потому что имеет значение лишь один показатель: как долго ты продержишься один на один против Холода, если откажет обогрев снаряжения, а своевременно добраться до укрытия не удастся? Ибо смертельно опасной для выросшего в условиях вечно теплой Новой Америки человека считается температура окружающего воздуха от минус сорока пяти по Цельсию. – Он поднял протезированную руку на уровень глаз Майка: – Моя кисть

продержалась почти час. Но до Реактора мы смогли добраться только через семьдесят одну минуту. И врачи сказали, что мне ещё повезло, отрезать пришлось только ладонь. Ну, как тебе объяснения, парень? Всё ещё не убедительно?

— Вы попали в Воронку, сэр?! — невольно выдохнул Майк. — Простите, сэр, я не знал! Мне очень жаль, сэр! Старый Джеймс говорил, что это может произойти внезапно...

— Что? Воронка? — хохотнул эксперт. — О чем ты, приятель! Я попал в драку с мутировавшим зверьем у Могильника, в самой обычной обстановке! У нас там всегда минус сто с копейками, под

ветром в сто двадцать километров в час, это штатная погода на Реакторе. С тех пор как двести лет назад наша ионосфера превратилась черт знает во что, на планете творится ещё и не такое! У меня просто отказал обогрев перчатки, а до Реактора было две сотни километров. Водитель выжал из аэросаней всё, и я до сих пор благодарен ему за это! Вот и все дела. А Воронка – это совсем другое. Ученые называют её «Глаз Бури». Это – самый центр исполинского циклона, высотой в восемьдесят с лишним километров и площадью с половину Австралии. В наше время вряд ли есть что-либо страшнее этого. Воронка может образоваться

за полминуты и даже быстрее. В считанные секунды она затягивает холодный воздух с высоты в несколько десятков километров и с огромной скоростью выплевывает его на поверхность. Сила ветра в это время зашкаливает за четыреста километров в час, температура резко падает до минус ста сорока по Цельсию, а бывало и ниже. Приборы лопаются, пластиковые элементы конструкций разлетаются на куски, после Воронки начинается аврал, всё приходится менять на новое!

Он перестал улыбаться, опустил руку и снова машинальным движением почесал протез.

— Если ты видишь образование

Воронки, то лучше бы тебе находиться где-то очень недалеко от строений Реактора. — Эксперт посмотрел на Майка. — Потому что при хорошо заряженных батареях персонального снаряжения шина подогрева ещё что-то там подогревает в течение четырех минут, при половинном заряде — две минуты, при заряде менее четверти ты начнешь замерзать уже через минуту. Без подогрева человек перестает чувствовать и контролировать свои конечности приблизительно на пятой секунде, а на десятой ему уже на всё плевать. Так что если услышишь шепот Холода, начинай молиться.

– Шепот Холода? – Кто именно из донельзя пораженных слушателей выдавил из себя этот вопрос, Майк не понял. Он вдруг отчетливо вспомнил давно забытый разговор с Джеймсом четырехлетней давности. Одноногий старик тогда рассказал, как попал под Воронку.

Это произошло у самого въезда на территорию Реактора, когда их команда возвращалась с работ по плановому подрыву ледника. Они не успели добраться до ангаров на какие-то двадцать секунд. Удар стихии чудовищной силы отшвырнул снегоход Джеймса, словно спичечный коробок. Человека вырвало из сиденья и впечатало в

стену ближайшего строения. От сильного удара он на несколько секунд потерял сознание, но ему повезло, закрепленный на поясе ледоруб зацепился за узел крепления страховочного троса, что растянуты вдоль всех тропинок Реактора. Очнулся Джеймс от того, что яростные порывы жестокого урагана, беснующиеся возле здания, били его о стену. Он смог пристегнуться страховочным карабином к тросу и попытался добраться до входа, до которого оставалось ровно пять метров. Но от сильного удара шина системы индивидуального обогрева повредилась, и Джеймс понял, что не чувствует левой ноги и не может

идти. Пришлось ползти, перебирая руками по канату. Ураганный ветер бил ему навстречу, кругом висела сплошная снежная завеса, и он не видел даже собственных рук, цепляясь за трос по наитию. Пять метров Джеймс преодолевал более трех минут, но ему всё-таки удалось подползти к двери. Он долго стучал в неё ледорубом, потом ледоруб вырывало из онемевших рук, и Джеймс продолжал стучать кулаком, которого уже не чувствовал. Через несколько секунд стук услышали, дверь приоткрылась, и его втащили внутрь. Сослуживцы сразу же поместили его в обогревательную камеру и оказали первую помощь, но

ногу уже тогда было не спасти. Так закончилась последняя смена Джеймса. Старик не любил вспоминать тот день, но тогда, после этого рассказа, негромко добавил:

— Перед самым появлением Воронки вдруг наступает абсолютный штиль, термометр замирает на минус пятидесяти, и вокруг воцаряется полная тишина. В этот момент ты слышишь тихий шепот. Это Холод пришел за тобой.

Майк вздрогнул, настолько ясно ему привиделся хмурый Джеймс, сидящий в своем кресле и почесывающий протез ноги со стеклянным взглядом, направленным куда-то сквозь тебя...

– Это атмосферное явление! – решительно заявил он, отгоняя от себя липкий холодок страха, тонким ручейком нервной дрожи побежавший между лопаток. – Так получается потому, что при экстремально низких температурах из воздуха вымерзают кристаллы льда! Этот процесс сопровождается шелестом! Сам по себе Холод ничего никому не шепчет!

– Действительно? – Эксперт с интересом воззрился на Майка. – О'кей, приятель, будь по-твоему. Только когда Холод решит перетереть с тобой с глазу на глаз, не забудь рассказать ему об этом! – Он иронично усмехнулся и окинул

слушателей суровым взглядом: —
Итак, господа! Я хочу, чтобы вы
запомнили простое правило: увидел
образующуюся Воронку — сначала
пристегнись к тросу, затем беги со
всех ног к ближайшей двери! Именно
в такой последовательности, и никак
иначе! Ваше индивидуальное
арктическое снаряжение
оборудовано двумя карабинами,
предназначенными специально для
таких случаев, один спереди, другой
сзади! Помните, при ударе урагана,
движущегося со скоростью
четыреста километров в час,
удержаться на ногах невозможно!
Поэтому, если вы планируете
возвращаться в Новую Америку,

советую вам отнестись к моим словам очень серьезно!

К моменту окончания курса профессиональной подготовки Майк уже не питал никаких иллюзий – ему придется тяжело. Возможно даже, тяжелее всех, так как в их группе он был единственным афроамериканцем. Но именно этот факт и придавал ему сил. Что бы там, у Реактора, его ни ждало, Майк встретит это, как настоящий мужчина, и победит. Ради любви, ради Лив и их совместного будущего. Он вытерпит все лишения и всё равно совершит подвиг, положить жизнь или здоровье на алтарь Холода

– это не для него. Его ждёт слава, богатство и любовь! Но сначала необходимо добиться своей цели, а для этого стоит отнестись к Холоду предельно серьезно. И Майк тщательно заучивал всё, чему учили его эксперты Бюро. Он даже добился разрешения взять своё персональное снаряжение на дом с целью продолжить тесты сверхурочно. Майк еле дотащил две совершенно огромные сумки до вагончика монорельсовой дороги и первым делом показал снаряжение Джеймсу.

– Классная снаряга, сынок! – одобрительно кряхтел старик, разглядывая его, облаченного в арктический комбинезон, со всех

сторон. — Последняя модель! Модернизированная система обогрева, с двойной страховкой! У тебя шансов вернуться на своих двоих будет побольше моего! И маска хороша! Верхний слой синтетика, а снизу шерсть! И даже носовая накладка есть, чтобы выдох ртом шел вниз, очень хорошо! И дополнительный обогрев лицу, и очки не запотеют случайно. На таком морозе протереть получится далеко не всегда, а влага будет кристаллизироваться в лед мгновенно! Пятку не трёт? А под коленкой? Головой поверти! Очки не съезжают набок? Нет? Ещё поверти! А плечевые лямки рюкзака не

стесняют движения? Смотри, если разотрешь, не обрадуешься! Может, нагрузим тебя чем-нибудь? Ну-ка, влезь на стол, я хочу видеть, как ты в нем двигаешься!

Короче, Джеймс взял его в оборот так, что за четыре тестовых дня снаряжение Майка было не просто проверено, а истестировано вдоль и поперек. У снабженца брови поползли вверх, когда он увидел список требуемых Майком доработок.

— Парень, ты уверен, что это твоя первая вахта? — Он с подозрением смотрел на Майка. — Почему я тебя не помню? У нас не так много черных парней!

— Первая, сэр! — улыбался Майк. — Но мне помогал старый друг, у него их было семнадцать. Я долгое время работал с ним в Гуманитарной миссии. Есть такая контора.

— Увидишь его — передавай от меня большой респект, как говорится! — велел снабженец. — Уважаю! — Он ещё раз пробежал глазами список. — Вот тут и вот здесь он нашел недостатки, которые мы выявили только во время вахты! Чувствуется опыт! Ладно, парень, обычно новички не доставляют нам таких проблем, их и в вахту включают в самое теплое время, но из уважения к твоему старику мы постараемся исправить всё за сутки.

Послезавтра приходи, заберешь свой эксклюзив.

Накануне отлета Майк ещё раз съездил к Джеймсу, попрощаться. Старик долго напутствовал его, то засыпая советами, то пожимая руку, то грустно вздыхая с ностальгией в глазах:

– Счастливый ты парень, сынок! Завтра будешь на Реакторе! Займешься настоящим, мужским, живым делом! Попробуешь себя на прочность и узнаешь, чего стоишь и на что способен! А мне сидеть тут, в чертовом офисе, и коптить воздух среди этих тепличных лоснящихся идиотов, что живут в тепле и комфорте всю жизнь и даже не

представляют себе, что ради их безмятежности настоящие патриоты Новой Америки каждую минуту бросают вызов Холоду, рискуя собственной шкурой! Хотел бы я полететь вместе с тобой, сынок! Отчеты, квитанции, счета, бюрократы, алчные бабы, капризные слизняки вокруг... Мне тут всё до смерти обрыдло!

Майк лишь мысленно качал головой. Вы все там, в Полярном Бюро, отмороженные на всю голову! Это до какой степени странным надо быть, чтобы стремиться туда, откуда разок уже вернулся без ноги! Да если бы не Лив, он, Майк, никогда бы не сунулся за Полярный Круг! Здесь

всяко поинтереснее будет, и плевал он на зарплату в Бюро, никакие деньги не помогут купить новую ногу! Но раз другого пути к Лив нет, то действовать нужно быстро и умно, чтобы не сидеть в этом чертовом Реакторе годами.

— Скажи, Джеймс, а какой наиболее сложный участок на Реакторе? — Майк постарался задать этот вопрос предельно будничным тоном. — Я имею в виду, где труднее всего работать? Где опасно, где у людей могут возникнуть проблемы и их придется спасать? Ну, как случилось с этим знаменитым парнем, Дэвидом Бронсоном! Что-то мне не улыбается с первой же вахты

вернуться в госпиталь или куда похуже! Хочется понимать, куда не стоит лезть по первому разу!

— В Реакторе нет простой работы! — важно заявил Джеймс. — И новичков никогда не посылают в опасные места, в первую вахту тебе это не грозит. Ну, если только форс-мажор! А так возле тебя всегда будет рядом кто-нибудь из опытных полярников. А вообще ты мыслишь здраво, молодец! Вот что я тебе скажу: самая сложная работа — это подрывы ледника в зимний период, в самый разгар холодов и ветров. Этим занимаются только настоящие профессионалы! Я занимался этим двенадцать вахт! — Он гордо

расправил плечи. — Но если рассуждать об опасности, то самое опасное — это Могильник. Работа там несложная, но мой тебе совет: держись от него подальше любыми способами. Гиблое там место. У команд, что на Могильник ездят, самые высокие надбавки. Выше разве что только у научного персонала, что управляет ХААРПом, да и то не у всех. Но эти деньги того не стоят! Радиация, уродливое мутировавшее зверье, оно там вечно голодное и бросается на всё, что шевелится, плюс двести километров до Реактора по ледниковой расщелине... Если Воронка застанет — всё, конец. Никаких шансов. Так что на эту

работу не соглашайся ни за какие деньги, а остальному тебя научат!

Звучало действительно угрожающе и жутко. Пожалуй, в Могильник Майк точно работать не пойдет, мертвый он Лив не нужен. Остаются подрывы ледника, и Бронсон, кстати, вроде тоже работал именно там. А вообще надо будет внимательно разобраться на месте. Конечно, в первую же вахту совершить подвиг вряд ли повезет, но во вторую уже надо что-то делать, время идет. Не приведи господь, отец Лив захочет выдать её замуж против воли!

Перед сном Майк написал ей письмо, в котором рассказал, что

покидает Новую Америку ради неё и что скоро Лив сможет не прятать свои чувства к нему, потому что он станет для неё достойной парой и они навсегда будут вместе. Никогда раньше он ей писем не писал, её адреса у него не было, а узнать было не у кого. Спрашивать напрямую Майк не хотел. Лив никогда не появлялась в миссии одна, и такой вопрос неизбежно поставит её в неловкое положение. Вряд ли она смогла бы ответить. Поэтому он утащил из офиса Джеймса фирменный конверт Гуманитарной миссии и написал письмо на бумаге, адресовав его лично мисс Шекельсон, главе дизайнерского

дома «Нуар». Она получит письмо под видом официального документа, обязательно прочтет, и ей, как натуре чувствительной, будет приятно держать в руках лист бумаги. Майк читал где-то в интернете, что бумажное письмо – это сейчас очень романтично. На всякий случай он сперва набрал текст на компе, чтобы проверить грамотность, а уже потом перерисовал его на бумагу. Утром, по дороге в центральный офис Полярного Бюро, он занес конверт в службу доставки.

– Всем пристегнуться! –
Бригадир Уокер поднялся с кресла и посмотрел на новичков, ерзающих на

посадочных местах пассажирского трюма шаттла. — Эй, Батлер, тебя тоже касается! Чего ты там возишься, ремнем в защелку попадать не научился?

Сидящий рядом Перес захихикал, и его смех подхватил ещё кто-то. Майк недовольно скривился и зло покосился на него. Тоже мне, специалист по шаттлам нашелся!

— Простите, сэр! — Майк торопливо пристегнулся. — Я раньше никогда не летал... всё готово, сэр!

— А ты, Перес, заткнись! — посоветовал бригадир лыбящемуся выскочке. — Смеяться будешь, когда обратно полетишь, живой и здоровый! А до тех пор смеяться над

всеми вами буду только я! Ты всё понял, Перес?!

– Да, сэр! – Довольная гримаса мгновенно сползла с лица Переса. Остальные заткнулись ещё быстрее. Бригадир занял своё место, и Майк принялся осматриваться вокруг.

Прямо сказать, зрелище было удручающим. Огромный стальной гроб, рассчитанный на пятьдесят человек, все сидят впритирку, словно горошины в банке. Если эта штука упадет, проводить спасательную операцию точно будет бесполезно. Лучше не спрашивать, проводятся ли они в таких случаях вообще. Раньше, работая в миссии, Майк пару раз видел прибытие и отправление

вахты. Старый Джеймс всегда выходил провожать шаттлы. Пришел он и на этот раз. Оказалось, что бригадир Уокер с ним знаком, и Майку даже позволили пару минут поговорить со стариком, пока остальные грузились в шаттл. Теперь все расставания позади, осталось только красиво взмыть в чистое небо над залитой яркими лучами весеннего солнца гладью аэродрома.

— Внимание! Говорит командир корабля! — зазвучали динамики. — Приготовиться к старту! Всем проверить надежность крепления страховочных ремней! Расстояние до точки посадки одиннадцать тысяч пятьсот километров, время полета

два часа пятнадцать минут! Для тех, кто летит впервые, объясняю: полет осуществляется по условно-баллистической траектории, так что будут перегрузки. Если у вас сперло дыхание или все внутри словно оборвалось — не торопитесь наложить в штаны от страха, это нормально, так и должно быть! А теперь, дамы и господа, расслабьтесь и получайте удовольствие!

Динамики замолкли, и Майк подумал, что среди пассажиров шаттла не меньше четверти женщин. Почему-то ему всё время казалось, что женщин среди полярников должно быть очень мало. Группа новичков, заступающая на эту вахту,

состояла только из молодых парней, и на их фоне опытные полярницы бросались в глаза ещё сильнее. Да уж, привлекательными их в арктическом снаряжении не назовешь, отметил про себя Майк и в очередной раз задумался, почему только новичков посадили в шаттл в обычных рабочих комбинезонах, предназначенных для работы внутри отапливаемых помещений. Остальные сидели в кресле в арктическом снаряжении, полностью расстегнутом, отчего люди занимали ещё больше места в и без того тесном трюме. Им что, совсем не жарко? Вот ему, например, жарко даже в обычном комбезе. В

ЭТОТ МОМЕНТ ШАТТЛ ВЗРЕВЕЛ ДВИГАТЕЛЯМИ, И ИЗ ДИНАМИКОВ ВНОВЬ ЗАШИПЕЛ ГОЛОС КОМАНДИРА КОРАБЛЯ:

— Взлет через полторы минуты! На время набора высоты и снижения освещение будет выключено! Кнопки обогрева сиденья и вентиляции расположены в спинке передистоящего кресла! Приятного полета, дамы и господа!

Шаттл сдвинулся с места и покатил куда-то, время от времени меняя направление движения. Майк вспомнил, как это выглядело из окон офиса миссии: десяток шаттлов, сверкая на солнце надраенной обшивкой, элегантно плывут по рулежным дорожкам, выходя на

взлетную полосу. Потом крылатые машины срываются с места в стремительном ускорении и отрываются от земли. Однако изнутри полет оказался совсем не таким бравым, как снаружи. Картина красиво взлетающих один за другим шаттлов, исчезающих в ясном небе, сейчас превратилась в истеричное дрожание листов пластика, составляющих внутреннюю обшивку салона. А впечатляющий грохот преодоления крылатыми машинами звукового барьера Майк в первую секунду принял за взрывы тех шаттлов, что поднимались первыми. Потом освещение погасло, грудь сдавило перегрузками, дышать стало

очень некомфортно, и несколько минут набора высоты он чувствовал себя на грани удушья. Судя по тому, что никто из опытных полярников не издал ни звука, полет проходил нормально, и оставалось только терпеть.

Наконец давящая на тело тяжесть пропала, и Майк смог отдышаться. Почти сразу в трюме стало прохладно, и он посмотрел на вшитый в лацкан комбинезона термометр. Он показывал плюс восемнадцать, и Майк предпочел включить обогрев сиденья и засунуть руки в карманы. Могли бы и на них надеть снаряжение, недовольно поморщился он. Джеймс перед

самым вылетом торжественно сообщил, что это делается потому, что все новички должны пройти обязательный ритуал при первом полете, но не сказал, в чем именно он заключается. Теперь смысл его был понятен — новоиспеченные полярники должны мерзнуть весь полет. Тоже мне, поборники традиций! Нет, они точно тут все отмороженные... Обогрев сиденья пригревал исправно, в отличие от выходок начальства, у которого явно не все дома, и Майк незаметно для себя уснул. Проснулся он от звука вновь заработавших динамиков:

— Внимание! Начинаем
снижение! Всем застегнуть

снаряжение и проверить ремни безопасности!

Сидящие в креслах люди одновременно завозились, застегиваясь и помогая застегнуться соседу. Майк удивленно посмотрел на бывалых полярников, краем глаза замечая столь же растерянные взгляды остальных новичков, как вдруг шаттл словно рухнул вниз, и все мысли мгновенно вылетели у него из головы. В одну секунду все внутренности словно оторвались и рванулись к голове, в груди будто разорвалась ледяная бомба, и Майк инстинктивно дернулся, пытаясь вскочить с кресла. Привязные ремни скрипнули, удерживая его на месте, и

он почувствовал, как на лбу выступает холодная испарина.

– Спокойно, парни, это скоро пройдет. – На этот раз бригадир Уокер удосужился обернуться и посмотреть на новичков. – Шаттл снижается. Чем быстрее он это сделает, тем безопаснее. Батлер, ты в порядке?

– Да, сэр! – выдавил из себя Майк. Ни черта он не в порядке, но потерпит. Если какой-то там Перес терпит, то ему это вообще запросто. И как только женщины не визжат от этого «снижения», больше похожего на падение?!

Шаттл перешел на пологую траекторию, и сразу стало легче. К

тому моменту, когда машина коснулась посадочной полосы и вся внутренняя обшивка вновь затряслась, реагируя на торможение, Майк успел успокоиться. Несколько минут шаттл катился куда-то, после чего сделал пару поворотов и остановился.

— Мы на месте, — заявили динамики. — Встречающая команда готова. Бригадир Уокер, ваш выход!

Уокер поднялся с кресла, обернулся к новичкам, и взгляды всех полярников устремились на них.

— Первыми выходят новенькие! — сообщил он. — Господа, встаём и выстраиваемся в проходе друг за другом! По моей команде все бегут

строго за мной! Никуда не
сворачивать! Нам необходимо
пробежать десять метров, аппарат
шаттла опустится точно напротив
входа в бункер! Предупреждаю, как
только откроется вход, сюда, в трюм,
начнет проникать Холод! Так что
медлить не советую, это опасно для
жизни! Итак! Десять метров! Бегом!
По моей команде!

Бригадир Уокер обернулся к
выходу, и Майк с ужасом увидел, как
он натягивает лицевую маску и
поднимает на голову капюшон. В
следующую секунду входной люк
распахнулся, превращаясь в
аппарель, бригадир рывкнул:

— За мной!!! — и бегом бросился

к выходу.

Перепуганные новички рванули следом под бурные аплодисменты остальных. Холод Майк почувствовал внезапно и со всех сторон сразу. Едва он опрометью выскочил из шаттла, его словно швырнули в ванну с холодной водой. Все вокруг было засыпано снежной бесконечностью, посреди которой стояли какие-то постройки. Мгновенно воздух стал таким обжигающе холодным, что тяжело было сделать вдох, ноздри жестоко защипало, из глаз брызнули слезы, а в кожу лица и рук вгрызлось нечто настолько ледяное, что Майка пробил озноб, тут же сменившийся крупной дрожью. Десять метров от

аппарели до спасительного входа он пролетел, не видя ничего, кроме приближающихся дверей. Как он вбежал внутрь, как его подхватили под руки и втолкнули в какое-то помещение, Майк не помнил. Ощущение реальности вернулось к нему уже внутри, вместе с голосом бригадира.

— Господа, разрешите представить — Его Величество Холод! — насмешливо заявил Уокер. — Поздравляю, вы только что прошли посвящение в полярники.

— Н... на чер-рт-та нужно т-такое посвящение?! — Майк, стуча зубами, дышал на окоченевшие пальцы и соскребал со щек

замерзшие слезинки.

— Чтобы каждый из вас знал, куда попал! — жестко отрезал бригадир. — Всем слушать меня! Вы только что провели пять секунд без арктического снаряжения на открытом воздухе при температуре минус сорок восемь градусов по Цельсию! Сейчас на поверхности почти полный штиль, скорость ветра одна десятая метра в секунду. Иными словами, вы почувствовали на своей коже самое ласковое проявление Холода из всех возможных! Как оно вам после безбедной жизни при вечном плюсе?! Так вот, обычно здесь гораздо холоднее. Температура ниже, и ветер, как правило, —

сильный. И на поверхности снаряжения у нас всегда от восьмидесяти до ста градусов ниже нуля! Между собой мы называем это «температура на коже». Потому что именно столько будет у вас на коже, если вы забудете своевременно зарядить аккумуляторы своего костюма или по безалаберности выйдете на улицу с неисправной системой обогрева! Поэтому! Все правила, инструкции, технику безопасности и советы опытных коллег исполнять неукоснительно! Это вам не бюрократические придирки Новой Америки! Ваша жизнь в ваших руках! Все меня поняли?

Уокер окинул их
требовательным взглядом, и новички
торопливо закивали в ответ.

– Отлично! – подытожил он. – Сейчас сюда принесут ваши вещи, и я покажу вам, где вы будете жить ближайшие пять месяцев.

Глава 3

Ползущий между двух рядов полузасыпанного снегом проволочного ограждения вездеход вновь остановился, и Андерс, одной рукой указывая Майку на двухметровый сугроб, сделал взмах другой, мол, давай! Майк надавил на рычаги управления воздушной турбиной, и мощный поток воздуха с оглушительным ревом ударил в снежный завал, в считанные секунды разметав его до самой ледяной поверхности. Майк понизил мощность обдува и провел воздушной струей от одной

металлической стойки ограждения до другой, очищая от наносов фрагмент ограждения. Толстенная проволока Завесы, более напоминающая трос и свитая в замысловатую сеть пятиметровой высоты, вяло дрожала под давлением завывающей чуть ли не на весь Реактор турбины. Не удивительно, подумал Майк, Завеса изготовлена из сверхпрочных материалов, не теряющих крепость при очень низких температурах, и способна выдержать любой ураган. Но Воронка способна повредить даже её.

Глаз Бури сформировался прямо над Реактором позавчера, прямо во

время ужина. Майк находился в столовой, когда громкоговорители системы оповещения застрекотали сигналом штормового предупреждения максимальной степени опасности и голос дежурного по бункеру торопливой скороговоркой произнес:

– Внимание! Воронка над базой! Тепловые завесы внешних выходов – на полную мощность! Спасательным командам срочно прибыть к входам! Повторяю! Над Реактором формируется Воронка! Спасательным командам прибыть ко входам! Госпиталю приготовиться к принятию пострадавших!

Сидевшие вокруг люди стали

выскакивать из-за столов, мгновенно забыв об ужине, и бегом покинули столовую. Майк до такой степени не ожидал ничего подобного, что с перепуга забыл свою должностную инструкцию и замешкался, растерянно озираясь. Помещение, в котором полминуты назад принимало пищу полторы сотни человек, стремительно опустело.

— Батлер! Скорее за снаряжением! — Пробегающий мимо Перес схватил его за локоть и попытался тащить за собой. — Мы должны быть на минус первом через пять минут! Уокер уже где-то там!

Способность соображать вернулась к Майку, и он рванулся за

Пересом, опрокинув стул. Согласно инструкции, при объявлении тревоги «Воронка» его бригаде полагалось первым делом надеть арктическое снаряжение и разбиться на спасательные команды согласно аварийному расписанию. Далее необходимо действовать, как отрабатывали на тренировках в первые дни. Но за полтора месяца вахты Воронок не возникало, и эта тревога застала Майка врасплох. Он со всех ног помчался в раздевалку и, только оказавшись у своего шкафа, понял, что до сих пор держит в руке столовую ложку. В раздевалке уже почти никого не осталось, и Майк принялся торопливо одеваться,

стремясь успеть на своё место хотя бы раньше Переса.

Существование в условиях запредельно жестокого Холода обходится крайне недешево. Количество персонала на Реакторе скрупулезно рассчитано, учтена каждая мелочь: запасы еды, воды, жилой и рабочей площади, тепло— и воздухообмен. Не обремененных работой, и тем более лишних, людей здесь не найдешь, и в случае экстренного происшествия каждый становится спасателем. Сегодня ты, волею случая оказавшись в бункере, спасаешь тех, кого буран застал снаружи, завтра те, кому повезло больше, спасают тебя. И если не

хочешь, чтобы в решающую минуту тебя не миновала рука помощи, никогда не забывай вовремя протягивать свою. В тот день Майк осознал это очень хорошо.

Когда они с Пересом прибежали к лестнице минус первого этажа бункера, где согласно аварийному расписанию находилась точка сбора их спасательной команды, все были уже там. Старший команды окинул их быстрым взглядом и коротко сообщил в рацию, что Спасательная-7 готова к работе. В их обязанности входило принимать пострадавших у спасателей сверху и оперативно доставлять в медицинский пункт. Складные

передвижные платформы для транспортировки раненых извлекли из стенных ниш, собрали и установили на колеса.

— Перес, Батлер, ко мне! — Андерс, немолодой полярник, отрабатывающий одиннадцатую смену, кивнул им на свою платформу. — Батлер, ты тянешь, я толкаю, Перес открывает перед нами двери. На поворотах осторожнее, идущие впереди платформы не обгонять, толчею не создавать, медикам под руку не лезть!

Он закончил фразу и обернулся к открывающимся дверям. С первого этажа уже начали поступать пострадавшие. Десятка полтора

человек в заснеженном снаряжении, опираясь на спасателей, двигались самостоятельно и от платформ отказались. Один из них уже снял капюшон и очки, и, стянув с лица маску, с болезненной гримасой растирал нос.

– Рон! – Андерс сделал шаг ему навстречу. – Ты в порядке? Что у тебя с носом? Очки съехали?

– Да, черт их заberi! – ещё сильнее сморщился тот, не переставая растирать нос. – Съехали с маски на кожу и в одно мгновение раскалились от холода так, что чуть без глаз не остался! Мне крупно повезло – бункер оказался рядом, так бы нос превратился в кусок

мороженого мяса!

— Двигай в госпиталь. — Андерс вгляделся в лицо Рона. — Кажется, ткани не успели омертветь. Кого-нибудь накрыло?

— Парней из третьей команды, — тоскливо кивнул тот. — Сегодня мы дежурим на подстанции, они как раз за мной на ужин шли. Кто-то наверняка успел пристегнуться, но Воронка образовалась точно над Реактором, удар воздушных масс был ужасной силы!

— Ничего, Уокер их вытащит, — успокоил его Андерс, — иди в госпиталь, приятель, не трать время.

Рон побрел догонять своих сослуживцев, и несколько минут с

первого этажа никто не появлялся. Андерс не сводил глаз с лестницы и каждые тридцать секунд смотрел на часы, мрачняя всё сильнее.

— Сколько? — вдруг произнес старший спасательной команды. На Андерса он не глядел, стоял, точно так же задржав голову, ждал появления людей сверху.

— Три тридцать, — хмуро ответил Андерс, глядя в ту же сторону. — У них осталось сорок секунд.

Майк хотел было спросить, в чем дело, как вдруг понял, о чем идет речь. Там, наверху, Воронка. Это значит, температура в минус сто сорок градусов по Цельсию и ветер сто двадцать метров в секунду. В

таких условиях обогрев снаряжения выдерживает четыре минуты, после чего у человека остается ещё десять секунд. На занятиях это объяснял каждый эксперт. Как только с момента появления Воронки пройдет пять минут, все спасательные мероприятия прекращаются. Потому что спасти к этому моменту уже некого.

— Сколько? — повторил старший, не меняя позы.

— Четыре ноль пять. — Андерс машинально сделал шаг на первую ступеньку. — Кто-то идет!

По лестнице загрохотали шаги, и показалось несколько покрытых снегом человек, тащащих на руках

пятого. Следом за ними появилась ещё одна группа, затем ещё. От спускающихся людей сильно тянуло холодом. Передовая группа почти бегом спустилась по лестнице, и Андерс отработанным движением вытолкнул к ним платформу. Спасатели уложили на неё бездыханное тело, и полярник рывкнул:

– Перес! Двери! Батлер! Пошел! Бегом!

Их троица бросилась по центральному коридору к повороту на госпиталь. Следом уже грохотала следующая платформа и раздавался треск липучек и хруст молнии.

Перед очередными дверьми

Майк перешел с бега на шаг, чтобы не врезаться в Переса, и, втягивая в проем платформу, оглянулся. Андерс на ходу расстегивал одежды пострадавшего. Тот был бледен, словно мрамор, его тело безвольно подрагивало на трясущейся платформе, будто наполненный водой резиновый манекен, в уголках губ поблескивали начавшие таять ледышки.

— Шевелись, парень! — зло зарычал на него Андерс, налегая на платформу. — Представь, что это ты лежишь здесь, а он тащит тебя к докторам! Двигай! Двигай!

Майк вцепился в свой поручень и бросился бегом, чувствуя, как тело

пробивает нервная дрожь. Этот человек, на платформе, он выглядит, словно замерзший насмерть! Белый, словно мел! Не приведи господь, если он умрет прямо тут, потом этот Андерс еще скажет, что Майк тащил платформу недостаточно быстро. С такой злобой рычит на него, словно собрался в горло зубами вцепиться!

— Быстрее, Батлер!!! — заорали сзади, и Майк узнал голос бригадира Уокера. — Шевели своей черной задницей, твою мать!!!

В госпитальный холл Майк влетел, задыхаясь не столько от усталости, сколько от страха. Он не рискнул отпустить платформу и с размаху врезался в стену, не успевая

остановиться. В последнюю секунду ему удалось выставить вперед плечо и спасти голову от удара. Сзади в поясницу больно ударилась платформа, и наперебой загремели голоса. Майк, сдерживая стон, развернулся. Вокруг раненого сустились медики, вытаскивая его из снаряжения. Рядом с Майком стоял Уокер, похоже, он бежал за той платформой, что катили следом за ними. В холл одна за другой вбегали члены их спасательной команды с уложенными на платформы, обмороженными людьми. Медицинский персонал подхватывал пострадавших и исчезал вместе с ними за дрожащим маревом

тепловой завесы, перекрывающей вход в госпитальный стационар.

– Батлер, сынок. – Уокер, тяжело дыша, обернулся к нему. – Когда везешь пострадавшего, бежать надо изо всех сил, словно сам дьявол дышит тебе в спину! Для спасения жизни дорога каждая секунда. Нет, черт возьми! Она бесценна! Ты меня понял, приятель?!

– Да, сэр! – Майк невольно отступил на шаг. – Я всё понял, сэр! Я буду бежать быстрее, сэр!

– Ты парень здоровый и сильный, – добавил бригадир не менее агрессивно. – Твоя сила может спасти человеку жизнь, если ты опередишь его смерть на эту самую

секунду. Подумай об этом! – Он перевел дух и направился к выходу, расстегивая покрытое каплями растаявшего снега снаряжение.

Воронка распалась через восемь часов, созданный ею ураган бушевал ещё сутки. За это время начальство провело радиоперекличку со всеми строениями Реактора, блокированными яростью стихии, и объявило пропавшими без вести двоих человек. К утру следующего дня буран утих, на поверхности установился штиль, и все силы личного состава Реактора были брошены на ликвидацию последствий атаки Холода. Майку досталось место оператора

воздушной турбины, установленной на вездеходе-очистителе, которым управлял Андерс. Опыт подобной работы уже имелся, Завесу чистили после каждого бурана, а их здесь буйствует по два в неделю. Майк натаскался довольно sporo орудовать турбиной и обычно даже немного скучал от однообразия, но только не в этот раз.

– Чисто! – Он перевел турбину на холостые обороты и обернулся к Андерсу. – Повреждений нет!

Тот кивнул, и вездеход тронулся дальше, шурша по плотному снегу шинами низкого давления размером в половину человеческого роста. Майк осмотрелся. Позади, довольно

далеко, вдоль соседней нитки Завесы, являвшейся третьей, внутренней линией тросового ограждения, полз такой же очиститель. Этот экипаж сегодня закончит очистку своего участка позже всех. На их нитке обнаружилось сразу два разрыва, её обесточили, ремонтные команды до сих пор восстанавливают лопнувшие тросы. Оба погибших под Воронкой полярника за несколько минут превратились в промерзшие до состояния ледяной глыбы мумии. Беснующаяся Воронка швырнула их в Завесу с такой силой, что токопроводящие тросы не выдержали удара и оборвались. Тела унесло ко

второй нитке, которая их и остановила. Майк, раздувая сугробы, нашел сначала один труп, затем, через сотню метров, другой. Когда поток воздуха разметал снежный занос и из него внезапно появилась белая, словно мрамор, человеческая голова, он не сразу понял, что видит погибшего полярника. Больше это напоминало скульптуру работы какого-нибудь авангардиста, выполненную в нелепой, изувеченной позе. Погибшего сильно переломало ураганом ещё до того, как он заledenел, капюшон был сорван, ни маски, ни очков не сохранилось, видимо, слетели, когда тело билось в тросах Завесы.

Замороженные глаза мертвеца смотрели прямо на Майка, на ставшем ледяным лице застыло выражение жуткой боли и ужаса.

— Не повезло, — констатировал Андерс, глядя на то, как похоронная команда освобождает труп из путаницы заранее обесточенных тросов. — Мучительно умирал, бедняга...

Второй погибший отыскался так же неожиданно, и Майк старался не смотреть ему в лицо — ощущения и без того были жуткими. Теперь, направляя турбину на очередной сугроб, он невольно побаивался, хоть и знал, что трупов больше не будет. Чтобы немного отвлечься, Майк

старался разглядывать окрестности. На территории Реактора было немногочленно, все ремонтные команды были брошены на проверку сектора ХААРП, строения остальных секторов выдержали Воронку и в ремонте не нуждались, врытые в ныне промерзшую землю приземистые железобетонные конструкции прочнее любого урагана. Исключение составлял ангар номер семь, предназначенный для прибывающих шаттлов. У его ворот сейчас возились ремонтники. Как выяснилось, Воронка сорвала с крыши запрятанного в бетонную коробку аэродромного радиомаяка тяжелый защитный кожух антенны.

Его раскрутило в воздухе и с огромной силой впечатало в ворота ангара. Одну из створок прогнуло так, что между воротами и полом образовалась щель в добрый фут. Тепловой баланс оказался разрушен, в ангар проник Холод в минус сто сорок градусов, и система электрического отопления сгорела, не выдержав нагрузки. К счастью, шаттлы из Новой Америки на тот момент не ожидались, ангараы стояли пустыми, и никто не пострадал. К вечеру герметичность и теплоизоляцию восстановят, на ночь в пострадавший ангар поставят мощные тэны-обогреватели, и к утру там можно будет начать ремонт

электрических систем. Двое суток работ – и ангар полностью готов к приему шаттлов. Кажется, как раз тогда и ожидается прибытие транспорта с поставкой продовольствия.

Андерс подвел вездеход к следующему отрезку заграждений и связался с диспетчером Завесы. Спустя секунду тот сообщил, что указанный отрезок обесточен, и Майк снова принялся работать турбиной. Закончив очистку, он с легким удовлетворением отметил про себя, что из сугроба не показалось обезображенного трупа, и сообщил Андерсу об отсутствии повреждений. Тот по своему

обыкновенно кивнул, собираясь двинуть машину дальше, как вдруг в эфире зазвучал голос:

— Диспетчерская, это Очиститель-1, у нас тут разрыв, и довольно большой. Шестьдесят седьмой отрезок внешней нитки. Требуется серьезный ремонт. Я даже не знаю, что тут произошло, дыра в четыре фута!

Майк с Андерсом одновременно посмотрели вперед, туда, где вдоль внешней нитки Завесы ползли друг за другом два вездехода, один с очистительной турбиной, другой с пулеметной башней, развернутой стволом в сторону бескрайней снежной целины, уходящей к

виднеющейся на горизонте стене невысокого ледника. Вездеходы-очистители за Завесу без вооруженного сопровождения не выходили, сейчас обе машины остановились в полукилометре, но даже отсюда были видны разлетающиеся во все стороны снежные клубы и слышно завывание турбины.

— Эй, «Двойка»! — продолжил голос в эфире, обращаясь к вездеходу Майка и Андерса. — У вас всё в порядке? Есть повреждения Завесы?

— Пока всё чисто, — ответил Андерс. — Двигаемся в вашу сторону, сейчас проверим! — Он тронулся с места и бросил на Майка

мимолетный взгляд: — Так, парень, давай, обдувай нитку на ходу! Останавливаться не будем, если что, потом вернемся и дочистим. Так что работай усерднее, чтобы не делать одно и то же дважды!

— К чему такая спешка? — пожал плечами Майк. — На улице штиль, минус сорок шесть, отличная видимость! Мы и так догоним их через полчаса. Зато уж точно возвращаться не придется!

— Дыра в четыре фута не образуется просто так! — Андерс смерил его недовольным взглядом. — Тросы Завесы так просто не рвутся даже под Воронкой. В них должно было что-то ударить. А сейчас ответь

мне — что это могло быть?

— Ну... кусок льда притащило с ледника, — предположил Майк. — Или заледепенелую тушу зверя...

— Тогда мы должны обнаружить это, не так ли? — подхватил Андерс. — И убедиться в том, что оно не прорвало нашу нитку. Иначе у нас вырисовывается проблема посерьезнее просто разрыва!

— Это как? — не понял Майк. — Времени же ещё достаточно, ремонтные команды успеют до темноты заменить токопроводящие тросы, на складах всегда есть запас! Если мы боимся нападения зверья, можно выгнать ещё несколько пулеметных машин...

– Пораскинь мозгами, Батлер! – Бывалый полярник вздохнул. – Во внешней нитке большая дыра, внутреннюю латают уже в двух местах, если и в средней, вдоль которой мы идем, обнаружится прорыв, что это будет означать?

– Боюсь, что не понимаю, сэр! – заявил Майк. – Если вы хотите сказать, что на территорию Реактора образовался беспрепятственный доступ, то это маловероятно! Бушевал ураган, Завеса всегда под смертельным напряжением, места обрыва отстоят друг от друга на сотни метров! Вряд ли хоть какой-нибудь зверь смог бы воспользоваться брешью. И потом,

восстановительные работы идут с самого утра, и никто не видел ничего подозрительного!

— Так-то оно так, — Андерс напряженно смотрел на дорогу, тянущуюся между нитями Завесы, — но мутанты хитры и живучи. Кто знает, сколько времени прошло после того, как ветер начал стихать, и до того, как мы начали восстановительные работы? Какая-нибудь тварь может запросто прятаться в сугробе. Услышала рев турбин и шум моторов, да и затаилась. Это Холод, Батлер, тут нежизнеспособных нет! За двести лет мы что только с ними не делали: и ядом травили, и эпидемиями

заражали – их ничто не берёт! Яды они быстро научились распознавать, зараженные особи к своим не идут, как заразу почуяли, так и уходят одиноко умирать в пустоши. Их трупы потом пожирает другое зверье и вместо гибели быстренько адаптируется к эпидемии, как к родной! Кроме бешенства, они ничем не болеют, приятель! Что-что, а выживать они умеют отменно. А прятаться в снегу – ещё ловчее! Пройдешь мимо злобной твари в двух шагах и не заметишь, до такой степени они сливаются с поверхностью! – Он сверкнул глазами на Майка: – Тут-то она тебе на спину и бросится! Так что давай,

тщательнее очищай! Если что-то прорвало первую нитку, мы должны это найти!

Раздувать метровые сугробы на ходу Майку ещё не приходилось, и он даже покрылся испариной от того, насколько быстро ему пришлось манипулировать турбиной. Выручал поднявшийся ветер, его порывы хоть и не были сильными, но успешно раздували поднятые в воздух снежные клубы, превращая разбитые сугробы в снежную пыль. Выполненный из прозрачного полимера кокпит вездехода оказался словно в центре маленькой снежной бури, клубящееся вокруг облако снежинок сильно сокращало обзор, и

Майк не сразу приноровился различать среди этой белой мути ещё не разбитые сугробы.

— Внимательнее, парень, внимательнее! — то и дело подстегивал его Андерс. — Пропускаешь занесенные опоры! Верти турбиной помедленнее! — Сам он вёл машину идеально, сразу чувствовался опыт вождения в буран. — Не то мы пропустим чего-нибудь важное!

Не желая опозориться, Майк максимально сконцентрировался на управлении турбиной. Он вцепился в джойстик и не спускал глаз с бурлящей снежной пелены, поднимаемой мощной струей

воздуха, и старался максимально быстро осматривать плетение Завесы. Разрыв токонесущих тросов он заметил раньше Андерса.

— Разрыв, сэр! — Майк вырубил воздушную струю и указал пальцем на несколько оборванных тросов. — Вот он! В самом низу, у левой опоры! Сейчас снег осядет, будет видно лучше!

— Хорошая работа, парень! — похвалил Андерс. — Только турбину-то зачем выключил?! Давай-ка, раздуй здесь всё как следует! Чтобы ремонтной команде не пришлось ковыряться по колено в снегу!

Он доложил об обнаруженном обрыве диспетчеру и остановил

вездеход, давая Майку возможность очистить место аварии. Спустя минуту весь отрезок Завесы был освобожден от снега, и диспетчер сообщил, что к ним уже направлена ремонтная команда.

— Далековато от дыры в первой нитке. — Андерс задумчиво мерил глазами расстояние от их обрыва до дыры во внешнем ограждении. — Метров сто, не меньше! Где же тогда то, что врезалось в Завесу? Из-за чего обрыв? Батлер, хватайся за джойстик, поехали дальше, будем искать. Оно должно быть где-то здесь, около нашей нитки, наверняка отпружилило от тросов. Смотри, там, снаружи, дыра втрое больше,

чем здесь. Либо оно большое, либо ураган был невероятно сильным даже для Воронки. Не нравится мне всё это!

Очиститель двинулся дальше, тщательно удаляя сугробы, но ничего, кроме снега, на пути не попадалось. Они уже миновали дыру в первой нитке и прошли дальше, отойдя на сотни полторы метров, как вдруг всё и случилось. Направленная Майком в очередной сугроб воздушная струя, вместо того чтобы разметать его, неожиданно швырнула сугроб на заграждение. Тросы недовольно скрипнули, но кусок снега не раскололся и не рассыпался, наверное, это лёд...

– Стоп! Батлер! Стоп! – орал Андерс, пытаясь перекрычать вой турбины. – Это мертвая туша! Порвешь тросы! Вырубай струю!

Майк торопливо перевел турбину на холостые обороты, и вдавившийся в ячею Завесы сугроб свалился на заснеженную поверхность земли. Только сейчас он смог заметить длинные загнутые когти и зияющие пустотой глазницы.

– Что это сэр... белый медведь? – Майк недоуменно разглядывал находку. – Я думал, они больше.

– Это медвежонок. – Андерс настороженно оглядывал заледеневшую тушу. – Он едва метр в

высоту, взрослые медведи гораздо крупнее... Диспетчер! Это Очиститель-2! У нас тут замерзшая медвежья туша! Нужен тягач! – Он нахмурился и добавил: – У него глаз нет, не пойму, их выбило или сожрал кто...

В этот момент Майк приподнялся на сиденье и прислонился к прозрачной обшивке кабины, стараясь разглядеть морду замороженного зверя получше. В следующую секунду откуда-то прямо из-под колес вездехода, поднимая фонтан из снежных комьев, ему в лицо метнулась крупная тень. Оскаленная пасть ударила в прозрачный борт, желтые клыки

чиркнули по поверхности, оставляя на ней глубокие царапины, и Майк судорожно отшатнулся, едва не соскочив с кресла на пол.

— О мой бог! Что это?!! — В обшивку ударилась вторая тварь, с яростным визгом царапая крупными когтями прозрачную поверхность, и он инстинктивно вжался в сиденье. — Сэр, их много! Пятеро! Нет, шестеро! Откуда они взялись?!

— Мутанты!!! — Андерс невольно отпрянул назад, глядя на то, как взбешенные твари бросаются на полимерную кабину очистителя, падают на снег и снова рвутся добраться до людей. — Прятались под снегом! Тушу караулят! — Он рванул к

себе рацию, едва не оборвав витой провод: – Диспетчер! Тревога! Тут стая мутантов, голов шесть, не меньше! Крайне агрессивные! Нужна помощь! Подайте ток на семьдесят третий отрезок Завесы, мы попробуем отбиться! Батлер! Меняемся местами!

Он вскочил со своего кресла и плюхнулся на сиденье Майка, бесцеремонно вытолкнув его прочь.

– Сейчас я с вами разберусь, отродье Холода! – зашипел он рычащему зверью, снова и снова бросающемуся на засевших внутри вездехода людей. – Диспетчер! Где напряжение?!

– Ещё тридцать секунд! –

откликнулся эфир. — Андерс, осторожнее там! Броневики будут через пятнадцать минут!

— За пятнадцать минут эти монстры разбегутся по всему Реактору! — не выдержал Майк. — Почему так долго?!

— Не разбегутся! — успокоил его Андерс, хватаясь за джойстик управления очистительной турбиной. — Они намереваются сожрать медвежью тушу, и пока не сделают это, не отойдут от неё и на три метра! Видать, Воронка вырвала медведя из какой-нибудь расселины в леднике незадолго до того, как выдохлась. Зверье почуяло его кровь в момент гибели, мутанты способны

унюхать её за четыре десятка километров, если по ветру, а ураган как раз уходил в сторону Могильника! Они пришли сюда ещё до установления штиля, видал, даже успели немного объесть тушу! А потом мы начали очистку, их напугал вой турбин, вот они и зарылись под наст!

— Андерс, готово! — заговорила диспетчерская. — Семьдесят третий под напряжением!

— Получайте, уроды! — Андерс вдавил кнопку пуска, и жужжащая холостыми оборотами турбина оглушительно взвыла, исторгая из себя бешеный поток воздуха. — Это вам за старину Барнса!

Полярник кровожадно водил турбиной из стороны в сторону, сбивая беснующееся от злобы зверье с ног воздушной струей. Её удары сметали мутантов, словно исполинский пинок, и швыряли их прямо на токонесущую ячею Завесы. Сыпались искры, вспыхивала шерсть, тварь судорожно билась в конвульсиях и замертво падала с металлических тросов на снег. За полторы минуты рычащий от азарта Андерс справился с пятью монстрами, пытавшимися кружить вокруг очистителя, спасаясь от турбины, но два последних мутанта оказались сообразительнее своих соплеменников. Хитрые твари

спрятались прямо под вездеходом и принялись остервенело рвать зубами колеса низкого давления.

— Третье колесо по левому борту повреждено! — воскликнул Майк, тыча пальцем во вспыхнувший на приборной панели тиристорный светодиод. — Они хотят прогрызть дно!!!

— Не бойся, Батлер, дно стальное, оно им не по зубам! — Андерс прислонился к стенке кокпита, пытаясь разглядеть, что происходит под колесами. — Ни дьявола не вижу! А ну, парень, сдай назад! Да порезче! Размажь этих тварей!

Майк торопливо схватился за

руль, включил заднюю передачу и вдавил в пол педаль газа. Очиститель рванулся назад и сразу же подпрыгнул, наскочив на что-то крупное.

— А-а-а!!! — истошно заорал Андерс. — Вот вам, твари!!! Получайте!!! Батлер! Теперь вперед!

Но раздавить второго монстра не удалось. Тварь выскочила из-под машины и принялась носиться вокруг, не позволяя себя раздавить, и с остервенением хватала зубами толстые колеса.

— Турбиной не достать! Мертвая зона! — с досадой выдохнул Андерс. — Ничего! Дождемся подкрепления! Ты, главное, в Завесу не въедь,

парень! Остановившись, вдруг сама под колеса ползет!

Однако уничтожить монстра самим им так и не удалось. Тварь застрелила спасательная команда, подоспевшая на оборудованном пулеметом вездеходе. К тому моменту монстр успел прогрызть два колеса, и диспетчер велел их экипажу прекращать работы и вести очиститель в ангар.

— Андерс, загоняй машину на ремонт! — приказали в радиоэфире. — Я пришлю кого-нибудь вам на замену! Сколько тварей было всего? Ты уверен, что перебили всех?

— Мы видели семерых, — ответил полярник. — А сколько их всего —

один Холод знает! Тех, что видели, перебили. Но я не поручусь, что это и всё. Могильник большой!

Диспетчер подтвердил прием, и Андерс, вытянув руку, вонзил её, словно копье, в сторону валяющихся трупов мутантов.

— Подавитесь, мерзкие твари! Моим пальцем и костями моего друга Барнса! — Только сейчас Майк заметил, что на левой перчатке Андерса нет места для большого пальца. — И это ещё не всё! Я с вами ещё не закончил! Сидите в своем Могильнике и не попадайтесь мне на глаза!

— Сэр... — Майк не рискнул задать ему вопрос в лоб, кто такой

Барнс, и попытался быть корректным. — Почему вы думаете, что эти монстры из Могильника? До него двести километров!

— А откуда им быть?! — Тот вновь вонзил беспалую руку в сторону мертвых тварей. — Ты внимательно посмотри! Что это за зверье?

— Не знаю, сэр, — признался Майк. — Кошки какие-то полярные, да? Нам про таких существ в школе не рассказывали...

— Потому что в школе про них не знают! — оборвал его Андерс. — Это мутанты! Гляди, какая мерзость — головы здоровенные, пасти чуть ли не наизнанку вывернуты, зубов в сто раз больше, чем у любой дикой

кошки! Вон у той, слева, два хвоста! А у той, рядом, ну, которая правее, видишь? У неё горб в половину спины, аж лопатки вверх торчат! Подобные твари появляются только в радиоактивной местности. К северу от Реактора Могильник, там отходов с нашего Барбекю за двести лет столько накопилось, что представить страшно. Ближайшая дыра в озоновом слое, через которую Солнце щедро поливает землю радиацией, находится на юге. Там тоже мутантов полно, но эти пришли с севера. Я в Могильник четыре вахты отходил, могу узнать тамошнюю мерзость! Она мне сильно задолжала! — Он

красноречиво продемонстрировал перчатку, не имеющую большого пальца. — К тому же Могильник ближе. Так! Давай пересаживаться, не то ещё снесешь ползавесы на спущенных колесах!

Майк уступил Андерсу водительское сиденье и проводил взглядом проходящие мимо грузовые аэросани. Ревущая мощным пропеллером машина остановилась за пулеметным вездеходом, и слезающие с неё полярники принялись вооружаться баграми. В радиоэфире диспетчер объявил об обесточивании их отрезка Завесы, и люди занялись сбором трупов монстров. Быстро заледееневающие

туши сваливали в стоящий на полозьях низкобортный прицеп и сразу проверяли целостность Завесы. Пока Андерс разворачивал ставший тугим на управление очиститель в обратную сторону, полярники успели погрузить все туши монстров, включая медвежью. Пришлось ждать, пока аэросани укатятся в сторону выхода. Следом ушел пулеметный вездеход, и поврежденный очиститель медленно пополз вдоль заграждений. Они не преодолели и половину обратного пути, как со стороны заснеженной пустоши раздались пулеметные очереди.

— Что случилось?! — Майк встревоженно обернулся, пытаясь

разглядеть новую опасность.

— Зверье идет на запах крови, — криво усмехнулся Андерс. — Парни вывезли трупы за Завесу. Видать, вывалить ещё не успели, а мутанты уже здесь. — Он кивнул на окуляр перископа: — Обычно туши сбрасывают западнее северных ворот. Погляди, что там.

Майк поправил очки и прислонился к окулярам. Даже несмотря на систему обогрева, в штатном режиме температура внутри вездехода не превышает десяти градусов тепла, и касаться лицом холодной резины окуляров не хотелось. Смотреть через очки, может, и неудобно, зато не холодно.

Немного повозившись с настройками, он повертел перископом из стороны в сторону и обнаружил место событий. Сразу три пулеметных вездехода вели огонь по приближающейся к аэросаням живой волне, состоящей из уродливого мутировавшего зверья. Атакующих было не меньше сотни. Разнообразные по видам, размерам и степени уродства монстры двигались очень быстро, и все, как один, имели белый окрас и исключительно острые клыки и когти. Пулеметные пули вспарывали снег посреди рвущейся к добыче звериной массы, выбрасывая в воздух куски наста и клочья окровавленной шерсти.

Убитые монстры спотыкались и кувыркались, разбрызгивая по стерильно-белой поверхности снега багровые и ярко-красные пятна, и бегущие рядом мутанты в ту же секунду забывали об аэросанях и набрасывались на более близкую добычу. За возможность утолить голод мгновенно вспыхивали драки, но основная звериная масса продолжала стремительно сближаться с людьми.

— Флорес! Отцепляй прицеп! Дьявол с ним! — раздалась в эфире резкая команда бригадира Уокера. — Пусть жрут прямо так! Потом починим, если от него что-нибудь останется! В секторе ХААРП сейчас

больше сотни человек, не будем
рисковать! Внимание всем! Бросаем
прицеп и уходим, пока медведи не
появились! Всем назад!
Возвращаемся за Завесу!

Кто-то из полярников отцепил
прицеп с мертвыми тушами, и
аэросани двинулись прочь, быстро
набирая скорость. Следом двинулись
пулеметные вездеходы, поливая
свинцом мутантов. Они удалились
метров на пятьдесят, когда терзаемое
голодом зверье с ходу захлестнуло
прицеп. Тут же за мертвые туши
завязалась беспощадная битва.

— Что там, туго пришлось? —
поинтересовался Андерс, бросая
взгляд в сторону снежной пустоши.

– Да, сэр! – Майк не отрывался от перископа. – Они не успели вывалить туши, мутанты появились слишком быстро! Пришлось отдать на растерзание прицеп! Там сейчас творится что-то невообразимое! Это безумие какое-то, зверье рвет друг друга на части!

– Они просто хотят есть, – хмыкнул Андерс. – И сегодня пир удался! Они сожрут не только трупы, но и половину друг друга! Сколько там этой погани?

– Не меньше сотни, сэр! – прикинул Майк. – Там, вдали, кажется, ещё бегут! Большие!

– Значит, медведи, – определил бывалый полярник. – Уокер

правильно поступил, отдав им прицеп! Сейчас там будет настоящее месиво из мутантов, и не стоит привлекать их внимание. Пусть жрут друг друга, а мы тем временем сможем спокойно устранить неполадки в секторе ХААРП. Завтра там начнется капитальный ремонт, ожидается прибытие шаттлов с грузом.

— Сэр, скажите, зачем такие трудности?! — Майк не смог больше наблюдать за рвущими друг друга в кровавые клочья мутантами. — Почему бы просто не выстроить Реактор в Новой Америке? Там и тепло, и мутантов нет, и не надо ничего возить шаттлами, это же так

опасно — полет по баллистической траектории в атмосфере! И вообще, почему не через космос?

— Ну, во-первых, через космос ещё опаснее, там все забито космическим мусором, а следить за ним у нас нет возможности. Такова официальная позиция правительства! — объяснил Андерс и иронично фыркнул: — Хотя я думаю, что причина в другом: у нас нет возможности долететь до космоса! Двести лет назад там была космическая станция с космонавтами на борту, а сейчас их нет. Хотя станция вроде осталась, если слухи не врут. Только долететь до неё мы не можем. Потому что

ионосфера стала непредсказуема. А во-вторых, Батлер, Реактор нельзя поместить в Новой Америке по простой причине — над ним образовывается Воронка. — Он увидел полный изумления взгляд Майка и насмешливо продолжил: — А ты как думал, парень?! Мы здесь воздействуем на ионосферу, которая двести лет назад в результате солнечных вспышек превратилась дьявол знает во что! С тех пор уже никто не знает, по каким законам она живет. Ученые из команды управления ХААРПом говорят, что нам удалось добиться стабильного климата в Новой Америке, но за это мы заплатили планетой. И Воронки —

это своего рода отдача. Реактор формирует ионосферу так, что она дает нашей стране вечное тепло, а в ответ ионосфера формирует над Реактором Воронки так, что они крепко дают нам по заднице! Это плата, Батлер! Плата за это самое вечное тепло. В общем, наши умники говорят как-то так, ты можешь спросить сам, если, конечно, кто-нибудь захочет тебе ответить. Они не любят распространяться на эту тему. А теперь, парень, представь картину: мы построили Реактор в Новой Америке, и над ним сформировалась Воронка, которая выплевывает туда минус сто сорок по Цельсию при ветре в четыреста километров в час.

Дальше объяснять?

После горячего обеда наблюдать за мониторами системы охраны, установленными в теплом уютном помещении, да ещё делать это, сидя в мягком комфортном кресле, было сродни пытке: жестоко клонило в сон. Майк тёр глаза, глубоко дышал, периодически вертел головой из стороны в сторону с максимальной амплитудой, как советовал на занятиях эксперт, но ничто не помогало. Даже страх попасться начальству на рабочем месте.

— Засыпаешь? — раздался над ухом знакомый голос, и клюющий носом Майк испуганно вздрогнул.

– Нет, сэр! – дернулся он, увидев рядом с собой бригадира Уокера. – То есть, да, сэр... Я не специально, сэр! – Майк торопливо оглядывал мониторы и индикаторы. Вроде никаких сигналов тревоги он не проспал. – Я уже в порядке!

– Только что пообедал? – поинтересовался Уокер. – Развезло в тепле, так, Батлер?

– Да, сэр, – поник Майк. – Я не знаю, что делать. Никакие способы не помогают. Я даже вокруг кресла пытался ходить.

– Отожмись пятнадцать раз, потом столько же присядь, потом столько же подпрыгни, так, чтобы повыше, с глубокого приседа, –

посоветовал Уокер. – Затем подожди минуту и повтори это, только уже на скорость: за пятнадцать секунд каждое движение сделай как можно больше раз. Помогает, если ты совсем не тюфяк. Давай журнал проверок.

Майк протянул бригадиру журнал и с замиранием сердца смотрел, что же он там пишет. Похоже, на этот раз ему повезло, Уокер сделал отметку о положительных результатах проверки и принялся разглядывать изображения с камер. Майк облегченно вздохнул. А вообще всё это реально напрягает! Вместо того чтобы совершить подвиг, он

занимается всякой ерундой! То снег чистит, то за камерами следит, а то и вовсе работает оператором механического полотера – моет пол в спальном расположении бригады. Хорошо хоть, посуду мыть не заставляют, для обслуживания столовой и кухни существуют отдельные команды. Новичков не пускают даже на мелкий ремонт Завесы или ХААРПа. Как тут совершишь подвиг, блин? Вот если бы устроиться пулеметчиком на вездеход...

– Чего вздыхаешь, Батлер? – Бригадир Уокер обернулся к нему. Похоже, Майк в сердцах вздохнул слишком громко. – Не доволен

скучной работой?

– Нет, сэр! – поспешил заверить его Майк. Хотя, с другой стороны, а почему не сказать, как есть? Может, Уокер поможет ему, раз не стал заносить в журнал, что застал Майка спящим. – Если честно, то да, сэр! Я хотел бы быть более полезным нашей стране, сэр, потому и пришел в рекрутинговый офис Полярного Бюро! Уверен, найдется много желающих посидеть вместо меня перед мониторами в тепле! Я бы лучше посидел за пулеметом или взрывал ледник!

– Надеюсь, ты не пришел сюда в поисках приключений, Батлер? – Бригадир насмешливо приподнял

брови. — После того как этот странный Давид Бонензон стал звездой экрана, у нас был наплыв идиотов, жаждавших крушить мутировавших дикарей и становиться героями кинобоевиков. Все они очень сильно разочаровались, когда поняли, что такое работа полярника. Ты, случаем, не один из них? Эдакий запоздало сообразивший о простом и быстром пути к славе и богатству?

— Нет, сэр, я не такой! — убедительно заверил его Майк. — А кто такой Давид Бонензон? Я о нем не слышал, не хожу в кино, некогда. Из звезд слышал только имя Дэвида Бронсона.

— Это он и есть, — насмешливо

фыркнул Уокер. – Такой у него теперь сценический псевдоним, или как там это у актеров называется... А вообще его зовут Давид Бонензон, он двоюродный племянник нашего госсекретаря. Сын миллиардера пожелал заняться суровой мужской профессией, но вот беда, слава и деньги настигли бедолагу даже за Полярным Кругом! «Это судьба!» – так сказал генеральный директор Полярного Бюро. Он, кстати, приходится ему дядей.

– Вы хотите сказать, сэр, что представитель одной из богатейших семей Новой Америки добровольно отказался от денег и стал полярником? – Майк даже немного

нахмурился. Неужели Уокер до такой степени завидует популярности Бронсона? Уж не специально ли бригадир назначает его, Майка, на самую занудную работу, потому что боится молодых и энергичных людей?

— Конечно нет! — хохотнул Уокер. — Я хочу сказать, что представитель одной из богатейших семей Новой Америки захотел стать звездой экрана, потому что одних только денег ему было мало — слишком скучно! Поэтому семейство быстренько устроило его в Полярное Бюро. Он отсидел одну вахту, ни разу не выйдя из уровня командного пункта. Официальная версия гласит,

что Давид Бонензон получил блестящее научное образование и с легкостью освоил процесс управления Реактором. Потому и был сразу включен в списки командного состава. Правда, есть ещё неофициальная версия: поговаривают, что все смены за него нес Вахтенный директор лично. Но это, конечно, полная нелепица, Батлер, ты же понимаешь.

— Но... — Майк непонимающе смотрел на бригадира. — Он же совершил подвиг, спасая людей в леднике! Он же был в команде подрывников! Работал на юге, за сектором ХААРП!

— О! А это ещё более интересная

история! — весело подмигнул ему Уокер. — Она приключилась во вторую вахту господина Давида Бонензона! На свою вторую вахту он заступил уже в качестве подрывника, видать, управление Реактором было для него слишком примитивной задачей! И приехал сюда наш Давид со своей собственной командой, специально для него сформированной из уволившихся ранее полярников. Тех, кому осточертел Холод. Пару раз эта команда проводила взрывные работы, а на третьем или четвертом Бонензон совершил свой героический подвиг! После того как у них взорвались аэросани со взрывчаткой, он вынес

на себе всю команду из ледника прямо к вездеходу. И вызвал помощь. В тот же день его чествовали всей вахтой, больше всех старалось руководство, а на следующий день пришел шаттл и увез в Новую Америку новоиспеченного героя и всю его команду. Официальная версия гласит, что все они получили всевозможные контузии и нуждались в очень-преочень квалифицированной медицинской помощи. Правда, и здесь есть неофициальная версия, но я её озвучивать не буду. Скажу лишь, что никто, кроме команды Бонензона, его подвига не видел, так как они очень удачно работали отдельно от

всех. И с тех пор никто из них карьеру полярника не продолжил, зато у всех появилось немало денег. Не иначе, Полярное Бюро сделало для них исключение и выплатило компенсацию за потерю здоровья в двадцатикратном размере. Парни так растрогались, что немедленно сообща написали книгу о подвиге Дэвида Бронсона. Я читал, кстати. Очень красивая история, аж гордость за профессию пробирает! Бронсон, ответь мне ещё разок, ты к нам не за подвигом приехал?

— Нет, сэр, — дрогнувшим голосом произнес Майк. — Я... хотел принести пользу стране...

— Ладно, расслабься, — разрешил

Уокер. – Всё в порядке, принесешь ещё пользу, выше крыши, верь мне! Рано тебе ещё в сердце Холода лезть, он ошибок не прощает. Будет жаль, если он доберется до тебя на первой же вахте. Всему своё время. Через месяц начнешь выходить с ремонтными командами на починку Завесы. Через два возьмем тебя в сектор ХААРП. Освоишь сложный монтаж, допустим на дежурства в Барбекю и Аэродроме. Там работа опасная, слишком большие расстояния до бункера, часто бураном отрезает на несколько суток от основной базы, и до установления штиля весь ремонт осуществляется только своими силами. Ну, а если

выдержишь и вернешься сюда на вторую вахту, то и за пулеметом посидишь, и ледник разок-другой рванёшь! Так что опасностей на твою долю хватит! Потом ещё будешь радоваться тихой смене за мониторами в теплом кресле, как сейчас. Всё, Батлер, работай! И больше не засыпай, в нашу сторону движется сильный буран, к вечеру накроет, это подольше, чем на два-три дня! Поэтому руководство решило ускорить возвращение шаттла в Новую Америку, старт через час, пока штиль. Так что смотри в оба, Аэродром как раз в твоём ведении!

Уокер хлопнул его по плечу и ушел. Майк оторопело сполз на

спинку кресла. Как же так...
неужели история с подвигом Дэвида
Бронсона – подделка?! Спектакль,
заранее спланированный богатеями
ради своего отпрыска, которому
захотелось стать сразу и
национальным героем, и
кинозвездой? И совершить подвиг
здесь, на Реакторе, невозможно...
Нет, не может быть! Майк
решительно тряхнул головой. Это всё
не так. Уокер просто неправильно
понял. Он слишком давно здесь
работает, и потому для него всё стало
рутиной. Должна быть возможность
для подвига, однозначно, должна!
Майку ведь это нужно не только для
себя, его ждёт Лив, она невыносимо

страдает без него, в этой своей опостылевшей золотой клетке! Он обязательно найдет возможность совершить полный героизма поступок. Главное тут — правильно определиться с местом действия. Сидя за мониторами камер, подвиг точно не совершить, да и таких, как он, наблюдателей, пятеро, каждый смотрит за своим сектором, плюс старший смены, который всех проверяет. Вряд ли подвиг, разделенный на пятерых, будет значительным. Даже если и будет, все лавры достанутся бригадиру.

Очистка снега тоже не подойдет, не говоря уже о мытье полов. Туда же, в неудачники, можно смело

записать механиков и
аккумуляторщиков, вместе с
операторами тепловых завес внутри
строений Реактора, и монтажников.
Вряд ли, ремонтируя антенны
ХААРПа или перетягивая
токонесущие тросы ниток Завесы,
можно совершить нечто эдакое. И,
вообще, не стоит рассматривать
специальности, запертые внутри
строений. Откуда там возьмется
подвиг? Разве что врач или
начальник, но для этого нужно
образование и долгие годы опыта,
так что отпадает. По этой же
причине отпадает пилот шаттла.
Пожалуй, у водителя вездехода или
аэросаней шансы уже есть. Но, если

подумать, они минимальные, ведь в команде за руль может сесть кто угодно, просто обычно сажают одного и того же, у кого лучше всех получается. Ну? И что остается? Опять-таки, всё то же самое: пулеметчик и подрывник. Но Уокер не желает ставить на эти работы новичков. Только со второй вахты, и хоть убейся! Может, как-то убедить его...

— Пост наблюдения, ответьте авиадиспетчеру! — затрещал эфир. — Сообщите обстановку!

— Это пост наблюдения! — откликнулся Уокер. — Всё в норме! Батлер, что у тебя на мониторах?

— Здесь Батлер! — схватил рацию

Майк, торопливо окидывая взглядом изображение. Задумавшись, он совсем забыл о приближающемся вылете. — Всё в порядке! Взлетная полоса чистая, препятствий не вижу! Ваш ангар в порядке, выход расчищен!

Капитальный ремонт в секторе ХААРП начался вчера, как только были устранены все последствия Воронки. Перес, дежуривший на складе запасных частей, рассказывал, что на ста квадратных километрах антенного поля лопнуло слишком много конструктивных элементов, и руководство приняло решение после их ремонта тщательно проверить все антенны, даже те, которые визуально

и по приборам вполне укладываются в действующие нормы. По этому поводу все ремонтные и монтажные команды заставили пахать, словно тягловых волов, и за сутки склад антенных элементов был полностью опустошен. В течение ближайших двух недель из Новой Америки ежедневно будут приходить шаттлы с грузом, темпы работ приказано увеличить ещё сильнее, чтобы все необходимые процедуры закончить до начала осени. Потому что для ремонта неизбежно придется отключать от ХААРПа то один, то другой сегмент антенного поля, а понижение мощности Реактора не влияет на климат Новой Америки

только поздней весной и летом, когда планета находится близко к Солнцу. Перес, давая это объяснение, раздулся от важности так, словно не подслушал его от кого-то из научной команды, а разработал лично, за что ему полагается премия конгресса. Майк лишь иронично хмыкнул в ответ на суперзаумное выражение, возникшее на его физиономии.

Ладно, как бы там ни было, но очистительные команды всю ночь надраивали взлетную полосу, радарщики гоняли по тестам аэронавигационное оборудование, и уже утром на Аэродроме приземлился первый шаттл. Его загнали в ангар, чтобы не выстудить

во время разгрузки, и, насколько понимал Майк, опустошение трюма летательного аппарата закончилось меньше часа назад. А теперь его из-за надвигающегося бурана срочно отправляют обратно в Новую Америку. И правильно, потому как в метеосводке черным по белому указано, что сила ветра будет достигать шестидесяти метров в секунду и ожидается падение температуры минимум до минус восьмидесяти трех по Цельсию. Конечно, внутри ангара будет теплее, но не намного, и рисковать заморозить шаттл никто не хочет. Кто-то рассказывал, что в законсервированном ангаре, где

хранятся два эвакуационных шаттла, предназначенные для экстренных ситуаций, система отопления гораздо сложнее. Там элементы обогрева подаются прямо на обшивку машин, и шаттл выглядит, словно перемотанная бинтами мумия. По-другому температуру под Воронкой просто не удержать.

— Внимание аэродромной команде! — зазвучал в эфире голос аэродиспетчера. — Открыть ангар!

На мониторе массивные створы ворот поползли в стороны, шаркая по снегу фартуками утеплителей. Вспыхнули предупреждающие фонари и лампы подсветки габаритов ворот. Шаттл выкатился не сразу, и

Майк переключил радиостанцию в режим сканирования. На частоте Аэродрома шла перепалка между обслуживающей командой и пилотами.

— ... никогда не проводили визуальный осмотр внутренних полостей шаттла! — недовольно заявлял кто-то, похоже, пилот. — Что за идиотские нововведения?! У меня нет времени на ваши развлечения! Циклон надвигается, мне надо успеть пройти стратосферу, пока есть чистый коридор!

— У нас позавчера было нарушение целостности Завесы! — не сдавался его оппонент. — Какая-нибудь тварь запросто могла

проникнуть в Реактор и прокрасться сюда во время постановки шаттла! А если она пробралась в трюм, пока шла разгрузка? Я должен проверить, у меня инструкция!

— К дьяволу твою инструкцию! — Пилот был уже серьезно зол. — Какая ещё тварь?! Куда пробралась?! Двое суток сидела под дверью в ожидании нашего прилета?! Закрывайте трюм немедленно, вашу мать! Или вы хотите, чтобы мы попали в циклон и рухнули в эту чертову вечную мерзлоту с высоты в шестьдесят километров?! Закрывай, я сказал!!! Мне каждая секунда дорога!

— Ладно, парни, закрывайте! — вмешался в разговор кто-то из

руководства Аэродрома. — Он прав, буран приближается, и атмосферный вихрь высотный, шаттл может не успеть пройти безопасным коридором. Придется прервать проверку, нельзя оставлять его здесь на неделю, рискуем заморозить!

Аэродромщики ещё что-то выясняли, переругиваясь с пилотами, пока шаттл выкатывался из ангара, но вскоре эфир затих, лишь аэродиспетчер изредка обменивался с командиром корабля короткими фразами. Спустя несколько минут пришло разрешение на старт, и крылатая машина помчалась по взлетной полосе, быстро набирая скорость. Шаттл оторвался от земли,

стремительно набрал высоту, встал на баллистическую траекторию и включил ракетный двигатель. Здесь, под землей, в бункере, грохота преодоления звукового барьера слышно не было, но можно было представить, как оглушительный грохот распугивает крадущееся вдоль Завесы зверье.

— Мутант! — крикнул кто-то на частоте аэродромной команды. — Вон он! Был в левом углу! Метнулся вправо! Пит, осторожно, он где-то за тобой!

— Я его вижу! Он под погрузчиком! — подхватил другой голос. — Кто-нибудь, откройте оружейный шкаф! Черт! Он бежит к

воротам! Закрывайте!

— Да пусть проваливает! Всё равно не успеем! Всё! Убежал! — констатировал третий и, сокрушенно вздохнув, добавил: — Надо объявлять тревогу. Теперь искать его по всему Реактору. Вот ведь...

В углу монитора, там, где высоко в небе стремительно уменьшалась точка уходящего ввысь шаттла, что-то ярко сверкнуло, и крохотное пятно крылатой машины резко изменило курс.

— Что это?! — невольно выдохнул Майк, подавшись поближе к изображению. — Ничего не понимаю! — Он схватил рацию: — Бригадир Уокер, сэр! У меня тут, на

мониторе, что-то сверкнуло!

— Ты тоже видел это, парень? —
Голос бригадира звучал
встревоженно. — Шаттл видишь?

— Он вышел за границы обзора! —
Майк пытался направить вверх одну
из камер, но она и без того была
поднята на максимум. — Слишком
далеко, сэр!

— Аэродром! Это пункт
наблюдения, Уокер говорит! —
Бригадир вышел на частоту
аэродромщиков. — Кто-нибудь,
выйдите и посмотрите в небо! У нас
камеры показали какую-то вспышку
там, куда ушел шаттл! Вы видите что-
нибудь?

— Странно! — отозвался один из

полярников аэродромной команды. — Сейчас выйду и гля... — Сильный хлопок запоздало пришедшей ударной волны заглушил его слова. — О, мой бог!!! Он падает!!! Он падает прямо на нас!!!

В следующую секунду в поле зрения камер возникла охваченная огнем комета, на огромной скорости несущаяся с неба к Реактору. Ракетный двигатель шаттла работал на полную мощность, от самой крылатой машины густым потоком отлетали обломки и пылающие брызги. Судя по крутой дугообразной траектории, его рули заклинило в момент взрыва, и шаттл, описав полукруг, вернулся к месту старта.

– Бежим!!! – надрывно заорал полярник. – В укрытие!!!

– Тревога!!! – завопил Уокер. – Всем залечь!!! Сейчас ударит!!!

Взвыла сирена, визгливо переливаясь трелями тревоги максимального уровня, сканер замигал множеством индикаторов, фиксируя десятки одновременных выходов в эфир, но Майк, словно зачарованный, не сводил глаз с пылающего болида, стремительно мчащегося к Реактору. Спустя мгновение пылающий шаттл врезался в здание АЭС, и сейсмограф, издав тревожный писк, вывел на монитор предупреждение о тектонической активности.

– Батлер! Куда он упал?! – Голос бригадира Уокера вывел Майка из оцепенения. – У меня отказали камеры на Барбекю! Что ты видишь, Батлер?!

– Он... – Майк поперхнулся, – он упал прямо на неё, сэр! – Майк заметался у аварийного пульта, пылающего кроваво-красными огоньками тревожных сигналов. – У меня не работают датчики! Вижу только через одну камеру, самую дальнюю! Там дым идет! Столб дыма!

– Где – «там», Батлер?! – Голос Уокера звучал тише и прерывисто. Похоже, он перешел со стационарной рации на портативную и куда-то

бежал. – Откуда идет дым?!

– Изнутри... – промямлил Майк, и в этот момент дверь в дежурное помещение распахнулась. Появившийся Уокер в три прыжка оказался возле мониторов.

– Диспетчерская! Удар пришелся во второй теплообменник АЭС! Срочно нужны спасательные команды! Вижу признаки возгорания! Связи с Барбекю нет! Визуально ворота в порядке, повреждений не заметно, снаружи должны открыться! – Он, не отрывая взгляда от аварийного пульта и мониторов, сунул Майку в руки его рацию: – Батлер, бегом к электронщикам! Чтобы через пять

минут в моей дежурке работали все мониторы!

Майк опрометью выскочил из помещения, и в ту же секунду освещение бункера потускнело, и трели сирен сменились голосом дежурного диспетчера:

— Внимание! Произошло отключение питания! Задействована аварийная система энергообеспечения! Немедленно понизить нагрузку! Отключить все потребители энергии, не являющиеся критически важными! Всему персоналу надеть арктическое снаряжение! Спасательным командам, приписанным к АЭС, доложить о готовности начальнику

экстренной службы!

Пожар на АЭС удалось погасить только к вечеру, в основном благодаря начавшемуся бурану, который обрушил на руины теплообменника тонны снежного крошева. К полуночи было частично восстановлено энергоснабжение, тогда же весь Реактор узнал о подвиге дежурного оператора атомной станции: в первую минуту после падения шаттла, когда ядерный реактор мгновенно остался без охлаждения, отважный полярник, будучи раненым, вошел в горячую зону и что-то там отключил, предотвратив взрыв энергоблока.

Храбрец спас и Реактор, и всю Новую Америку, его, наперекор Холоду, доставили в бункер прямо через буран, и теперь все не занятые на работах полярники выстроились в огромную очередь в госпитальном уровне. Каждый хотел пожать герою руку и поддержать его добрым словом.

— Батлер, мы идем провести нашего спасителя! — заявил бригадир Уокер спустя секунду после сдачи смены. — Пойдешь с нами?

Майк согласился. Пока стояли в очереди к герою, на что ушло почти сорок минут, Уокер на все лады расхваливал самоотверженность, храбрость и профессионализм этого

Мак Алистера или Макалистера, как там его правильно... Все уши прожужжал, короче. А тут ещё навстречу постоянно идут полярники, которые уже посетили «спасителя», и тоже поют ему дифирамбы, и заявляют, что, как только закончится буран, необходимо вызвать для него из Новой Америки шаттл, или даже расконсервировать один из резервных. Майк совсем приуныл. Это несправедливо! Подвиг ушел прямо у него из-под носа, это он должен был стать сегодня героем! Спасти Реактор и, без преувеличения, весь мир, и уже через неделю с триумфом возвратиться в Новую Америку, где его ждёт слава,

карьера кинозвезды и Лив! А тут такое... когда ещё представится второй шанс?!

— Не грусти, Батлер! — Уокер истолковал его опечаленный вид по-своему. — С Маком всё будет в порядке, он настоящий полярник и не раз давал Холоду пинка в задницу! Мы возьмем Полярное Бюро за горло, если понадобится, но у него будет всё, что положено герою!

— Да, конечно, я полностью согласен, — выдавил из себя Майк, даже не пытаясь скрыть тяжелый вздох. — Он настоящий герой... — Слова закончились как-то сами собой. Вот уж действительно: не везет, так не везет...

Перед входом в палату медики заставили их долго вытирать ноги, затем разбили на пары и закутали в белые балахоны. Майку выпало идти с Уокером.

— Пятнадцать секунд! — устало предупредил врач, которому эта фраза за прошедшие пару часов явно успела набить оскомину. — Дотрагиваться можно только до кисти левой руки. Голос не повышать! — Он распахнул перед ними дверь и сразу же затворил её за их спинами.

— Мак! Старина! — громким шепотом воскликнул Уокер, устремляясь к единственной в маленькой палате койке. — Рад видеть

тебя с руками и ногами! Ты снова утер Холоду нос, сукин сын! Ну, мужик! Мужик! Тут не поспоришь!

Уокер осторожно сжимал лежащему на реанимационной койке человеку пальцы левой руки и радостным тоном продолжал нести какую-то восторженную чушь. Майк, расширившимися от потрясения глазами, смотрел на великого героя, не в силах произнести ни слова. Вся правая сторона Мак Алистера, от пятки до огрызка уха, представляла собой один большой ожог. Обуглившаяся кожа висела лохмотьями, сально поблескивая толстым слоем нанесенных сверху медицинских препаратов, в

некоторых местах из неё явственно проступали мелкие клочья одежды, вплавившиеся в плоть. Левая сторона его тела была неестественного, землисто-серого цвета, кое-где её прикрывали повязки и больничная простыня. Вместо правого глаза на обугленно-кровавом месиве, некогда бывшем лицом, белым пятном с алой серединой лежал хирургический тампон, левый глаз смотрел сквозь посетителей остекленевшим от огромной дозы обезболивающего взглядом. На вздувшихся пузырями губах блуждала наркотическая улыбка, из приоткрытого рта с тихим присвистом доносилось неровное дыхание.

— Проваливайте отсюда, —
раздался позади тихий шепот врача. —
Достаточно с него посетителей.

Бригадир Уокер, не прекращая
счастливо улыбаться, пожал Мак
Алистеру палец и пообещал завтра
навестить снова, прямо перед
отправкой храброго героя в Новую
Америку. У самых дверей он
остановился и, обернувшись к врачу,
едва слышно спросил тяжёлым от
боли голосом:

— Док! Шансы есть?

— Он получил такую дозу
облучения, что хватило бы нам троим
по самое «покойся с миром». —
Доктор тоскливо поморщился. — Про
ожоги я даже не говорю... Будет

настоящим чудом, если он доживет до прибытия шаттла. Мы ничего не сможем сделать, Уокер. Он обменял свою жизнь на наши. Такое возврату не подлежит. Мне жаль, что эти жирные хомяки из Новой Америки даже не узнают о том, кому обязаны возможностью и дальше набивать своё брюхо.

— И мне, — хмуро буркнул Уокер. Он молча пожал врачу руку, и они с Майком покинули реанимационный блок.

Как они дошли до столовой, Майк не помнил. Всю дорогу у него перед глазами стояло обезображенное лицо Мак Алистера, и ужин отказывался лезть в глотку.

Он просидел за столом полчаса, вяло ковыряя ложкой кашу, но так и не смог ничего съесть. Из головы не выходили сказанные врачом слова. Человек отдал жизнь за будущее всей страны, но вряд ли кто-то в этой стране оценит его жертву. Для чего тогда совершать подвиг?! Да ещё такой ценой! Нет, он, Майк, ТАКИМ героем становиться точно не хочет. Зачем мертвому слава?! И Лив он нужен живой и здоровый, а не изображенный на посмертном фото!

— Хватит тратить время, Батлер. — Майк вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним стоял Уокер, народу в столовой почти не осталось. — Завтра поешь, к утру

аппетит вернется. А сейчас иди в аккумуляторную и заряжай батареи своего снаряжения. И запасной комплект тоже заряди.

— У меня восемьдесят процентов заряжено, — машинально ответил Майк. — Ещё с прошлого выхода, когда Завесу после Воронки чистили...

— Заряди полностью! — перебил его бригадир. — Барбекю получила серьезные повреждения, один энергоблок остановлен, второй переведен на минимальную мощность. Вся энергия направлена на поддержание работоспособности сектора ХААРП. Остальные сектора Реактора висят на резервной

подстанции, и до окончания бурана никто ничего починить не сможет. Да и после нам придется несладко, тут хотя бы один энергоблок вывести на полную мощность... — Уокер недовольно поморщился. — Строителей надо с Новой Америки вызывать, с оборудованием и техникой, пока тепло! Тут возни на всё лето. Короче, Батлер, с двенадцати ноль-ноль все сектора переходят в режим экономии энергии. Всё лишнее будет обесточено. Руководство распорядилось каждому полярнику иметь арктическое снаряжение под кроватью во время сна, включая резервные элементы питания. Так

что все срочно заряжаются. Нашей бригаде выделена третья аккумуляторная станция, время с восьми до десяти вечера. Так что ступай туда, пока не поздно! Ты всё понял?

– Да, сэр, – подтвердил Майк, вставая из-за стола. – Всё равно есть не хочется... после госпиталя.

Бригадир лишь пожал плечами и удалился. Майк послушно направился в раздевалку, вынул из своего снаряжения элементы питания, достал из шкафчика резервные аккумуляторы и отправился на станцию. Там оказалось людно, пришлось посидеть перед телевизором в зале

ожидания, пока не подошла очередь, после чего ещё полчаса ушло на самую зарядку. Всё это время Майку пришлось терпеть компанию Переса, какого-то дьявола усевшегося рядом.

— Прикинь, Батлер, ночью отключат телевидение, сауны, развлекательную сеть, спортзал и ещё кучу всего! — вещал он. — И даже обогрев помещений снизят до минимума, до окончания действия аварийного режима в жилых помещениях будет поддерживаться всего лишь плюс пятнадцать! — Перес несколько минут распространялся на эту тему, после чего без всякой паузы переключился на следующую: — Ты Мак Алистера видел? Вот ужас-то!

Мужик реально герой! Спас всех нас и страну в придачу! Ты бы смог, вот так, как он, рвануть в горячую зону, заранее зная, что превратишься в жаркое? А, Батлер?! Я думаю, что я бы, наверное, не смог... А ты?

— Смог, не смог — у него что, выбор был? — огрызнулся Майк, которого болтовня Переса изрядно нервировала. — Что ему теперь твой ужас? Может, он ради семьи своей туда полез! Жена, дети...

— Так ведь нет у него никого, — парировал тот, — одинокий он! Тут из тех, кто второй десяток вахт разменял, больше половины таких. Остальные женаты на полярницах!

Это потому, что все вы тут

придурки, отметил про себя Майк. Но он не такой! Он всё равно здесь не останется. Он совершит подвиг и вернется к Лив в лучах славы и при деньгах. И будет жить в тепле и комфорте. А руки, ноги и жизнь Холоду пускай отдадут никому не нужные неудачники, которым не нашлось места внутри Полярного Круга! В общем, вытерпеть общество Переса ему удалось с трудом. Сообщение аккумулятора о зарядке его элементов питания Майк встретил с большим энтузиазмом.

Ночью он впервые почувствовал, что Реактор перешел на аварийный режим. В спальном помещении ощутимо похолодало, термометр

показывал шестнадцать по Цельсию, и даже высунуть из-под одеяла руку было довольно зябко. Он постоянно просыпался от того, что замерзал нос. Пришлось укрываться одеялом с головой, но так спать оказалось слишком душно, тогда Майк раскрывался и снова замерзал. В итоге ночь прошла ужасно, он совсем не выспался и пошел на завтрак в отвратительном настроении.

Днем буран усилился, и работы для Майка не нашлось. Вместо этого Уокер собрал всех новичков и отправил на теоретические занятия по устройству Барбекю. Как только на поверхности установится штиль, предстоит подготовить АЭС к

ремонту, и малоопытным полярникам в этом деле отводилась конечно же уборка снега. Кто бы удивлялся! В довершение всего выяснилось, что внутрь развалин теплообменника полезут опытные атомщики, а новичков не пустят дальше прилегающего к стенам АЭС пространства, на котором начнется возведение укрытий для ожидающейся из Новой Америки строительной техники. Это, конечно, радовало, но совершенно непонятно, зачем тогда они просиживают штаны на этих занятиях. Занудная тягомотина продолжалась до самого вечера, после чего Майк улегся спать прямо в комбинезоне, и даже надел

на лицо полярную маску. Постельное белье от такого решения вопроса жутко выпачкалось, зато он не замерз и превосходно выпался. Правда, утром одежда оказалась немного влажной от испарины, и в ней было некомфортно, но к обеду всё высохло прямо на теле. Впрочем, на это он уже не обратил внимания, так как изощрения Уокера в собственной глупости продолжались.

На этот раз гениальный бригадир заставил их изучать строение стандартной антенны ХААРПа. За три последующих дня схемы этого нагромождения металлических штанг и решеток, выполненные в макетах масштабом

один к двадцати, стали для Майка чуть ли не ненавистными. Тупо разбирать и собирать эти пластмассовые игрушки в ожидании штиля очень раздражало. Уокер бы ещё отправил их тренироваться на макете Завесы, там конструкция совсем примитивная, наверное, только это и спасло Майка – макетов Завесы попросту не существовало. В любом случае, ему это всё не нужно, он не собирается посвятить всю жизнь ползанию в снегу по грудь среди бесконечного леса антенн ХААРПа. Там подвиг точно не совершить, хоть в одиночку разбери и собери заново все сто квадратных километров. Особенно Майка

повеселило заявление старого эксперта, проводившего занятия.

— Кто лучше всех освоит конструкцию стандартного элемента фазированной решетки, — с идиотской торжественностью на лице возвестил старикашка, — того после бурана возьмем с собой к центру сектора ХААРП, откапывать точку аварийного ручного управления! Вы сможете побывать внутри и увидеть элементы экстренного контроля Реактора!

На этом месте Майка вообще едва не порвало от смеха, ему стоило огромных усилий не заржать в голос. Вот счастье-то кому-то привалит!!! Разрешат почистить снег и дадут

посмотреть на пару старых рубильников! Весь этот маразм достал его настолько, что на пятый день он сослался на недомогание и ушел с занятий спать. Так он и провалялся на койке до вечера, развлекаясь тем, что придумывал причины, которые позволят ему отказаться от постоянной работы в секторе ХААРП. На ужине к нему опять прицепился Перес:

— Эй, Батлер, говорят, ты себя неважно чувствуешь? Сегодня на занятиях нам объявили график восстановительных работ. В первый день ты в смене очистки снега в районе Барбекю, а мне выпало сидеть на наблюдательном! Если что,

мы можем поменяться. Я сугробы погоняю, а ты за камерами присмотришь, всё же в тепле, быстрее поправишься!

— Я здоров, — буркнул в ответ Майк. — Уже поправился, не заморачивайся, Перес, у меня нет никаких проблем! Или ты думаешь, что если я черный, то снега боюсь? — Он взял поднос с едой и пересел за другой столик.

Перес недоуменно пожал плечами ему вслед, но, к счастью, отстал. Майк облегченно вздохнул. Тоже мне, герой нашелся! Что, тоже славы захотелось, решил начать со спасения меня? Не выйдет! И без того слишком много героев. Он вновь

вспомнил обезображенного Мак Алистера и невольно вздрогнул. Ну уж нет, спасибо! Должен же быть менее фанатичный способ!

Наутро буран неожиданно стих, и после завтрака бригадир Уокер собрал всю бригаду в конференц-зале.

— Метеорологическая команда сообщает, что антициклон начал распадаться, — объявил он. — Они не знают, почему это происходит раньше их собственных прогнозов. Скорее всего, ионосфера шалит.

Это предположение вызвало у Майка мимолетную усмешку. Скорее всего, шалит прогноз, отметил он, который был сделан с ошибками.

Почему бы метеорологам не признать это?

— Они ожидают установление штиля через два часа, — продолжил бригадир. — Температура поднимется до минус сорока четырех. Как только это произойдет, мы начнем восстановительные работы на Барбекю. Чем быстрее мы решим вопрос с восстановлением энергопитания, тем лучше. Всё висит на резервной подстанции шестые сутки, её ресурсы исчерпаны на шестьдесят процентов, требуется подзарядка ёмкостей. А для этого необходимо поднять мощность АЭС. Оттуда сообщают, что своими силами нам не справиться. Руководство уже

связалось с Бюро, Новая Америка
пришлет строителей, как только мы
расчистим сектор Аэродром и будет
получено подтверждение
метеорологической стабильности.
Поэтому немедленно начинаем
подготовку к выходу на поверхность.
Задача нашей бригады – расчистка
снега на Барбекю. Всем разбиться на
команды согласно вчерашним
спискам. Новичкам в здание АЭС не
лезть! На текущий период у нас нет
никакой информации о
радиологической обстановке наверху.
Поэтому всем слушать эфир и без
надобности языками не трепать! А
теперь, господа, встали и пошли!

Майку, как обычно, достался

очиститель Андерса, и он
приготовился до вечера провозиться
с воздушной турбиной. Вряд ли в
таком авральном режиме такой
маньяк, как Уокер, вспомнит об
обеде и позаботится о голодных
людях. Но всё оказалось ещё
сложнее. Сразу приблизиться к
зданию АЭС не удалось. Всё вокруг
оказалось усеяно железобетонными
обломками теплообменника,
засыпанными снегом, и сразу два
вездехода повредили колеса, наехав
на невидимые под сугробами острые
обломки арматуры. Уокер приказал
очистителям в первую очередь
пробить путь к АЭС для
спасательных команд, а уже после

заняться полной расчисткой местности. Пока десяток очистителей, завывая турбинами и поднимая в воздух гигантские снежные облака, продвигался к Барбекю, из бункера прибыло несколько снегоходов с научной командой. Ученые прямо на снегу развернули какое-то оборудование и занялись проведением радиологических замеров. Через полчаса появились первые результаты.

— Вокруг чисто, — сообщил руководитель научной команды. — Если и произошел выброс радиоактивных элементов, то их унесло бураном далеко отсюда. От

корпуса АЭС фонит, по мере приближения фон возрастает, поэтому никому не покидать кабин вездеходов. Использование открытых аэросаней исключено до особого разрешения!

Пожалуй, стоило согласиться на предложение Переса, подумал Майк, хотя, нет. Так даже лучше. Внутри очистителя он в безопасности, и никто не скажет, что Батлер испугался трудностей. Ещё через час их бригаде удалось организовать довольно-таки широкую дорогу к самым воротам Барбекю, и спасательная команда приступила к внутренним работам. В первую очередь из АЭС вытащили

застрявшую там на время бурана смену. К полудню выяснилось, что радиоактивный фон внутри корпусов Барбекю значительный, местами даже опасный, а находиться в развалинах разрушенного теплообменника более двух часов подряд и вовсе чревато смертельной дозой облучения. Несколько человек из числа старой смены медики оставили в госпитале сразу после первичного обследования, кто-то из них вроде бы уже потерял сознание. Слушая в эфире эти сообщения, Майк лишь качал головой, наблюдая за командами внутренней расчистки, с лопатами в руках заходящих в корпус АЭС. Это

глупо. Оттуда можно вернуться инвалидом, а то и вовсе полутрупом, как Мак Алистер...

— В чем дело, приятель? — Андерс заметил его жесты. — У нас проблемы с турбиной?

— Нет. — Майк указал ему на очередную вооруженную лопатами группу полярников: — Они собираются очищать теплообменник! Там же радиация! Опасный для жизни уровень!

— Ты прав, Батлер — согласился Андерс, провожая взглядом исчезающих внутри АЭС людей. — Но нам необходимо поднять мощность энергоблока, иначе резервная подстанция полностью разрядится и

мы останемся без питания! А для этого нужно знать, что сейчас творится там, внутри. Выдержит ли энергоблок увеличение нагрузки? Поэтому эти парни идут туда, рискуя своими жизнями. Их никто не заставлял, в тех командах одни добровольцы. Это настоящие герои, приятель! Таких не увидишь в Новой Америке за столиками дорогих ресторанов. Так что давай поможем им тем, что в наших силах! Рули турбиной, Батлер, до наступления темноты мы должны вычистить эту сторону.

С наступлением ночи мороз начал усиливаться, но на общем совещании всех сотрудников

Реактора, проведенном в радиоэфире, было решено работы не прекращать. Со складов бункера подняли утепленные прожектора и выставили их вокруг корпуса АЭС, чтобы освещать местность. Очистительные вездеходы заканчивали расчистку, и страдающий от голода Майк с надеждой прислушивался к каждому звучащему в эфире слову, ожидая приказа закончить смену. Наконец бригадир Уокер объявил, что время истекло, но обрадоваться Майк не успел. Бригада единогласно изъявила желание закончить расчистку внешней территории, и ему пришлось вертеть чертовой турбиной

ещё два часа. Майк молча орудовал джойстиком, щурясь от слепящих глаза прожекторов, и старался не обращать внимания на громко бурлящий от голода желудок. Несколько раз в здании АЭС менялись очистительные команды, некоторых людей выносили из ворот на руках уже без лопат, и он провожал их угрюмым взглядом. Странное здесь понятие о героизме, обязательно связанное со смертью. Похоже, кое-кто тут путает подвиг и суицид. Может, в Бюро набирают именно по этому признаку? То-то же старый Джеймс так ностальгирует по Холоду! Сколько лет уже не полярник, а все никак не успокоится.

Может, потому и личная жизнь у него не ладится? И протез тут ни при чем?

В бункер бригада вернулась после полуночи, и ничего не евший в течение пятнадцати часов Майк устремился в столовую. Там по случаю аврала всем выдавали двойную порцию, ну, хоть что-то хорошее. Торопливо покидав пищу в желудок, он отмахнулся от Переса, пытающегося сообщить ему о том, что умер Мак Алистер, и напрямик направился в спальное помещение. Умер, и что с того? И так было ясно, что умрет. Зато реанимационный блок освободился, он сейчас очень пригодится, сегодня таких же героев

с лопатами и кирками из Барбекю на руках вынесли не меньше десятка. Хотите поговорить об этом? Вот и поговорите! А он до смерти устал и хочет спать. Майк, не раздеваясь, рухнул на койку и уснул прежде, чем его голова коснулась подушки.

Глава 4

Пара вездеходов проползла вдоль нитей Завесы ещё полсотни метров, и пулеметчики вновь открыли огонь. На мониторе сливающихся со снегом мутантов было не разглядеть, и Майк ориентировался по влетающим вверх снежным фонтанчикам, выбиваемым пулями. Зверье третьи сутки лезло к Реактору со стороны Могильника. Старые полярники говорили, что мутанты чувствуют радиацию и принимают поврежденный корпус АЭС за свой второй дом. Начальство заявляло, что твари идут на тепло,

прорывающееся через наспех
восстановленную теплозащиту
Барбекю. Как бы там ни было,
численность зверья, кружащего
вокруг Реактора, увеличивалась с
каждым днем, и между двумя
внешними нитями Завесы постоянно
ходили пулеметные вездеходы,
отстреливая особо обнаглевших
мутантов. Поначалу это помогало, и
трупы убитых тварей немедленно
становились предметом кровавых
распрей среди остального зверья, но
потом мутанты поумнели и начали
зарываться в снег при приближении
вездеходов. Происходило это
довольно быстро, и в течение
вчерашнего дня пулеметчикам не

удалось убить ни одной твари. Зато ночью на Завесе зажарилось не меньше дюжины уродливых существ. К счастью, ветер в эти дни слабый, и внешняя нить без проблем выдержала нападение.

Вездеходы прекратили стрельбу и покатили дальше. Майк проводил их взглядом с монитора на монитор, отслеживая, как машины переходят из зоны видимости одной камеры в другую, и печально вздохнул. Ему бы сейчас не за пультом наблюдателя сидеть, а за пулеметом. Зверье стекается отовсюду, вдруг бросятся на Завесу? Там-то их и зажарит, а остальных добьют пулеметчики. Наверняка такое событие не

останется без внимания в Новой Америке, киношники любят сражения. И этот героизм не связан с суицидом, но при этом не менее значим. Хотя... кто знает этих идиотов из Бюро! Для них, если ты совершил что-то выдающееся и при этом остался живым и здоровым, может, и не подвиг вовсе. Майк не удивится, если на самом деле так и есть. Впрочем, Завесу сейчас патрулируют десять из двенадцати пулеметных вездеходов, почти вся боевая техника Реактора. Так что в случае чего стрелков ожидает жесткая конкуренция. А ещё, часа три назад, он слышал, что начальство велело механикам с утра начать

установку пулеметов на резервные аэросани, в качестве запасной меры безопасности. Всё-таки в Реакторе сейчас работает двойная вахта.

Шаттлы со строителями прибыли позавчера. Десять крылатых ракетопланов приземлились в Аэропорту в течение двадцати минут, в точности повторяя стандартную процедуру смены вахт. Разве что общее количество пассажиров было несколько больше: шесть машин пришли заполненные людьми, остальные под завязку забиты техникой и строительными материалами. Шаттлы разгрузились и вернулись в Новую Америку, и в спальнях помещений бункера

немедленно начали монтировать второй ярус кроватей. Теперь в Реакторе многолюдно, и обычно пустое, заснеженное пространство на мониторах слежения за сектором АЭС кипит множеством восстановительных работ. Вокруг руин теплообменника заканчивается монтаж заградительного покрытия, под защитой которого уже началась процедура восстановления энергоблока, главный корпус Барбекю залатали, и научная команда заявила о стабильности состояния второго энергоблока.

Весь вчерашний день взлетно-посадочная полоса Реактора каждые пять часов принимала по паре

шаттлов, доставка грузов и персонала для восстановления АЭС продолжалась, но сегодня с самого утра все полеты были прекращены. Прибыл только один ракетоплан с особым грузом на борту и несколькими особыми пассажирами. Именно их появление не давало Майку покоя вот уже шестой час. Шаттл привез какую-то важную шишку из Бюро и больше десятка репортеров. Авария, поставившая под угрозу климатическую стабильность всей страны, не осталась незамеченной. Все наиболее крупные информационные агентства прислали своих представителей к Реактору. Сейчас

от них не отходит половина местного руководства. Журналисты прибыли специально для того, чтобы осветить самоотверженный труд полярников: из разбитого энергоблока будут извлечены поврежденные тепловыделяющие вставки, или ТВС, то самое ядерное топливо, на котором работает атомный реактор. Для этих целей шаттл привез специального робота повышенной грузоподъемности с дистанционным управлением. Он подберет их и уложит в экранированные контейнеры, которые затем будут вывезены в Могильник. После этой процедуры ничто не мешает восстановлению АЭС, Новая

Америка бросила на это все средства.

И вот теперь Майк сидит здесь, в никому не нужном помещении наблюдательного поста, в то время как остальные красуются под объективами репортерских камер. На частотах отдельных команд стоит непрерывный треп, все обсуждают протекание процесса ликвидации поврежденных ТВС и то, какой молодец оператор робота. Майк зло поморщился. Ну, и какой он, к дьяволу, молодец?! За него всё делает робот, он только на кнопочки жмёт! Делать им просто нечего, на время подбора ТВС все восстановительные работы прекращены, бригады вывели

за границу потенциально опасной зоны, вот народ от безделья лясы и точит! Их послушать, так там сплошные герои: и оператор робота, и Мак Алистер, и полдюжины тех странных суицидников с лопатами, что откапывали от снега разбитый теплообменник и определили точное местоположение разбросанных ТВС, и дежурная смена Барбекю, что оказалась заперта бураном на поврежденной АЭС и пять суток в условиях повышенного радиоактивного фона делала всё, чтобы удержать в стабильном положении оставшийся энергоблок, — короче, на такое количество «героев» никакого кинобизнеса не хватит! А

если разобраться?! Ну, ладно, Мак Алистер действительно герой. Причем мертвый. Как и те шестеро, что откапывали ТВС. А зачем, спрашивается?! Можно было подождать, пока из Новой Америки привезут робота. Ну, сделали бы двух роботов! Один очиститель, второй – сборщик. И все дела. И не надо никакого суицида. Уокер, конечно, говорил про то, что в таких руинах техника не проходит и что нельзя было терять ни минуты, буран закончился, и без охлаждения что-то там могло, теоретически, взорваться, или расплавиться, или ещё как-то так жутко угрожать АЭС, но ведь ничего подобного не произошло. Да и вряд

ли могло произойти, всё это больше похоже на оправдания руководства в свете неумелого руководства. Сначала сами себя угробили, а потом сами себя назначили героями. Оператор робота особенно хорош! Прилетел, потыкал в клавиши и улетел. Всё, герой! Майк раздраженно щелкнул верньером радиосканера. Надо хоть послушать, что там происходит, а то сидишь тут, словно в тюрьме...

— ... картинку левее! Видно развалины из-за меня? Используй трансфокатор, как только я закончу третье предложение! — Майк прислушался. Похоже, сканер поймал внутренние переговоры репортеров

одной из съемочных групп. – Готово? Делаем пробную запись! Внимание! Начали! Мы находимся в самом сердце Холода, в легендарном Реакторе, где несколько дней назад произошла полная трагизма авария, поставившая под угрозу функционирование местной АЭС, носящей на сленге полярников ироничное имя «Барбекю»! Как мы уже сообщали ранее, восемь человек отдали свои жизни в борьбе со стихией, но их жертва не была напрасной – самоотверженные герои отстояли атомную станцию и будущее своей великой страны! Их имена навечно останутся в нашей памяти! В настоящий момент вы

видите развалины первого теплообменника, внутри которых полным ходом идет процесс ликвидации смертельно опасных радиоактивных элементов! Уникальный, дистанционно управляемый робот, созданный благодаря тесному взаимодействию ученых и инженеров Новой Америки, собирает их в специальные экранированные контейнеры, которые затем будут вывезены за двести километров от Реактора и помещены в Могильник... – Голос репортера оборвался, после чего зазвучал вновь: – Ну, как? Порядок? На этом месте сделаем врезку: термометр показывает минус сорок

семь, ветер гонит по развалинам клубы снега, повсюду строительная техника, заграждения! Затем лицо героя крупным планом! Оператор робота за работой! После...

Майк раздраженно выключил сканер. Даааааа, конечно, герой, герой! Крупным планом его, скорее, а то не успеете! Вдруг ещё кто-то на какую-нибудь кнопку нажмет или деревянной лопатой потрясет! Придется срочно расширять список героев! — Он зло вздохнул. Ну почему ему так не везет? Два дня он, как проклятый, чистил этот чертов снег, а именно сегодня, когда там полно телекамер, сидит в бункере! И нет никаких шансов отсюда выбраться. И

это в тот момент, когда бестолковые журналисты готовы видеть эпического героя в каждом втором человеке, одетом в арктическое снаряжение. Блеск!

Всё оставшееся время, вплоть до смены, Майк предпочел не слушать эфир, за исключением экстренной частоты и канала пункта наблюдателей. Весь этот трёп об облученных героях и прочих звёздах суицида очень сильно напрягал, а смотреть на мельтешащих вокруг руин теплообменника репортеров и вовсе не хотелось. После работы, за ужином, он вновь не смог ничего съесть — аппетит пропал вслед за настроением. В результате Перес, как

всегда лезущий не в своё дело, едва не получил по морде.

– Батлер! Чего не ешь? – Перес с подносом в руках плюхнулся за стол рядом с Майком. – Не голоден, что ли? А вот я бы сейчас быка проглотил! – Он с довольной рожей заталкивал в себя кашу ложку за ложкой. – Десять часов подряд короба собирали! Под контейнеры, куда робот разбитые ТВС складывал! Прикинь, полозья никак не устанавливались по осям – от холода металл на коробах повело! Собирать-то пришлось под открытым небом, все строения сейчас забиты под завязку! – Набитый едой рот совершенно не мешал Пересу трепать

языком. — Мы все замерзли, как собаки! К нам даже репортеры подходили, хотели снимать целый сюжет, да только ветер посвежел, и у них это желание быстро отпало! Забились в вездеход, отогреться! Тоже мне, полярники! — Перес прям-таки светился от гордости, чем бесил Майка всё сильнее. — В арктическом снаряжении, с обогревом, на улице почти штиль! — лыбился он, не переставая жевать. — И озябли, бедняжки! Видели бы они, что такое буран! Короче, сюжетец у них получился очень короткий! Но я успел помахать рукой в камеру и передать привет отцу! Хотя, в маске и очках он меня, конечно, не узнает.

Слушай, Батлер, пошли в госпиталь?! Проведаем парней из седьмой спасательной, что ТВСы откапывали, они облучились сильно! Ободрим добрым словом, пожмем героям руки...

В эту секунду терпение Майка окончательно лопнуло. Он медленно развернулся к Пересу, незаметно отводя за спиной руку для удара, и с удовольствием подумал о том, как в следующий миг его кулак расплющит этому идиоту нос.

– Ничего не выйдет, Батлер! – зазвучал позади голос бригадира Уокера, и Майк дернулся от неожиданности, торопливо опираясь кулаком в соседний стул. Если что,

он заявит, что никого бить не собирался, просто оперся на стул для удобства, чтобы лучше слышать Переса.

— В госпиталь вас не пустят, — продолжил бригадир. К счастью, он или не понял, или не видел намерений Майка. — Там сейчас репортеры снимают. Медики были против, но замдиректора Бюро дал своё разрешение. Ничего не поделаешь, пока шаттл не увезет его в теплые края, он тут главный.

— Репортеры? — Майк почувствовал, что очень хочет навестить героев суицида. — Я думаю, можно попытаться, наверняка они уже закончили. У них завтра

очень ранний вылет, спят они уже!

— Не спят, — усмехнулся Уокер. — Они убедили замдиректора устроить им пресс-конференцию прямо в приемном отсеке госпиталя, мол, так ближе к реалиям. Он чего-то там ляпнул о Могильнике, после чего они быстро уговорили его отправить туда съемочную группу. Теперь обсуждают детали.

— У них что, совсем мозги отмерзли за сегодня? — Майк постучал себя по лбу пальцем. — Это же смертельно опасное место! Там радиация и логова мутантов! Им об этом не сказали?!

— Знают они всё прекрасно! — Бригадир поставил на стол свой

поднос и потянулся за стулом. — Не первый раз у нас. Просто у замдиректора в голове пурга вместо мозгов. — Он недовольно покачал головой. — Что взять с кабинетного полярника... который ни разу в жизни не провел ни одной вахты. Он всерьез считает, что если отправить в Могильник втрое больше людей и поставить пулемет на каждую машину, то марш по ледяной пустоши за двести километров от Реактора превратится в увеселительную прогулку.

— Но ведь это ещё не всё, так? — решил подыграть Уокеру Майк. Неужели у него появился шанс?

— Ещё как не всё, — хмуро

усмехнулся бригадир. — Любое изменение в активности ХААРПа имеет отдачу, чем ты слушал инструктаж, Батлер? Из-за аварии Барбекю едва работает, мы были вынуждены снизить мощность накачки ХААРПа вдвое, и это при том, что дело близится к лету. Он ведь жрет дикую кучу энергии! Нам едва хватает остатков, чтобы поддерживать ёмкости резервной подстанции на пятидесяти процентах. Восстановительные работы требуют мощного обогрева, сейчас стоит штиль, но уже через трое суток над нами будет циклон, и дальше придется вкалывать при минус восьмидесяти. Это если

ионосфера не выкинет какой фокус в ответ на снижение накачки. Как в таких условиях отправлять караван в Могильник?! Двести километров ровного, как стол, снежного поля. Если, не приведи господь, образуется Воронка, никто оттуда не вернется. Этот кабинетный болванчик попросту не понимает, что такое Холод. Ему кажется, что раз сейчас при минус сорока семи ему, сидящему внутри вездехода в арктическом снаряжении с обогревом, не холодно, значит, так будет везде и всегда. Придурок! — заключил Уокер и принялся за ужин.

Так вот оно что! Майк с трудом подавил желание подскочить со

стула. Шанс действительно есть! Сейчас главное — не потерять его! Любой ценой! Он должен отправиться в Могильник вместе со съемочной группой! Там он разберется, как попасть в новости, а это уже начало! Если его запомнят, то дальше будет легче. Никто не любит работать в Могильнике, значит, там должны быть вакансии, тем более что караван увеличивают втрое! Он должен использовать в своих интересах дремучие суеверия этих психов, раз они боятся Воронки. ХААРП работает в половину мощности уже чуть ли не десять дней; если бы откат случился, то это давно произошло! Скорее всего, тот

буран и был откатом, по времени как раз подходит, об этом ещё тогда все говорили.

— Караван к Могильнику уже укомплектован? — будничным тоном уточнил он у бригадира.

— Какое там! — хмыкнул Уокер. — Дураков нет рисковать понапрасну! Сейчас даже штатная команда упирается руками и ногами, а замдиректора издал гениальное распоряжение добрать в неё ещё два десятка человек. До утра будут решать, как привлечь людей. Ты не волнуйся, парень, тебя не назначат. Мы новичков в обиду не даём, и даже замдиректора не дёрнется против всей вахты.

– Я хочу пойти в Могильник добровольцем! – решительно заявил Майк. – Куда подать заявление?

– Это шутка? – непонимающе поднял брови бригадир. – Не очень умно шутишь, Батлер!

– Я абсолютно серьезно! – Майк отодвинул тарелку и для убедительности положил ладонь на стол. – Мне совесть не позволяет чистить снег, сидя в теплом вездеходе, или клевать носом в обогреваемом кресле наблюдателя, когда настоящие патриоты моей страны отдают за неё свои жизни, бросаясь в горячую зону ядерного реактора! Я в глаза им не могу смотреть, когда навещаю облученных

в госпитале! Они словно спрашивают меня, а что ты сделал для того, чтобы спасти страну? А я что отвечу? В теплом кресле уснул? Снежок у крыльца расчистил? Мне даже спать стыдно!

— Эй, парень, полегче! Не глупи! — опешил Уокер, никак не ожидая такой реакции. — В этом нет ничего постыдного, ты же новичок, это твоя первая вахта! Все так начинали! Я вообще на камерах засыпал каждый раз, не зря же все наблюдатели дублируются с пульта старшего смены! Не делай глупостей! Какой Могильник, ты даже за пределами Завесы ни разу не был! Успеешь ещё!

— Я своё решение принял, господин бригадир! — Майк упрямо сдвинул брови на переносицу. — И не собираюсь больше отсиживаться в теплых местах! Сейчас не просто вахта, у нас тут чрезвычайная авария, страна на пороге катастрофы! Если я могу помочь ей хоть чем-нибудь, я готов! Кому подавать заявление?!

— Не приму я у тебя никакого заявления! — повысил голос Уокер, и разговоры за соседними столами стихли. Полярники оборачивались, с интересом прислушиваясь к вспыхнувшему спору. — Я не могу рисковать новичками там, откуда бывалые специалисты не всегда возвращаются! Забудь об этом!

— Я пойду к заместителю директора! — не унимался Майк. — Я подам заявление ему лично! Вам меня не остановить!

— Да подавай, кому хочешь, хоть господу богу! — Бригадир хлопнул ладонью по столу. — Всё равно не пущу! Рано тебе ещё! Ты даже почувствовать отказ системы обогрева не в состоянии, потому что опыта такого нет! Заметишь, когда будет уже поздно! Сперва на антенном поле ХААРПа поработай!

— Он прав, бригадир! — неожиданно вступился за Майка Перес. — Батлер, я с тобой! Я пошел в Бюро, чтобы обеспечить моей стране безбедное будущее, меня отец учил,

что нет благороднее профессии, чем полярник! Я тоже не буду в тепле отсиживаться, особенно когда людей в караван не хватает! Нам просто съездить туда-обратно, и всё! Вон даже журналистам позволили! А опытные специалисты сейчас нужнее на восстановительных работах! Вы же сами сказали, что скоро здесь будет циклон! Значит, каждый час на счету! — Перес встал со стула и официальным тоном заявил: — Бригадир Уокер, я подаю заявление с требованием направить меня добровольцем в завтрашний караван к Могильнику! Я пойду вместе с Батлером!

— Я тоже пойду! — Из-за

соседнего стола поднялся один из новичков. — Официально заявляю!

Майк торопливо подскочил и шагнул к бригадиру. Так недолго и инициативу потерять, нельзя позволить этим выскочкам украсть у него славу и будущее. Он окинул столовую грозным взглядом и громко произнес:

— Мы подаем официальное заявление и требуем его положительного рассмотрения! Иначе мы сейчас же пойдем к репортерам и заместителю директора Полярного Бюро! Мы не отступим!

— Да идите, куда хотите. — Уокер устало закрыл глаза. — В Могильник

им захотелось, на подвиги... — Он тяжело вздохнул: — Дети малые... Андерс! — Бригадир перевел взгляд на старого полярника: — Пойдешь с ними, присмотришь. Так будет спокойнее. Или мне идти?

— Схожу, кто ж тебя с Барбекю отпустит! — отмахнулся тот. — Парни подобрались хорошие, отличная смена растет! Уйду на пенсию со спокойной душой. Если из Могильника завтра вернемся.

Через Завесу караван проходил со стороны сектора ХААРП, в обход северных ворот. В этой части Реактора Майку бывать ещё не приходилось, но чтобы не ударить

перед репортерами в грязь лицом, он делал вид, что знает тут всё как свои пять пальцев. Его план не просто сработал, всё получилось даже лучше, чем можно было надеяться. Андерса и их троих, новичков, прикрепили прямо к съемочной группе. Как сказал Уокер, чтобы опасность была минимальной. Это Майка вполне устраивало, как и то, что посадили их с репортерами в один вездеход. Правда, сесть за пулемет ему так и не удалось, это место занял Андерс, но и так неплохо: кроме старого пулеметчика и водителя в их вездеходе бывалых полярников не было, места хватило как раз на троих новичков и четверых

репортеров с двумя камерами. В результате журналисты всю дорогу снимали их на видео и задавали вопросы. Единственным минусом было то, что спрашивали они не только Майка, но и двух других, однако после того, как он прозрачно намекнул репортерам на то, что в караване он единственный афроамериканец, камеры и микрофоны стали обращаться к нему значительно чаще других.

— Как известно, Могильник — это единственный сектор Реактора, отстоящий от него на значительном расстоянии, — вещал на камеру один из репортеров. — Находится он в двухстах километрах к северу.

Скажите, мистер Батлер, – он обернулся к Майку, – почему караван выезжает через южные ворота?

Вопрос застал Майка врасплох. Он замешкался, растерянно переводя взгляд с Переса на Андерса, и старый полярник его спас:

– У северного выхода четвертые сутки крутятся несколько довольно больших стай мутантов, – пояснил он. – Чуют тепло, уродцы! Идти через них чревато серьезными проблемами даже такому каравану, как наш! А так мы обойдем их по дуге, это лишний крюк на полчаса, но зато спокойнее. Пока мы здесь выходим, на севере через Завесу отстреливают тепловые ловушки.

Первые несколько секунд они довольно горячие, и зверье на них отвлекается. Как обогнем антенное поле, встанем на прямой курс, и тогда им нас уже не догнать.

— Скажите, мистер Андерс! — Репортер окончательно отвернулся от раздосадованного Майка. — Сколько времени займет наш путь? Аэросани на электрическом ходу развивают скорость до ста двадцати километров в час, но вездеходы движутся медленнее, к тому же караван идет с тяжелыми прицепами!

— В каждом из прицепов, — громко встрял Майк, возвращая к себе внимание репортера и операторов, — по две тонны

радиоактивных материалов! Это ТВС, поврежденные в результате аварии! – Он срочно вспоминал вечерний инструктаж и утренний брифинг. – Поэтому мы не можем двигаться быстрее пятидесяти километров в час! Нельзя допустить переворачивания прицепов! Наш путь к Могильнику займет четыре часа, зато обратно вернемся за два, потому что пойдём налегке!

– Могильник считается местом обитания большого количества мутировавших зверей, – ожил второй репортер, и на Майка смотрели уже обе камеры. – Вы ожидаете агрессивного поведения с их стороны или, быть может даже, нападения?

— Мы к этому готовы! — Майк многозначительно указал на пулемет. — В состав каравана входят шесть вездеходов и двое аэросаней, и на каждом из них установлено такое вооружение! Кроме того, обшивку вездехода им не прогрызть, — он вспомнил нападение злобных тварей во время очистки Завесы и острые желтые зубы, бессильно царапающие прозрачный кокпит очистителя. — Даже прозрачную её часть!

— В этом я бы не был так уверен, — буркнул Андерс. — Главное — не встретиться с медведями, особенно пока мы груженые. На такой скорости от них не уйти, а от пуль медведьдохнетмедленно,

может и догнать, пока жив. Да и остальные твари в Могильнике – не подарок... – Он замолчал и отвернулся от камеры, вглядываясь в оконце смотровой щели. – Сейчас наберем ход!

И действительно, в эфир вышел начальник караванной команды и сообщил о постановке на курс. Шум моторов стал громче, и караван покатиł прочь от Реактора, оставляя позади бесконечное антенное поле. Майк посмотрел в окно. Громада ледника, надвигающаяся на ХААРП с юга, отсюда выглядела толстой белесой гусеницей, растянувшейся вдоль горизонта. Сам мировой ледник ещё очень далеко отсюда, но

его малые отроги давно подошли к антенному полю. Дистанция до них составила тысячу триста метров, кажется, ещё лет сто назад, с тех пор команды подрывников регулярно взрывают нарастающую часть ледника, после чего частые ураганы уносят обломки вдоль стены далеко в пустошь. Вполне эффективный и одновременно опасный метод. Именно там и совершил свой подвиг Дэвид Бронсон, которому так завидует Уокер. Хотя история Бронсона, пожалуй, действительно темная, там могло быть как угодно. Бригадиру Майк не верил, однако и зажавшимся богатеям тоже не доверял, он хорошо помнит этих

чванливых слизняков, лебезящих перед Лив. Короче, после Могильника надо требовать работу в подрывной команде. Только там у него есть шансы, не ползать же годами по этому бесконечному лесу антенн!

Путь к Могильнику Майка разочаровал. Четыре часа караван уныло плелся по бескрайней снежной пустыне, строения Реактора давно пропали из виду позади на юге, но раскинувшаяся вокруг, однообразная пустошь и не собиралась заканчиваться. Майк даже украдкой бросил взгляд на компас, уж не по кругу ли они катаются? Но колонна держала

правильный курс, и оставалось лишь ждать окончания этой тягомотной поездки. Спустя два часа после выезда началась довольно сильная позёмка, ветер гнал по поверхности пустоши почти двухметровые клубы снежинок, и видимость через окна упала до десятка метров. Если до этого смотреть было особо некуда, то теперь смотреть стало некуда вообще, и Майк незаметно для себя уснул под равномерное гудение двигателя.

Проснулся он от того, что кто-то уперся ему в грудь рукой. Открыв глаза, Майк увидел Переса.

— Держись, Батлер! — посоветовал тот. — Мы почти на

месте, в гору поднимаемся!

Оба оператора уже уткнулись в окна своими камерами, и репортеры что-то выясняли у Андерса. Майк с досадой поджал губы. Надо же было так проколоться! Заснул, и они потеряли к нему интерес. Надо было срочно исправлять ситуацию, и он подвинулся ближе к репортерам, торопливо вникая в суть ведущегося разговора.

— ...конечно нет, это не ледник, — кивал головой Андерс. — В смысле, не мировой ледник, тот в высоту три километра. Этот ледник поменьше, он как бы идет впереди большого, тут метров шестьдесят всего высота, и есть пологие склоны,

по ним вездеходы могут взобраться
наверх.

— Насколько опасно находиться
на его поверхности? — оживился
репортер. — Сохраняется ли там
штиль, если внизу достаточно
спокойно? И как там выживают
мутанты, о которых уже было
столько сказано?

— Там всегда есть ветер, —
ответил Андерс и, заметив
проснувшегося Майка, неожиданно
указал на него пальцем: — Вон
спросите Батлера! А мне надо
заниматься пулеметом. Я не хочу,
чтобы вы на собственной шкуре
почувствовали, как здесь выживают
мутанты. — Он отвернулся от

репортера и положил руки на пулеметные гашетки.

— Мистер Батлер! Вы проснулись! — заулыбался репортер, касаясь плеча оператора: — Давай его крупным планом! — Он протянул к Майку микрофон: — Мистер Андерс рассказал нам о том, что вы и ваши друзья вызвались добровольно участвовать в этом опасном предприятии! Расскажите нашим зрителям, какого рода опасности могут подстерегать нас в Могильнике?

— В первую очередь — радиация! — Майк старался выглядеть как можно более авторитетно. — Это же Могильник, место, где мы

производим захоронение ядерных отходов! Ну и мутанты, конечно! Они живут вокруг Могильника в большом количестве. Роют норы и берлоги под снегом, так что им ураганы не страшны. Из-за радиации местное зверьё давно превратилось в злобных и вечно голодных монстров, готовых сожрать любого. Это Холод, мистер, он слабаков не любит! Тут на вас могут броситься в любую секунду из любого сугроба! Поэтому советую не пренебрегать инструкциями. Держитесь возле меня, когда выйдем наружу.

— Спасибо за совет, мистер Батлер, мы обязательно так и поступим! — Репортер повернулся

лицом к камере и продолжил: — Внушает ужас, не так ли, уважаемые зрители? Но должен вас заверить, что это далеко не страшилки на Хэллоуин! Могильник вот уже более ста семидесяти лет признан самым смертельно опасным участком Реактора. И главная его опасность в том, что находится он очень далеко от основной базы. Мистер Батлер не стал вселять в нас панику и не сказал о том, что за годы благоденствия Новой Америки здесь, в Могильнике, погибло более ста таких же караванов, как наш! В большинстве случаев это происходило из-за того, что люди попадали в Глаз Бури на совершенно открытом месте. Если

такое случается – спасения нет! Но сегодня погода нам благоприятствует, снаружи минус сорок семь градусов по Цельсию, и скорость ветра не превышает пяти метров в секунду. По местным меркам это почти летняя жара, так что мы надеемся, что наша экспедиция завершится успехом!

Он кивнул оператору, и тот выключил камеру. Репортеры заговорили о чем-то между собой, и Майк пожалел, что знает о Могильнике слишком мало. Чтобы оставаться в кадре подольше, надо плести репортерам что-нибудь интересное. А он даже не был в курсе, что здесь столько караванов сгинуло. Спрашивается, а где же

тогда обломки транспорта? Неужели их разбросало Воронкой так сильно, что не видно вообще ни одного? Наверняка репортер преувеличил, чтобы попугать зрителей.

— Внимание всем! — раздался в радиоэфире голос начальника каравана. — Подходим к Могильнику! Пулеметчикам приготовиться! Аэросаням начать патрулирование! Водители, занимаем третью площадку!

Операторы и репортеры, как по команде, прильнули к окнам, и Майк вытянул шею, пытаясь через плечо Андерса рассмотреть местность в смотровую щель пулеметчика. Видно отсюда было плохо, прошедшие мимо

друг за другом аэросани поднимали в воздух снежные клубы, и разглядеть окрестности не получалось.

— О мой бог! — воскликнул один из журналистов, не отрываясь от окна. — Мы должны это заснять! Операторы, даем общую картину погибшей техники и переходим к максимально крупным планам! Если получим видео останков, костей или черепов, это будет бомба!

— Не будет, — с нескрываемой злобой процедил сквозь зубы Андерс, не отвлекаясь от пулеметного прицела. — Мутанты пожирают всё, даже резину, теплоизоляцию и мягкий пластик, любую органику, которую только

можно переварить в качестве еды. Батлер, Перес! Возьмите винтовки и не отходите от этих любителей сенсаций. Если их схватит мутант и успеет дотащить до любой, даже самой маленькой ямы в снегу, добейте киношников метким выстрелом! Так вы избавите их от жуткой и мучительной смерти!

Репортер поперхнулся приготовленной фразой, но взял себя в руки и с улыбкой попытался сгладить ситуацию:

— Мы молимся о том, чтобы ничего подобного не случилось. — Он покосился на Майка, снимающего с оружейной стойки штурмовую винтовку арктического образца. — И

господа Батлер и Перес не допустят к нам мутантов на расстояние выстрела!

Тем временем вездеход выполнил разворот и остановился. Андерс слился с пулеметом воедино, словно изваяние, и в эфире снова зазвучал голос начальника каравана:

– Прицепной команде выйти из машин! Стрелки, смотреть в оба! Съёмочной группе запрещено отходить от сопровождающих, если начнется стрельба, немедленно возвращайтесь в вездеход!

Репортеры послушно закивали головами и вылезли из машины вслед за Майком. Оказавшись на улице, он с любопытством осмотрелся и в

первую секунду замер от неожиданности. Вездеходы стояли в десятке метров от края прорезавшей поверхность ледника кривой широкой расселины, обрывающейся в глубокую пропасть, развернувшись прицепами к обрыву. Вокруг них, разбросанные по ледяному панцирю, из снежной толщи торчали остовы разбитой техники. Искореженные, с выломанными дверьми и бортами, испещренные множественными следами когтей, некогда разрывавших обшивку. Некоторые вездеходы лежали на боку, опрокинутые ураганом, кое-где изо льда виднелись остатки каркасов аэросаней, снег вокруг погибших механизмов нес на

себе слабозаметные следы
множества лап. Журналисты
немедленно принялись снимать
кладбище погибшей техники, и Майк
взял винтовку наизготовку, бдительно
следя за грудami обледеневшего
металла. Раз следов особо не видно,
значит, мутанты здесь были давно, и
опасности нет, но зловещее зрелище
всё равно щекотало нервы.

— Если увидите мутанта, сразу
стреляйте! — Незнакомый голос за
спиной заставил Майка вздрогнуть. —
Постарайтесь подстрелить его, если
он не сможет бежать, то ему будет
уже не до агрессии. На него
набросятся остальные твари. От
монстров можно отбиться только так

– бросая им на растерзание вместо себя одного из них. Другого способа нет.

Майк обернулся. Позади него стоял немолодой полярник с автоматической винтовкой в руках. Он кивнул на изодранный звериными когтями остов вездехода, застывший у края расселины:

– На прошлой вахте здесь опять вспыхнула эпидемия бешенства. Парням не повезло, попали в самый пик болезни. Из всей команды вернулась только одна машина. Остальных сожрали мутанты. Они напали в момент захоронения отходов, никто ничего не успел сделать. Так что держитесь поближе

к пулеметам и приглядывайте за репортерами. Им вечно нейдет умереть раньше срока.

Полярник отошел к соседнему вездеходу, и Майк невольно сделал шаг поближе к Пересу. Две винтовки лучше одной, так надежнее. И вообще, за пулеметом, внутри вездехода, было бы спокойней. Он проводил взглядом аэросани, кружащие неподалеку на малом ходу. Если мутанты попрут, они примут на себя первый удар. Значит, будет время добежать до машины. Эта мысль добавила Майку уверенности, он с важным видом велел Пересу следить за пустошью и направился к репортерам, суесящимся со своими

камерами в нескольких шагах.

— Как картинка? — Один из них стоял перед оператором спиной к расселине. — Отлично? Пишем! Мы находимся у края зловещего Могильника! За моей спиной вы видите край ледяного панциря, обрывающийся в жуткую бездну! Там, на дне пропасти, на глубине порядка ста метров, лежат ядерные отходы — отработавшее топливо АЭС «Барбекю». Это единственный надежный способ, ведь просто выбросить их на ровную поверхность нельзя! За сколько бы километров вы ни отвезли отходы, яростные ураганы рано или поздно принесут их обратно! Сейчас мы покажем вам,

как происходит процесс захоронения...

Операторы направили камеры на полярников прицепной команды. Те торопливо снимали прицепы с буксирных сцепок. Едва от вездехода был отцеплен последний из них, прицепная команда сгрудилась позади него и принялась толкать к краю пропасти. Тяжёлый прицеп поддавался с трудом, полозья медленно скользили по твердому насту, оставляя за собой две неглубокие борозды. Наконец передняя часть прицепа повисла над обрывом, он качнулся, теряя равновесие, и полярники с коротким криком отбежали назад. Секунду

прицеп, покачиваясь, нависал над бездной, после чего снежная кромка обрыва под ним надломилась, и он рухнул вниз, забирая с собой добрый кубометр ледника.

— ...как видите, кромка обрыва весьма нестабильна! — комментировал репортер, притоптывая ногами от холода. — И просто столкнуть прицеп вездеходом нельзя. Суммарный вес груженного радиоактивными отходами прицепа и вездехода слишком велик и может спровоцировать обрушение значительной части снега. Это приведет к неминуемой гибели техники и её персонала. Поэтому наши героические полярники

сталкивают прицепы в пропасть вручную! На наших кадрах вы можете увидеть, что все члены прицепной команды связаны между собой страховочным тросом...

Упершиеся в следующий прицеп полярники дружно крякнули, сдвигая его с места, и процедура повторилась. Следом в пропасть полетел третий прицеп, затем четвертый. Съёмочная группа двигалась параллельно прицепной команде, тщательно фиксируя их действия.

— ...насколько самоотверженными должны быть люди, идущие на службу в Полярное Бюро! — бубнил через лицевую маску

репортер. — Здесь, на поверхности ледника, или, как говорят наши доблестные полярники, на зеркале, погода меняется каждую минуту. Сейчас оператор покажет вам мой термометр! Видите? Уже минус пятьдесят четыре! Это произошло из-за усиления скорости ветра! Под ветром температура всегда ниже своего штилевого значения...

В какую именно секунду появился мутант, Майк понять не успел. Только что в трех шагах перед камерой стоял репортер, и вот уже вместо него расцветает огромный фонтан из снежных брызг и обломков наста. Что-то очень большое, грязно-белого цвета, с диким яростным

рыком мелькнуло в образовавшейся яме, и истошный вопль раздираемого на части человека зазвенел в раскаленном от холода воздухе. Хруст ломающихся костей и рвущейся плоти Майк услышал даже через капюшон и толстую ткань маски. На развороченный снег брызнула густая струя крови, мгновенно застывая алыми ледышками, и чей-то крик «Мутанты!!!» потонул в треске винтовочных очередей.

В следующее мгновение зверьё было уже повсюду. Наст буквально взрывался под ногами у людей, выбрасывая целые своры визжащих и хрипящих от бешенства тварей,

усеянных когтями и клыками. Мутанты врезались в убегающих полярников, сбивая с ног, и через миг упавшего человека уже не было видно под облепившими его монстрами. Душераздирающие крики пожираемых заживо смешались с грохотом пулеметных турелей и воем пропеллеров аэросаней. Майк бросился бежать, но едва не налетел на беснующуюся стаю собакообразных тварей, рвущих пятисантиметровыми зубами одного из операторов съемочной группы, корчащегося на снегу и захлебывающегося кровью. Стремясь избежать столкновения, Майк извернулся на бегу и упал, не

удержавшись на ногах. Он тут же подпрыгнул и, загребая снег руками и ногами, рванулся в обратную сторону.

– К машинам!!! К машинам!!! – орал кто-то, пытаясь перекрычать всеобщий грохот. – Внутрь!!!

Подскочив на ноги, Майк помчался к ближайшему вездеходу, но не успел пробежать до него десяти шагов. Откуда-то сбоку, едва не задев его, сшибая словно кегли попадающихся на пути людей, промчались аэросани. Мелькнуло искореженное маской боли и ужаса лицо водителя с разодранным в клочья горлом, кишащий десятками мелких мутантов прозрачный кокпит

и бегущая за аэросанями стоя монстров, с ходу запрыгивающих на неуправляемую машину. Аэросани на полном ходу врезались в вездеход, раздался грохот, и во все стороны полетели обломки и сорвавшееся зверье. Майк снова рухнул в снег, спасаясь от разлетающихся кусков железа и пластика.

— Батлер! Сюда!!! — Кто-то схватил его за плечо. — Назад, в вездеход! Быстрее!

Рядом с ним обнаружился Перес. Он неуклюже пытался одновременно помочь ему подняться и стрелять по мелькающим вокруг мутантам. Несколько кинувшихся на Майка зверей, не добежав до цели

едва метр, переключились на своего срезанного пулей соплеменника, и Майк изо всех сил оттолкнулся от проламывающегося наста. Он вскочил и побежал назад, по щиколотку увязая в перепаханном мутантами снегу. Следом бежал Перес, дергая винтовочным стволом из стороны в сторону. Майк понял, что потерял своё оружие, но толку от него сейчас всё равно никакого, главное – добраться до вездехода и закрыть люки. Только бы Андерс не уехал без него!

– Батлер!!! Помоги!!! – раздался позади крик Переса, и Майк обернулся на бегу.

Перес лежал на снегу, извиваясь

всем телом, и пытался отбиваться винтовочным прикладом от вцепившихся ему в ноги здоровенных мутантов. Их оскаленные морды сверкали мутно-желтыми клыками, торчащими из уродливых пастей неестественным образом. Монстры хватались ими за винтовку, оставляя на ружейной стали глубокие царапины, и Майк понял, что у Переса нет шансов. Он побежал дальше с удвоенной скоростью, и тут что-то с силой влетело ему прямо в подколенный сгиб. Майк потерял равновесие и с отчаянным криком покатился по снегу. В пятку впилась острая боль, он судорожным рывком извернулся, переворачиваясь на

спину, и увидел покрытую грязно-белой шерстью пятнистую кошку с непомерно крупной головой. Искривленная уродством пасть монстра не позволяла ей прокусить обшитый синтетикой пластиковый башмак арктического снаряжения, и мутант выдирает из него огромные клоки утеплителя. Майк, не переставая кричать от страха, попытался пинать монстра свободной ногой, изо всех сил лягая кошку по голове, но брызгающая желтой пеной тварь не чувствовала боли и с яростным визгом продолжала остервенело рвать башмак. Где-то совсем рядом раздались выстрелы, и пули

отбросили монстра в сторону. Тварь вывернулась в воздухе и приземлилась на лапы, разбрызгивая вокруг себя кровь. Она с хриплым подвыванием зашипела и бросилась в атаку, но в следующую секунду её сбила с ног целая свора мутантов, с бешеным хрипом вгрызаясь в окровавленный мех пятнистой кошки.

— Пойдем... — раздался надсадный хрип. — В вездеход... — Это оказался Перес. Он стоял над Майком с дымящейся винтовкой в руках, сильно шатаясь, и водил по сторонам безумным взглядом. Его снаряжение висело располосованными на рваные ленты

лохмотьями, ноги были густо покрыты кровью. — Бежим... Вездеход...

Глаза Переса закатились, и он упал прямо в руки подбежавшему полярнику. Тот взвалил его на плечо и дернул поднимающегося Майка за капюшон.

— Бежим! — выдохнул он. Кажется, это был водитель их вездехода, но сейчас Майку было не до этого. Он поднялся на ноги и побежал следом. Пятка отдавалась тупой болью на каждый шаг, и, несмотря на все усилия, ковылял он медленно. Позади гремел многоголосый яростный визг, и Майк то и дело в ужасе оборачивался, глядя

на стаи из сотен всевозможных мутантов, без разбора пожирающих и людей, и раненых соплеменников.

Впереди загрохотал пулемет, и он увидел свой вездеход. Андерс вращал турелью, поливая свинцом несущихся за Майком мутантов, несколько полярников забрасывали внутрь машины раненых. Человек, тащивший на себе Переса, действительно оказался водителем. Едва с его плеч сняли бездыханного новичка, он ткнул рукой в сторону Майка и побежал к ведущему в кабину люку. Пока водитель занимал своё место, Майка подхватили под руки и втащили внутрь вездехода. Сзади с грохотом захлопнулся люк, и

Андерс заорал:

– Гони!!! – Его голос потонул в грохоте пулеметных очередей. – К саням, к саням! Быстрее!!!

Вездеход рванулся с места, и ускорение швырнуло Майка на прислоненного к углу салона Переса. Тот никак не отреагировал на удар, словно был манекеном. Майк схватился за поручни и увидел перед собой окно. Вездеход мчался прямо через беснующийся живой ковер из мутантов, подпрыгивая на попадающих под колеса тварях. Сбоку шел ещё один вездеход, его пулеметы непрерывно вели огонь прямо по курсу. Майк понял, что обе их машины мчатся куда-то в одну

точку, и приник к пластику окна, пытаясь разглядеть цель стрелков. Там, впереди, откуда сплошным потоком лезло зверьё, два огромных трехметровых монстра с яростным ревом наносили опрокинутым набок аэросаням удары чудовищной силы, стремясь добраться до забившихся по углам людей. Здоровенные когтистые лапы мутантов продавливали огромные вмятины в легкой обшивке машины, пластиковый кокпит был вдребезги разбит, всё внутри залито кровью, повсюду валялись заледеневшие внутренности и куски плоти. Двоим полярникам, пытающимся укрыться от монстров за разлетающимися на куски

креслами, жить оставалось несколько секунд.

– Что это?! – закричал Майк, поняв, что их вездеходы двигаются прямо к монстрам.

– Медведи! – хрипло выдохнул кто-то из полярников, ударами руки сбивая толстую наледь с защитного кожуха, скрывающего ствол арктической винтовки. – Держи Переса, Батлер, сейчас пойдем на таран! Иначе их не отогнать! Держись крепче!

Судорожно вцепившись в поручни, Майк придавил собой безвольно трясущееся в подпрыгивающем вездеходе тело Переса и инстинктивно сжался в

комок, ожидая удара. Если вездеход развалится или от удара выйдет из строя, им всем конец! В следующую секунду водитель истошно заорал:

— Таран!!! — И машина словно врезалась в стену мирового ледника. Вездеход подпрыгнул, дернулся и заглох. Снаружи оглушительно ревел сбитый с лап монстр, его соплеменник впал в припадок ярости и ринулся на их машину, забыв о разломанных аэросанях.

— Заводи, заводи!!! — кричал Андерс, не отрываясь от турели, сотрясающейся от длинной очереди.

— Давай, крошка, давай! — истерично причитал водитель, терзая кнопку запуска двигателя.

Разъяренный медведь с разбегу впечатал свою тушу в борт вездехода, машина вздрогнула, и Майк с ужасом увидел огромную вмятину, образовавшуюся от удара на обшивке. Он отпрянул от Переса в дальний угол салона, в бессильной панике вращая глазами в поисках спасения, и понял, что не в силах предпринять что-либо. Сейчас от него не зависит ничего, у него даже нет оружия! Да и толку от оружия?!! Андерс в упор всаживал в мутанта килограммы свинца, и безрезультатно!!! В окне вновь мелькнула покрытая грязно-белой шерстью огромная туша, заляпанная кровавыми потеками, и вездеход сотряс второй удар. Раздался

скрежет металла, хруст лопающихся стальных сочленений, и Андерс опрометью бросился с сиденья пулеметчика на пол. В следующую секунду пулеметная башня смялась вдвое и отлетела от вездехода. В образовавшуюся дыру в салон проник оглушительный рёв торжествующего монстра, вминающего искореженную башню глубоко в ледяную кромку наста. Сидящие в салоне полярники вжались в борта, пытаясь оказаться как можно дальше от зияющей в потолке дыры, и ошетинились винтовочными стволами и ледорубами.

— Езжай!!! — нечеловеческим голосом орал Андерс. — Езжай!!! Они

разнесут нас к дьяволу!!!

В этот момент перед водительской кабиной возник второй медведь, и кривая лапа толщиной с человеческую голову нанесла удар. По ветровому стеклу брызнул поток трещин, водитель инстинктивно отшатнулся, бросаясь под приборную панель, и тут мотор вездехода завелся. Водитель рывком вернулся в кресло и дал задний ход. Машина прыгнула назад, и второй удар разъярённого монстра прошел мимо. Вездеход двигался задом, набирая скорость, медведи бросились за ним, и за мелькающими в водительском окне огромными тушами Майк успел заметить, как из обломков аэросаней

выползают две человеческие фигуры и неровными шагами бегут к останавливающемуся возле них второму вездеходу. Но взбешенных медведей всё это уже не интересовало, они рвались за ненавистным врагом, не желая давать ему возможность уйти живым. Водитель лихорадочно перебирал рычаги управления и, выбрав момент, сделал рывок рулем. Вездеход закрутило вокруг своей оси, разбрасывая фонтаны снега, и потащило куда-то в сторону. Отчаянно терзая элементы управления, водитель в последнюю секунду с огромным трудом остановил вращение, выровнял

машину и вновь дал полный газ. До разъяренных монстров, в безудержной ярости рвущихся к вездеходу, оставались считанные метры, когда искалеченный вездеход устремился в глубину ледяной пустыни. В оставшуюся от пулеметной башни дыру тут же ударил мощный воздушный поток, вдавливая людей в металлические борта, и поднимающегося Андерса сбило с ног.

— Где они?! — закричал водитель, пытаясь разогнать вездеход выше доступного ему предела.

— Сзади!!! — орал в ответ кто-то. — Не отстают!!! Быстрее! Гони быстрее! Так не уйдем!!!

— Быстрее не идет! —
срывающимся от нервного
напряжения голосом взвизгнул тот. —
Не идет!!!

— Надо заткнуть дыру! — Андерс,
перебирая руками поручни, добрался
до ящика с бортовым НЗ. — Она
мешает набрать скорость, нас
тормозит встречным ветром!
Доставайте аварийную палатку!
Будем держать по очереди! Батлер!
Присмотри за Пересом!

От тряски и рывков Перес
оказался сброшенным на пол, но
затащить его на сиденье Майку не
удалось,ездеход трясло, и
облепленное заледеневшими
потеками крови тело скользило в

руках. Тогда он затолкал Переса в угол и вжался туда же прямо перед ним, ухватившись за ближайшее сиденье, чтобы хоть как-то зафиксировать себя в подпрыгивающей машине. Тем временем Андерс выдернул из ящика НЗ объемистый тюк с палаткой и вместе с кем-то из оказавшихся рядом полярников заткнул им дыру в потолке, словно пробкой.

— Держите меня! — крикнул он, упираясь в тюк плечами, а в пол ногами, словно живая распорка.

Двое полярников схватили за руки скрючившегося Андерса, помогая удерживать равновесие, и Майк почувствовал, что вездеход

пошел быстрее. Один из спасшихся приник к узкому окошку в задней двери.

– Отстают! Они отстают! – с нервной радостью в голосе закричал он. – Мы отрываемся! Да!!!

Медведи упорно преследовали машину, но разрыв в дистанции всё возрастал, и они, издавая полный досады и неистовой злобы рёв, оказались вынуждены прекратить погоню. Их отступление было встречено истерично-восторженными криками. Кто-то сменил Андерса в качестве подпорки для затыкающего дыру тюка, и старый полярник, тяжело дыша, осел на пассажирское сиденье.

– Батлер! – Он хрипло выдохнул, расправляя затекшую спину. – Ты в порядке? Как там Перес?

– Без сознания. – Майк посмотрел на неестественно бледное лицо молодого полярника и невольно задрожал. Спустя секунду он понял, что дрожит от холода. – Мне холодно... ногу морозит сильно...

– Где?! – Андерс рывком слетел с сиденья и оказался рядом с ним. – Показывай!

Майк, стуча зубами, неуклюже перевернулся на бок и вытянул одеревеневшую от холода ногу, разглядывая исполосованную зубами мутанта пятку арктического сапога. Толстая синтетика внешнего

покрытия была разорвана в нескольких местах, из образовавшихся дыр клочьями торчал утеплитель.

— Шина обогрева разорвана! — определил Андерс, оборачиваясь к остальным. — Кто-нибудь, подайте термопластырь! — Он схватил ногу Майка и уложил её к себе на колени: — Ногу чувствуешь?

— Не очень, — сглотнул тот. — Она очень сильно замерзла и словно деревянная... Плохо шевелится...

— Держись, приятель, это ещё не страшно! — успокоил его старый полярник. — Сейчас починим! — Он схватил переданную кем-то упаковку размером с небольшую подушку,

извлек из неё рулон синтетической ткани с встроенным подогревом и принялся перематывать ею ногу Майкла, словно пеленал ребенка. — Потерпи пять минут, согреется! Аккумулятора хватит часа на полтора, как почувствуешь, что снова стало холодно, — не снимай заплатку, с ней надежнее. До Реактора дотянешь, слава богу, сейчас не холодно!

Вскоре ноге стало легче, одеревенение прошло, но общее ощущение холода не отступало, дрожь то проходила, то начиналась вновь. Андерс заставил Майка сесть на сиденье, оторвать ноги от земли и сгибать-разгибать их до тех пор, пока

хватит сил, чтобы повысить кровообращение. Сказать, что от этого ему потеплело, было бы преувеличением, однако старый полярник заявил, что без активности кровотока замедляется и потому замерзаешь быстрее. Сам Андерс всю дорогу суетился вокруг Переса и с каждой минутой выглядел всё более и более хмуро. Молодой полярник не подавал признаков жизни, не помогали ни термопластыри, ни термомешок. За полчаса до прибытия к Реактору склонившийся над Пересом Андерс замер и медленно выпрямился.

— Всё, — бессильно выдохнул он. — Парень умер, упокой, господи,

его светлую душу!

— Он... — Майк невольно отодвинулся от покойника, глядящего на него широко открытыми, остекленевшими глазами. — Он потерял много крови? Или з... замерз?

— Всё сразу. — Андерс болезненно закрыл глаза. — Зверье разодрало ему ноги, но я надеялся, что их удастся сохранить хотя бы до колен... Парень потерял много крови, обогрев вышел из строя, снаряжение разорвано в лохмотья... Переохлаждение его добило. Молодой совсем... неопытный. Нет никакой адаптации к Холоду, а тут ещё кровотечение... Не выдержал,

бедняга. Жаль. Сердце у него было горячее. Хороший человек ушел. Настоящий.

Несколько секунд Андерс молчал, после чего вернулся к Пересу и попытался закрыть покойному глаза. Но заледеневшие веки не поддавались, перчатка соскальзывала по лицу, и старый полярник прекратил попытки.

– Присмотри за ним, – велел он Майку. – Он тебя спас. – С этими словами Андерс натянул мертвецу капюшон поглубже на голову, закрывая лицо, и ушел к остальным.

К Реактору вышли со стороны северных ворот. Радиоантенну на вездеходе Майка выломали медведи,

но, по всей видимости, вторая машина сохранила связь, и её пассажиры сообщили на базу о произошедшей трагедии. За воротами растерзанную экспедицию ожидало полдюжины оборудованных пулеметными турелями вездеходов и аэросаней, и, едва поврежденный вездеход оказался в зоне видимости, наглухо запечатанные проходы через нити начали отпирать. Но бесившееся вокруг Завесы зверье первым заметило приближающуюся машину. Визжащие и рычащие стаи устремились ей навстречу, словно грязно-белая река, стремительно несущаяся по обледенелому насту. Со стороны Реактора загремели

пулеметные очереди, почти сразу позади полуживого вездехода показался второй уцелевший транспорт, издали открывая огонь, и атакующее зверье бросилось врассыпную, спешно зарываясь в снег.

— Они разбегаются! — Майк вытянул шею, стараясь рассмотреть через окно, что происходит снаружи. — Эти уродливые твари прячутся! — Он нервно засмеялся: — Они испугались!

— Их слишком много. — Андерс настороженно оглядывался по сторонам, глядя в окна разных бортов. — Когда эти проклятые мутанты сбиваются в такие стаи, они

ничего не боятся! Не нравится мне это! Слишком странно!

— Их отстреливают третьи сутки, — болезненно скривился полярник, подпиравший плечами тюк. — Зверье просто нажралось телами расстрелянных соплеменников настолько, что не хочет лезть под перекрестный огонь. Хитрые твари, чтоб им...

В этот момент под днищем вездехода раздался короткий хруст, с громким звоном ударил металл о металл, и машину резко занесло, закручивая вокруг своей оси. Полярники не смогли удержать человека, подпирающего импровизированную заглушку из

палатки, он отлетел и рухнул на сиденья, ругаясь от боли. Тюк вывалился из дыры, глухо ударившись о залепленный кровавыми ледышками пол, и в открывшееся отверстие вновь ворвался ветер. Но на этот раз всё обошлось. Водитель быстро остановил вездеход и обернулся:

— Всё, приехали! Рулевое развалилось к дьяволу, мать его! Не дотянули полсотни метров всего! Дальше придется пешком! — Он распахнул водительскую дверь и выпрыгнул на снег.

— Выходим, выходим! — заявил Андерс. — Покаждемся транспорта, задница льдом

покроется! Проще на своих двоих добежать! – Он обернулся к Майку: – Давай, Батлер, вылезай и бегом к бункеру! Тебе сейчас пробежка только на пользу!

Полярники один за другим выскакивали из машины, и Майк поспешил за ними. Он не хотел оставаться здесь и лишней секунды, на сегодня с него хватит подвигов. Поломанным вездеходом, трупом Переса и всем остальным пускай занимаются спасательные команды. Оказавшись снаружи, Майк невольно остановился. Их вездеход сломался у самых ворот Завесы, всё пространство перед которой было густо перепахано следами лап,

отпечатками кувыркавшихся по снегу тел и бороздами от клыков, хватавших заледеневшие капли крови. Повсюду валялись гроздья мелких ледяных пузырей, и он узнал застывшую пену, брызжущую из пастей мутантов. Тварь, что едва не отхватила ему пятку, выплевывала вместе с яростным визгом точно такую же. Если бы не Перес, она не остановилась, пока не прикончила его. Майк бросил взгляд внутрь замершей машины, на прислоненное к углу неподвижное тело, и торопливо поковылял к зданию базы.

— Батлер, приятель, бегом, бегом! — Андерс схватил его за руку и побежал, увлекая за собой. —

Разгоняй кровоток! Через полминуты будем в тепле, отогреемся, медики тебя осмотрят! Ногу чувствуешь?

— Да, сэр. — Бежать было тяжело. Лишившийся наста снег оказался довольно глубоким, и ноги утопали в нем до половины голени. — Немного холодно, но с ней все в порядке!

— Тогда двигай сам, а я позабочусь о Пересе! — Старый полярник отпустил его руку и повернул назад. — Эй, там! — раздался позади его голос. — Помогите мне! В нашем вездеходе тело погибшего!

Ему что-то ответили, но Майк не расслышал. До входа в бункер оставалось метров тридцать, вокруг кипела суэта, ремонтные команды

спешили взять на прицеп
сломавшийся вездеход, спасатели
разворачивали носилки, кто-то что-
то кричал о тяжелораненых,
находящихся во второй машине, из
дверей бункера Майку уже призывно
махал рукой бригадир Уокер.

Кто-то тихим шепотом,
невнятным и едва слышным,
окликнул Майка сзади. В первую
секунду ему показалось, что это
Перес бесшумно бежит следом за
ним и глухо шепчет: «*Торопишься,
трус?*» Майк оторопел от
неожиданности и замер, словно
вкопанный. Он резко обернулся,
сжимая кулаки, но позади никого не
оказалось, зато теперь шептали с

другой стороны, и ещё тише. Майк дернулся назад, впиваясь взглядом в Уокера, и недоуменно нахмурился. Бригадир стоял у входа в бункер, сняв капюшон и стянув лицевую маску. Он напряженно прислушивался к чему-то, испуганно косясь на термометр. Майк невольно последовал его примеру и увидел указатель, застывший на отметке в минус пятьдесят градусов по Цельсию. Внезапно он понял, что абсолютно все вокруг не двигаются и замерли подобно Уокеру. В наступившей тишине мягко шелестел почти неуловимый для слуха шепот.

— Батлер! Сюда! Бегом! — крикнул Уокер, торопливо натягивая

лицевую маску. – Быстрее!

Майк непонимающе пожал плечами и сделал пару шагов, переходя на бег, как вдруг за его спиной раздался отчаянный, полный ужаса, истошный вопль:

– Воронка!!!

Мгновенно взревели моторы, зазвучали крики, находившиеся у входа в бункер люди, бросая на небо панические взгляды, бросились внутрь. Майк поднял голову и увидел, как чистое небо над базой стремительно мутнеет, словно гигантское марево, и исполинский океан дрожащего воздуха мгновенно складывается в колоссальный до бесконечности торнадо,

протянувшийся далеко в небо. Острый приступ первобытного страха словно кипящим железом ошпарил нервы, бросая тело вперед, и Майк что есть силы рванулся к бункеру. Он был уже в двадцати шагах, когда Уокер заорал, тыча рукой в ближайший страховочный трос, соединяющий бункер с ближайшим ангаром:

— Поздно!!! К канату!!! Пристегнись!!! — и прыжком скрылся за дверью.

— Стой!!! — закричал Майк, ринувшись следом. — Не закрывай...

В следующее мгновение раздался оглушительный вой, и всё вокруг вздыбилось океаном снега.

Невидимый таран врезался в Майка, словно многотонный грузовик в пушинку, и его с огромной скоростью швырнуло куда-то в серую снежную мглу. Мощным ударом из легких выбило воздух, он, словно оказавшаяся на суше рыба, судорожно пытался сделать вдох, размахивая в полете руками и ногами, как вдруг поперек груди его хлестнула острая жгучая боль, словно перерезая тело пополам. В мозг словно впилась бензопила, лишенные воздуха легкие свело судорогой, и Майк на несколько секунд потерял сознание. Очнулся он почти сразу от болезненных ударов по голове. Оказалось, что он висит

на страховочном тросе, словно тряпка, сложившись почти пополам, и ужасающие порывы урагана бьют его о слежавшийся снег, проламывая тонкую корку наста. Грудь пылала болью, дыхание давалось с трудом, пошевелиться не удавалось.

«Пристегнуться!» — Мысль пришла с очередной вспышкой боли, сопровождающей удары о снег. Если его сорвет с троса, он умрет! Майк с хрипом подтянул руки к животу, нащупывая страховочный карабин. Оказалось, что пальцы одеревенели от холода и слушаются плохо. — «Я замерзаю! Скоро откажет обогрев! Надо добраться до здания, до любого! Иначе смерть!» — Вспышка страха

придала ему сил, и он сумел защелкнуть на тросе проскальзывающий в окоченевших руках поясной карабин.

Теперь нужно ползти по снегу на спине, подтягиваясь на руках и отталкиваясь от земли ногами, как учили на тренировках! Только так у него есть шанс добраться до строения, любой трос заканчивается прямо у входной двери! Он попытался разогнуться и понял, что почти не чувствует правой ноги. Она словно превратилась в обрубок, распухшее полено, замороженное в лед и отказывающееся подчиняться. Перед глазами вспыхнул образ Джеймса, ковыляющего на протезе

по утлому офису, и зловеще жужжащая пластиковая кисть эксперта из Полярного Бюро. Майк забился в панике, схватился непослушными руками за трос и что есть силы рванул его на себя, пытаясь перевернуться на спину. Но едва он зашевелился, как яростно ревущий воздушный поток сорвал его с троса и с размаху вбил в заснеженную землю. Грудь снова обожгло режущей болью, дыхание перехватило, тело затряслось, словно в огромном шейкере, конечности начали быстро коченеть от нестерпимого холода. Тело начало бить крупной дрожью, обшитые теплоизолятором очки раскалились от мороза, накаляя

воздушную прослойку перед
заслезившимися глазами, и
мгновенно застывающие капли слез
ледяными иглами впивались в кожу.
Тупая студеная боль, словно
токсичная оболочка, внезапно
оказавшаяся на теле вместо кожи,
один за другим отключала
рецепторы, погружая человека в
одеревеневшую неподвижность.

Майк с трудом развернул
бьющуюся о снег голову и попытался
оглядеться. Вокруг безумствовало
серо-снежное месиво, заслонившее
собой весь мир, и он не смог увидеть
даже собственных ног. Его тело
трепыхалось по изломанному насту
на ураганном ветру, пристегнутое к

страховочному тросу, и взбешенный воздушный поток стремился во что бы то ни стало оторвать человека от страховки и растереть о ледяную бесконечность, словно тесто о поверхность стола. Надо ползти по канату! Надо ползти! Иначе смерть! Правой ноги уже словно нет, руки жжет нестерпимая ледяная боль, пальцы сгибаются с трудом, и каждый вдох обжигает носоглотку жестоким холодом, как будто её раздражает множеством острых мелких крючьев. Погруженная в ледяную купель кожа перестала чувствовать одежду, и Майк понял, что начинает замерзать насмерть. Он закричал, но вместо вопля из

потерявших подвижность губ
раздался лишь надсадный хрип,
утонувший в неистовом завывании
бушующего урагана.

Собрав остатки сил, Майк
ухватился за трос. В какую сторону
ползти?! Кругом снежное месиво! Он
понял, что не знает, где находится.
Быстрее! Быстрее! Куда угодно, лишь
бы выжить! Ползти по канату ещё
быстрее, но ползет он или нет?!
Потерявшие чувствительность
пальцы не ощущали ничего, и Майк
напряг шею, насколько мог, чтобы
разглядеть происходящее. Старый
Джеймс, когда попал в Воронку, тоже
не чувствовал рук и потому смотрел
на них, чтобы быть уверенным, что

действительно стучит в запертую дверь бункера. Значит, и ему нужно не спускать глаз с пальцев, вяло перебирающих трос. Майк подтянулся на негнущихся руках, но понял, что они больше не слушаются его, ледяная боль в конечностях прошла вместе с ощущением наличия самих конечностей, словно теперь у него уже нет ни рук, ни ног. Обожженные холодом глаза потеряли четкость зрения, заполнившее всё вокруг снежное месиво начало расплываться, и бьющееся в паническом ужасе сознание вдруг выдало до безумия спокойную мысль: Джеймс как-то говорил, что если ты, замерзая, вдруг

почувствуешь, как становится тепло и хочется спать, — значит, всё. Холод пришел за тобой.

Что-то уткнулось ему в окоченевшее тело, но понять, что это было, Майк не смог. Он почти не чувствовал себя, и такой толчок с одинаковым успехом мог означать и очередной удар об землю, и то, что его проткнуло чем-то насквозь. Мутная снежная пелена перед глазами, дергаясь и подпрыгивая, поползла куда-то в сторону, ураган сорвал с троса непослушные руки, словно пустые тряпичные рукава, но дерганье не прекращалось. Превратившееся в промерзшее бревно тело, трепыхающееся на

земле под беснующимися воздушными потоками, короткими рывками ползло спиной вперед куда-то в снежную мглу. Майк понял, что его тащат вдоль страховочного троса за спинной карабин, назад, в противоположную от направления его движения сторону. Снова что-то ткнулось в спину, или это окоченевшая спина уткнулась во что-то... понять точно он уже не мог. Внезапно бескрайняя снежная круговерть вокруг сменилась дрожащим электрическим светом, и Майк увидел вверху над собой потолок бункера, по которому бегут осветительные плафоны.

— Держись, Батлер! — Лицо

бригадира Уокера в залепленном снегом снаряжении закрыло собой череду плафонов. — Мы тебя вытащили! Через минуту будешь в госпитале! Не засыпай! Держись!

Бригадир исчез, и плафоны замелькали вновь. Потом мимо побежали лестничные перила, дверные проемы, и к нему потянулся целый лес рук. В тело снова уткнулось нечто, беготня плафонов по потолку продолжилась, и кто-то сорвал с него очки и лицевую маску.

— Дорогу!!! — раздался громкий крик. И сразу за ним второй: — Быстрее толкай! Ещё быстрее!!!

Мутное зрение выхватило чью-то голову, застывшую сверху как-то

вверх ногами, знакомо загремели
пластиковые колеса, и Майк понял,
что его везут в госпиталь на
передвижной медицинской
платформе. Тот, кого он видит,
толкает её сзади, значит, это его
только что подгонял недовольный
крик человека, который тянет
платформу спереди...
Всепоглощающая жажда жизни
вспыхнула в мозгу с новой силой, и
всю оставшуюся дорогу Майк, не в
силах шевелить потерявшими
гибкость губами, желал только
одного: пусть он толкает быстрее!!!
Ещё быстрее!!! Ну почему же он
бежит так медленно!!!

Глава 5

— Так, теперь проверим чувствительность пятки! Ну, как? — Врач несильно уколол Майка ланцетом и усмехнулся, глядя, как тот невольно отдергивает ногу. — Вижу, всё О'Кей! Рецепторы в норме!

Майк спрятал ногу под больничное одеяло и закутался в него сильнее. Полчаса назад, когда он пришел в себя в больничной палате, его не так морозило, как сейчас. Несколько часов он чувствовал себя изможденным и разбитым, словно выжатый лимон, но по крайней мере не было холодно.

— Повезло тебе, парень! — констатировал доктор. — Уокер тебя быстро нашел и зацепил. Вовремя вытащили. Ты пробыл под Воронкой меньше минуты, но аккумуляторы термопластыря уже были разряжены. Ещё несколько секунд, и ногу пришлось бы ампутировать.

— Меньше минуты? — опешил Майк. — Мне казалось, я там час провалялся! Я самого себя не чувствовал, руки-ноги не двигаются, пальцы не сгибаются, и не понять, держишься за трос или нет...

— Это Холод, сынок, — без тени иронии ответил врач. — Он убивает человека медленно, вытягивая из него жизнь вместе с теплом. В

какой-то момент заledenевшая плоть перестает подчиняться хозяину, но мозг его всё ещё жив, и свои последние секунды ты проводишь запертый в собственном теле, словно в утлом карцере для смертников.

— Как же бригадир Уокер смог меня вытащить? — Майк вспомнил всепоглощающий ледяной саван, облепивший жгучей болью быстро теряющее чувствительность тело, и невольно съёжился. Движение немедленно отозвалось болью в груди и пояснице. — Ххх! — выдохнул он, скривившись.

— Постарайся не делать резких движений, — порекомендовал доктор. — У тебя сломаны два

нижних ребра и сильное растяжение мышц спины. Ерунда на самом деле. За пару недель пройдет, но двое суток полежишь у нас. К тому же здесь сейчас самое теплое место на всей базе. А Уокер – Уокер у нас лучший спасатель-тросовик во всем Бюро! У его команды огромный опыт, они вытаскивают людей из Воронок седьмой год. Поэтому всех новичков руководство ставит в одну вахту с Уокером. На всякий случай. Как видишь, не зря! Ты отдыхай пока, торопиться некуда, снаружи Воронка не утихает.

К обеду к нему в палату заявилось не меньше дюжины сослуживцев во главе с Уокером.

– Глядите-ка! Наш счастливчик уже оклемался! – провозгласил улыбающийся бригадир. – Везучий ты сукин сын, Батлер! И как только ты успел пристегнуться, тебе же до троса оставалось метров пять, когда Воронка ударила!

– Меня бросило прямо на него. – Майк болезненно потер поясницу. – Надело на трос, как простыню на бельевую веревку! Я чувствую, как бьюсь головой о снег, открываю глаза – и вижу собственные колени! Хорошо, в колледже спортом занимался, так бы это была проблема!

Уокер под дружный смех полярников осторожно хлопнул его

по плечу и поставил около кровати объемистую сумку для транспортировки снаряжения. Кто-то бросил рядом вторую такую же.

— Молодец, что сумел пристегнуться! — похвалил бригадир. — Воронка уносит людей за сотни километров. Иногда ураганы приносят заледеневшие тела обратно через десятки лет. В секторе ХААРП не раз находили трупы после бурана. Ты зачем в другую сторону от бункера полз? Ориентацию потерял?

— Да, — признался Майк. — Я от удара потерялся, потом, когда опомнился, вокруг одно месиво из бурлящего снега, даже ног не видно. Полз наугад. Как вы меня нашли,

сэр?

— Как обычно. — Уокер пожал плечами. — По рывкам и углу натяжения троса. Так мы определяем, есть на тросе кто-нибудь или нет. С тобой, к счастью, оказалось проще, чем с другими. Я наткнулся на тебя, как только выполз из бункера, в трех метрах от входа. Зацепил, и парни тебя вытащили. Думаю, тебя швырнуло на трос довольно далеко отсюда, но после того, как ты пристегнулся и слез с него, подтащило по тросу прямо ко входу. Ветер в тот момент был точно в нашу сторону, и снаряжение твое сильно ободрано. Вот, — он кивнул на ближайшую сумку, — мы выписали

для тебя всё новое. Обогрев работает отлично, и аккумуляторы новые, сам проверял.

— Спасибо, сэр! — Майк плотнее закутался в одеяло. — Многих удалось спасти? Кроме меня на улице в тот момент было полно людей...

— На момент вашего возвращения из Могильника на улице работало больше половины вахты: строительные бригады вели ремонт АЭС, встречать вас вышли спасательные команды, охрана была задействована возле Завесы, чтобы отогнать мутантов, вся техника вышла наружу. Но зверьё тогда попряталось не из-за пулеметов, оно почувствовало приближение

Воронки. Этого никто не понял... – удрученно ответил Уокер, на мгновение закрывая глаза. – Воронка застала нас врасплох. Мы ведь ждали её гораздо раньше, сразу после того, как мощность ХААРПа пришлось резко понизить. Но тогда отдачи не случилось, и все решили, что всё обошлось, такое иногда бывает, а Барбекю надо было срочно восстанавливать... В общем, не все успели пристегнуться. Но даже если и успели...

Бригадир секунду молчал, после чего с тяжёлым вздохом продолжил:

– Два троса, те, что ведут от ворот внутренней нитки Завесы, мы нашли оборванными. Вероятно, на

них повисло слишком много человек, крепления не выдержали нагрузки. Ещё один натянут, как струна, несмотря на ураган, и уходит с понижением. Мы думаем, его придавило перевернутым вездеходом. Работать на нем было нельзя, он мог лопнуть в любую секунду. С остальных тросов сняли всех, кого успели за четыре минуты, но этого времени слишком мало... — Бригадир болезненно поморщился: — Кто-то должен был успеть поползти до других строений. Как ураган закончится, будем разбираться. А ты пока выздоравливай. И надень комбинезон, лежи в постели прямо в нем, медики не будут против. В

бункере введен режим экономии энергии.

– Что случилось? Произошла авария на последнем энергоблоке?! – Майк вспомнил руины теплообменника Барбекю. Её же ещё не восстановили, работы только начались! – АЭС не работает?!

– Если бы Барбекю не работала, мы б тут без снаряги не сидели! – успокоил его кто-то из полярников. – Резервная подстанция сдохла. Нагрузки за последние две недели было слишком много, не хватало энергии на подзарядку, так что теперь в ёмкостях пусто.

– Это так, – поморщился Уокер. – Две Воронки подряд –

слишком много для единственного энергоблока, переведенного на минимальную мощность. Сектор ХААРП пришлось перевести в режим минимальной активности, он сейчас работает в автоматическом режиме. Этого хватит ненадолго, да и то лишь благодаря тому, что сейчас лето. Необходимо срочно восстанавливать до штатной работоспособность хотя бы одного энергоблока. Иначе заморозим Новую Америку. Так что, Батлер, отогревайся пока что здесь. Тут плюс восемнадцать. У нас в спальном помещении пятнадцать, на лестничных тамбурах двенадцать. А на первом уровне вообще плюс пять,

его сильно выморозило, пока проводили спасательную операцию, тепловые завесы сейчас еле справляются, питания не хватает. В общем, как только установится штиль, работы у всех будет выше головы!

Посетители ушли, и Майк первым делом надел комбинезон. В одежде под одеялом стало гораздо приятнее, и от нахлынувшего на озябшее тело тепла стало клонить в сон. Он уснул, но долго проспать не смог, ему постоянно снился залитый кровью Перес, с покрытыми льдом глазами. Он медленно брел к Майку через бушующую Воронку и тихо шептал: *«Батлер! Помоги!»* – и его

едва слышный шепот звенел в ушах, отдаваясь болью в барабанных перепонках. Пристегнутый к тросу Майк судорожно перебирал руками, пытаясь уползти от него, но пальцы не слушались и отказывались сжимать трос, из-за чего руки проскальзывали по нему, будто по скользкому ледяному канату. В итоге пришлось попросить у медиков успокоительного.

Ураган пошел на спад на четвертые сутки. Скорость ветра понизилась до восьмидесяти метров в секунду, руководство приказало начать подготовку к выходу на поверхность, но смертоносная стихия бушевала ещё часов тридцать.

Большинство приборов внешнего наблюдения вышло из строя, и установившийся на улице штиль заметили не сразу. К тому моменту, когда по громкой связи дежурный диспетчер оповестил о начале восстановительных работ, Майк чувствовал себя вполне сносно. Спина почти не болела, сломанные ребра уже не мешали дышать, хотя делать глубокий вдох было по-прежнему некомфортно. К предстоящему выходу на поверхность готовились все, в бункере должны были остаться только тяжелобольные, медицинский персонал и несколько сотрудников научной команды, призванных

осуществлять мониторинг системы управления ХААРПом, переведенным в автоматический режим.

Для масштабных восстановительных работ людей не хватало, подсчет личного состава, проведенный за время урагана, показал жуткие цифры. В момент образования Воронки вне бункера находилось более трехсот человек, в основном те, кто вёл восстановительные работы на АЭС, и спасательные команды, выдвинувшиеся встречать разгромленную мутантами экспедицию в Могильник. Десятка два людей, те, кто был рядом с

внешними дверьми, успели вбежать в бункер, ещё восьмерых успела достать из-под Воронки команда Уокера до истечения роковых четырех минут десяти секунд. Оставалось надеяться, что большинству полярников удалось укрыться в ближайших строениях: транспортных ангарах, электроподстанции и АЭС. Так как Майк шел на поправку, Уокер назначил его наблюдателем. Но на этот раз сидеть в теплом помещении наблюдательного поста не пришлось – мониторы не показывали ничего, кроме сообщения об отсутствии сигнала, в рабочем состоянии не осталось ни одной камеры.

— Надевай арктическое снаряжение, — велел бригадир. — Людей не хватает, так что придется тебе работать в одиночку. Через пятнадцать минут открываем ворота на улицу. Будешь стоять рядом с ними и смотреть по сторонам. Возьмешь радиостанцию, если заметишь что-то важное, зайдешь в тамбур, за тепловесу, и выйдешь в эфир. И пользуйся биноклем почаще, сейчас нет времени чинить видеокамеры, главное — энергоблок! Арктическую винтовку возьми, на всякий случай. Воронка застала нас с открытыми воротами, так что может быть всякое. Всё! Всем снаряжаться! Сбор на первом уровне через десять

минут!

То, что на первом уровне едва удалось удержать плюсовую температуру, чувствовалось сразу. Из рта при выдохе шел пар, пальцы рук без перчаток быстро начинали замерзать, металл арктической винтовки стал холодным уже через минуту. Майк ещё раз проверил, что его снаряжение застегнуто максимально плотно и обогрев включен, после чего несколько раз медленно сделал глубокий вдох и выдох. Ребрам вроде терпимо.

– Открыть двери! – зазвучали динамики голосом Вахтенного директора. – Командам охраны выйти на поверхность, взять под

контроль подступы к бункеру и доложить обстановку!

Сразу же выяснилось, что дистанционное управление воротами отказало, и пришлось открывать вход с пульта ручного управления. Техники справились с этим быстро и распахнули сразу оба дверных створа, открывая широкий проход. Почти три десятка вооруженных полярников энергично устремились наружу, беря арктические винтовки на изготовку. Отряд покинул бункер, и в следующую секунду с улицы донеслись крики, вспыхнула беспорядочная стрельба, и грохот автоматов быстро утонул в многоголосом истеричном визге.

— Что за дьявольщина там происходит?! — Бригадир Уокер бросился к выходу сквозь толпу людей, на ходу снимая с ремня винтовку. — Закройте одну створу!

Но было уже поздно. В двери с истошным криком вбежал человек, пытающийся неуклюжими движениями сбросить вцепившуюся ему в спину, мутировавшую тварь. Покрытая густой шерстью зверюга размером с собаку намертво впилась когтями в снаряжение и рвала клыками шею беглеца. На стену бункера брызнула кровь, и полярник упал на спину, крича ещё громче. Несколько оказавшихся рядом людей торопливо хватались за оружие и

спешили на помощь, но в двери уже рвались полярники из только что вышедшего отряда, облепленные зверьём.

— Стреляйте!!! Стреляйте!!! — надрывно хрипел их командир, не в силах оторвать от себя вгрызающуюся в руку грязно-белую кошку с уродливо огромными челюстями. — Они повсюду!!!

— Закройте ворота! — раздалась команда Вахтенного директора. — Занять оборо... — Звук динамиков потонул в яростных воплях вламывающегося в бункер потока мутантов.

Зверьё хлынуло через открытые двери сплошным потоком, сметая

попавшихся на пути людей. В мгновение ока упавшие на пол оказались погребены под живым ковром из кишущих мутантов, входной коридор заполнился истошными воплями пожираемых заживо полярников и визгом беснующихся тварей. Внешний тамбур был потерян в считанные секунды, и поднимающиеся с нижних уровней ремонтные и строительные команды даже не понимали, что происходит.

— Назад! Назад! К внутренним переборкам! — орал Уокер, непрерывно стреляя в дерущихся из-за добычи мутантов. — Надо перекрыть коридор! Не давайте им

приблизиться! Убивайте передних, это задержит остальных!

Его люди пятились, ведя огонь, остальные то присоединялись к обороне, то спешили в глубь коридора. У лестничных тамбуров отступающие столкнулись с поднимающимися, и возникла давка.

— Батлер! — Бригадир торопливо перезаряжал арктическую винтовку. — Бегом назад и предупреждай всех, чтобы блокировали лестницы и готовились закрывать переборку! На открытом месте нам их не удержать! У них эпидемия бешенства, они боли не чувствуют! Шевелись!!!

Майк бросился в глубь бункера,

продираясь через ринувшуюся к лестницам толпу, но в начавшейся давке сломанные ребра вновь вспыхнули острой болью, и он едва не задохнулся, не в силах сделать вдох. Внезапно грохот автоматных очередей заглушил тяжелый, полный яростной злобы трубный рёв, и Майк обернулся. Прямо по коридору, словно живой таран, расшвыривая оказавшихся под лапами тварей, мчался огромный медведь. Покрытая желтыми пузырями застывшей пены морда сверкала налитыми кровью глазами, на длинных кривых клыках висели обрывки синтетики от человеческого снаряжения, белая шерсть алела красными пятнами.

Чудовищный мутант с разбегу
врезался в скучившихся людей
Уокера, отбрасывая их, словно кегли,
промчался дальше и огромным
прыжком вонзился в отступающих
людей, яростно вгрызаясь в толпу и
нанося лапами страшные удары. Всё
вокруг потонуло в выстрелах и
предсмертных криках, вспыхнула
паника, и полярники бросились кто
куда.

Стиснутого толпой
полубессознательного Майка
вынесло к внутренней переборке, и
ему удалось вырваться из охваченной
ужасом людской массы. Он упал на
пол и заполз в угол, хрипя от боли.
Дышать почти не получалось, перед

глазами плыла кровавая пелена, в ушах звенели крики боли и кровожадное рычание. Майк, с трудом шевеля руками, попытался нащупать за спиной винтовку. В глазах прояснилось, и он с ужасом увидел, что внутреннюю переборку запереть не успели и поток разномастного зверья рвется через неё в глубь бункера. Вокруг него уже не осталось живых людей, и мутанты до сих пор не заметили его лишь потому, что бегут мимо его угла слишком быстро. Он в отчаянии заметался из стороны в сторону, не видя путей к спасению, как вдруг заметил рядом с собой закрытую дверь технического помещения.

Майк вскочил на ноги и изо всех сил задергал дверную ручку. Дверь не поддавалась, он ткнул в замок винтовочным стволом и нажал на спуск. Оружие запрыгало в руках, выпуская очередь, пули с визгом рикошетили в каких-то миллиметрах возле Майка, но ему всё-таки удалось выбить замок. Он толкнул дверь, вбежал внутрь и сразу же захлопнул ее за собой, налегая на неё всем телом. Что-то тяжелое ударилось в дверную створку снаружи и отскочило с разъяренным визгом. Голодная тварь билась в дверь снова и снова, но так и не смогла пересилить человека и помчалась дальше.

Обессилевший Майк сполз по двери на пол и остался сидеть, упершись спиной в неё, а ногами во что-то невидимое в темноте. Позади раздался медвежий рёв, и он похолодел, в ужасе вжимаясь в дверь изо всех сил. Тут же загремел рык второго медведя, но оба монстра прошли мимо, спеша попасть внутрь невиданно теплой пещеры, дабы занять себе место под берлогу. Истеричный визг мчащейся по центральному коридору стаи вскоре смолк, но из-за двери ещё долго доносился хруст разрываемой клыками синтетики, чавканье и яростное рычание дерущихся за кусок человеческой плоти тварей.

Майк сидел, подперев собою дверь, и боялся даже шелохнуться. Зверьё не почуяло его, наверное, в бункере для них слишком много незнакомых запахов, но оно может услышать шевеление! Спустя четверть часа его глаза привыкли к темноте, и он смог разглядеть своё убежище. Оно оказалось маленьким помещением в три квадратных метра, почти полностью заставленным электрооборудованием. Кажется, это резервная электрощитовая... Главное, чтобы здесь не было больших токов, иначе зверье почувствует тепло и попытается вломиться сюда! Тогда ему уже никогда не выбраться! Майк

посмотрел на вшитый в снаряжение термометр. Оставшийся с распахнутыми воротами первый уровень быстро остывал, и прибор показывал уже минус двадцать.

Часа два он неподвижно просидел у двери, не понимая, что делать дальше, и паника охватывала его всё сильнее. А что, если он остался один?! Вдруг все погибли и тогда он обречен на медленную и мучительную смерть! Обогрев снаряжения проработает сутки; если температура не опустится ниже шестидесяти, то, быть может, полтора дня. Само по себе снаряжение очень теплое и в отсутствие ветра способно

выдерживать пятидесятиградусный мороз довольно долго и без подогрева, но сколько он сможет просидеть здесь без воды и пищи? И чего ждать? Пока голодное зверье не найдет его? Но если выйти наружу, то оно найдет его гарантированно! И куда идти?! Идти можно к Барбекю, там могли уцелеть люди; согласно инструкции, после бурана первыми на поверхность всегда выходят спасательные команды бункера! В АЭС могли вообще не открывать дверей, и, если он добежит до их корпуса, его спасут! Да, вот только бежать придется метров триста, и любая бешеная тварь за это время догонит его трижды, а их тут сотни!

У Могильника медведи преследовали вездеход со скоростью в полсотни километров в час! Как тут бежать?! Это самоубийство! Но оставаться тут – самоубийство тем более!

Подобные мысли лихорадочно роились у него в голове, с каждой минутой глубже и глубже погружая сознание в пучину животного ужаса. Голос, внезапно раздавшийся в темноте прямо рядом с ним, заставил Майка подпрыгнуть. Он не закричал лишь потому, что от приступа первобытного страха резко закололо сердце.

– Кто меня слышит? Это Вахтенный директор Грин! Кто-нибудь меня слышит? Прием! – Голос

звучал у самого пола, и Майк схватился руками за пояс.

Рация! У него же есть рация! Как же он забыл про неё! Уокер назначил его наблюдателем, и ему выдали рацию! Майк вырвал рацию из поясного чехла, судорожным движением убирая громкость до едва слышного минимума. Только бы зверьё не услышало разговор!

— Это Майк Батлер, сэр! — торопливо зашептал он, прислонив рацию к губам. — Я слышу вас, сэр!

— Батлер, где вы находитесь? — Сигнал Вахтенного директора был слишком слабым для мощной радиостанции Реактора, регулярно связывающейся с Новой Америкой. —

Говорите громче!

— Не могу, сэр! — Майк прикрыл ладонью руку, чтобы хоть как-то уменьшить распространение звука. — Я на первом уровне, сразу за первой переборкой, в резервной электрощитовой! Сэр, вы можете мне помочь? Я тут совсем один, центральный коридор захвачен мутантами!

— Мы заперлись во втором уровне, — ответил директор. — На первом уровне не отвечает ни один пост, есть серьезные подозрения, что он захвачен полностью. Чтобы помочь вам, Батлер, я должен понимать обстановку, чтобы исключить риск для остальных. Вы

можете сказать, где именно сейчас находятся мутанты?

– Нет, сэр, я заперся здесь! Мне пришлось расстрелять замок, чтобы попасть сюда, и теперь я подпираю дверь собой! – Майк пришел в ужас от мысли, что его хотят заставить покинуть и без того совсем ненадежное убежище. – Я не могу выходить, там повсюду монстры!

– Вы и... сл...шт... ид...е? – Связь засбоила, и голос директора зазвучал совсем неразборчиво.

– Что вы сказали, сэр? Я вас не слышу, вы прерываетесь! – Майк потряс рацией. Связь – это его единственный шанс на спасение! Если она откажет, он точно

помутится рассудком! – Повторите!

– У нас проблемы со связью! –
Вахтенного стало слышно лучше. –
Похоже, повреждена антенная линия!
Я говорю с вами из командного
центра, но это всё, что нам удастся
выжать из передатчика! Повторяю,
Батлер, вы видите или слышите
мутантов? Они в непосредственной
близости от вас?

Майк замер, прислушиваясь к
звукам за дверью. Там было тихо, и
он понял, что не слышал ничего уже
довольно давно. Конечно,
кровожадные твари могли затаиться
и ждать, когда он выйдет, но нельзя
сидеть здесь вечно! Необходимо
найти способ добраться до лестницы

и спуститься на второй уровень!

— В двери есть дыры от пуль, сэр! — зашептал Майк в эфир. — Думаю, я смогу посмотреть через них в коридор! Подождите минуту, сэр!

— Будьте осторожны, Батлер! — откликнулся директор. — Н... риску...е на...сно...

Его голос вновь сменился шипением, и Майк, не переставая налегать на дверь всем телом, начал медленно подниматься на корточки. Чтобы случайно не допустить шума, он двигался очень медленно и первые тридцать секунд потратил на то, чтобы снять с себя винтовку и взять её в руки. Наконец ему удалось

развернуться лицом к простреленной двери. Майк осторожно приник к одному из пулевых отверстий, каждую секунду ожидая снаружи удара, сопровождающегося яростным рычанием. Но часть коридора, доступная для обзора через узкую дыру, оказалась свободной от мутантов. Освещение ещё функционировало, и было хорошо видно, как попадающий в бункер ветер гоняет по полу окровавленные обрывки снаряжения и мелкую поземку снежинок.

– Сэр! Это Батлер! – Он старался говорить как можно тише. – Я вижу часть коридора вблизи первой переборки! Мутантов не видно, здесь

много крови и снег, сэр! Его принесло ветром!

– Возле вас нет мутантов? – уточнил Вахтенный. – Вы можете посмотреть, есть ли они у лестничного тамбура номер один? Это ближайшая к вам лестница!

– Эй, Батлер! Ты меня слышишь? – зашипела рация незнакомым голосом. На этот раз сигнал был гораздо сильнее. – Это инженер Мартинес, Барбекю! С кем ты разговариваешь? Сколько вас? Где вы?

– Батлер, я вас не понимаю, сильные помехи! – Директор повысил голос. – Повторите! Прием!

– Что ты сказал, Батлер? –

Мартинес тоже заговорил громче. — Одно шипение, дьявол его заberi!

Они не слышат друг друга, понял Майк, но зато оба слышат его! Он может быть между ними связующим звеном! Значит, на базе уцелело много людей и он будет спасен! Главное только, чтоб его не слышали мутанты.

— Мистер Грин, мистер Мартинес, подождите минуту! — забормотал он в эфир. — Вы не слышите друг друга, но я слышу вас обоих! Мистер Мартинес, я нахожусь на первом уровне бункера в очень ненадежном укрытии! Первый уровень захвачен мутантами, входные двери открыты, сюда врывается ветер

со снегом и быстро холодает! Вахтенный директор Грин держит со мной связь из Командного Центра, но у него проблемы с антенной, второй уровень под нашим контролем! Скажите, мистер Мартинес, где вы и что с вами, я передам это директору Грину!

— Я в центральном корпусе Барбекю! — откликнулся тот. — Со мной пятьдесят шесть человек, половина раненых, троим требуется срочная медицинская помощь! Мы едва отбились от мутантов! Разрушенный теплообменник кишит ими, из пустошей постоянно бегут новые твари! Внешние накопители энергии разрушены! Нам не хватает

энергии на работу тепловых завес и системы отопления, всё уходит на защиту! Температура внутри корпуса понижается, возникла угроза заморозки АЭС! Необходимо срочно понизить расход энергии! Мы поддерживаем связь с пилотами законсервированного ангара, прошу разрешения обесточить его, чтобы выровнять нагрузку! У пилотов есть снегоочиститель, он на ходу, на нем они смогут добраться до нас! Повторяю: прошу разрешить отключить ангар от питания! Батлер, ты меня слышишь?

— Да, сэр! — Майк воспрял духом. Законсервированные шаттлы! На базе же есть ракетопланы для

чрезвычайных случаев, как он мог про них забыть! И они в порядке! Мы можем улететь отсюда! Он торопливо продублировал полученную информацию Вахтенному директору.

— Батлер, скажите Мартинесу, что я его понял, — ответил тот. — Пока ничего не отключать, ждать моих указаний! Нам необходимо срочно принять решение, пусть остается на связи, мы выйдем в эфир через некоторое время. Отбой!

— Сэр, а как же я, сэр?! — воскликнул Майк, невольно повышая голос. — Помогите мне!

— Оставайтесь на месте, Батлер, и без паники! — жестко одернул его Вахтенный. — Без вас мы не сможем

поддерживать связь с Барбекю! Сигнал портативных раций не пробивается на поверхность, а главная радиостанция цепляет только вас! Затаитесь и сидите тихо! Помощь придет, но нам нужно время! Вы поняли меня, Батлер?

– Да, сэр, – упавшим голосом ответил Майк. – Понял. Пожалуйста, поторопитесь! Тут кругом монстры, дверь не запирается, центральный коридор забивается снегом, я не просижу здесь долго!

– Я вас понял, Батлер! – произнес директор. – Мы помним о вас! Отбой!

Майк передал Мартинесу слова Вахтенного, и эфир затих. Время

тянулось медленно, и гнетущая тишина стокилограммовой скалой давила на психику. Несколько раз из коридора доносился скрип синтетической ткани, по которой ступали тяжёлые лапы мутировавших хищников, и Майк замирал, затаив дыхание от страха. В узкое пулевое отверстие было видно, как мимо его двери в глубь бункера крадутся уродливые твари, обнюхивающие полужанесенные снежным крошевом обрывки снаряжения, устилающие пол. Монстры неуверенно озирались, опасаясь столь чужого и одновременно такого маняще-теплого места. Некоторые из них хватали зубами окровавленные

обрывки и пытались сожрать их, но вскоре выплевывали несъедобную синтетику и двигались дальше. Мутанты прибывали постоянно, по одной-две особи, и вскоре из глубины бункера начали приходить звуки далекой грызни. Майк подумал, что лучше заткнуть чем-нибудь дыры в двери, чтобы монстры не учуяли его, но в электрощитовой не нашлось ничего подходящего. Вшитые в снаряжение механические часы показывали, что он сидит в тишине около часа, но ему казалось, будто с момента прекращения радиосвязи прошли сутки.

— Батлер, это директор Грин! — Внезапно оживший эфир вновь

напугал его. – Вы меня слышите?

– Да, сэр! – Майк схватил рацию. – Я слышу, сэр! Что мне делать?

– Слушайте меня очень внимательно, Батлер! – приказал Вахтенный директор. – Скажите инженеру Мартинесу, чтобы связался с пилотами! Пусть готовят шаттлы к вылету и выводят их из ангара. Пусть бросит на это все энергоресурсы, не задействованные для питания ХААРПа! Разрешаю временно обесточить бункер в случае необходимости! Далее! Взлетная полоса наверняка покрыта снегом, поэтому пусть шаттлы используют свои двигатели в качестве воздушных

турбин и очистят её, пробыют дорогу от Аэродрома к Барбекю! Они должны подойти к АЭС настолько близко, насколько смогут! Их размеры и грохот двигателей отпугнут зверьё! Пусть инженер Мартинес грузит на них раненых! Нам отсюда до Барбекю пешком не дойти, мутанты сожрут на открытом пространстве! Спросите, сколько единиц техники есть в его распоряжении? Прием!

Вахтенный директор приказал готовить шаттлы! Майк мгновенно почувствовал себя гораздо уверенней. Он спасется и улетит из этого чертового Реактора! И отсудит у этого идиотского Полярного Бюро

огромную компенсацию за всё то, что ему пришлось здесь вытерпеть! Но сперва необходимо выбраться. Майк старательно продублировал Мартинесу приказ и вслушался в эфир, дожидаясь ответа.

— У пилотов есть снегоочиститель, — сообщил инженер. — Ещё в ремонтном ангаре номер три стоит вездеход. Он на ходу, но пулеметная турель неисправна. В ангаре укрылось полтора десятка человек, троих вытащили из-под Воронки, они сильно обморозились. Все в машину за один раз не поместятся. Другой исправной техники нет, вся осталась снаружи. По складам и транспортным ангарам

попряталось ещё человек тридцать, там тоже хватает раненых. У них есть несколько снегоходов и оружие. Это всё.

Выслушав Майка, директор Грин ушел из эфира, но спустя минуту заговорил вновь.

— Пусть выгоняют снегоочиститель и вездеход, — велел он. — И собирают всех выживших. Раненых в шаттлы, остальным — сбор в центральном корпусе АЭС. После эвакуации все пустые строения обесточить! Как закончит, пусть немедленно отправляет технику ко входу в бункер! А мы пока своими силами отвлечем тварей от спасательной операции. Батлер,

скоро мимо вас в глубь первого уровня побежит зверье! Сидите тихо и сохраняйте самообладание! Мы вас вытащим. Держите связь!

Майк довел до Мартинеса указания Вахтенного и затаился, на крайний случай приготовив винтовку. Некоторое время ничего не происходило, затем освещение центрального коридора погасло. Ещё через несколько минут в глубине бункера разразился многоголосый истеричный визг, быстро переросший в нескончаемую грызню, сквозь которую доносились автоматные очереди. Мимо его убежища промелькнула одна мутировавшая тварь, затем вторая,

третья, и вскоре по центральному коридору мчался грязно-белый шерстяной поток. Мутанты рвались внутрь, обгоняя друг друга и злобно огрызаясь на ходу. То и дело между ними вспыхивали короткие яростные стычки, после чего зверьё бросало драку и мчалось дальше.

— Батлер, что у вас происходит? — В голосе Мартинеса звучала тревога. — Мутанты ломаются к бункеру со всех сторон! Где директор Грин? Мы сможем прислать к вам технику через полчаса!

Вахтенный ответил не сразу. Майк срывающимся от напряжения шепотом вызывал его минут пять, и при каждой фразе ему казалось, что

рвущиеся мимо мутанты слышали его и сейчас бросятся на дверь. Но поток взбесившихся тварей, сливающихся в полутьме в единую массу, мчался дальше.

— Батлер, слышите меня? — Вахтенный директор тяжело дышал. — Сейчас всё зависит от вас! Мы устроили мутантам тепловую приманку, сейчас они растекаются по второму уровню. Свободным останется только лестничный тамбур номер один, тот, что недалеко от вас! Наблюдайте за зверьем, как только его поток иссякнет, подайте сигнал! Мы выйдем на поверхность! Техника Мартинеса должна быть неподалеку, иначе не успеем добежать!

Истерично визжащие монстры, разбрызгивающие на бегу хлопья желтой пены, мгновенно замерзающие в гроздь ледяных пузырей, мчались мимо двери Майка ещё четверть часа. Потом поток начал быстро редеть и резко иссяк. Для верности Майк выждал секунд тридцать и вышел в эфир.

— Директор Грин, сэр? Это Батлер! Монстры закончились! Я никого не вижу, но у меня обзор невелик, я не знаю, что происходит за первой переборкой!

— Подтверждаю, Батлер! — возник в эфире голос Мартинеса. — Все твари забрались в бункер, клянусь своей библией, там сейчас

собралось пол-Австралии! Из пустоши бегут ещё, но их мало, и нам пока удастся отстреливать эту гадость! Я подвожу машины ко входу, если у вас ещё есть, кому выходить, пусть делают это сейчас, лучшего времени не будет!

Майк хотел было повторить слова Мартинеса, но в эфире уже звучал чужой голос:

— Это бригадир Шульце, мы выходим через первый тамбур! Батлер, коридор до первой переборки пуст, бегите к нам немедленно! Мы прикроем! Быстрее! Мартинес, открывай люки, у нас раненые!

Инженер что-то ответил бригадиру, но Майк этого уже не

слышал. Он выскочил из электрощитовой и изо всех сил метнулся к выходу, спотыкаясь о разбросанное повсюду оборудование и скользя на присыпанных снегом обрывках синтетики. Центральный коридор от первой переборки до внешнего тамбура был полностью разгромлен и захламлен всевозможными обломками. Повсюду на стенах виднелись потеки заледеневшей крови, пол уже успело занести снегом, и Майк несколько раз упал, запнувшись в полутьме. У ближайшей лестницы он увидел группу вооруженных полярников, изготовившихся к стрельбе в его сторону, позади них другие тащили

на руках раненых к выходу.

– Не стреляйте! – закричал он, размахивая руками. – Это я, Батлер! Не стреляйте!

– Заткнись, идиот! – рявкнул на него кто-то из стрелков, и Майк узнал голос бригадира Шульце. – Не ори! Привлечешь зверьё! Бегом на выход! Там ещё кто-нибудь есть?

– Нет, сэр! – громким шепотом выдохнул Майк, пробегая мимо. – Я был один! Там полно монстров, они бежали мимо меня сплошным потоком полчаса!

Он выбежал из бункера и едва не налетел на стоящий у самых дверей вездеход. Двое полярников принимали у выходящих людей

раненых и торопливо размещали их внутри машины. Рядом стоял пустой снегоочиститель с распахнутыми дверьми и четверка снегоходов, на которых сидели вооруженные охранники, не сводящие глаз с окружающей местности. Картина, открывшаяся Майку, заставила его на секунду замереть от ужаса.

Снег на сотни метров вокруг был истоптан лапами монстров и заляпан заледеневшей кровью. Обледеневшие остовы перевернутой техники, наполовину занесенные снегом, были разбросаны по территории Реактора. Часть из них впечатало ураганом в строения, часть вышвырнуло далеко за пределы

Завесы. Ранее находившиеся под напряжением, нити периметра оказались разорваны на множество отрезков, лишая базу защиты, в двух ангарах ворота буквально вышибло ударом катящихся кубарем вездеходов. Повсюду валялись оборванные страховочные тросы, не выдержавшие под яростными ударами Воронки суммарного веса десятков зацепившихся людей. Под теми из страховочных креплений, что избежали обрыва, из-под разворошенного алого снега многометровыми, ледящими душу грядками торчали окровавленные обрывки арктического снаряжения.

Он понял, что, когда ураган

стих, голодное зверье выползло из укрытий и набросилось на тела замерзших заживо людей, успевших пристегнуться, но не успевших спастись. Мутанты принялись пожирать человеческие трупы прямо там, где обнаружили, и запах поедаемой плоти привлекал сюда всё новые и новые стаи монстров. Судя по густо разбросанным вокруг, наполовину сгрызенным черепам, как раз в тот момент, когда спасательные и ремонтные команды выходили из бункера и прочих строений, здесь кипели ожесточенные драки между стаями. Недавно прибывшее зверьё яростно делило пищу с теми, кто появился

тут в числе первых, и появление людей спровоцировало массированную атаку мутантов. Майк узнал лежащие повсюду гроздья желтых ледяных пузырьков. Это была та пена, что вываливалась из пастей пораженных бешенством, мутировавших животных, вопреки инстинкту самосохранения неистово бросавшихся на пулеметные стволы. Обезумевшие от ярости, ненависти и голода, монстры не боялись уже никого и ничего. Вооруженный отряд охраны, первым вышедший на поверхность, смели практически мгновенно.

Даже сейчас запах замерзшей крови, усыпающей снежное

пространство густой россыпью красных ледышек, продолжал притягивать к себе монстров. Мелкие стаи мутантов отовсюду спешили по перепаханной пустоши к бункеру, и разместившиеся на снегоходах стрелки выцеливали самую крупную тварь в голодной своре и открывали огонь. Остальное зверье тут же кидалось на пробитого пулями соплеменника и начинало пожирать его, грызясь между собой. Пока что людям удавалось не подпускать монстров к себе.

– Быстрее, быстрее! – отчаянно жестикулировал Мартинес, уложив очередного раненого. – Куда?! Назад! – Он схватил за локоть Майка,

влезавшего в салон вездехода. – Это для раненых! Полеза́й на крышу! Все, кто не пострадал, – на крышу!

Раненых грузили почти десять минут, и каждую секунду Майк ожидал увидеть сверкающую окровавленными клыками стаю разъяренных мутантов, выплескивающуюся из бункера прямо на него. Он забрался на крышу вездехода и вжался в бесполезную пулеметную башню, сжимая в руках винтовку. Отбиться от сотен монстров невозможно, но, быть может, ему повезет подстрелить кого-нибудь пожирнее, чтобы другие отвлеклись. Наконец из бункера появился бригадир Шульце со своей

командой. Он коротко бросил Мартинесу, что больше никого не будет, и, окинув взглядом до отказа забитые ранеными машины, молча полез на крышу снегоочистителя и уместился на креплении воздушной турбины. Остальные стрелки последовали его примеру, размещаясь на обшивке транспорта, некоторых усадили третьим на снегоходы. Вскоре перегруженная техника, натужно гудя моторами, заспешила прочь от бункера. Машины не отошли от входа и на сотню метров, а к распахнутым дверям уже мчались отдельные твари, не обращая внимания на удаляющихся людей.

– Почему не заперли ворота? – Майк обернулся к сидящему рядом стрелку, пристально осматривающему перепаханную зверьём целину. – Можно было запереть мутантов внутри!

– Выломают, – коротко ответил тот, не прекращая следить за снежной пустыней. – Ремонт дорожке обойдется. Это несколько дней работы, чем бункер закрывать будешь, если начнется буран?

– Как выломают?! – опешил Майк. – Там же створы громадные! Толстая сталь, утеплитель, композитная обшивка! Они что, металл прорвать смогут?

– Толстый – нет. – Взгляд

стрелка непрерывно скользил по заснеженным окрестностям. — Разгрызут керамику, растащат утеплитель по норам, сожрут изоляцию проводки, резину — всё, что поддается зубам. Эти твари приспособились выживать в Холоде, они запросто переваривают всё, лишь бы это было хоть немного съедобным! А на открытые ворота они внимания не обратят, для них это как вход в пещеру. И вообще, если их запереть, зверье начнет жрать друг друга, когда оголодает. Чтобы выжить, менее крупные твари, а их большинство, начнут искать пути спасения, и тогда первый и второй уровни точно превратятся в труху! А

там жилые помещения, госпиталь, кухня... короче, хочешь несколько месяцев жить по колено в дерьме, пока не закончим ремонт? Восемьдесят лет назад, рядом с Могильником стоял ангар, чтобы было где укрыться в случае чего. Как-то раз туда пришла Воронка, люди оказались далеко от строения и вбегали внутрь в последнюю секунду. Вместе с ними туда проникло несколько мутантов, спасавшихся от смерти. Они попрятались по углам, и отыскать удалось не всех. Экспедиция решила, что уничтожила зверьё, запечатала ангар и вернулась в Реактор. Проводить тщательные поиски возможности не было, во

время урагана, пока сражались с проникшими внутрь монстрами, почти все получили ранения, так что не до того было. В общем, когда следующая вахта выслала в Могильник команду, от ангара остались одни обломки. Запертое зверье от голода сгрызло всё, что только можно, после чего сделало подкоп прямо в вечной мерзлоте. Потом кто-то крупный, медведи скорее всего, превратили ангар в берлогу, расширив вход. А в такую дыру под Воронкой с дикой скоростью влетает столько тонн воздуха, что за несколько месяцев строение разорвало изнутри. Бункер, конечно, ураганом не разрушит,

заметет сильно, это да, но снег мы вычистим. Главное, максимально сохранить внутреннее оборудование. А теперь не мешайся! Держи винтовку крепче и смотри по сторонам, мы подъезжаем к шаттлам, их рёв напоминает мутантам звуки урагана, они зарываются под наст и передвигаются под снегом! Могут напасть в любую секунду прямо из-под ног!

Услышав о монстрах, Майк инстинктивно отшатнулся подальше от края вездехода, сталкиваясь с сидящим позади человеком, и тут же услышал в ответ недовольный возглас. Отпрянув обратно, он торопливо взял оружие на изготовку

и принялся осматривать снежную равнину, медленно ползущую мимо перегруженных машин. В памяти резким всплеском всплыла картина гибели отправленной к Могильнику команды. Жуткие твари выпрыгивали из-под снега прямо под ногами у людей, вздымая фонтаны белого крошева, набрасывались на свои жертвы целыми стаями и заживо разрывали их на куски...

Вой двигателей шаттла, расчищающего воздушными струями взлетную полосу, отчетливо пробивался через капюшон и лицевую маску, и Майк посмотрел в даль, на клубящееся впереди, огромное снежное облако. Самого

шаттла в клубах развеянных по воздуху сугробов видно не было, зато второй ракетоплан бросался в глаза сразу, благодаря темному цвету теплоотражающего покрытия, смягчающего нагревательный эффект трения о воздух на предельных скоростях. Шаттл стоял в нескольких десятках метров от центрального корпуса Барбекю с опущенной грузовой аппарелью, вокруг которой виднелись силуэты вооруженных людей. Человек двадцать полярников, разбившись на пары, брели по снегу к ракетоплану из распахнутых ворот центрального корпуса АЭС, унося на плечах и носилках многочисленных раненых.

Ветер, поднятый первым шаттлом, гнал через них густую поземку, затрудняя обзор, и Майк не сразу заметил, что большой кусок территории возле входа в Барбекю сплошь покрыт брызгами заледеневшей крови, вмерзшей в истоптанный снег. Видимо, в момент выхода наружу здесь тоже произошло нападение мутантов. Поравнявшись с входом в центральный корпус, вездеход остановился.

— Все, кто не ранен и без винтовки, заходим внутрь! — Из кабины выпрыгнул инженер Мартинес. — Там вам раздадут оружие! Если кто физически силен, помогите грузить раненых в шаттл!

— Пятая бригада, за мной! —
Бригадир Шульце слез с турбины
снегоочистителя и достал висящую
за спиной винтовку. — Будем держать
позицию возле входных ворот!
Батлер! Твоя рация цела? Получишь
оружие, возвращайся к нам!

Из вездехода начали извлекать
пострадавших, и кто-то из
полярников попросил Майка помочь
тащить находящегося без сознания
человека. Майк попытался
подхватить бездыханное тело, но
резкая боль в сломанных ребрах
заставила его с хрипом опуститься на
окровавленный снег.

— Эй, парень, с тобой всё в
порядке? — Рядом с ним оказался

инженер Мартинес. – Ты ранен?

– Сломал ребра, когда попал под последнюю Воронку, – пожаловался он. – Они вроде зажили за несколько дней, но когда монстры ворвались в бункер, возникла сильная давка... Теперь опять болит.

– Тебе нужно к врачу, – определил инженер, помогая ему подняться. – Штатное медицинское крыло Барбекю восстановить ещё не успели, так что лазарет мы устроили на складе запасных частей. Хорошо, хоть медик у нас остался. Пойдем, я тебя отведу.

Мартинес завел Майка во входные ворота АЭС, и тот невольно замедлил шаг, испуганно озираясь.

Крови на стенах вокруг было не меньше, чем в центральном коридоре бункера. Снега под ногами не было, и подошвы сапог скользили по кровавому льду. Тела убитых, обломки оборудования и обрывки снаряжения уже убрали, и на полу остались лишь россыпи обледеневших стреляных гильз. В десяти метрах от входа, придвинутые вплотную к стене, стояли несколько сцепленных между собой прицепов к снегоходу — обычные жестяные коробки на полозьях. С полдюжины полярников складывали в них окоченевшие туши убитых мутантов, стараясь использовать свободное место с максимальной экономией.

Три первых прицепа уже были забиты трупами, и горы окровавленной шерсти, когтистых лап и навечно застывших в бешеном оскале морд поднимались над их бортами едва ли не к потолку.

— О мой бог! — выдохнул Майк. — Что это?! — Он посмотрел на инженера. — Что здесь случилось?

— Мутанты набросились на нас, едва мы открыли ворота, — болезненно скривился Мартинес. — Никто не ожидал. Внешние камеры разбило Воронкой, штатная радиостанция вышла из строя ещё во время катастрофы шаттла, на вызовы портативных раций бункер не откликался, хотя за полчаса до этого

Вахтенный директор Грин объявил, что спасательные команды готовятся к выходу. Согласно инструкции, первым наружу выходит бункер, но время шло, на запросы никто не отвечал, а у нас под Воронкой обморозилось больше десятка человек, им требовалась медицинская помощь... В общем, ремонтная команда и охрана начали выход наружу. В первые секунды всё было спокойно, снег плотный, вокруг чисто. Охрана взяла под контроль прилегающее пространство, и кто-то заметил, что вдали, у бункера, словно снег движется. Охранник использовал бинокль, и оказалось, что это зверье мчится к вам в

распахнутые ворота. В эту секунду мутанты и напали. Они появились из-под снега сразу везде, и почти всех, кто уже был снаружи, разорвали за несколько секунд. Потом твари устремились внутрь. Зверьё ворвалось к нам прежде, чем ворота закрылись полностью, они пёрли сплошным потоком, прямо друг по другу! Нас спасло то, что мы успели начать закрываться прежде, чем створы заблокировало крупными тушами, все самые здоровые твари в тот момент ворвались к вам в бункер. Но нескольких мутантов всё-таки сдавило между захлопывающимися створами, и механизм сгорел, не выдержав нагрузки. Едва удалось

запереть ворота вручную. Только на этом я потерял почти три десятка отличных парней, а потом началась кровавая бойня внутри... Чтобы не дать этим тварям распространиться по всей станции, мы заперли себя вместе с ними во втором секторе. В какой-то момент патроны закончились, и в ход пошли ледорубы. Пока с хранилища подоспели атомщики с ящиком боеприпасов, нас там и половины не уцелело. Мы перебили всё зверье, но у меня до сих пор стоит в ушах их дьявольский визг! Народу полегло столько, что склад графитовых стержней сейчас превратился в морг! Так что ты, Батлер, реально

счастливчик!

— Это почему, сэр? — Майк, обходя идущего навстречу полярника, несущего на руках очередную тушку убитого монстра, поскользнулся на кровавом льду и чуть не упал. — Я же чуть не погиб!

— Чуть не погиб трижды, ты хотел сказать! — усмехнулся инженер. — На тебя напали твари в Могильнике, даже погрызли снаряжение, потом ты попал под Воронку, но тебя вытащил Уокер, об этом говорили, когда руководство по рации пыталось сверить списки личного состава. А затем ты уцелел на первом уровне бункера! Ты всё ещё жив, Батлер, и ты ещё

спрашиваешь, почему я назвал тебя счастливым?! Кстати, об Уокере что-нибудь слышно?

— Не знаю, сэр, — виновато поежился Майк. — В последний раз, когда я видел бригадира, на него напал медведь. У Уокера была винтовка, он отстреливался, но тот чудовищный монстр словно не чувствовал пуль вообще! Он врезался в бригадира, а дальше меня затерло толпой, сломанные ребра чуть не взорвались от боли, и я плохо помню, что делал дальше. Помню только, как стрелял в дверной замок электрощитовой и прятался за ней, подпирая дверь телом, а снаружи в неё бились рычащие мутанты!

— Значит, нет больше Уокера, — поник Мартинес. — Жаль, отличный был спасатель, настоящий герой. Семь вахт назад он спас мне жизнь, вытащил прямо из-под Воронки. Я тогда запнулся о крепежную струбцину, упал неудачно и вывихнул ногу. Не смог добежать до бункера, успел защелкнуть карабин на страховочном тросе, но до входа всё равно было слишком далеко. С такой ногой я бы не дополз. Когда ударила Воронка, я и вовсе потерял сознание от боли — меня, висящего на тросе, ураганом било о снег поврежденной ногой, словно я был полотенцем, которое вытряхивают с особой тщательностью! Уокер тогда прошел

по тросу двадцать метров сквозь ураган от входа до меня и зацепил-таки на мне эвакуационный канат. И его парни втянули меня в бункер. Я даже не обморозился, настолько быстро он сделал это! – Инженер печально замолчал.

– Может быть, бригадир Уокер выжил, – осторожно предположил Майк, пытаясь ободрить того хоть немного. – Он мог пробиться к лестнице и укрыться на втором уровне, вместе с Вахтенным директором Грином!

– Нет, парень, ему не удалось, – тяжело вздохнул Мартинес. – Я спрашивал у Шульце, Уокера среди них нет. От удара мутировавшего

медведя выжить невозможно. От него сразу ломаются кости и лопаются внутренние органы. Это зверье больно бешенством, в Могильнике снова эпидемия. Такое бывает после каждой третьей Воронки. Больные звери почти не чувствуют боли, и убить их очень тяжело. Они рвут тебя зубами до тех пор, пока не подохнут прямо с куском твоей плоти в пасти!

— Это заразно? — спохватился Майк. — Та тварь, что вцепилась мне в сапог в Могильнике, она поцарапала мне пятку до крови!

— Заразно, — подтвердил тот. — Обычно человек умирает, если подхватил эту дрянь. А вот мутанты не дохнут. Переболеют пару-другую

недель, и всё, нет проблем. Если, конечно, не сожрут друг друга за это время. Но ты не волнуйся – если б заразился, уже на том свете был. Инкубационный период не более суток, тебя вовремя к врачам доставили. Я же сказал, ты счастливчик!

– Сэр. – Майк облегченно вздохнул. Известие о том, что его жизни наконец-то ничто не угрожает, придало ему сил. – Скажите, когда мы вылетаем в Новую Америку? Через сколько вылет?

– Шаттл с ранеными уйдет сразу, как только закончится погрузка, – ответил инженер. – Полетят только тяжелораненые, остальные останутся

дождаться спасательной экспедиции, пострадавших слишком много, всех одним ракетопланом не увезти, предельная нагрузка не позволяет. И без того не понятно, кто из них выйдет из стартовых перегрузок живым.

— Как останутся здесь? — опешил Майк. — Но там же два шаттла! Разве они не в состоянии забрать всех?! Мы могли бы разместиться в грузовом трюме! Там же минус пятьдесят, обогрев снаряжения запросто выдержит три часа!

— Батлер, ты что, сумасшедший? — Мартинес остановился у одной из внутренних переборок и посторонился,

пропуская мимо пару полярников, несущих на носилках человека без сознания в сильно изодранном, окровавленном снаряжении. — Куда они должны забрать нас всех?

— В... — Майк запнулся. — В Новую Америку, сэр... — Он проводил взглядом израненного полярника, вслед за которым следующая пара тащила под руки другого полярника. Тот еле держался на ногах, его голова была перемотана бинтами, через которые широким густым пятном проступала кровь. — Здесь же нельзя оставаться... тут мутанты... они захватили Реактор...

— У тебя разум помутился от страха, Батлер? — Щуплый инженер

неожиданно схватил Майка двумя руками за отвороты капюшона и встряхнул изо всех сил так, что у того челюсти щелкнули друг об друга. — Куда ты собрался, идиот? В Новую Америку? А что станет с ней, если мы все покинем Реактор? Как ты думаешь, сынок? Ну, скажи мне!

— Она... — Внезапно Майк понял, что только сейчас до него дошел истинный смысл всего произошедшего здесь. — Она же замерзнет! О мой бог! Полярный Круг пропадет, не будет больше летней погоды, на Новую Америку опустится Холод! Она же замерзнет, сэр! У меня там осталась мама и Лив... Надо что-то делать, сэр! Пока

не поздно!

– Правильно, сынок! – похвалил Мартинес. – Поэтому мы остаемся здесь, поэтому директор Грин заперся в Командном Центре, поэтому домой полетят только раненые! Мы дождемся прибытия помощи, отобьем у мутантов Реактор, проведем ремонт, и всё будет, как раньше, и даже лучше! Для этого мы используем второй шаттл в качестве снегоочистителя, чтобы посадочная полоса была идеальной к моменту прибытия военизированного отряда!

– Директор Грин заперся в Командном Центре?! – Изумленный Майк не сразу поверил в

услышанное. – Вы хотите сказать, сэр, что он не покинул захваченный монстрами бункер?!

– Мерзкие твари заполнили только два первых уровня, – ответил инженер. – Третий уровень наиболее важен, там – мозг Реактора, оборудование системы управления ХААРПом. Если он выйдет из строя, Новая Америка окажется под серьезной угрозой! Это, как ты понимаешь, недопустимо. Поэтому Грин и вся научная команда вместе с ним заблокировалась на третьем уровне. Он полностью автономен и может просуществовать шесть месяцев безо всякой связи с окружающим миром. Но так долго

мы ждать не собираемся. Скоро Бюро пришлет нам людей, оружие и технику!

Он привел Майка в помещение склада, наскоро переоборудованное под лазарет, и передал с рук на руки донельзя уставшему врачу, хлопчущему над лежащими на носилках пострадавшими. Торопливо заходящие в склад полярники подхватывали носилки и быстро уносили раненых на погрузку. Заваленный обрывками срезанного с поврежденных частей тела снаряжения, горами окровавленных бинтов и стандартными упаковками из-под термопластыря, склад пустел с каждой минутой, и врач направил

Майка в небольшое помещение, велел снимать арктическое снаряжение.

— Так, понятно! — заявил он спустя пять минут осмотра. — Сломанные ребра, едва зажив, сломались снова! За исключением сильного стресса, других проблем у вас нет, мистер Батлер. Однако тяжелый физический труд вам сейчас противопоказан, стрелять из винтовки тоже не стоит. До тех пор можете выполнять функции водителя, наблюдателя или оператора. Мы ожидаем в ближайшие дни прибытия спасательной экспедиции, но я не рекомендую вам покидать Реактор с первым же

шаттлом. Стартовые перегрузки могут негативно сказаться на травме. Советую задержаться здесь на две-три недели. Поговорите с инженером Мартинесом, пусть подберет вам подходящую работу. — Доктор потянулся за инъектором и парой небольших медицинских пузырьков: — Сейчас я сделаю вам укол. Немного иммуномодуляторов и витаминный коктейль. После этого вы можете идти.

Через четверть часа Майк вернулся к входным воротам. Поезд из груженных трупами мутантов прицепов переместился к самому выходу, в него был впряжен тот самый вездеход, что вывозил раненых

и команду Шульце из бункера. Машина стояла практически вплотную к воротам, один створ которых был уже закрыт. Тепловая завеса ещё не работала, и термометр показывал температуру воздуха в минус сорок восемь. Майк подумал о том, что при первой же возможности ему необходимо перезарядить элементы питания системы личного обогрева.

— Батлер! — зашипела рация голосом бригадира Шульце. — Где ты находишься? Прием!

— Я у входа, сэр! — торопливо схватился за рацию Майк. — Только что вернулся из лазарета, сэр!

— Сейчас к тебе на снегоходе

подъедет Гриффин. Отдай ему рацию, он будет сопровождать поезд с убитыми мутантами, – велел тот и отключился.

Вокруг вездехода стояло больше десятка вооруженных полярников из команды бригадира Шульце, тщательно всматривающихся во все стороны в поисках мутантов. Небольшие стаи монстров спешили из снежной пустоши к Реактору всё чаще, и выстрелы гремели каждую минуту. Люди заметно нервничали. Один из полярников дал короткую очередь вдаль, и Майк увидел, как довольно крупная тварь шарахнулась в сторону от вырастающих из поверхности снежных фонтанчиков.

В ожидании Гриффина он счел разумным находиться ближе к вооруженным людям и подошел к кабине вездехода.

— Надо поторапливаться с этими трупами! — с тревогой произнес Шульце, перезаряжая оружие. — Ветер в сторону Могильника, к ночи здесь будет снега не видно из-за монстров! Они и так отовсюду сбегаются, вон та мерзость не из Могильника, бешенством не заражена, сразу видно!

В этот момент шаттл закончил погрузку и начал поднимать грузовую аппарель, закрывая люк. Из-за ракетоплана показалась четверка снегоходов с вооруженными людьми

и направилась в сторону вездехода. Заметив их, бригадир Шульце кивнул своим людям, и трое из них полезли в вездеход.

— Повторяю ещё раз! Всё делаем быстро! — заявил бригадир им, залезая в кабину рядом с водителем. — Выезжаем за Завесу, бросаем прицепы и возвращаемся обратно. Назад поедем максимально быстро, так что всем держаться крепче! Пока мутанты будут жрать приманку и друг друга, Мартинес успеет убрать второй шаттл в ангар, после чего мы все запремся внутри Барбекю до прибытия спасательной экспедиции. Припасов хватит где-то на неделю, но помощь придет

гораздо раньше! Главное сейчас – сократить энергопотребление и сберечь ХААРП!

Оставшиеся на улице полярники кивали головами и группировались возле входа, готовясь встречать закончивших погрузку шаттла людей, возвращающихся вслед за снегоходами и ошестинившихся во все стороны винтовочными стволами. Майк решил сэкономить Гриффину немного времени и достал рацию из утепленного поясного кармана. Он сделал шаг навстречу приближающемуся снегоходу, как вдруг под последней из четвёрки машин снежный покров словно взорвался, взлетая в воздух белыми

брызгами. Прямо из-под полозьев вверх рванулись грязно-белые силуэты мутантов, сбивая наземь сидящих на снегоходе людей, и воздух пронзили крики боли и ужаса. Оставшийся без управления снегоход отклонился от курса и помчался куда-то в сторону пустоши. Сразу несколько стрелков бросились к облепленным кровожадными тварями людям, на бегу срывая с поясов ледорубы.

— Они уже здесь! — закричал Шульце, распахивая дверь. — Батлер! Рацию сюда! Быстрее!

Майк бросился к вездеходу, на ходу замечая, как катящийся в пустошь снегоход подпрыгивает от

удара снизу и переворачивается набок. Из-под снега на него мгновенно вскарабкались мутанты в поисках жертвы, и какая-то маленькая зубастая тварь мгновенно отхватила острыми, как бритва, зубами приличных размеров кусок резины от рукоятки руля. Майк хотел было сунуть рацию в руки бригадиру, но сразу две здоровенных жутких твари выскочили из снега и бросились за ним. От мгновенно нахлынувшего страха он рванулся вперед и одним прыжком запрыгнул в кабину. Шульце сразу оценил происходящее и отодвинулся к водителю как можно ближе, освобождая Майку место.

– Дверь! Закрой дверь! – Он вырвал из рук Майка рацию и метнул взгляд в водителя: – Гони!!!

Вездеход завыл мотором и двинулся с места, с трудом вытаскивая за собой из ворот цепочку груженных трупами зверья прицепов. Что-то с силой ударилось в дверь, и Майк с ужасом отшатнулся от окна, в которое ткнулась оскаленная пасть яростно визжащего мутанта. Тварь билась в стекло, пытаясь разбить неожиданную преграду, и летящие из её пасти хлопья желтой пены застывали на прозрачной поверхности ледяными брызгами. В этот момент последний прицеп покинул входной тамбур

АЭС, полозья опустились на снег, и скорость вездехода резко увеличилась. Бьющийся в окно мутант не выдержал рывка и свалился вниз. Майк инстинктивно уперся руками в стекло, словно пытаясь удержать его под ударами извне, и посмотрел назад, туда, откуда раздавался многоголосый истеричный рык, в котором тонула беспорядочная автоматная стрельба.

Со всех сторон к набирающим скорость прицепам мчались мутировавшие твари, на глазах сбивающиеся в огромные разномастные стаи. Самые быстрые из них догоняли прицепы и пытались либо запрыгнуть на кучи

окоченевших трупов, либо вцепиться зубами в торчащие конечности. Некоторым из них удавалось впиться клыками в заледеневшую плоть, и мутанты повисали на своей добыче, изо всех сил дергаясь и извиваясь в попытке вырвать её из общей кучи. Но смерзшиеся воедино груды мертвых туш не поддавались, и твари срывались, сваливаясь вниз. Меньше чем через полминуты за тянущим прицепы вездеходом исступленно рвалось не меньше сотни мутантов, к которым каждую секунду присоединялись новые твари.

— Мартинес, никого за нами не посылай! — кричал в рацию бригадир Шульце. — Мы отведем их так далеко,

насколько сможем! Прячь шаттл и запирай ангар! Заблокируйте вход в Барбекю. Если мы сумеем вернуться, я выстрелю три раза перед воротами!

— За вами гонятся все мутанты этой чертовой Австралии! — шипел в эфире голос Мартинеса. — На нас никто не обращает внимания, вокруг пусто! Шульце, только без геройства! Выходите за Завесу и отцепляйте прицепы, пусть жрут, дьявол их заberi! Мы успеем! Первый шаттл уже выруливает на взлетную полосу!

Шульце издал безумный смешок и поторопил водителя, бросая взгляды то в левое, то в правое окно. Автоматный треск стих, и злобное рычание десятков беснующихся

тварей жуткими отзвуками пробивалось через обшивку вездехода и капюшоны снаряжения.

— Гони, гони! — с маниакальным весельем твердил бригадир. — Надо отвести их подальше! На ветру туши промерзнут насквозь, этим тварям придется грызть долго! И на запах оттаивающей крови будут собираться другие! Начнутся драки и грызня за добычу, а в это время мы спокойно запечатаемся в Барбекю до прибытия спасательной экспедиции! Гони! Только не оборви трос!

Откуда-то издалека раздался глухой нарастающий вой, начавший быстро удаляться и затихать. Спустя несколько секунд почти пропавший

звук сменился резким грохотом преодоленного звукового барьера, и Шульце восторжествовал, потрясая арктической винтовкой:

– Шаттл взлетел! – Он обернулся к Майку: – Батлер, ты его видишь? Как он ушел, без аварий?

– Не вижу, сэр! – Майк попытался вглядываться в заляпанное желтой ледяной пеной окно. – Стекло грязное! Но никаких взрывов в воздухе нет! Думаю, всё прошло хорошо, не как в тот раз!

– В тот раз в шаттл наверняка пробрались мелкие мутанты и надгрызли там чего-нибудь важное! – заявил бригадир. – В момент вылета кто-то видел в ангаре какую-то

тварь! Их в тепло тянет, словно магнитом, даже если это всего лишь на двадцать градусов теплее, чем на улице! Видимо, пролезло несколько штук. А в тепле они сразу же начинают искать еду. В ангаре ничего съестного нет, зато внутри шаттла полно всевозможной изоляции! Наверняка так и...

– Шульце, отцепляйте эту дрянь к дьяволу! – закричала рация голосом Мартинеса. – Из бункера хлынула огромная стая! Вижу двух медведей! Со стороны Могильника бегут ещё! Отцепляйте!!!

– Почуяли, ублюдки! – Шульце почти рычал. – До Завесы осталось двадцать метров! Гони!

– Не успеем! – Голос одного из сидящих на пассажирских местах стрелков срывался от страха и нервного напряжения. – Медведи бегают слишком быстро, прицепы тяжёлые! Если он ударит в один из них, нас опрокинет вместе с ними! Отцепляй! Они уже рядом!!!

– А, чтоб вас! – с пропитанной злобой досадой зашипел бригадир и с размаху ударил ладонью по рычажку на приборной панели.

Что-то громко стукнуло где-то в задней части вездехода, и он неожиданно ринулся вперед, словно получил гигантского пинка. Майк, не ожидая ускорения, ударился спиной о спинку кресла так сильно, что

захрустел позвоночник. Машина промчалась полсотни метров едва ли не за пару секунд, когда позади раздался оглушительный рев, переходящий в глухой звук далекого удара.

— Он разнес прицеп на части! — нервно воскликнул сидящий у заднего люка вездехода полярник.

— Туши разлетелись по сторонам, зверьё грызется за добычу! — подхватил второй. — Самое время убираться отсюда, пока они забыли про нас!

— Разворачивайся! — велел водителю Шульце и вновь достал рацию: — Мартинес! Мы не успели вытянуть груз за Завесу, пришлось

отцеплять его у внутренней нитки!

— Я вас вижу, Шульце! — откликнулся эфир. — Возвращайтесь через другое место! Там сейчас всё кишит мутантами! До нас им дела нет, шаттл взлетел успешно, второй уже загоняем в ангар! Отличная работа! Ждем вас у ворот Барбекю!

— Где же мы найдем другое место? — опустил рацию бригадир. — Через ХААРП возвращаться?

— Да тут вся Завеса в дырах! — выдохнул водитель. В его голосе явственно чувствовалось огромное облегчение. — Воронка технику швыряла туда-сюда, словно картонную! Прямо напротив второго теплообменника метров сто, не

меньше, вообще без токопровода
стоят, во всех трех нитях!

Он заложил длинный вираж и
погнал вездеход в обход мутантов.
Даже через заляпанное окно было
видно, что снежная поверхность
вокруг перевернутых прицепов
кишит мутантами. Несколько
медвежьих силуэтов, пожирающих
добычу, выделялись на фоне сотен
тварей различных размеров,
облепивших смерзшиеся
заледеневшие туши, разбросанные
вокруг. На удаляющийся вездеход
действительно никто внимания не
обращал.

— В детстве я читал, что раньше,
ещё до Холода, медведи не жили

стоями. И не любили жесткую пищу, – вдруг произнес водитель. – И не всегда пожирали свою добычу сразу. Иногда они ждали два-три дня, пока та размякнет. А ведь тогда везде было лето!

– Не уверен, что это правда, – вяло возразил Шульце. Его нервное напряжение сменилось разбитостью, и бригадир едва удерживал себя на сиденье в вертикальном положении. – Вон как грызут... Заледеневшие туши разлетаются, только хруст стоит... Медведь даже обшивку вездехода прогрызть может. Не похоже, что они жесткое не любят...

– Приспособились, – пожал

плечами водитель, направляя
вездеход мимо столба Завесы,
опутанного оборванной паутиной
токопроводящих тросов. — Холод
ошибок не прощает! Жить захочешь —
приспособишься! Вот они и
приспособились, чтобы выжить. На
то они и мутанты.

— Это верно, — согласился
Шульце. — Здесь вообще
приспособился каждый. Кроме нас.

Он бросил измученный взгляд
на приближающиеся ворота
центрального корпуса АЭС и вышел в
эфир:

— Мартинес, открывайте вторую
створку. Загоним вездеход прямо в
тамбур настолько, насколько сможем.

Нам необходимо сохранить хотя бы одну машину.

Глава 6

Индикатор зарядного устройства сменил красный огонек на зеленый, и на мониторе управления вспыхнула надпись «Заряжено». Майк выключил подачу питания и кивнул сидящему перед ним полярнику. Тот вытащил из гнезда зарядного блока пару элементов питания, коротко поблагодарил и вышел из помещения, уступая место следующему. Им оказался инженер Мартинес, и Майк, увидев начальство, поспешно стащил с руки перчатку.

– Здравствуйте, сэр! Разрешите ваши аккумуляторы, сэр! – Он

потянулся к элементам питания, что держал Мартинес. — Зарядное устройство готово!

— Расслабься, Батлер, — негромко посоветовал тот, ловко втыкая аккумуляторы в гнезда зарядного блока. — Я в состоянии сделать это сам. Половину своей самой первой вахты я провел за чисткой снега, а вторую — за этим чертовым зарядником! Он мне потом, в Новой Америке, по ночам ещё месяц снился! С тех пор прошел двадцать один год, но я до сих пор ненавижу этот ценный и жизненно важный для всех нас девайс!

Инженер Мартинес перегнулся через монитор управления сверху

вниз и не глядя безошибочно ткнул пальцем в иконку «Начать зарядку». Вспыхнул красный светодиод, и Майк не без оснований заявил:

– Очень впечатляет, сэр!

Он с удовольствием засунул руку обратно в рукавицу. В центральном корпусе АЭС поддерживался режим строгой экономии энергопотребления, и во всех помещениях, кроме жизнеобеспечивающих, температура не превышала десяти градусов тепла. Бригадир Шульце назначил Майка оператором зарядного блока, и вторые сутки ему приходится постоянно тыкать пальцем по сенсорному экрану монитора

управления, от чего пальцы руки жутко мерзли. Он пытался отогревать их дыханием и прятать в рукавице арктического снаряжения, которое никто даже и не думал снимать, но из-за постоянных манипуляций с сенсорами пальцы не успевали согреться. А включать обогрев снаряжения при плюсовой температуре чревато перегревом системы. Если она выйдет из строя... Об этом лучше вообще не думать.

— Ерунда, — отмахнулся Мартинес, усаживаясь на стул напротив. — Но если ты действительно хочешь так наловчиться, только скажи! Я договорюсь, чтобы половину своей

следующей смены ты провел за этим чертовым монитором, который я обожаю, но чтоб его сожрал дьявол!

— Нет, сэр, спасибо! — Майк заулыбался. — Я постараюсь освоить его в совершенстве за эти дни! Есть новости из Новой Америки, сэр? Когда они пришлют нам помощь?

— Только что был сеанс радиосвязи, благо передатчик нам удалось починить оперативно! — ответил инженер. — Бюро сообщает, что завтра всё будет готово. Если погода позволит, то послезавтра утром нам надо быть готовыми принять первые десять шаттлов. Они выгрузят военную технику и отряды военизированной охраны. После

этого сразу вылетят назад и вернутся к обеду с армейскими подразделениями. Правительство мобилизовало войска нам на помощь, сейчас они срочно получают со складов арктическое снаряжение. Так что скоро мы отобьем Реактор у мутантов, Батлер, можешь не сомневаться! Сразу после этого начнется глобальный ремонт, новые бригады строителей и ремонтников уже заканчивают укомплектование. Страна бросила на это все резервы с арктических складов! Надеюсь, за полсотни лет там ничего не сгнило.

— Полсотни лет?! — удивился Майк. — Это как так? У нас нет запасов на экстренный случай?

– Почему нет? Есть! – Мартинес улыбнулся. – Я о них и говорю! Просто они обновляются раз в пятьдесят лет. Считается, что чаще делать это нет смысла. Да и, если говорить честно, до сегодняшнего дня они ни разу не были востребованы, а деньги на стратегическом резерве некоторыми господами зарабатываются немалые. Конгресс постоянно ведет споры о необходимости таких огромных трат, но фирмы-изготовители принадлежат... догадайся, кому? Ну, зато теперь все расходы окупятся. – Инженер неожиданно хохотнул: – Или планета вновь зацветет! Лет через сто!

– Простите, сэр! – сконфузился Майк. – О чем вы говорите? Я не понял юмора... Если это шутка.

– Да где уж тут шутить. – Мартинес совсем не весело вздохнул. – Сидим тут, забившись в нору от мутантов, и считаем последние консервы! Энергоблок нестабилен, необходим срочный ремонт, иначе повышение мощности неизбежно и очень быстро закончится хорошим большим взрывом! Но без повышения мощности питания ХААРПу хватает только на поддержание Полярного Круга в теплое время года. Метеоспутники стабилизируют слабый сигнал, в итоге нам удастся

удерживать расчетную траекторию ураганов, составляющих Полярный Круг, что позволяет не обвалить катастрофически температуру в Новой Америке, но в режиме такой перегрузки спутники могут сгореть в любой день. И тогда там начнет, мягко говоря, немного холодать. Но главная опасность даже не в этом. Если мы не запустим ХААРП на полную мощность до наступления зимы, то с её приходом режим минимальной накачки не удержит ураганы Полярного Круга. Когда они распадутся, то зимой в Новую Америку придет настоящий Холод. И придет очень быстро, гораздо быстрее, чем двести лет назад. Нас

постигнет судьба остального человечества. Большая часть погибнет в борьбе за выживание, меньшая захватит энергоносители и протянет ещё лет двадцать-тридцать. А потом или выродится, или уничтожит друг друга, или станет добычей мутантов.

Инженер посмотрел на ошалевшего Майка и ободряюще хлопнул его по плечу:

— Не расстраивайся, парень! Во всем есть светлая сторона. Без ХААРПа со временем восстановится ионосфера и, возможно даже, затянутся многочисленные дыры в озоновом слое. Без искусственных ураганов Полярного Круга

перестанут клубиться в атмосфере бесконечные тысячи тонн сернистых соединений, которые создатели Новой Америки распыляли в ней десять лет подряд перед самым наступлением Холода. Они отражают солнечное излучение почище ядерной зимы, про которую киношники крутят свои фантастические блокбастеры. Рано или поздно вся эта гадость осядет, ионосфера выровняется, и Солнце вновь начнет греть. И планета вновь станет теплой и зеленой. Потом. По последним расчетам – лет через сто или сто пятьдесят! Но до этого везде будут морозы от минус шестидесяти до минус девяноста, и никто не

выживет, кроме мутантов! – Он вновь хохотнул, глядя на расширенные зрачки собеседника: – Не волнуйся, Батлер, мы этого не допустим! Мы же полярники Новой Америки! Лучшие из лучших представителей великой страны! Уже послезавтра мы будем отлично вооружены и надерем мутантам их мохнатые задницы! Так?

– Именно так, сэр! – воспрял духом Майк. – А нам удастся выйти из ворот, если мутанты опять будут поджидать нас, зарывшись в снег?

– Без проблем! – заверил его Мартинес. – У нас есть вездеход! Мы заранее загрузим туда людей и заблокируем пространство позади него. В глубь корпуса мутанты не

прорвутся, зато вездеход доставит специалистов в ангар к шаттлу. Это единственное строение, которое мы не отключили от питания, даже несмотря на то, что нам теперь придется мерзнуть. Пилоты к тому моменту будут уже внутри ракетоплана, останется только открыть ворота снаружи. Так что даже если зверье вломится в ангар, это ничего не изменит. Шаттл врубит турбины и медленно пойдёт по рулежной дорожке до самого окончания посадочной полосы, пока не вычистит её полностью. Вездеход будет прикрывать его, чтобы мутанты не погрызли резину колес. Хотя это лишь предосторожность, зверьё

боится приближаться к
ракетопланам, рёв их двигателей
приводит тварей в ужас. Ещё через
час на Аэродроме начнут
приземляться первые машины
спасательной экспедиции.

— А у нас точно всё получится? —
Майку жизненно важно было
услышать от начальства слова
подтверждения, слишком уж много
раз за последние дни он оказывался
на грани гибели, когда кто-либо вот
так же обещал, что всё будет
хорошо. — Шаттл сможет расчистить
полосу? Он не завязнет в снегу или
ещё что-нибудь? Снег валит вторые
сутки, и ветра нет!

— Абсолютно всё получится! — со

стопроцентной уверенностью заявил инженер Мартинес. — Это я тебе гарантирую! Способ очистки посадочной полосы штатными двигателями шаттла разработан лучшими экспертами Бюро ещё сто лет назад. Правда, за это время таких проблем, как сейчас, никогда не возникало, но тренировки проводятся каждые три года, когда приходит время менять топливо в баках. Чтобы не возиться со сливом, транспортировкой и так далее, его попросту сжигают в ходе тренировок. Так что наши пилоты делали это уже не раз. Не волнуйся, Баттлер, всё будет о'кей!

Но всё вышло совсем иначе. Вечером следующего дня поднялся ветер, усиливающийся с каждым часом, и к полуночи над Реактором уже бушевал сильный буран. Температура внутри центрального корпуса АЭС поползла вниз, и Мартинес приказал отрубить освещение, чтобы выкроить немного лишней энергии для системы отопления и тепловых завес. Тамбур входных ворот быстро охладился до минус восьми по Цельсию, и весь первый отсек пришлось закупорить и создать там воздушную подушку, служащую буферной зоной между вгрызающимся в ворота Холодом и остальными отсеками здания. В

спальных помещениях едва удавалось поддерживать плюс пять, и все спали в арктическом снаряжении, укрывшись одеялами. Штатных одеял на всех не хватало, и недостаток пришлось восполнять за счет синтетических чехлов-утеплителей, которыми на складе запасных частей укрывали особо ценные грузы. Запасные элементы питания теперь каждый носил с собой, как можно ближе к телу, чтобы исключить даже малейшую потерю емкости из-за охлаждения.

Под утро в эфире сквозь треск помех раздались сигналы бедствия и крики о помощи, прерываемые бесноватым рычанием мутантов.

Клевавшие носами дежурные спросонья объявили общую тревогу, решив, что слышат голоса команды, что охраняет двери, ведущие в первый отсек. Все схватили оружие и бросились на отражение атаки ворвавшегося в Барбекю зверья, но охрана у первой переборки оказалась невредима. Единственная уцелевшая камера видеонаблюдения, которую заранее перевесили в тамбур входных ворот, показывала запертые створы и стоящий перед ними вездеход, густо покрытый инеем. Дежурный диспетчер пытался докричаться в эфире до подававших сигнал «СОС», но так и не получил ответа. Кто-то заявил, что узнал в предсмертных

криках голос одного из пилотов шаттла, и мрачное ожидание серьезных проблем больше не покидало уцелевших полярников.

Буря закончилась лишь к исходу четвертых суток. Инженер Мартинес не решился санкционировать выход наружу в ночной темноте, и проверять ангар с шаттлом отправились лишь спустя шесть часов, на рассвете. Команда стрелков бригадира Шульце погрузилась в вездеход, тамбур тщательно задраили и только потом открыли ворота. Мутанты напали сразу, едва вездеход покинул тамбур. Несколько десятков всевозможных тварей бросились из-под снега в атаку на машину, но, не

найдя легкой добычи, рванулись в закрывающийся вход к манящему теплу. К тому моменту, когда дверные створы захлопнулись полностью, тамбур кишел разъяренными тварями.

— Шульце, что вы видите? — Стоящий перед запечатанными дверьми тамбура Мартинес сжимал в руках рацию. — Нам пришлось закрыть ворота, к нам рвался целый поток мутантов!

Инженер смотрел поверх плеча дежурного наблюдателя на монитор камеры видеонаблюдения, демонстрирующий бешеное зверье, пытающееся грызть всё, что попадает на глаза. Собравшиеся

вокруг него полярники с оружием в руках молча ждали ответа Шульце.

— До моего сигнала не открывайте! — зашипел в эфире голос бригадира. — Тут их ещё больше, но крупных нет, и покрытие колес пока выдерживает клыки. Двигаемся к ангару шаттлов. Снега выпало слишком много, придется чистить полосу дольше, чем мы планировали до... О мой бог!!! — Передача прекратилась.

— Шульце! Шульце! С вами всё в порядке?! — торопливо заговорил в рацию Мартинес. — Прием!

Несколько секунд эфир молчал, после чего слышался полный ужаса голос бригадира:

– Ворота в ангар вырваны из креплений! Отсюда плохо видно, но шаттл сильно накренился набок, похоже, стойка шасси выломана или серьезно повреждена! Мутанты оттуда не появляются, поэтому попробуем подойти ближе!

– Будьте осторожны, Шульце! – посоветовал инженер. – Попробуйте вызвать пилотов, возможно, они вас услышат, вы же близко! Если штатная рация шаттла неисправна, они могут использовать портативную!

С минуту в эфире звучал голос бригадира, вызывающего на связь пилотов, но ответа он так и не получил. Шульце сообщил, что

вездеход находится у самого входа в ангар и они видят, что у шаттла опущена грузовая аппарель и частично выбиты стекла в пилотской кабине. Бригадир запросил совета, стоит ли рискнуть и выйти из вездехода для осмотра безжизненного шаттла на предмет выживших, как вдруг его слова перекрыл многоголосый трубный рев, последовал звук сильного удара, и радиообмен резко оборвался. Мартинес сорвался на крик, без умолку вызывая бригадира, но больше ему никто не ответил. Наконец один из полярников отобрал у инженера рацию и крепко сжал ему локоть.

– Хватит, Энрике! Мы все знаем, что это были медведи. Если они устроили там берлогу, то живым из ангара не уйдет никто, на вездеходе нет пулеметов. У нас их тоже нет, но мы можем открыть ворота и подождать некоторое время. Если господь милостив, то мутанты не успеют перевернуть вездеход, и он вернется.

– Если бы вездеход уцелел, кто-нибудь подобрал бы рацию! – немедленно возразили ему из сгрудившейся толпы. – Откроем ворота – привлечем медведей! Если они начнут ломиться к нам сюда, эти двери их не удержат! Нельзя ничего открывать!

— А вдруг рация разбилась? — воспротивился другой полярник. — Они не могут выйти в эфир и будут стоять перед закрытыми воротами, пока их не растерзают мутанты вместе с вездеходом!

Мгновенно вспыхнул спор, и молчавшие люди заговорили разом, быстро разделившись на два лагеря. Майк в растерянности переводил взгляд с одних неистовых спорщиков на других и не знал, чью позицию занять. В первую секунду он был всецело за то, чтобы не рисковать жизнью и не открывать никаких ворот, тамбур и без того под завязку забит бешеными мутантами. Но в следующий миг перед глазами одна

за другой встали картины
Могильника, Воронки и кровавой
бойни на первом уровне бункера...
Если бы тогда все думали так, как
думал он сам, никто не стал спасать
Майка Батлера от неминуемых
смертей... Каково бы ему было
сейчас, окажись он там, за
запертыми воротами, запертый
внутри вездехода, который
вскрывают медведи, словно
консервную банку? Конечно,
водитель может попытаться
оторваться от жутких тварей, набрав
скорость, вот только куда он поедет?
Рано или поздно аккумуляторы
сядут...

– Инженер Мартинес! – К толпе

спорящих полярников подошел дежурный связист. — Новая Америка вышла на связь, вас вызывает Директор Бюро! Они готовы к вылету!

Спорящие стороны одновременно замолчали, и все взгляды устремились на Мартинеса. Тот вздрогнул, словно отходя от шока, что-то невнятно переспросил, сразу же поправился и посмотрел на человека, назвавшего его Энрике.

— Вызывай Шульце по рации раз в минуту, — приказал инженер. — Будет отвечать или нет, передавай, чтобы гнал вездеход в пустошь, пока не оторвется от медведей. После этого пусть возвращается сюда и

выпустит очередь по воротам. Камера увидит дыры от пуль, и мы откроем.

С этими словами Мартинес, глядя перед собой, словно зомби, деревянной походкой ушел вслед за радистом. Все понимали, что арктическая винтовка не пробьет мощные ворота главного корпуса АЭС, но дальнейших споров не возникло. Если вездеход уцелел, они найдут способ дать о себе знать. Если нет — за это время вечно голодное кровожадное зверье разорвало на куски всех, кого не убили медведи.

Инженер Мартинес вернулся спустя четверть часа. Он сообщил,

что вылет спасательной экспедиции откладывается на несколько суток в связи с тем, что шасси ракетопланов в срочном порядке оборудуют полозьями для приземления прямо на снег. О времени вылета будет сообщено дополнительно, до тех пор президент лично приказал самоотверженным героям удерживать здание АЭС, любой ценой выжить и не допустить внутрь мутантов.

— Всем, у кого есть оружие, разбиться на две команды, — бесцветным голосом распорядился Мартинес, глядя на монитор видеокамеры. — Будете держать оборону здесь. Смена каждые

двенадцать часов. Остальным собраться на складе через десять минут. — Он кивнул на двери, из-за которых глухо доносились яростные вопли грызущихся мутантов. — Если они прорвутся, придется отступать в глубь здания, как в первый раз. Надо собрать баррикаду. И подготовить все двери и люки дальше по коридорам. Есть кто-нибудь из складских специалистов?

Среди выживших таковых не нашлось, и инженер бросил на Майка короткий взгляд:

— Батлер, назначаешься управляющим склада! Чтобы через час я знал с точностью до одной единицы, сколько у нас осталось

патронов, рационов сухого пайка, элементов питания, одеял и термозаплаток!

Монстры пошли на штурм дверей ближе к ночи. Бросающиеся на мощные входные ворота твари разодрали в лохмотья обшивку с утеплителем и быстро сообразили, что не в силах справиться с толстым металлом дверных створ. Некоторые из них пытались царапать когтями бетонный пол, пытаясь сделать подкоп, остальное зверье, словно сговорившись, разом атаковало тамбурные двери. Плюющиеся желтой пеной мутанты бились в них с разбегу, вгрызались клыками и

вонзали когти, тонкий сплав деформировался под их безумным натиском, но пока держался. Вскоре среди тварей начали вспыхивать первые голодные драки. Более крупные монстры неожиданно набрасывались на мелких, брызгала кровь, и все, кто оказывался рядом, мгновенно вгрызались в плоть поверженного. Катающиеся по полу клубки из дерущихся насмерть собачье-кошачье-куньих стай лопались, разлетаясь в разные стороны, и тут же сходились вновь в яростной грызне. В какой-то момент одна из тварей, большая кошка с искривленной мордой, усыпанной острыми клыками, выворачиваясь из

пасти здоровенного волка, взбежала на стену и прыжком взвилась под потолок, повисая на видеокамере. Наскоро вделанное в стену крепление не выдержало нагрузки, камера отвалилась, грохнулась на бетонный пол и вышла из строя. Монитор видеонаблюдения зарябил белой пургой, и следить за тем, что происходит в тамбуре, стало невозможно.

После этого обе команды стрелков уже не покидали центрального коридора. Пока одна держала позиции за заваленными баррикадой дверьми, вторая спала за ближайшей переборкой. Специально для этого на полу разложили матрасы

и одеяла, и Мартинес велел приносить стрелкам еду из столовой прямо туда, к собранной из чего попало баррикаде. В какой-то момент приглушенные теплоизоляцией шум и визг перестали доноситься из тамбура, и наступило затишье. Майк, которого инженер отправил к охранникам с охапкой чехлов-утеплителей вместо недостающих одеял, первым услышал странную тишину.

— Может, они там сожрали друг друга? — с надеждой произнес он, осторожно приближаясь к баррикаде. — От голода перебили сами себя! — Майк затаил дыхание, прислушиваясь. — Шорох какой-то,

что ли...

— Тихо всем! — Один из стрелков, что собирался забрать у него утеплитель, остановился в шаге от Майка и обернулся к заваленным стасканной в кучу мебелью и оборудованием дверям, напрягая слух. В наступившей тишине тихий звук слышали все. Стрелок дернулся, хватая висящую на груди винтовку, но было уже поздно.

Мутанты хлынули изнутри баррикады сразу из всех щелей. Не меньше дюжины грязно-белых куницеобразных тварей бросились на стрелка, одним прыжком преодолевая двухметровое расстояние. Две из них вцепились

ему в лицо, мгновенно вгрызаясь в глаза и губы, человек дико закричал от невыносимой боли и, бросив винтовку, судорожными движениями пытался оторвать от себя пожирающее его плоть зверьё. Но на его руках уже повисли другие мутанты, молниеносными прыжками рвущиеся к наименее защищенным частям человеческого тела. Пара уродливых существ с ненормально массивными челюстями, издавая тонкий бесноватый визг, вцепились ему в горло, выдирая из арктического снаряжения клочья синтетики, ещё одно, покрупнее, впилось кривыми желтыми клыками в пальцы руки. Мгновенно раздался хруст

перекусываемой кости, и монстр спрыгнул с человека на пол, унося в пасти половину ладони с тремя пальцами. Обезумевший от боли и ужаса человек бросился бежать, не разбирая дороги, и врезался в баррикаду, из недр которой стремительно появлялись новые мутанты. Вгрызающиеся в его ворот хищники добрались до горла, брызнула кровь, окрашивая мех тварей алыми пятнами, и хрипящий полярник рухнул наземь, содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

Всё это произошло меньше чем за две секунды, и остолбеневший от панического ужаса Майк замер, словно вкопанный, с охапкой чехлов

в руках, не сводя глаз с облепленного монстрами человеческого тела. В следующее мгновение из недр разрушающейся под натиском мутантов баррикады выскочила большая белая кошка с огрызком вместо хвоста и, яростно шипя, рванулась на него с кровожадным оскалом. Тварь с лету врезалась в Майка, опрокидывая его на пол, и с остервенением вгрызлась в ближайший попавшийся чехол. Майк заорал, выходя из оцепенения, отшвырнул от себя чехлы вместе с монстром и, отчаянно извиваясь, замолотил по полу руками и ногами, порываясь подняться. Вокруг уже гремели выстрелы, мелькали

ледорубы, визжали мутанты и истошно кричали люди, заживо раздираемые на куски захлестнувшим их зверьем.

– Двери!!! – закричал кто-то, отчаянно отбиваясь винтовочным прикладом от бросающихся в лицо тварей. – Закройте двери в главный коридор!!! Кто-нибудь!!! Закройте двери!!! Быстрее...

Сразу несколько монстров вгрызлись ему в ноги, и человек упал, захлебываясь криком. Майк изо всех сил ринулся бежать, на ходу то сжимаясь в комок, то отпрыгивая, в попытке уклониться от прыгающих на него со всех сторон мутантов. Он промчался сквозь катающееся по

полу месиво из окровавленных людей и забрызганного желтой пеной зверья и оказался в уходящем в глубь главного корпуса АЭС коридоре. Из дверей ближайшей переборки ему навстречу бежали стрелки второй команды охраны, но, видя происходящее за его спиной, спешно поворачивали обратно.

— Надо закрыть двери внутрь! — задыхаясь от ужаса и избытка адреналина в крови, взвизгнул Майк. — Монстры прорвались из тамбура!

Его подхватили за руки и втолкнули за переборку. Следом вбежали ещё несколько человек, которым удалось вырваться из

захлестнувшего подступы к баррикаде кровавого месива, и десяток стрелков облепили дверной проем, открывая огонь по рвущимся к людям мутантам. Грохот множества очередей в закрытом пространстве коридора резанул по ушам, больно отдаваясь в барабанных перепонках, и Майк забился в угол, обхватывая голову ладонями. С полминуты стрелки вели бой, отстреливая атакующих монстров, потом бойки винтовок один за другим сухо защелкали, возвещая об опустошении магазинов, и из дверного проема в коридор влетело покрытое окровавленной шерстью, гибкое тело. Крупный мешковатый мутант с

усеянной кривыми клыками пастью грузно приземлился на толстые когтистые лапы, разворачиваясь залитой кровью мордой к засевшим у дверей людям, и бросился на ближайшего человека. Словно стенобитное орудие, выбивающее ворота, монстр снес стрелка с ног, впечатывая в стену, и хруст ломающихся ребер утонул в пронзительном крике умирающего, быстро переходящем в хрип. Остальные полярники, выхватив ледорубы, рванулись на мутанта, осыпая его ударами, и кто-то из охранников захлопнул дверные створы, защелкивая запоры замков.

— Нужно подпереть двери! —

крикнул он, натыкаясь взглядом на Майка. — Тащи сюда что-нибудь!

Майк подскочил на ноги, схватил валяющиеся неподалеку носилки и потащил их к двери, в ужасе оглядываясь на монстра, бешено мечущегося между окружившими его полярниками. Пока подпирали двери, содрогающиеся под ударами ломающихся мутантов, прорвавшегося монстра удалось забить насмерть. Подоспевшие из рабочих помещений АЭС люди срочно возводили у дверей новую баррикаду, и прибежавший вместе с ними Мартинес подозвал к себе Майка.

— Батлер! Сколько у нас на

складе патронов осталось? — Инженер стоял рядом с полярником, облаченным в залитое кровью, ободранное арктическое снаряжение. Майк узнал в нём старшего первой команды стрелков.

— На складе один маленький ящик, сэр! — ответил Майк, делая шаг в сторону, чтобы освободить дорогу полярникам, уносящим тело убитого прорвавшимся монстром человека. — Мы всё раздали командам охраны! Когда меня назначили на склад, патронов уже было совсем мало, сэр!

— Сколько там осталось этих тварей, Пол? — Мартинес перевел взгляд на старшего растерзанной мутантами команды. — Мы сможем

уничтожить их всех и отбить тамбур? Как они смогли прорваться через запертые двери, они что, научились прогрызать металл?

– Думаю, им удалось отогнуть нижний угол двери, после того как они сгрызли всю обшивку и утеплитель, – болезненно скривился тот, прижимая к груди наспех перевязанную окровавленной тряпкой кисть руки. – Сначала на нас набросились только мелкие мутанты, которые без труда пролезали между элементами баррикады. Рыси и росомаха появились уже потом. Сложно определить, сколько всего осталось мутантов, но я думаю, что не больше двух десятков. Но это

самые крупные особи, значит, убивать их надо на расстоянии, иначе снова будет вот так же!

Он кивнул на лежащего посреди коридора полярника, над которым склонился врач. Человек едва дышал, его снаряжение было разорвано на животе в клочья, среди которых виднелись выпавшие наружу внутренности.

— Россомаха порвала его прежде, чем мы окончательно забили её ледорубами, — продолжил Пол. — Перед смертью бешеные мутанты становятся предельно обезумевшими и не чувствуют боли. Их только с безопасного расстояния расстреливать. Иначе все будем

лежать вот так же. Если патронов мало, то лучше не рисковать.

— А если собрать ещё одну баррикаду у второй переборки? — предположил Мартинес. — Засесть за ней и приоткрыть эти двери лишь немного? Пусть твари забегают по одному, мы будем расстреливать их издали!

— Тут боковых дверей слишком много, монстры могут вынести их в попытке выжить, — покачал головой Пол. — Пока они заражены бешенством, им на всё плевать, и сил у них в десять раз больше обычного. Попробовать можно, но если не удержим ситуацию под контролем, то потеряем и этот отсек. Считаю,

лучше дождаться прибытия спасательной экспедиции. Они откроют ворота снаружи и перебьют монстров из пулеметов.

— Спасательная экспедиция придет неизвестно когда! — возразил инженер, ткнув пальцем в спешно возводимую у дверей баррикаду. — Это не тамбур, эти двери долго не выдержат. Мутанты сожрут трупы и успокоятся на время, но потом голод погонит их дальше!

— Когда я прятался на первом уровне бункера в электрощитовой, — произнес Майк, — то смотрел за монстрами через отверстие от пули! Может быть, мы прорежем дыру в двери и расстреляем всех мутантов

через неё прежде, чем они выломают дверь?

— Хорошая идея, парень! — похвалил его Мартинес. — Пол, возьми людей и идите с Батлером на склад! Принесите патроны и резак, давайте сделаем это!

Но полностью перебить оставшихся за дверями монстров не удалось. Зараженные болезнью мутанты почти не чувствовали боли и умирали не сразу. Скудный запас патронов иссяк наполовину, когда монстры, осознав угрозу, попрятались в первом отсеке, оставив у дверей трупы полдюжины соплеменников. В итоге было решено не отходить от отверстия ни на

минуту и, как только в поле зрения будут появляться оголодавшие мутанты, расстреливать ближайшего из них.

— Пока остальные будут пожирать раненого, мы выиграем время, — подытожил Мартинес. — Здесь тепло, и мутанты почувствуют голод не сразу. Возможно, мы продержимся так до прибытия помощи.

Помощь пришла только спустя еще четверо суток. К тому времени патроны давно закончились, и терзаемые голодом монстры прорвали баррикаду. Пришлось срочно отступить в следующий отсек

и заблокироваться там. Какое-то время взбешенные мутанты рыскали по захваченной территории в поисках добычи, разгрызая в труху всё, что хоть немного казалось им съедобным. Потом кто-то из них сожрал изоляцию в одном из распределительных энергоузлов, произошло короткое замыкание, и часть электропроводки сгорела. Систему обогрева и освещения вырубил, и весь первый этаж АЭС погрузился в темноту, следом за которой начала падать температура. За день первый этаж выстудило до минус тридцати по Цельсию, и стало ясно, что если срочно не предпринять эффективных мер, то,

даже если зверье не прорвется дальше в глубь АЭС, под действием низких температур внутреннее оборудование электростанции может выйти из штатного режима функционирования. Последствия этого могут быть самыми угрожающими.

В итоге было решено последовать примеру Вахтенного директора Грина и заманить зверьё в тепловую ловушку. Из склада графитовых стержней вынесли всё, что было можно разместить в других помещениях, внутри разожгли костры и положили тело убитого мутировавшей росوماхой человека. После чего открыли все двери

центрального коридора и укрылись в ближайших к складу помещениях. Четверть часа мутанты не появлялись, а потом в распахнутые складские ворота ворвалось сразу полтора десятка монстров. Зверье ринулось терзать труп, и вооруженные фонарями полярники, воспользовавшись моментом, выбрались из укрытий и заперли склад, блокируя внутри бешеных, кровожадных тварей. Ворота завалили чем смогли и двинулись проверять замерзающий этаж, рассчитывая восстановить систему обогрева. В темноте на Пола напала мутировавшая кошка и в считанные секунды располосовала его клыками

и когтями. Монстра удалось расстрелять, но помочь полярнику было уже невозможно. Он умер через полчаса. Больше мутантов на этаже не оказалось, но запустить обогрев ремонтная команда так и не смогла.

Короткое замыкание оказалось настолько сильным, что оборудование энергоузла расплавилось и пришло в негодность. Замены ему в наличии не было, и ради поддержания на первом этаже температуры не ниже минус тридцати Мартинес приказал жечь на первом этаже костры из мебели и всего, что только можно бросить в огонь. На некоторое время отказ электроники вследствие

переохлаждения удалось предотвратить. Но помощь всё не прибывала, и горящие в замкнутом пространстве костры привели к понижению уровня кислорода в воздухе. Начались отравления угарным газом, и отопление открытым огнем пришлось прекратить. Для удержания температурного предела все входы на верхний уровень из подземных технических помещений были распахнуты, но сохранившая работоспособность часть системы отопления едва справлялась с двойной нагрузкой. Холод проникал в АЭС всё сильнее, и уцелевшим полярникам приходилось

задействовать обогрев личного снаряжения. К установке для перезарядки элементов питания арктических комплектов вновь выстроилась очередь, и Майку приходилось часами не отходить от монитора управления. От необходимости постоянно водить по сенсорам голым пальцем он чувствовал себя вечно продрогшим насквозь, и даже система обогрева не могла полностью отогреть постоянно коченеющие пальцы рук. К тому моменту, когда дежурная команда, обслуживающая радиостанцию дальней связи, сообщила о прибытии спасателей, у него начался насморк и редкие, но

крайне неприятные приступы сухого режущего кашля.

Для встречи спасательной экспедиции все уцелевшие полярники собрались в тамбуре входных ворот. Оставшиеся патроны были распределены между стрелками, и оставалось только дожидаться, когда снаружи к АЭС подойдет эвакуационная техника. Несмотря на включенный на полную мощность обогрев, Майка морозило изнутри, и он почти не ощущал тепла, тяжело дыша наполовину заложенным носом. Тем временем Мартинесу принесли портативную рацию, настроенную на прямую связь с экспедицией через

стационарную радиостанцию АЭС, и пилоты заходящих на посадку шаттлов потребовали от него обрисовать текущую обстановку. Но помочь им ему было практически нечем.

— Мы были на поверхности четверо суток назад! — Инженер стоял у самых ворот при свете электрического фонаря и прислушивался к звукам снаружи. — Нас блокировали мутанты, мы не могли выйти наружу! Нам удалось заманить тварей в склад и запереть там, но у нас почти не осталось патронов! Я не знаю, какова сейчас снежная обстановка и метеоусловия в районе посадки! Но будьте

осторожны с консервационными ангарами! Там погибла команда бригадира Шульце, мы слышали в эфире медвежий рёв! Не меньше двух тварей! Связи с Вахтенным директором Грином по-прежнему нет, думаю, им не удалось своими силами устранить повреждения передающей антенны!

Вскоре далекий вой приближающихся турбин пробился сквозь толстые внешние ворота, пилоты начали сообщать об успешных приземлениях, и настроение у измученных людей поднялось. Майк даже подошел поближе к Мартинесу, воспользовавшись тем, что держит у

себя запасной аккумулятор для рации. Раз спасательная экспедиция прибыла, то она хорошо вооружена и снаряжена, они справятся с ситуацией и без него, а ему стоит поскорее отправиться домой, для начала геройств с него достаточно. Внезапно со стороны сектора Аэродром донесся мощный взрыв, и эфир разразился криками пилотов:

— Они разбились! Борт номер семь разбился! Посадочные полозья надломились!

— Здесь «Восьмерка»! Срочно меняю траекторию! Угроза столкновения с обломками! Посадка на заданной точке невозможна!

— «Девятка» и «Десятка»!

Отменить посадку! Заходите на второй круг! Следуйте за «Восьмеркой»! Одиннадцатая бригада! Спасателей к месту крушения, срочно!

— Двенадцатая бригада, разворачивайте технику! Очистить место посадки от обломков, мы не сможем развернуть шаттлы на вылет, впереди Реактор!

— «Восьмерка»! Ищите место приземления самостоятельно! Отсюда ни черта не видно, сильная поземка! «Зевс», все признаки скорого начала пурги, как слышите меня?! Нужно торопиться!

— Это «Зевс», подтверждаю, ускорить высадку! Отрядам охраны

начать операцию!

Пулеметная стрельба вспыхнула менее чем через минуту. Снаружи загремели орудийные выстрелы, загрохотали разрывы, и зазвенел до боли в ушах знакомый истеричный визг мутантов. В эфире началась суматоха, кто-то требовал больше тепловых ловушек, кто-то приказывал танкам сосредоточить огонь на медведях, кто-то орал от боли. Майк инстинктивно съёжился, понимая, что высадка спасательной экспедиции оказалась далека от триумфальной. Где-то совсем рядом с воротами прогремел взрыв, и дверные створы содрогнулись, заставляя стоящих рядом людей

испуганно отскочить в глубь тамбура. Ещё через несколько минут стрельба снаружи усилилась, и слышался рокот танковых моторов. У ворот со стороны улицы слышалась какая-то возня, донесся звук стучащих по металлу инструментов, и створы входных ворот начали открываться. Они не успели распахнуться и на четверть, как внутрь тамбура с фонарями и оружием наперевес начали вбегать люди в арктическом снаряжении с эмблемами службы безопасности Полярного Бюро.

— Не открывать ворота полностью! Держать позиции! Медиков и ремонтную бригаду сюда! Где инженер Мартинес? — Вслед за

штурмовой командой внутрь зашел человек, окруженный кольцом телохранителей, и Майк узнал голос замдиректора Полярного Бюро.

— Я здесь, мистер Коэн! — Мартинес торопливо подошел к нему. — Вы как нельзя вовремя! У нас закончились патроны и медикаменты, продуктов и воды осталось на трое суток!

— Что с АЭС? — перебил его замдиректора. — В каком она состоянии? В Новой Америке началось похолодание! Температура упала на три градуса ниже нормы, пока это не столь заметно, и население сохраняет спокойствие, но медленное понижение

продолжается! Мы должны немедленно запустить ХААРП на полную мощность! У нас есть не более пяти дней, потом похолодание будет уже не скрыть! Начнется паника и обвал фондовых рынков!

— Это невозможно, господин заместитель директора, — возразил инженер. — В столь короткие сроки АЭС не вывести на штатную мощность! Мы выдержали две атаки мутантов, последнюю из которых отразить не удалось. Они вывели из строя освещение и отопление, сейчас внутри минус тридцать три по Цельсию, и некоторое внутреннее оборудование не выдержало понижения температуры. Нам с

помощью господ, не иначе, удалось заманить тварей в склад графитовых стержней, они до сих пор находятся там! Электрооборудование первого этажа требует замены, разрушенный энергоблок нуждается в длительных восстановительных работах, ремонт второго энергоблока закончен не был!

— Что мы можем сделать для того, чтобы Новая Америка не превратилась в ледяное кладбище? — К воротам подкатил ещё один танк и выстрелил из пушки в сторону бункера. Коэн невольно вздрогнул, отшагивая в глубь тамбура. — Что мы можем сделать для этого быстро, я подчеркиваю — быстро! Ваши

рекомендации, мистер Мартинес?

— Если закончим ремонт второго энергоблока, то сможем подать на ХААРП достаточно энергии для его возвращения в штатный режим! — сообщил инженер. — Вахтенный директор Грин заблокировался в Командном центре в режиме полной автономии, но запасов его энергии хватит на несколько месяцев. Даже если мы будем вынуждены отдать ХААРПу всё, на что хватит отремонтированного энергоблока, Грин сможет возобновить процесс накачки ионосферы своими силами. В крайнем случае, для вывода ХААРПа на полную мощность можно использовать точку

аварийного ручного управления, если запитать её отсюда напрямую. Но для всего этого нам необходимо полностью восстановить второй энергоблок! Когда мутанты напали на Реактор, нам оставалось не менее двух недель ремонтных работ, но теперь мы лишились квалифицированных специалистов, погибло огромное множество людей!

– Специалисты будут! – тоном, не терпящим возражений, заявил замдиректора. – Мы мобилизуем все резервы, отзовем из отпусков отдыхающую вахту и сделаем выгодные предложения тем, кто ранее уволился из Бюро. Через три часа мне нужны полные списки

запасных частей и оборудования, которое требуется доставить сюда из Новой Америки. Завтра же всё будет погружено на шаттлы! Если потребуется, мы привезем сюда в десять раз больше людей, но Реактор будет восстановлен в кратчайшие сроки!

– Внутри Барбекю, у переборок отсеков, перед дверьми, необходимо установить металлические решетки! – добавил Мартинес. – И подать на них напряжение! Это позволит удержать мутантов, если они прорвутся через входные ворота! Через решетку отстреливать тварей будет легче, баррикады оказались малоэффективны...

Звуки гремящего снаружи боя усилились, и к Коэну подбежал один из офицеров службы безопасности. Вставленная в его ухо гарнитура военной рации тихо трещала какофонией криков, команд и докладов.

— Господин заместитель директора! — Офицер приложил руку к капюшону в районе уха, плотнее прижимая гарнитуру. — Нам не удастся пробиться к бункеру! Снег слишком глубокий, танки не могут пройти дальше прилегающей к АЭС территории, мы уже потеряли одну машину! Без их орудий мы несем серьезные потери! Первый отряд был атакован целой стаей медведей, они

прятались в консервационном ангаре! Связи с первым отрядом нет! Начинается пурга, необходимо закрепляться тут, у Барбекю!

— Делайте, что хотите, полковник! — Коэн сделал ещё один шаг в глубь тамбура. — Но ремонт АЭС должен начаться немедленно! Где ремонтная бригада?

— Их вездеходы пришлось задержать, мутанты атаковали из-под снега! — доложил офицер. — Ремонтники будут здесь через двадцать минут! Мы срочно стягиваем все силы сюда для организации обороны! До тех пор прошу вас вернуться в бронетранспортер! Когда пурга

стихнет, мы отобьем бункер и отправим назад шаттлы!

— Хорошо, полковник, я разделяю вашу позицию! — замдиректора заторопился к выходу, невольно ежась при каждом танковом выстреле. — Позаботьтесь о людях мистера Мартинеса, нам дорог каждый человек, тем более сейчас!

Коэн в окружении телохранителей скрылся снаружи, и офицер обернулся к инженеру Мартинесу:

— Сейчас сюда подойдут бронетранспортеры на воздушной подушке. В них вы и ваши люди сможете переждать пургу. Раненым будет оказана медицинская помощь.

Подготовьте тяжелобольных к отправке в Новую Америку, за ними придет отдельный транспорт, как только шаттлы будут готовы к вылету! Остальным получить оружие, боеприпасы и средства личной связи!

— Как?! — вырвалось у Майка. — Разве мы не летим домой? Мы же едва уцелели в этой бойне!

— Никто не летит домой до тех пор, пока Новая Америка не будет в безопасности! — жестко отрезал полковник. — Это приказ президента и конгресса. Шаттлы возвращаются пустыми, на борт берут исключительно тяжелораненых. Иначе здесь быстро никого не останется. А потом всю страну

заберет Холод. — Он кивнул в сторону входа: — А вот и ваш транспорт. Открыть ворота!

Возившаяся с механизмом ворот команда техников налегла на створы, распахивая их полностью, и Майк увидел четверку утыканных пулеметами бронированных машин на воздушной подушке, быстро приближающихся к входу в центральный корпус АЭС. Всё видимое пространство позади них кипело ужасающей кровавой битвой. Повсюду с яростным визгом и бешеным рычанием бесновались огромные стаи всевозможных мутантов, исступленно бросающиеся на медленно продвигающуюся в

глубь Реактора технику. Густые потоки пуль рвали зверьё на части, но остальные твари немедленно зарывались в глубокий снег, пропадая из виду, и вновь рвались в атаку уже с другой стороны. Находящимся внутри стальных машин стрелкам мутанты навредить не могли, но стоило людям оказаться вне техники, как монстры устремлялись на них отовсюду. Несколько вездеходов на колесах низкого давления уже потеряли целостность шин и теперь не двигались с места, беспомощно вращая изгрызенными обрывками колес, всё глубже зарываясь в снег. Два экипажа, пытавшиеся выбраться из вездеходов и добраться до

ближайших машин, мгновенно оказались разорванными на части, остальные не покидали обездвиженных бронетранспортеров, пытаясь отстреливаться от взбешенного зверья.

– Внутрь! Бегом! Шевелись! – рядом с Майком возник человек в арктическом снаряжении службы безопасности Полярного Бюро с винтовкой в руках. – Всем занять места в бронетранспортерах!

Майк побежал к распахивающемуся люку ближайшей бронированной машины и, запрыгнув внутрь, зашелся в сухом кашле. Следом за ним влез инженер Мартинес. Он тут же бросился к

ящику с аптечкой и извлек оттуда пузырек с таблетками.

— Проглоти две штуки! — Инженер сунул его Майку в руки. — Пойдешь к врачу в числе первых!

Сильный порыв ветра ворвался в распахнутые люки и швырнул в лицо Мартинесу добрый фунт снега. Инженер выругался, отпрянув на спинку сиденья, и принялся вытирать залепленное снегом лицо. В бронетранспортер один за другим влезали полярники, за которыми появился один из солдат службы безопасности и наглухо задраил входные люки. Но вопреки ожиданию Майка машина не тронулась с места. Вместо этого под

ногами что-то громко гудящее начало стихать, и бронетранспортер будто осел на снег.

— Что происходит? — едва вздохнувший с облегчением Майк с тревогой посмотрел на солдата. — Почему мы не уезжаем?

— Начинается пурга, надо отключить воздушные подушки, чтобы исключить опрокидывание, — объяснил тот. — Мы не знаем, какой скорости ветра ожидать. Так что пока будем стоять на месте.

Инженер Мартинес коротко чертыхнулся и полез к перископу внешнего наблюдения. Майк, заметив рядом с собой точно такой же, последовал его примеру,

прислушиваясь к шипению эфира в динамике инженерской рации. Вокруг уже мело всюду, видимость быстро падала, и многого увидеть не удалось. Майк успел разглядеть вдали череду замерших друг возле друга шаттлов и догорающий остов разбившегося ракетоплана в сотне метров за ними. Где совершили посадку остальные, видно не было, и он попытался рассмотреть, что происходит у бункера. Но мчащиеся по перепаханному лапами и воронками окровавленному снежному полю облака снега не позволяли видеть так далеко, и Майк сосредоточился на незатихающем бое в районе ангара

консервационных шаттлов. Судя по беспрестанному нервному радиообмену в эфире, служба безопасности до сих пор не смогла решить проблему с медведями, и полковник приказал отрядам отступить на время пурги. В быстро уплотняющейся снежной круговерти со стороны ангара виднелись частые вспышки выстрелов и сполохи взрывов.

— Мы подстрелили ещё одного! — кричал кто-то, похоже, командир танка или наводчик. — Но дальше вести огонь бесполезно! Я ничего не вижу! Прошу разрешения отойти задним ходом!

— Это «Чарли-2»! — тут же

ответили ему. – Он ещё жив! Он жив! Эта тварь запрыгнула мне на броню, я не могу его сбросить! Не стреляйте по раненому медведю, вы разнесете нас, к дьяволу!

– Всем прекратить огонь! Задний ход! Отступаем на сто метров! Избегать столкновений!

– Он пытается оторвать мне пушку!!! – заорал второй «Чарли». – Разбил прожектор и выдрал с потрохами башенный пулемет! У меня потеря герметичности!

– Уходи назад, мы собьем его пулеметным огнем, как только увидим тебя! – вмешался в радиообмен ещё один голос. – Видимость не превышает десяти

метров, я не могу вести огонь отсюда! Сближайся!

— О мой бог! Да сколько же их там?! — нервным фальцетом заголосил кто-то. — Мы же убили пятерых! Разве медведи живут стаями?

— Это Холод, парень! — зло ответили ему. — У него свои законы. «Чарли-2», я тебя вижу, но на башне пусто, только крови полно! Где медведь?

— Спрыгнул вниз секунду назад! Я не вижу, куда он делся! У меня поврежден передний перископ!

Вскоре пурга ударила с такой силой, что в перископ стало невозможно разглядеть вообще

ничего. Майк отпрянул от него и откинулся на жесткую спинку сиденья, вновь закашлявшись. Инженер Мартинес хотел было ему что-то сказать, но в этот момент механик-водитель бронетранспортера увеличил обороты двигателя вдвое, и бывалые полярники, не сговариваясь, одновременно посмотрели на вшитые в снаряжение термометры.

— Сколько? — Мартинес обернулся к сидящему рядом человеку. — У меня термометр разбит.

— Сорок один, — ответил тот. — Только какая разница? Мы же внутри. А вот сколько сейчас там, снаружи, под ветром... — Он

прислушался к работе мотора: — Вроде пока тянет. — Полярник нащупал под подбородком маску и натянул её на лицо.

— Что происходит? — Майк увидел, как остальные полярники делают то же самое, и поспешил надеть лицевую маску, торопливо соображая, стоит ли надевать очки.

— Пока ничего, — успокоил его инженер. — Но подстраховаться не помешает. При понижении температуры ниже минус шестидесяти градусов топливо начинает густеть, и двигатели глохнут. Поэтому вся наша техника на электрическом ходу. Но у танков и боевых машин, — он кивнул на

бронированный борт, – движки дизельные. Ты разве не заметил, Батлер? Они, как шаттлы, боятся сильного мороза. Ты можешь не надевать очки, мы пока еще не заглохли...

В ту же секунду бронетранспортер резким рывком завалился набок, проваливаясь в снег правой стороной, и сидящих внутри бросило друг на друга. Что-то сильно ударило в борт машины, и накренившийся транспорт вздрогнул, зарываясь ещё глубже.

– Они под нами!!! – заорал Мартинес, пытаясь выбраться из-под навалившихся сверху людей. – Под снегом! Надо уезжать! Уезжать!!!

Немедленно!!!

Механик-водитель

бронетранспортера услышал его крик, и мощные вентиляторы взвыли под днищем машины, нагнетая воздушную подушку. Но крен оказался слишком велик, бронетранспортер задержался, не в силах справиться с утечкой воздуха, и повернулся на боку вокруг своей оси, ввинчиваясь в снег. Мощный порыв ветра ударил в накренившуюся крышу, выводя машину из неустойчивого равновесия, и бронетранспортер вновь оказался в горизонтальном положении. Машина вздрогнула, поднимаясь на воздушную подушку, и рванулась с

места сквозь бурлящее вокруг, непроглядное снежное месиво. В следующую секунду мчащийся в полной слепоте броневик на полной скорости врезался в какое-то препятствие, и инерция швырнула его пассажиров на переднюю переборку. Раздался хруст ломающихся костей, крики боли и испуганные вопли, всё вокруг закрутилось кувырком и завершилось сильным ударом.

– Батлер! Очнись! – Мартинес, вытирая льющуюся на лицевую повязку кровь из глубокого пореза на лбу, тряс Майка за плечо. – Быстрее же! Очнись, пока нас не сожрали,

дьявол тебя побери!

Майк открыл глаза, и тут же острая боль прорезала плечо. Он вскрикнул и вырвался из хватки инженера. Похоже, ему повредило руку! Майк дернулся, пытаясь сесть, и больно ударился головой обо что-то, свисающее с потолка. Оказалось, что все сиденья были перевинчены кверху, и на полу не осталось даже отверстий из-под креплений. Смутный шум, давивший на барабанные перепонки, превратился в автоматные очереди и хриплый визг атакующего зверья.

— Мы перевернулись! — Инженер сунул ему в руки ледоруб. — Бронетранспортер больше не едет, на

дверном люке лопнули запоры, мы не можем его закрыть! Мутанты ломаются сюда! Батлер, помоги держать дверь, иначе всем конец!

Рядом загремели выстрелы, и пронзительный визг атакующей твари сменился яростным хрипом взбешенного монстра и истошным криком охваченного жуткой болью человека. Майк испуганно сжался, быстро возвращаясь к реальности, и взгляд его заметался по слабоосвещенному пространству десантного отсека бронетранспортера, заваленному мертвыми телами и переломанными ранеными. Машина лежала на крыше, двигатели не работали, створ

одного из люков был смят и наполовину выворочен. В образовавшуюся крупную щель лезли мутанты, стремясь добраться до нескольких уцелевших полярников, обороняющих люк. Привалившийся к борту Мартинес сидел с неестественно вывернутой назад ногой, но словно не обращал на это внимания. Он старался дотянуться до бездыханных тел и ощупывал их карманы в поисках винтовочных магазинов. Находя такой, он предавал его человеку с винтовкой, засевшему прямо перед вывороченным люком. Едва из кипящей снаружи снежной карусели появлялся монстр, стрелок открывал огонь, и бьющие почти в

упор пули вынуждали мутанта терять скорость. Трое других полярников, вжавшись в бронелисты вокруг люкового отверстия, добивали раненых мутантов ледорубами. В руку одного из них сейчас вцепился здоровенный волк, и обрушивающиеся на его череп удары не могли заставить тварь разжать челюсти.

Схватив ледоруб инженера, Майк рванулся на помощь и изо всех сил вбил острое лезвие в череп обезумевшего от бешенства мутанта. Брызнула кровь вперемешку с мозговой тканью, тварь взвыла, но лишь сильнее стиснула зубы, прокусывая человеческую руку до

самой кости. Полярник кричал, осыпая волка ударами, но вырваться был не в силах.

— Шею! — орал позади Мартинес. — Батлер! Руби ему шею! Скорее же, пока он не разгрыз кость!!!

Находящийся на грани потери сознания от ужаса Майк едва сумел выдернуть застрявший в черепе мутанта ледоруб и принялся рубить покрытый грязно-белой окровавленной шерстью, кривой хребет. Лезвие ледоруба с хрустом погружалось в живые ткани, разбрызгивая повсюду кровавые брызги, тварь забилась в конвульсиях, вокруг орали: «Ещё! Ещё!» — и Майк

почувствовал, как реальность утопает в летящей в лицо крови.

Дальнейшее происходило для него словно в кровавом тумане. Туловище волка отделилось от вцепившейся в человеческую руку головы и рухнуло на снег. В полураскрытый люк ударил поток ветра вперемишку со снегом, из которого внезапно появилась здоровенная кошка с усыпанной несколькими рядами кривых желтых зубов пастью. Её узкие зрачки сверкнули лютым бешенством, но вместо атаки тварь с разбегу вгрызлась в обезглавленную тушу монстра и одним прыжком исчезла вместе с ней в бьющей в лицо

порывами ветра, снежной пелене. Кто-то помог пострадавшему сорвать с руки волчью голову, и тот опрокинулся навзничь, надсадно хрипя от жуткой боли. В плюющемся снегом люке появилось сразу два монстра, с визгом бросившихся на людей, загремели винтовочные очереди, и вновь взметнулись вверх покрытые заледенелой кровью ледорубы. Майк наносил удары вмерзшим в облепленную багровыми ледяными наростами перчатку оружием, отбивался ногами от вгрызающихся в сапоги тварей, вновь наносил удары ледорубом, выпихивал наружу, на растерзание монстрам, туши убитых мутантов,

опять рубил...

В какой-то момент он уже не чувствовал ни времени, ни боли, ни усталости, лишь всепоглощающий Холод, проникший в каждую клетку его организма. Всё вокруг превратилось в ледяную берлогу из застывшей крови, полярники исчезли, уступив место рвущимся прямо на него монстрам, и разум потух, захлестнутый лишь одним желанием — выжить. Вместо ледоруба в его руках оказалась арктическая винтовка, он стрелял прямо в оскаленные пасти, испытывая лютую ненависть к собственной левой руке, превратившейся в бревно и не

желающей подчиняться, потом он злился уже на винтовку, отказывающуюся стрелять, и потому бил стволом, словно копьем, заталкивая его в глотку очередному монстру, потом в руке вновь оказался ледоруб...

В последний раз сознание вернулось к нему лютой болью в легких, разрываемых на части острым, словно нож, кашлем, и Майк увидел себя забившимся в угол бронетранспортера. В метре от него две здоровенные твари, напоминавшие сильно изуродованных рысь и волка, жадно отгрызали куски плоти от тела инженера Мартинеса, не сводя с

Майка налитых кровью глаз. Каждый раз, когда кто-либо из мутантов, увлекшись пожиранием добычи, делал шаг в его сторону, Майк бросался навстречу с диким рычанием, нанося удар превратившимся в кровавую ледышку ледорубом. Монстр с легкостью уходил от проносящегося в нескольких дюймах от морды оружия, но вступать в схватку с загнанным в угол человеком не хотел, предпочитая утолять голод уже убитой добычей. Позади, в смятый люк, пытались пролезть другие твари, но пожирающие инженера монстры тотчас объединялись и бросались в свирепую драку, отгоняя

пришельцев.

Сколько это продолжалось, Майку было уже безразлично. Когда в полузанесенный снегом десантный отсек бронетранспортера ветер перестал вбивать всё новые и новые белые клубы и снаружи раздался рев моторов и грохот пулеметных очередей, он почти не чувствовал одеревеневшего тела. Майк равнодушным взглядом проводил обоих монстров, спешно покидающих бронетранспортер с огромными кусками человеческой плоти в зубах, и бессильно уронил руку с ледорубом, которую всё это время держал занесенной для удара. На появившегося в люке человека с

оружием на изготовку он никак не отреагировал.

– Здесь выживший! – закричал тот. – В шоковом состоянии! Нужна помощь и носилки!

Потом его вытаскивали наружу и куда-то несли, дневной свет сменился холодной темнотой, рассекаемой лучами множества электрических фонарей, позже по потолку побежали смутно знакомые блики осветительных ламп. Кто-то громким голосом потребовал снять с пострадавшего снаряжение, и в этот момент Майк вновь провалился в беспамятство.

Глава 7

Яркий свет ударил в левый глаз, и Майк очнулся, болезненно моргая. Прямо перед собой он увидел врача с маленьким фонариком в руках, рядом стояла медицинская сестра в ожидании указаний. Ничего похожего на окна с бушующей за ними июньской зеленью нигде не оказалось, вокруг по-прежнему тянулись знакомые до суицидальной тоски стены стандартного помещения Реактора. Майк застонал от горестного разочарования.

— Он пришел в себя, — констатировал врач. — Сестра,

пометьте: этому пациенту необходим двойной курс общеукрепляющих инъекций параллельно с обычными при воспалении легких процедурами. В ближайшие трое суток – постельный режим, с кровати не вставать. Подайте мне иглу, необходимо проверить чувствительность рецепторов поврежденной руки.

Медсестра протянула ему одноразовую иглу, и доктор, ловко сняв с неё колпачок, быстрым движением вонзил иглу в левую руку Майка.

– Э! Э! Вы чего?! – Майк хотел было отдернуть руку, как вдруг понял, что не чувствует укола.

Он недоуменно опустил глаза и увидел, что буквально весь перебинтован. Повязка обнаружилась вокруг груди, левую ключицу стягивало целое море пластыря, руку почти до локтя покрывал гипс. Но докторская игла вонзилась в полудюйме от него, точно в голую кожу.

— Я прошу вас не дергаться, мистер Батлер! — недовольно нахмурился врач. — Мы сделали вам операцию и поставили пластину на ключицу. У вас был сложный перелом. И рука тоже вызывает у меня вопросы... Вы чувствовали боль от укола?

— Нет, — неуверенно произнес

Майк. — Кажется, я ничего не почувствовал...

Врач немедленно вонзил иглу ещё раз, и он понял, что не чувствует не только боли, но и руки вообще. Возникло ощущение, что ниже локтя ему приделали небольшое бревно в форме загипсованной руки.

— Я вообще руки не чувствую! — Майк со страхом посмотрел на медика. — Она словно не моя ниже локтя! Я хочу пошевелить ей, но она не отзывается! Доктор! Что со мной?!

— Без паники! — немедленно перебил его тот. — Дальнейшее эмоциональное взвинчивание только усугубит проблему! Мы делаем всё

возможное, но для восстановления необходимо время. Вы получили перелом и критическое переохлаждение поврежденного нерва. Это сложный случай, и какое-то время ваша рука не будет вас слушаться. Но это пройдет.

— Когда, доктор? — Майк попытался сесть, но боль в сломанных ребрах уложила его обратно.

— Со временем, — уклончиво ответил медик. — Сейчас вам необходим покой. Мы отправим вас в Новую Америку первым же рейсом, там вам проведут углубленный курс терапии, и всё будет в порядке. Здесь мы стеснены в доступных методиках.

Так что отдыхайте и ни о чем не волнуйтесь! – Он вновь посмотрел на медсестру: – Мистеру Батлеру на перевязку завтра, в это же время.

Врач сделал шаг в сторону и заговорил с другим пациентом. Майк посмотрел ему вслед и увидел лежащего на соседней кровати человека с короткими обрубками вместо ног. Сосед располагался совсем близко, в каком-то полуметре от него, и был весь утыкан капельницами и медицинскими датчиками. Он слабым голосом отвечал на вопросы доктора и постоянно шевелил перебинтованными культиями, отчего у Майка возникла тошнота. Внезапно

он вспомнил протез старого Джеймса, механическую кисть эксперта Бюро, черного от бесконечного ожога Мак Алистера, заledenевшие глаза Переса, смотрящие прямо на него... Их образы замелькали перед ним в бешеном круговороте, и над всем этим висели две жуткие твари, отгрызающие куски плоти от трупа инженера Мартинеса посреди залитого красным льдом, десантного отсека перевернутого бронетранспортера. В какой-то момент Майк понял, что твари обгладывают уже не Мартинеса, а его загипсованную руку, но он не чувствует боли, словно кривые

желтые клыки впиваются во что-то мертвое. За их спинами возник эксперт Бюро и с многозначительной ухмылкой показал ему жужжащий сервоприводами протез. Круговерть кошмарных видений обрушилась на Майка, и он истошно закричал, пытаясь вырвать руку из разгрызающих её пастей.

– Нет!!! Нет!!! – Он изо всех сил тянул её на себя, но всё было тщетно. – Моя рука!!! Отдайте мою руку, твари!!! Нет!!! Моя рука!!!

– Транквилизатор! – рявкнул доктор, наваливаясь на него всем телом. – Двойную дозу!

Майк извивался, стараясь стряхнуть с себя бросившегося на

него монстра, и почти уже освободился, как вдруг что-то тонкое и острое больно вонзилось ему в шею, и вцепившиеся в него монстры вместе с хохочущими мертвецами начали быстро растворяться в наступающей отовсюду темноте.

Проснулся он от ощущения впивающегося в здоровую руку укола. Майк открыл глаза и обнаружил себя привязанным ремнями всё к той же складной кровати. Медицинская сестра брала у него анализ крови из вены и, увидев его открытые глаза, настороженно потянулась за заранее приготовленным шприцем.

— Как вы себя чувствуете, мистер Батлер? — вежливо поинтересовалась

она, держа шприц наготове. – Вам удалось выпасться и отдохнуть?

– Мне... – Майк замялся, – мне надо в туалет. Почему я связан? Развяжите меня, мне надо в туалет!

– Вы можете воспользоваться уткой. – Медсестра, не выпуская из руки шприц с транквилизатором, другой рукой ловко выдернула из вены наполненный кровью ланцет, опустила его на стоящую рядом медицинскую тележку, уставленную склянками, мензурками и прочими больничными атрибутами, и, выхватив с её нижней полки медицинское судно, подоткнула его под сконфуженного Майка.

– Может, я сам... – стыдливо

проямлил он. — Если вы развяжете меня, я вполне смогу...

— Я отойду, — успокоила его медсестра, — и вернусь через минуту. Я не могу вас развязать, это решение принимает ваш лечащий врач. Он скоро вас осмотрит. — Она покатила тележку дальше.

— Ты слишком буйный, парень, — меланхолично произнес безногий сосед, когда вернувшаяся сестра забрала у Майка утку и удалилась к другим больным. — Лучше поумерь пыл, и тогда не будешь привязан к кровати, словно опасный психопат. Вопли и угрозы твоей руке, один черт, не помогут, только заработаешь штамп в медкарте, а это прямая

дорога на учет в психушку.

— Я... — Майк старался не смотреть на его подрагивающие культи. — Я не психопат! Мне слишком сильно досталось, я десять раз чуть не погиб за последние недели! Это был настоящий ад!

— Здесь всем досталось, если ты заметил, — безногий смотрел в потолок, его голос звучал тихо и безразлично, словно говорившему уже было на всё наплевать. — Мне хватило и одного дня. А руку — раз не отрезали сразу, значит, шансы ещё есть. Так что поменьше ори, из-за тебя уши болят.

— Извините, сэр... — на Майка вновь навалилась усталость, и он

отвернулся от безногого, обводя взглядом окружающее пространство. – Мне надо отдохнуть.

Теперь он узнал это место. Склад запасных частей в центральном корпусе Барбекю. Только теперь из него убрали всё, оставив лишь голые стены, и плотно забили помещение ранеными и пострадавшими. Основная масса пациентов лежала на расстеленных на полу надувных матрасах, складные медицинские кровати, как у него, были далеко не у всех. Обилие раненых поражало, здесь находилось порядка сотни человек, и почти каждый из них не имел одной, а то и двух конечностей. От огромного

количества уродливых культей, затянутых в стерильно-белые повязки с проступающими алыми пятнами, у Майка вновь началась тошнота, и он обессиленно откинулся на подушку, предпочитая не открывать глаза.

— Мистер Батлер, как ваше настроение сегодня? — Голос лечащего врача вывел его из тоскливого оцепенения. — Чувствуете ли нервозность или подавленность? Сестра сказала, что вы отказались от еды! Это не лучшее решение, ваш организм сейчас нуждается в пище для сопротивления болезням!

— Я не могу есть, — вяло отозвался Майк, открывая глаза. — Повсюду мерещатся отгрызенные

руки и ноги. Он кивнул на безногого соседа. — Тут я точно ничего в себя не запихну. Док, выпустите меня отсюда, больше никаких истерик, я обещаю!

— В другой палате ничем не лучше, — бесцветным голосом заявил врач. — Так что советую вам предпринять над собой усилие и пообедать. Я прикажу развязать вас, но вставать пока не рекомендую. У вас воспаление легких, сильные хрипы и легкое сотрясение мозга, не говоря уже о переломах руки, ребер и ключицы. Постельный режим — это единственное, что поможет вам подготовиться к перелету в Новую Америку. Иначе я не допущу вас к

транспортировке, вы рискуете не вынести перегрузок и умереть от ураганного отека легких, кровоизлияния в мозг или болевого шока. Я думаю, вас не устраивает такая перспектива.

— Нет. — Майк подавился кашлем. — Я вас понял, док! Обещаю, со мной больше не будет никаких проблем! — Он мрачно смотрел, как врач тычет иглой в мертвую руку. — Ничего не чувствую. Док, скажите, только честно, её ещё можно спасти? У меня есть хотя бы шанс?

— Определенные шансы есть. — Медик принялся прослушивать ему легкие и проверять пульс. — Не в наших условиях делать точные

прогнозы, этим займутся в Новой Америке, когда вы туда вернетесь. Пока же советую вам набираться сил. — Он закончил с Майком и отошел к безногому.

— Когда меня отвезут домой, док? — проводил его взглядом Майк. — Когда прибудет шаттл?

— Как только закончится буран, — ответил тот, склоняясь над поддрагивающими культями соседа.

— Но разве он не закончился? — Майк посмотрел на табличку на кровати у своих ног. Выходило, что он находится в лазарете не более двух суток. — Он же стих, когда меня спасли!

— Вероятно, это было временное

затишье, — пожал плечами медик, не глядя на него. — Я не работаю на поверхности и не знаю подробностей. Мне не до них, мистер Батлер. Как только придут шаттлы, вы отправитесь домой, я же сказал. А сейчас прошу меня извинить, у меня очень много работы. Отдыхайте.

С полчаса Майк пролежал неподвижно, глядя в потолок и обдумывая слова медика. Он сказал, что в другой палате ничем не лучше. Значит, есть ещё одна палата, и раненых значительно больше. Выходит, после того, как спасательная экспедиция отбила Барбекю, шаттлы ушли назад, раз они

должны прилететь снова. Но ведь снаружи буран... или они успели вылететь в тот самый период затишья, когда его спасли из бронетранспортера? Неужели все эти раненые пострадали в тот же день? Что тогда осталось от экспедиции?! И этот безногий, справа, он сказал, что ему хватило суток, чтобы остаться без ног, получается, он попал в мясорубку одновременно с ним? И так быстро оклемался после ампутации...

— Всё это чушь собачья, — бесцветным голосом процедил безногий, словно отвечая его мыслям.

— О чем вы говорите? — Майк,

пересилив отвращение, повернул к соседу голову.

— Они морочат нам голову, — всё так же медленно и безразлично произнес тот. — Нет никакого бурана. Они специально держат нас здесь. Не отправляют в Новую Америку. Я тут уже десятый день, тяжелораненые постоянно прибывают, значит, никакого бурана нет, идут бои. Сюда приносят только искалеченных, с легкими царапинами ты здесь никого не найдешь. И всех поступающих держат на транквилизаторах, как тебя, чтобы не болтали. Слышишь, как здесь тихо?

— Неделю? — усомнился Майк. —

Не может быть. Я здесь всего двое суток, на кровати есть дата!

— Её не обновляли девять дней, — монотонно объяснил безногий. — Чтобы сбить нас с толку. Или просто забили на это дело из-за наплыва покалеченных.

— Но зачем им всё это? — Майк вновь обвел взглядом заполненное ранеными помещение и понял, что не слышит других разговоров, лишь слабые стоны и надрывное дыхание бьющихся в забытьи людей. — Для чего им не отправлять нас домой? Склад надо отапливать, больных кормить, энергии едва хватает, а запасы продовольствия были на нуле, я занимался складом, я знаю...

– Они не хотят пугать Новую Америку огромной оравой безруких и безногих инвалидов, – перебил его безногий, не меняя безразличных интонаций. – Полярному Бюро нужно пушечное мясо, зачем приводить в ужас потенциальных добровольцев? Гораздо проще держать нас здесь и закидывать шаттлами тонны продовольствия и медикаментов.

– А как же энергия... – Ошарашенный Майк попытался найти последний довод, чтобы опровергнуть ужасающие слова безногого соседа. – Её не хватает... Мы были вынуждены отрубить от сети все строения Реактора, чтобы

обеспечить питанием сектор
ХААРП...

— До вчерашнего дня всё
отапливалось газовыми печами. —
Безногий разбил ему последнюю
надежду. — Их тоже привезли
шаттлами, не самый тяжелый груз.
Легкие танки весят посерьезнее,
шаттл едва принимает на борт одну
единицу, а их на момент моего
прибытия здесь было три штуки.
Вчера днем печи вынесли, я слышал,
как медсестры обсуждали между
собой вывод второго энергоблока на
штатную мощность. Его починили,
парень, хоть и не полностью, но
энергии тут достаточно и для десяти
таких лазаретов.

— Тогда в чем же дело? — не унимался Майк. — Надо подключить к питанию бункер и сектор ХААРП, и страна будет спасена! При чем здесь задержка шаттлов?

— Нет никакой задержки. — Безногий устало закрыл глаза. — Шаттлы прилетают и улетают каждый день. Сюда везут солдат, отсюда — легкораненых героев эпической битвы за Реактор. Не всех. Только тех, кто за хорошие деньги будет держать язык за зубами, лишь бы не попасть сюда вновь. Ты разве не понял, парень? Они не могут отбить бункер у мутантов. Там сейчас рассадник монстров, самое их логово. Говорят, туда переселился

едва ли не весь Могильник...

Искалеченный человек сделал паузу, словно вспоминая нечто такое, что безуспешно пытался всеми силами забыть, и спустя пару секунд продолжил ещё тише:

— К исходу первых суток, как только стихла пурга, мы отбили у зверья все строения, кроме бункера, танкисты даже расстреляли из пушек четырех медведей, один подранок успел скрыться в бункере вместе с остальным зверьем. Мы задраили входные ворота, чтобы не дать им вырваться обратно и вновь не рассеяться по Реактору. Но ночью из пустошей пришли новые стаи, и нам пришлось выдержать серьезный бой,

когда с рассветом они атаковали нас из-под снега. Мы потеряли убитыми и ранеными почти три десятка солдат, но восстановили контроль над Реактором. В полдень Коэн решил, что для штурма бункера всё готово, и приказал начать захват. Мы вскрыли ворота, вошли внутрь и даже продвинулись далеко в глубь первого уровня, но Вахтенный директор не отвечал на вызовы наших раций, и передовой отряд спустился на второй уровень. А дальше начался НАСТОЯЩИЙ ад. Мутанты хлынули из всех щелей. Там были все: медведи, волки, кошки, росوماхи, куницы и дьявол только знает, какие ещё твари! Они набросились на нас

одновременно, словно на добычу из засады, и начали заживо рвать нас на куски. Нам не помогли ни пулеметы, ни гранаты, ни ядовитый газ – вокруг было слишком холодно, он распространялся совсем медленно и не успевал поражать зверьё. Не срабатывал даже самый надежный способ – убить ближайшего мутанта, чтобы остальные бросились его жрать. Нас смели в считанные секунды, вокруг меня кишело сплошное море монстров, среди которого, точно волны, бились облепленные тварями, истошно кричащие люди, пожираемые заживо. У меня до сих пор звенят в ушах предсмертные вопли и хруст

костей... Вокруг месиво из звериных
оскалов и вырванных наружу
внутренностей... Глаза заливают
кровавыми брызгами... Клыки
вгрызаются в плоть, и дикая боль
медленно тонет в ледяном холоде,
сковывающем деревенеющее тело...

Он хрипло выдохнул, не
открывая глаз, и почти беззвучно
закончил:

— Вырваться удалось то ли
троим, то ли четверым... мне
перегрызли ноги, я полз на карачках
и уже ничего не видел. Каким чудом
выбрался, не знаю. Но если бы я
тогда знал, что ноги мне не спасут,
остался бы там...

Голос безногого стал совсем

неслышен, превращаясь в тихий бред, и калека конвульсивно задергал культиями, вздрагивая всем телом.

— Не слушайте его, у него тяжелое помутнение рассудка на фоне перенесенной ампутации! — Майк не заметил, как рядом появилась медсестра со шприцем в руке. — Его постоянно мучают кошмары и мания преследования. — Она вколола безногому какой-то препарат, и тот быстро затих. — Приходится держать его на успокоительном, но несчастный и в этом видит заговор против себя.

Сестра заботливо укрыла забывшегося наркотическим сном, безногого соседа одеялом и украдкой

бросила на Майка оценивающий взгляд. Майк, лишившийся своих пут совсем недавно, решил быть более дипломатичным.

— Скажите, сестра, — сонным голосом произнес он как можно спокойнее, — почему здесь столько раненых? Снаружи идут тяжёлые бои? Мы не можем вернуть себе контроль над Реактором?

— Что вы! — Она даже нахмурилась. — Там всё спокойно, мы давно контролируем все объекты, просто, как вы наверняка знаете, к нашему огромному сожалению, один из шаттлов разбился при посадке. Жуткая трагедия! Почти все эти люди были его пассажирами! Мы делаем

всё, что в наших силах, чтобы облегчить им страдания! Как только буран наверху прекратится, их отправят в Новую Америку. И вас тоже, мистер Батлер. А пока отдыхайте, вам надо готовиться к перелету.

— Спасибо, мэм, — вежливо отреагировал Майк. — Да, не подскажете, сколько времени я тут лежу?

— Около недели, — пожала плечами она. — Я не знаю точно, до этого мне приходилось работать в соседней палате. Вы можете уточнить у вашего лечащего врача, как только у него появится время. Мне сказать ему, чтобы он подошел к

вам?

— Нет, не стоит. — Майк сделал вид, что собирается заснуть. — Я спрошу сам как-нибудь в другой раз. — Он закрыл глаза и умолк.

Медсестра какое-то время возилась с медицинской тележкой, после чего удалилась. Майк вновь обвел взглядом лазарет. Слова безногого соседа не давали ему покоя. Неужели действительно Бюро держит покалеченных тут специально? Но это же незаконно! Или законно? Он вдруг понял, что решительно ничего не знает о юридической стороне вопроса. Однозначно как минимум половина этих раненых потеряла конечности

от зубов мутантов, а не в результате катастрофы ракетоплана, уж он-то насмотрелся на загрызенных монстрами людей и может узнать почерк их клыков с первого взгляда! Но медсестра не стала ему врать про сроки его нахождения в лазарете, так, может, и вправду безногий помутился рассудком и несет всякую жуткую чушь? В конце концов, президент и конгресс семь шкур сдерут с Бюро, если оно нарушит закон! Ладно, буран скоро закончится, он редко длится дольше десяти дней. Сюда придут шаттлы, и его увезут домой. Эта мысль успокоила Майка, и он заснул.

Однако ближе к вечеру его

сомнения зашевелились с новой силой, когда в и без того забитый лазарет медики внесли ещё десяток матрасов, которые стали спешно застилать постельным бельем. Раненые, которых поместили на только что подготовленные места, имели жуткие ампутационные травмы и находились без сознания, утыканные сплетениями шлангов капельниц. Поначалу Майк даже решил, что буран закончился и первая команда, выходящая из АЭС наружу, была атакована мутантами из-под снега. Но появившийся на следующее утро на плановой перевязке лечащий врач развеял его сомнения.

— Этих больных перевели сюда из другой палаты, — объяснил он в ответ на вопрос о размещенных вчера, жестоко покалеченных людях. — Ремонтным бригадам удалось вывести второй энергоблок Барбекю на штатную мощность, энергии у нас теперь достаточно, и мы приступили к капитальному ремонту главного корпуса АЭС. В той палате начались работы по замене электропроводящих магистралей, так что мы были вынуждены потесниться. В любом случае, им ещё нельзя летать, перегрузки убьют их, так что чем дольше больные будут находиться здесь, под нашим наблюдением, тем лучше для них. А

вот вы, мистер Батлер, явно идете на поправку!

— Я руки не чувствую, — обреченно протянул Майк. — Она как бревно! Её словно нет у меня!

— Терпение, мистер Батлер, терпение! — успокоил его врач. — Я уверен, в Новой Америке быстро разберутся с этой проблемой! У них достаточно средств. Кстати, скажу вам по секрету, буран начал стихать! Думаю, через пару суток вы уже будете подниматься на борт шаттла!

Медик не обманул, к следующему полудню Майку разрешили встать, и некоторое время он ходил по лазарету в

сопровождении медсестры от одной стены до другой, восстанавливая работоспособность мышц после длительного бездействия. Левая рука по-прежнему ничем не отличалась от бесчувственного полена, но зуд в прооперированной ключице утих, и пошедший на убыль кашель уже не отдавался острой болью в сломанных ребрах. Освоившись, Майк попросился побродить по центральному корпусу, но в этом ему было отказано под предлогом того, что для него ещё не нашли униформу и арктическое снаряжение.

— Вам лучше оставаться в лазарете, — не терпящим возражений тоном заявил лечащий врач. — Мы

находимся на чрезвычайном положении, второй энергоблок выведен на штатную мощность, но это произошло совсем недавно, и пока нет гарантий его стабильности. Я не могу выпустить вас в больничной пижаме, да ещё в гипсе и с недолеченным воспалением легких! Завтра ожидается прибытие шаттлов, они подвезут запас арктического снаряжения.

Наутро Майку все-таки выдали униформу. По размеру она подходила ему не очень, но ради скорейшего возвращения домой он был готов перетерпеть подобные мелочи. Почти час ушел на то, чтобы облачиться в униформу со всеми своими

повязками, гипсами и переломами: рука, ставшая будто мертвой, вызвала множество проблем, да и пластина на ключице давала о себе знать. А ведь это всего лишь обычная униформа, арктическое снаряжение надевать не в пример сложнее. В общем, он порядком разнервничался, пока собирался, и не сразу заметил появившихся возле дверей в лазарет полярников с оружием на груди.

— Мистер Батлер, сэр. — Один из них подошел к Майку, и он увидел на его арктическом снаряжении армейские знаки различия. Выходит, правительство прислало сюда войска. Но когда? Всё это время был буран, разве что они прилетели

сегодня утром... – Следуйте за нами. Мы проводим вас туда, где вы получите снаряжение, и поможем добраться до шаттла.

– Шаттлы уже здесь? – Майк обрадовался правильности своей догадки. – Вы ведь прилетели на них, да? Сегодня утром, ведь так?

– Именно! – подтвердил тот. – Поэтому прошу вас не терять времени, нам бы очень не хотелось, чтобы вы опоздали к вылету. Вы можете идти самостоятельно?

– Да, да, конечно! – Майк торопливо закивал головой и поспешил к дверям вперед своих сопровождающих. – У меня только рука повреждена, я почему-то её не

чувствую, но я уверен, в Новой Америке это быстро исправят! Лечащий врач заверил меня в этом!

По коридорам Барбекю солдаты шли молча, ступая быстрым шагом, и Майк следовал их примеру, не желая ненужных заминок с возвращением, и даже довольно прохладная температура воздуха, градусов пятнадцать, не выше, уже не казалась ему проблемой. Сразу бросилось в глаза большое количество военных в увешанном оружием арктическом снаряжении, передвигающихся по АЭС большими группами, сотрудников службы безопасности Полярного Бюро почти не было видно. Он подумал, что немного

странно то, что все они идут к выходу на улицу, а не наоборот, если они прилетели несколько часов назад. С другой стороны, у военных дисциплина даже серьезнее, чем в Бюро, и они вполне могли за эти часы закончить размещение и спешить на какую-нибудь проверку. К его удивлению, арктическое снаряжение ему выдали не на складе, а в небольшой комнате, ранее бывшей не то диспетчерской, не то операторской. Восстановить её ещё не успели, но тщательно вычистили, и, судя по отсутствию исправных рабочих мест среди разодранных компьютерных терминалов и оборванных пучков обглоданных

проводов, с тех пор она пустовала. Как ни странно, выдавал ему снаряжение его лечащий врач. Он заботливо помог Майку надеть весь комплект, тщательно закрепил повязкой безжизненную руку, ещё раз предостерег от нахождения на открытом воздухе с воспалением легких, пожелал счастливого пути напоследок и быстро покинул помещение. Майк направился было к выходу, но неожиданно один из солдат остановил его.

— Сэр, простите, но нам придется подождать здесь некоторое время, — вежливо, но настойчиво произнес он, преграждая ему дорогу.

— В чем дело? — не понял

Майк. — Разве по инструкции готовящиеся к вылету сотрудники не должны собираться у входного тамбура внешних ворот? Док сказал, что скоро вылет!

— Предстоит крупная боевая операция. — Солдат не сдвинулся с места. — В настоящее время осуществляется перегруппировка сил, не стоит путаться под ногами у армейских подразделений. Нам придется подождать, — повторил он. — Это не займет много времени. Как только рейнджеры покинут здание, коридоры освободятся, и мы проводим вас к вездеходу.

Майк решил не спорить и присел на край компьютерного

стола, исполосованного глубокими бороздами от мощных когтей. Его поверхность тщательно отмыли, но на дне борозд осталось засохшее бордовое нечто, и перед глазами вновь вспыхнули картины пережитого безумия. Он испуганно вскочил, отпрыгивая от бросающегося на него из-под стола монстра, и одним прыжком пересек небольшое помещение, вжимаясь в дальний угол.

— Сэр! Вы в порядке? — Оба солдата осторожно подходили к нему с разных сторон. — Сэр? Вы меня слышите? Успокойтесь, вам ничто не угрожает!

Густо вымазанная кровью

звериная морда с оскаленными клыками задрожала, растаивая на глазах, и Майк вновь увидел пустое помещение с остатками растерзанной аппаратуры. Сквозь рассеивающуюся пелену прорезалась тупая боль в поврежденной ключице, и он вылез из угла, вытирая выступивший на лбу холодный пот.

— Я... Со мной всё хорошо. — Майк перевел дух. — Нервы ещё пошаливают иногда... Мне уже лучше! — Он вернулся на своё место, но на стол предпочел больше не смотреть. — Я в порядке, да, в порядке... все под контролем...

Вставленная в ухо одного из солдат гарнитура рации тихо

зашипела неразборчивой фразой, и оба военнослужащих потянулись к висящим на поясах, утепленным, армейским шлемам.

— Мы можем идти, — сообщил один из них, натягивая лицевую маску. — Скоро начнется погрузка. Советую включить обогрев, снаружи минус пятьдесят семь, с утра сильно похолодало. — Он надел шлем и набросил поверх него капюшон арктического снаряжения.

В центральном коридоре оказалось практически пусто, и к выходному тамбуру они вышли быстро. Едва Майк миновал мощные струи тепловой завесы, отделяющие зев распахнутых ворот от

ослепительно белой с непривычки, снежной бесконечности, до его слуха донесся грохот сражения. Он вышел из ворот и остановился, щурясь от ярких бликов отражающегося от снега солнца. С отвыкших от естественного света глаз внутри очков покатались слезинки, и несколько секунд ему пришлось стоять на месте, прищурив глаза и адаптируясь к обстановке.

— Где вездеход? — услышал он голос одного из своих провожатых, обращающегося к кому-то ещё.

— Застрял у шаттлов, — ответили ему. — Ждёт прибытия БТР сопровождения. Там опять зашевелились мутанты, гражданской

технике запрещено передвигаться без армейского прикрытия. Чертовы твари! Четвертые сутки не можем от них избавиться, чуть что — зарываются в снег и уходят! И тепловые ловушки не помогают — мутанты уже не клюют на эту приманку!

— Сэр, нам лучше вернуться за тепловую завесу! — Солдат взял его под локоть. — Тут небезопасно.

После долгого нахождения в тепле лазарета царящий вокруг Холод чувствовался сильнее обычного. От быстро накаляющегося на морозе пластика очков повеяло чем-то невидимым и ледяным, и Майк подумал, что совсем не против

последовать совету военных. Он сделал шаг назад, но тут же остановился, осознав смысл услышанного. Неужели безногий был прав?

— Подождите минуту! — Майк сморгнул застывающие на ресницах слезинки. — Он сказал, что бои с мутантами идут четвертые сутки? Так когда же закончился буран?

Майк решительно выдернул руку из хватки солдата и внимательно осмотрелся. Подступы к Барбекю представляли собой целый лабиринт из сомкнутой друг с другом, вышедшей из строя техники, покрытой остатками кровавого льда, который явно пытались долбить и

соскабливать. Видимо, военные отбуксировали сюда весь погибший транспорт, что оказался в непосредственной близости, и составили из него заграждения, предназначенные затруднить монстрам приближение к АЭС. Внутри образовавшегося укрепрайона снег был плотно утрамбован танковыми гусеницами арктического типа, с сильно увеличенной шириной траков. За разбитыми машинами, словно за баррикадами, засели не меньше трех десятков солдат, осматривающих окрестности через прицелы винтовок и пулеметов. Несколько левее накатанной колеи непривычно-

зеленой вереницей стояла пятерка небольших минометов, возле которых сноровисто суетились расчеты. Командующий ими офицер взмахнул рукой, и заряжающие синхронным движением вложили в стволы пузатые тела мин. Батарея оглушительно громынула, посылая заряды в небо, и Майк невольно отшагнул, разворачиваясь в сторону их предполагаемой цели.

За укрепрайоном из мертвой техники повсюду, насколько хватало беглого взгляда, снежная поверхность не имела и фута ровного пространства. Всё было перепахано следами человеческих сапог, звериных лап и колес

бронетранспортеров и покрыто сотнями заледеневших лужиц, пятен и брызг крови. В разных сторонах виднелись беспорядочно разбросанные, исцарапанные когтями остовы погибших вездеходов и боевых машин, до половины занесенные снегом. Замороженные строения Реактора, подступы к которым оказались густо засыпаны мелким ледяным крошевом из замерзшей крови, зияли провалами входов, лишенных дверных створ. Внутри некоторых из них виднелись армейские палатки и костры, разведенные в бочках из-под горючего. Расположенные на покатых крышах строений пулеметные гнезда

прицельно били в сторону бункера, на который вела наступление целая армия.

Серую бетонную коробку бункера в устоявшемся штиле было хорошо видно даже отсюда, и Майк вздрогнул при виде этого жуткого зрелища: прилегающее к его распахнутым воротам пространство являлось одним большим катком из кровавого льда, каждый сантиметр стен выщерблен пулями. Некогда смонтированное на поверхности крыши оборудование изломано и увешано обрывками снаряжения и одежды, образующими десятки окровавленных гнезд, высоко над которыми со злобными криками

кружила огромная стая белесых птиц. Четыре танка, полдюжины бронетранспортеров и два броневика на воздушной подушке широким полукольцом продвигались к бункеру, утюжа целое море беснующихся мутантов. За техникой густыми цепями двигалась пехота, затянутая в арктическое снаряжение, без умолку гремели выстрелы и сверкали вспышки разрывов. Десятки монстров, рвущихся добраться до человеческой плоти, выпрыгивали из-под снега и яростно бросались на людей, но попадали под шквальный огонь и зарывались обратно. Залитая заледеневшей кровью снежная поверхность быстро покрывалась

дымящимися тушками зверья, бьющегося в предсмертных конвульсиях, но их соплеменники не спешили бросаться на лёгкую добычу. Разношерстные стаи монстров, истерично визжа, мчались к бункеру и исчезали в его окровавленном зеве, но им на смену изнутри выплескивались новые монстры. Цепочка минометных разрывов легла возле самого входа, расшвыривая в разные стороны фонтаны кровавых ледяных обломков и разорванных на куски мутантов, и командир минометной батареи что-то произнес своим подчиненным.

— Прекратить огонь! — слабо донеслось до Майка сквозь звон в

ушах. — Можем накрыть своих, атакующие подразделения приближаются к бункеру!

— Сэр! — Сопровождающий солдат вновь взял его за руку. — Зайдите в бункер! Мы дождемся вашего вездехода внутри! Здесь могут появиться мутанты! Идемте, сэр!

Его напарник смерил Майка красноречивым взглядом и, обойдя вокруг, встал рядом и бесцеремонно подхватил его за загипсованную руку.

— Идемте, сэр, — повторил он фразу своего коллеги. — Это для вашей безопасности!

Его рация зашипела неразборчивой фразой, солдат утвердительно ответил и отпустил

Майка.

— Вездеход вышел к нам, — объяснил он напарнику. — Будет через десять минут. Мутантов отбросили в пустошь, погрузка продолжена. Подождем. — Он поднял подбородок, вглядываясь в кипящее у бункера сражение.

— Сегодня всё это дерьмо закончится! — заявил один из военных, держащих оборону за разбитым пулеметным вездеходом с оторванной башней. Судя по эмблеме на рукаве, это был офицер. Кажется, именно он разговаривал с охранниками Майка, когда те вышли наружу. — В штурме участвует тысяча бойцов, у нас огнеметы и разрывные

пули, мы истребим тварей, что засели в бункере, а потом разыщем и перебьем всех остальных!

— Тысяча человек? — изумился Майк. — Разве у нас есть столько шаттлов?! Но где же такое количество людей пережидало буран? Барбекю не вместит и половины...

— Пятьсот рейнджеров прибыли сюда три часа назад из Новой Америки, — не оборачиваясь, ответил офицер. — Остальные силы накапливались здесь в течение недели, командование подготовило штурм по всем правилам! Максимум через пять часов бункер, да и весь Реактор, будет очищен от мутантов.

И рейнджеры успеют вернуться домой до наступления темноты. А там и наша очередь недалеко!

— Медведь! — выкрикнул командир минометчиков, прикинувший к биноклю. — Ещё один! Трое! Четверо! Да сколько же там этих тварей?! Мы же перебили их всех ещё позавчера!

Майк мгновенно похолодел от страха и невольно поднялся на цыпочки, пытаясь разглядеть смертельно опасных мутантов. Из черного зева бункера, расшвыривая бегущее навстречу зверьё, вырвалось несколько здоровенных косолапых силуэтов. Рёв монстров был слышен даже отсюда, и он затаил дыхание,

мгновенно вспоминая скрежет
рвущегося металла и отлетающую
высоко вверх, оторванную
пулеметную башню вездехода. Но на
этот раз чудовищные твари на своей
шкуре испытали всю мощь
человеческого интеллекта. Пушки
легких танков одновременно
сплюнули огнем, окутываясь
клубами дыма, и ближайшего
медведя буквально разорвало надвое.
Мчащийся за ним монстр получил
снаряд точно в грудь, и его тело,
мгновенно ставшее безвольным
кулем, по инерции покатилося
кубарем дальше, разбрызгивая густые
потoki крови из сквозной дыры в
грязно-белой туше. Остальные

медведи, не переставая злобно реветь, повернули назад. Пулеметы боевой техники сосредоточили огонь на последнем из них, и Майк увидел, как от мчащегося за своим собратом в бункер монстра отлетают куски шерсти и окровавленной плоти. У самого порога монстр споткнулся, переходя на медленный неуверенный шаг, и рухнул прямо посреди входа.

– Да! – заорал Майк. – Подохни! Подохни! Подохните все! – Он злорадно осклабился, глядя, как остальное зверье со всех сторон бросается спасаться бегством.

Большинство мутантов устремилось в бункер, сталкиваясь и грызясь друг с другом, некоторые

зарывались под снег и пытались
уползти прочь, подальше от
приближающейся смерти. Место боя
стремительно опустело, и
наступающие подразделения быстро
достигли входных ворот, оставляя за
собой усеянное звериными тушками,
кроваво-снежное поле. Техника
быстро окружила вход, беря на
прицел подступы к бункеру со всех
сторон, и отряды рейнджеров начали
осторожно заходить внутрь.

— Наш вездеход! — один из солдат
указал рукой в противоположную
сторону, и Майк обернулся.

Оборудованный колесами
низкого давления, транспорт
двигался в сопровождении

бронетранспортера на воздушной подушке, и за поднимаемым им снежным облаком Майку едва удалось разглядеть темные силуэты шаттлов, выстроившиеся вдали. Завесы видно не было, то ли от неё вообще ничего не осталось, то ли, сильно занесенная снегом, она сливалась с бесконечной белой пустошью, но ракетопланы явно стояли гораздо дальше сектора Аэродром. Приглядевшись, Майк насчитал двенадцать крылатых машин. Если судить по рассказам старого Джеймса, Новая Америка прислала сюда почти весь свой парк дальней авиации. Сломанная ключица неприятно заныла, и он

болезненно скривился. Память вновь вытолкнула наружу леденящие душу воспоминания, и Майк затряс головой, отгоняя страшные видения. Похоже, броневики на воздушной подушке ещё долго будут вызывать у него зловещие ассоциации...

Бронетранспортер остался у въезда в укрепрайон, вездеход сбавил скорость, вкатился внутрь и некоторое время полз по лабиринту из мертвой техники. Наконец-то весь этот ужас заканчивается, мелькнула счастливая мысль, но ей на смену тут же пришла другая: ещё не весь. Майк поправил правой рукой бесчувственную левую, безвольным бревном висящую на перевязи. Где-

то в глубине души сознание уколола тонкая игла страха. А вдруг медики ничего не смогут сделать?! А вдруг он на всю жизнь останется инвалидом?! Он торопливо подавил панику, пока она не разрослась вновь. Лечащий врач гарантировал, что в Новой Америке медики решат эту проблему, поэтому...

«Он остался без руки», – тихим шелестящим шепотом произнес позади инженер Мартинес.

«Бывает и хуже», – на грани слышимости ответил ему Перес откуда-то сбоку.

Майк судорожно дернулся, затравленно озираясь вокруг, но кроме подходящего к нему солдата-

сопровождающего никого не увидел.

— Что вы сказали, сэр? — уточнил тот. — Я не расслышал. Говорите громче, через капюшон плохо слышно. Вам помочь зайти в вездеход?

Он протянул руку, собираясь подхватить его под локоть, и взгляд Майка уперся во вшитый в рукав арктического снаряжения термометр, демонстрирующий отметку в минус пятьдесят градусов. Майк рывком содрал с головы капюшон и зашарил глазами по прозрачному небу.

«Смышленный парень, — едва слышно похвалил его бригадир Уокер. — Сообразил»...

Место, где возникнет Воронка,

Майк увидел сразу. Гигантский вьюн, пока ещё совсем призрачный, с почти беззвучным шелестом сворачивался из стремительно мутнеющих, воздушных толщ прямо над полем недавнего боя. Кто-то из засевших на крышах пулеметчиков что-то надрывно кричал, указывая рукой в небо. Недавно кружившие в нем, уродливые птицы камнем пикировали вниз, с размаху вбиваясь в снег и исчезая из виду. Рация солдата взорвалась многоголосыми воплями, выкрикивающими всего одно слово, но Майк этого уже не слышал. Он вырвался из рук сопровождающего и что есть силы ринулся бежать, подгоняемый только

одной мыслью: успеть внутрь. Необходимо любой ценой успеть внутрь. Иначе смерть. Майк огромным прыжком влетел в тепловую завесу, сбивая с ног идущих навстречу людей, и бросился дальше. Он пробежал ещё несколько шагов, и исполинский ледяной таран врезался ему в спину, с огромной скоростью вбивая в темноту.

Громкий дробный стук где-то перед самым лицом вернул его сознание в реальность. Майк открыл глаза и понял, что стучат его собственные зубы. Тело сотрясало от дрожи, отчаянно подавая впавшему в беспамятство мозгу

сигнал о смертельно опасном переохлаждении. Пальцы охватила тупая резь, словно он окунул их в ледяную воду, лицо одеревенело, утратив подвижность, носовые пазухи при каждом вдохе обжигало жестоким холодом. Понять, работает обогрев или нет, было уже невозможно, необходимо как можно быстрее найти теплое укрытие, и времени у него почти не осталось, это пульсировало у него в голове с предельной ясностью. Майк попытался подняться, опираясь на здоровую руку. Встать удалось не сразу, голова сильно кружилась, донельзя замерзшие ноги слушались плохо, тупая боль от сковавшего тело

ледяного савана всё сильнее давила на плывущее сознание. Дважды он падал, опрокидываемый мощными ударами ветра, и пришлось буквально вползать вверх по стене, чтобы оказаться на ногах.

Оказалось, что он всё ещё находится в центральном коридоре первого этажа АЭС, рядом с переборкой, у громко хлопающих на ветру дверей во второй отсек. Порывы урагана, врывающиеся в здание, мгновенно преодолевали расстояние в полсотни метров, и, судя по окружающей темноте, все осветительные приборы уже полопались от запредельного перепада температур. Надо зайти за

переборку и закрыть за собой двери, пока он не замерз заживо. Майк, опираясь плечом на стену, двинулся вдоль переборки к дверям, но тут же упал, споткнувшись обо что-то в темноте. Он рухнул на что-то мягкое и тонкое, под которым ощущалась твердая основа, и ухватился за это здоровой рукой, стремясь подняться. Перчатка скользнула по синтетике, и Майк разглядел во мраке замерзший человеческий труп. Тело внутри арктического снаряжения превратилось в цельную ледяную статую и застыло в позе ползущего к укрытию человека. Новый порыв урагана, ворвавшийся в центральный коридор, швырнул поднимающегося

Майка на труп, и он перелетел через мертвеца, ударяясь в другого покойника. Этот человек замерз прямо в дверях, и его труп, ставший промерзшей глыбой, мешал им захлопнуться. Почти не ощущая собственных ног от студеной тупой боли, Майк вцепился в мертвое тело и потянул его на себя, хрипя от обжигающего холода в онемевших пальцах. Труп удалось вытащить из дверей, и новый удар проникшего с улицы ледяного воздушного потока бросил Майка в распахнутый вход. Он влетел за переборку и упал, чувствуя, как скованные лютым морозом конечности теряют последние крохи чувствительности.

Позади него с громким стуком захлопнулись двери, и в закрытые створы тотчас врезался новый воздушный поток, стремясь выгнуть их подобно парусу. Раздался хруст лопающегося пластика и скрежет металла, но двери выдержали.

Майк поднялся на замороженные ноги, словно на ледяные протезы, и побрел вперед, переставляя их, как ходули. Где-то дальше тускло пробивался слабый свет, и это был шанс. Он брел, словно зомби, спотыкаясь о трупы, падая, поднимаясь, спотыкаясь вновь... Через минуту его тело замерзло настолько, что перестало дрожать и чувствовать. Встать на ноги уже не

получалось, и он полз на четвереньках, волоча за собой поврежденную руку, и перелезал через попадающихся на пути, заледеневших мертвецов, пока не уперся в переборку следующего отсека. Свет, на который он шел, оказался аварийным указателем входа, расположенным над дверьми, и Майк, не в силах оторвать от пола руку, принялся бить в дверную створу головой, совсем не ощущая ударов. Если не откроют быстро, то очень скоро ему станет всё равно...

Но ему открыли. Дверь распахнулась, чьи-то руки втянули его внутрь, и вход поспешно захлопнули. В тусклом свете

аварийного освещения Майк увидел нескольких человек в арктическом снаряжении, пристегнутых друг к другу страховочными тросами.

— Сколько? — спросил кто-то глухим голосом, невнятно пробивающимся через лицевую маску.

— Три тридцать пять! — ответили ему. — Больше ждать нет смысла. Никто не придет. Воронка ударила при открытых воротах, многие даже не успели включить обогрев!

— Но он же выполз! — возразил первый, укладывая Майка на носилки. — Ждем ещё пятьдесят секунд! Ветер прекратился, может, Воронка сместилась! Кто-нибудь

сумеет доползти!

— Прежде чем внешние термометры вышли из строя, монитор показал минус сто шестьдесят два градуса по Цельсию! — нервно заявил второй. — Такого ещё никогда не было! Ионосфера меняется всё сильнее, реагируя на слабую накачку! При такой температуре про обычные четыре минуты десять секунд можно забыть, это почти жидкий азот! Надо уходить на нижний уровень, пока обогрев ещё держит тепло!

— Ладно, тащите его вниз! — Первый отстегнул от поясного карабина страховочный трос. — Я подожду немного и вернусь!

Носилки оторвались от земли, и Майк понял, что его уносят в глубь коридора. Спустя пару минут его доставили в теплое помещение нижнего уровня, ещё через пять к промерзшим конечностям начала возвращаться чувствительность. Едва не отмершие нервные окончания вспыхнули жуткой болью, и почти четверть часа Майк орал, катаясь по полу под пытками разрывающих психику мучений. Потом боль в ногах и руке сменилась сильным жаром, и он попытался расстегнуть мгновенно превратившееся в пекло, арктическое снаряжение.

– Не делай этого, парень! – Кто-то остановил его руку. Оказывается,

все это время в одном с Майком помещении находились люди. — Застудишься! Просто отключи обогрев и выпей это!

Его прислонили к стене и дали горячую кружку с жидкостью, источающей сильный больничный запах. Майк сделал несколько глотков и закашлялся, содержимое кружки показалось обожженному холодом пищеводу кипящим маслом.

— Как вас зовут? — Перед Майком возник замдиректора Полярного Бюро Коэн. — Вы пришли снаружи? Вы видели, что с шаттлами? Они успели взлететь?

— Я Батлер, сэр... — Майк тяжело хватал ртом воздух. — Майк Батлер,

бригада Уокера... Я не знаю про шаттлы... Я должен был улететь домой, у меня омертвела рука, врач сказал, что вылет через пару часов... Воронка пришла, когда я садился в вездеход у входа в Барбекю... Я успел забежать в здание, но я ничего не видел. Я закрыл двери второго отсека и добрался до третьего...

— Вы молодец, мистер Батлер! — безразличным тоном произнес Коэн. — Вы заперли двери и создали дополнительную преграду перед холодом. Это увеличило наши шансы. — Он отошел от Майка и посмотрел на стоящего в дверях человека в арктическом снаряжении с армейскими знаками различия: —

Вы починили радиостанцию? Мне нужна связь, немедленно!

– Радиостанция в порядке, сэр, – ответил тот. – Но связи нет. Снаружи предельно низкая температура, внешние антенны не работают, вещества изменили свои свойства, даже металлы ведут себя иначе, я не знаю, на каком именно участке не проходит сигнал. Придется ждать, пока Воронка не разрушится. До тех пор я бы даже на верхний уровень не поднимался!

– Ваши люди успели установить ретранслятор внутри бункера? – Правый глаз Коэна дергался в нервном тике, выдавая эмоции внешне спокойного хозяина. – Вы

вышли на связь с Вахтенным директором Грином?

— Ретранслятор был установлен, — подтвердил военный. — Но директор Грин на запросы не ответил. Сейчас от ретранслятора мало толку, его разместили сразу за входом в бункер. Если снаружи минус сто шестьдесят, работать он не будет. Я буду молиться за то, чтобы он вообще сохранил работоспособность после такого... Я всегда был уверен, что подобных температур на нашей планете быть не может!

— Продолжайте вызывать Грина и Новую Америку! — Глаз Козна задергался ещё сильнее. — Этот ретранслятор изготовлен специально

для работы при низких температурах!
У него имеется собственный обогрев!
Установите связь с Грином, он может
управлять ХААРПом из Командного
Центра! Пусть подаст на антенное
поле штатное питание! Накачку на
полную мощность! Его научная
команда должна убрать отсюда эту
Воронку и стабилизировать
Полярный Круг! Новая Америка
должна прислать сюда шаттл!
Продолжайте вызывать, майор! Это
приказ! Ступайте!

– Сэр, слушаюсь, сэр! – голосом
безмозглого солдафона отчеканил
военный и исчез за дверьми. Судя по
взгляду, которым он скользнул по
потолку, слова Коэна представляли

собой полнейший бред охваченного молчаливой истерикой человека.

Майор не ошибся. Связь появилась лишь к исходу четвертых суток, когда состояние укрывшихся на нижнем уровне АЭС людей было близко к критическому. Ни один из внешних приборов не пережил Воронку, система отопления верхнего уровня не выдержала переохлаждения и вышла из строя в первые же минуты, и покидать нижний уровень никто не решался. Понять, закончился ли ураган, было невозможно, запасы воды и пищи подошли к концу, почти все выжившие оказались больны в той или иной степени и отправляться на

разведку обстановки наотрез отказывались. Несколько уцелевших военных, объединившись в команду, поднялись на верхний уровень в хранилище продовольствия и лазарет, превратившийся в кладбище заледеневших трупов, но продвигаться к выходу не рискнули, обогрев снаряжения быстро сдавался под натиском холода.

Известие о том, что Новая Америка ответила на вызов радиста, Майк встретил в горячечном полубреду. После переохлаждения его болезнь вспыхнула с новой силой, и он едва держался на ногах, большую часть суток проводя лежа, укутавшись в ворох одеял. Узнав о

новой чудовищной трагедии, радист американского узла связи впал в шоковое состояние и прямо в эфире зашептал молитву. Его быстро заменили, и на связь вышел директор Бюро лично. Первое, о чем он спросил, было состояние АЭС. Узнав, что нижний уровень, вмещающий в себя все жизненно важные элементы функционирования отремонтированного энергоблока, не пострадал, директор заговорил спокойнее. Он сообщил, что ни один из шаттлов не вернулся и страна спешно готовит к полету оставшуюся пару ракетопланов, пожелал выжившим стойкости, терпения и не терять веры, после чего велел беречь

энергоблок как зеницу ока и отключился.

Шаттлы пришли на следующий день, но прибывшие на них спасательные отряды пробиться к выжившим через стаи мутантов не смогли. Бронетранспортерам удалось дойти до ворот АЭС, но едва десант покинул броню и вошел в ворота, твари атаковали людей в огромном количестве. Спасатели понесли тяжёлые потери, были вынуждены отступить и вернуться в Новую Америку. Директор Полярного Бюро вновь вышел на связь, призвал к мужеству и поклялся, что в ближайшие дни проблема будет решена. После этого Коэн несколько

раз проводил с ним закрытые сеансы связи, содержание которых разглашать не стал. В итоге он объявил, что всё, что требуется от уцелевших полярников, это не выходить дальше третьего отсека верхнего уровня и поддерживать отремонтированный энергоблок в штатном состоянии. Это заявление было встречено молчанием. Терзаемый обострившимся воспалением легких, Майк, обычно не двигающийся с места и не реагирующий на указания Коэна, на этот раз скривился от внезапной вспышки иронии, перемешанной со злобой. Их тут за идиотов держат, что ли?! Кто попрется за третий отсек,

если даже через переборку слышно, как там воют и скребутся мутанты, пытаюсь рыть подкоп к людям сквозь бетонный пол?! Кто плюнет на работоспособность энергоблока, если его энергия есть единственное, благодаря чему все они ещё живы? Отопление, освещение, очистка воздуха от углекислого газа, подзарядка элементов питания снаряжения, подача тока на защищающую двери решетку – да всё, всё зависит от электричества! Они и без того делали и продолжают делать всё то, к чему сейчас призвал этот чинуша! К чему этот цирк?! Майк смерил Коэна злым взглядом и принялся баюкать на груди

бесчувственную руку. Больше он на слова замдиректора внимания не обращал.

Новая экспедиция прибыла спустя трое суток. Измученный майор-связист сообщил, что пилоты доложили об успешной посадке, но температура воздуха снаружи неожиданно оказалась намного выше стандартного июньского значения, и спасательным бригадам требуется время на подготовку. Это заняло почти сутки, в течение которых находящиеся на борту шаттлов научные специалисты каждый час уточняли те или иные параметры работы энергоблока. Из обрывочных рассказов связиста Майк понял, что в

Новой Америке значительно похолодало и ученые пытаются рассчитать, на какой отметке термометра можно стабилизировать этот процесс до тех пор, пока не удастся запустить ХААРП в штатном режиме. К чему они пришли, он узнать не успел, пришедшее сообщение о начале эвакуационных работ выбило из головы все остальные мысли.

Оказалось, что прорваться к Барбекю по снегу стало невозможно. Несмотря на многодневную войсковую операцию и сотни уничтоженных мутантов, количество последних многократно увеличилось. Зоологи Полярного Бюро выдвинули

версию, что Реактор в силу обилия укрытий от бурь и ураганов превратился в новый оплот зверья наряду с Могильником, а то и превзошел последний по численности переселившихся сюда популяций мутантов. Обильно вкусившие человеческой плоти и крови монстры считают людей более легкой добычей, нежели друг друга, и теперь в первую очередь охотятся на двуногих. Это вызвало изменения в их повадках, зверье действует слаженно и почти не реагирует в разгар боя на тепловые ловушки и раненых соплеменников. Однако ревущие турбинами шаттлы всё ещё вызывают у мутантов опасение, и

монстры предпочитают не приближаться к ракетопланам, пока слышат грохот двигателей.

Поэтому эвакуацию решили проводить по воздуху. Новая Америка подготовила для этих целей вертолет, оборудовав его двойной системой теплоизоляции и обогрева. Чтобы перевезти его, пришлось полностью переделать один из шаттлов, и потому численность спасательной экспедиции была невелика, расчет строился на избегании столкновения со зверьем. Шаттлы приземлились в трех километрах от Реактора, спасательная команда погрузилась в вертолет и отправилась к АЭС. Посадку осуществили прямо на

крышу, после чего долго вымеряли нужное место, расчищали снег и устанавливали направленный заряд. Взрывом пробили дыру в третий отсек, потом принялись монтировать в ней герметичный люк.

Едва радист сообщил об установлении спасателями лестницы, все, кому посчастливилось выжить, двинулись к новому выходу. Замдиректора Коэн бегал от одного полярника к другому и что-то говорил о том, что специалистам необходимо остаться здесь, чтобы обеспечивать работу энергоблока, но полярники молча проходили мимо, словно не слыша его слов. Майк не смог идти

самостоятельно, но, к счастью, ему помогли и подхватили под руки. Два с половиной десятка уцелевших, измотанных и истощенных человек, не произнося ни слова, брели по темному коридору верхнего уровня к пятну света, пробивающемуся из пролома в потолке. Подняться по лестнице можно было только в одиночку, и Майка вытянули наверх страховочными тросами. Вертолет не смог взять на борт всех сразу, и майор предложил отправить первым рейсом раненых и тяжелобольных. Спорить никто не стал. Майка погрузили внутрь винтокрылой машины и пристегнули ремнями. Уже в воздухе он услышал звучание

рации, пробивающееся из-под капюшона бортового стрелка.

— ... чертова пена не успевает заполнять чертовы пустоты! — Говорящий человек сильно нервничал и ругался нецензурной бранью через каждое слово. — Она замерзает раньше! Минус шестьдесят восемь по чертовому Цельсию! Нам обещали, что она сохранит свои чертовы свойства до минус семидесяти! Как я должен обеспечить чертову герметичность и теплоизоляцию этого черного люка, если ни черта не работает?!!

— Делайте всё, что можно! — отвечали ему. — И сразу же приступайте к укреплению

переборки и дверей, отделяющих третий отсек от второго! Мы должны поставить перед мутантами непреодолимую преграду, и это необходимо сделать до следующего бурана! Ближайшим рейсом привезем вам новую пену...

– Людей! Людей мне привезите, вашу чертову мать! – психовал ремонтник. – Нас слишком мало для серьезного ремонта! Чертово отопление на верхнем уровне погорело, к дьяволу...

Перебранка в эфире длилась ещё долго, но Майк больше не прислушивался к шипению голосов. Пальцы ног начало морозить, обогрев опять сбоил, и он

сосредоточился на шевелении пальцами. В салоне воющего холостыми оборотами турбин шаттла оказалось немногим теплее. Пока в вертолет грузилась научная команда, пока машина доставляла их на АЭС, забирала оставшихся уцелевших и возвращалась, Майк замерз настолько сильно, что его тело вновь охватила дрожь. Лишь тогда, когда шаттлы закрыли люки и начали разбег, включился подогрев сидений, и студёные всепроникающие пальцы Холода неохотно отпустили окоченевшего человека. Спустя несколько секунд ракетопланы запустили ускорители, преодолевая звуковой барьер, и жестокая тяжесть

навалилась на пылающую огнем
грудную клетку. Хрипящий от боли
Майк услышал хруст своих
многострадальных ребер и потерял
сознание.

Глава 8

– О мой бог, о мой бог! – тихо причитала Хилари, сидя у больничной кровати и глядя ладонью безжизненную руку Майка. – Что же теперь будет... Что они с тобой сделали... Я этого так не оставлю, я пойду в суд... – По её лицу катились слезы. – Они мне ответят за это...

Майк лежал в госпитале вторую неделю, но только сегодня его перевели из интенсивной терапии в обычную палату и разрешили принимать посетителей. Хилари примчалась сразу, как только лечащий врач сообщил ей об этом, но

более радостных вестей у него не нашлось. В результате неоднократного экстремального переохлаждения поврежденный нерв полностью утратил работоспособность, и начавшая срастаться рука фактически была мертвой, без каких бы то ни было шансов на восстановление. Пластина, которой стянули сломанную ключицу, сместилась из-за сильных ушибов, заживление шло медленно, но ломать кость ещё раз не имело смысла. Травмированные ребра перестали болеть едва день назад и всё ещё давали о себе знать, сотрясение мозга вызывало периодические головокружения и

ноющую боль в затылке, воспаление легких только-только пошло на убыль. Лежать в госпитале ему предстояло ещё пару недель, не меньше. Услышав всё это, Хилари едва сама не оказалась на больничной койке.

– Не надо подавать в суд, мам, – вздохнул Майк, беря её за руку. – Из этого ничего не выйдет, только потратимся на издержки. Контракт с Полярным Бюро предусматривает все виды травм, повреждений и болезней, вплоть до смертельных случаев. Меня предупреждали, когда подписывал. Не плачь, всё будет хорошо. Бюро выплатит мне компенсацию, зарплату за вахту,

надбавку за Воронки и столкновения с мутантами. Лечение оплатят. Пожизненную пенсию по инвалидности выпишут...

— Сколько там той пенсии... — горестно всхлипнула Хилари. — Гроши! На них здоровье не купить! Во что они тебя превратили? Кожа да кости! Уезжал настоящим атлетом, а вернулся изможденным калекой! Пускай дают тебе работу в Новой Америке, как тем экспертам с протезами!

— У меня недостаточно опыта для того, чтобы стать экспертом. — Майк старался выглядеть бодро, чтобы хоть немного успокоить мать, впадающую в тихую истерику. — Но

не надо паниковать, я без работы не останусь! — Он ободряюще улыбнулся: — Если Бюро не найдет мне место, вернусь к старому Джеймсу в Гуманитарную миссию, буду работать там сорок часов в неделю, вместе с пенсией получатся неплохие деньги!

— Да кому она нужна теперь, эта Миссия? — Хилари вяло отмахнулась. — Закроют её с минуты на минуту, если уже не закрыли! Сейчас не до помощи дебиловатым дикарям, самим бы кто помог! На дворе июнь, а температура плюс десять, словно зимой! Цены на теплую одежду и одеяла взлетели до небес! В магазинах очереди за

обогревателями! В продаже дрова появились! На случай внезапного похолодания! Я купила одну вязанку, мало ли что... — Мать вновь тихо заплакала: — Надо консервами запастись, но они теперь стоят столько... Мне зарплату урезали, а вчера босс сказал, что подумывает продать бизнес, чтобы на вырученные деньги построить для себя утепленное убежище...

— До этого не дойдет, вот увидишь, — уверенно заявил Майк. — Господь такого не допустит! Бюро решит проблему с Реактором и запустит ХААРП! Когда я улетал, они уже нашли способ отделаться от мутантов, так что скоро в страну

вернется лето!

— Мы все молим господу, чтобы так и было, — вытерла слезы Хилари. — Только три дня назад оттуда опять привезли целый шаттл раненых! Что именно произошло — никто не знает, Бюро засекретило всё, что имеет отношение к Реактору, а правительство пичкает нас туманными обещаниями. Но люди говорят, что была предпринята попытка добраться до какого-то аварийного выключателя в центре ХААРПа, и оказалось, что там теперь живут мутировавшие птицы чуть ли не со всей Австралии, для них это вроде как лес! Никто не смог пройти и полукилометра внутрь

этого самого леса из антенн, монстры заклевали всех насмерть! Их там было сто тысяч, этих мутантов!

— Это ерунда! — Майк сделал вид, что смеется. — Я видел птиц над Реактором. Твари, конечно, уродливые и злобные, но их тогда было не больше сотни, а теперь и вовсе единицы, потому что Воронка свернулась прямо над ними. При минус ста сорока никто не выживает, а тогда ударило ниже минус ста шестидесяти по Цельсию!

— Ну, может, оно и так, — согласилась Хилари. — Тебе, конечно, виднее, сынок. Только правительство срочно выдало сразу несколько

арктических госзаказов! На всякие броневики с электродвигателями и усиленной теплоизоляцией, оружие, снаряжение, одежду и даже вертолеты! Фергюссоны недавно устроили зятя на военный завод, он рассказывал, что там идут работы в три смены и платят очень солидно! Я подумываю разослать резюме на все такие предприятия, может, удастся заполучить место! И за тебя я тоже пошлю, пусть подумают хорошенько над твоей кандидатурой, им же нужны настоящие эксперты!

Увлеченная новой идеей, Хилари заметно успокоилась, и их дальнейший разговор протекал на позитивной ноте. Ушла она спустя

час, когда заглянувший в палату врач безапелляционно заявил, что больному пора спать, и указал ей на дверь. Получив порцию уколов, Майк заснул и увидел во сне Лив. Проснувшись наутро, он поймал себя на мысли, что с момента нападения мутантов в Могильнике ни разу про неё не вспомнил. И Хилари вчера ни словом о ней не обмолвилась. Однако сейчас ему остро захотелось её увидеть. Нужно проверить почту, она же ответила на его письмо! Вытребовав у врача доступ к сети, Майк залез в свой почтовый ящик, но ответа от Лив там не оказалось. Скорее всего, она не рискнула доверить свои чувства столь

ненадежной среде, как Интернет, и ответила ему бумажным письмом. Это наиболее логичное объяснение, ведь Лив тонкая и романтическая натура, она с радостью последовала его примеру. Значит, ответ должен был прийти по указанному на фирменном конверте обратному адресу, то есть в офис Гуманитарной Миссии. Майк с трудом удержался от того, чтобы немедленно позвонить Джеймсу. Но к обеду старый полярник сам появился в больнице.

— Майк, сынок! — Стучащий протезом старик подошел к кровати и осторожно обнял Майка. — С возвращением! Я прочел твое имя в сводках спасенных! Знай, парень, я

горжусь тобой! Ты в первую же вахту столкнулся с Холодом во всем его коварстве и ярости, но выжил и вернулся! — его взгляд упал на неестественно усохшую руку Майка. — Что у тебя с рукой?

— Нерв омертвел, — криво ухмыльнулся Майк. — Пока решили не ампутировать. Но если загниет...

— Вот дерьмо! — в сердцах выругался Джеймс. — Как же так тебя угораздило... Мутанты? Воронка?

— Всё сразу, и неоднократно. — Майк болезненно зажмурился. Врачи посадили его на сильные, стабилизирующие психическое состояние препараты, и галлюцинации прекратились, но

ночью ему иногда всё ещё снились кошмары, в которых он заново переживал те жуткие события. — Не повезло.

— Не повезло твоей вахте, сынок! — возразил старик. — Вас всего четверо, тех, кто выжил! Двести с лишним человек забрал к себе Холод, а ты выстоял! А рука — не голова, справишься и без неё. Как только выпишешься, приходи в Миссию, я всё ещё держу твое место вакантным. У нас сейчас челноки ходят втрое чаще, спрос на меховые наряды растёт! Ходили бы и ещё чаще, хоть каждый день, да дикари начинают игнорировать челноки, если мы становимся слишком назойливыми,

Холод бы их побрал!

— Джеймс, как там Лив? — не вытерпел Майк. — Она спрашивала обо мне? В офис пришло от неё письмо для меня? Оно должно быть в официальной бумажной почте!

— Писем не было. — Счастливое выражение сползло с лица старика. — Нам уже полгода не приходило никаких бумажных писем. А её я почти не вижу. — Он отвел глаза в сторону и посмотрел в больничное окно: — Правительство срочно строит новые шаттлы, и я подрядился помогать аэродромным службам, готовлю ангары к приему техники. Так что возвращайся, работы хватает, и деньги льются рекой. Я замолвлю

за тебя словечко, не пожалеешь.

— Ты же сказал, что челноки стали ходить чаще! — Майк не хотел давать ему уйти от ответа. — Она же приезжает забирать меха! Она всегда это делает! — Его глаза испуганно расширились: — С ней что-то случилось?! Джеймс! Говори со мной!

— Да всё с ней хорошо! — недовольно осадил его старик. — Говорю же, работы у меня много, я её почти не вижу! Быстро отдал меха — и всё, пора бежать! Некогда разговаривать! А вокруг неё ещё эти журналисты-репортеры, ну, сам знаешь. Короче, не поговорить.

Дальнейшие вопросы на эту

тому Джеймс словно не слышал, всячески переводя разговор на что угодно, и Майк решил оставить его в покое. Как только он выпишется из больницы, то явится в Миссию и сам поговорит с Лив.

Выписали его только к концу месяца. К тому моменту левая рука окончательно омертвела и не реагировала на уколы иглой до самого плеча, болтаясь вдоль тела безвольной плетью, и Майк приспособился пристегивать её к поясу за специально пришитую петлю на рукаве. В остальном он чувствовал себя выздоровевшим, только потерянный за прошедший

месяц вес восстанавливался с трудом, и из-за сильной худобы общее утомление наступало слишком быстро. Пару дней Майк провел дома, не отходя от тихо паникующей Хилари, которую всё-таки уволили с работы. На оборонные предприятия её не брали, скудные сбережения быстро заканчивались, уходя на резко возросшую оплату счетов за электричество, отопительные приборы и теплую одежду, и положенные Майку выплаты пришлись в этот момент как нельзя кстати. На улице было уже минус десять, ночами температура падала до минус пятнадцати, пальмы давно вымерзли и попадали, деревья

стояли, покрытые снегом, которого в Новой Америке не видели более двухсот лет. Получив деньги, Майк оплатил счета, и мать немного успокоилась. Убедившись, что на какое-то время она пришла в норму, он заявил ей, что возвращается на работу в Миссию, где Джеймс держит для него место, и отправился в офис прямо в своем потрепанном арктическом снаряжении.

На присыпанных тонким слоем снега тротуарах было пусто, пешком практически никто не передвигался, зато на проезжей части закупоренных электрокаров было хоть отбавляй. Повсюду медленно ползала странного вида техника,

собирающая снег с дорог, которой раньше Майк никогда не видел. Видимо, её начали делать совсем недавно, на базе стандартных грузовиков. Очистители разгребали заносы, сбрасывая накопленный снег в кузова бортовых грузовиков, и всё это мероприятие занимало чуть ли не половину дороги. В результате длинные вереницы частных и пассажирских авто едва ползли по свободным полосам, двигаясь зачастую медленнее пешеходов. Большинство машин было наскоро оборудовано съемными системами отопления повышенной мощности, и сидящие в автомобилях люди смотрели на человека в униформе

Полярного Бюро со смешанными чувствами. Лица одних выражали надежду, другие глядели с явным страхом, видимо представляя, что станет с ними, когда такая одежда останется единственной, приемлемой для всех, и эти времена совсем не за горами. Видел он и неприкрытое недовольство, и это бесило его до желания устроить драку с этими толстозадymi уродами, всю жизнь живущими в тепле за счет жизней тех, кого на Реакторе пачками забирает Холод. И эти гады ещё чего-то там кривятся! А ну, отправляйтесь туда и морщите свои жирные теплолюбивые рожи перед мутантами! Холод быстро

покажет, кто есть кто!

К перрону монорельса Майк подходил во взвинченном состоянии. На остановке было пусто, рядом возвышалась какая-то новая конструкция, обвешанная рекламой обогревателей и зимней одежды, но других людей он не увидел. Чтобы успокоить бурлящее внутри негодование, Майк снял капюшон и подставил голову под слабый порыв ветра. Легкий холод остудил воспаленные нервы, и он набросил капюшон обратно, решив не надевать лицевую маску, для этого было слишком тепло. Что такое минус десять после минус пятидесяти? Зря только маску лишний раз

растягивать.

— Мистер полярник! — Позади него раздался приглушенный женский голос, и он обернулся. — Заходите внутрь, свободных мест не осталось, но там можно ждать стоя, мы потеснимся!

Голос принадлежал пожилой женщине, закутанной в целый ворох одежд. Её лицо было перемотано шарфом в два слоя, оставляя открытыми только глаза, рука указывала в сторону покрытого рекламными плакатами строения. Приглядевшись, Майк понял, что видит перед собой помещение для ожидания, до отказа заполненное изрядно замерзшими людьми,

одетыми по-зимнему. Вот почему перрон пуст, для пассажиров изготовили теплые помещения, чтобы предотвратить переохлаждение.

– Спасибо, мэм, но я подожду здесь, – поблагодарил женщину Майк. – Мне не холодно.

В её глазах мелькнуло неподдельное изумление, и она поспешила вернуться в тепло. Вскоре подкатили вагоны, Майк зашел внутрь и сел в самом углу, подальше от остальных. Народу в вагон набилось довольно много, все сидячие места оказались заняты, и люди между собой ругали машиниста за то, что он слишком долго не

закрывает двери, выстуживая электропоезд, который и так донельзя холодный. Всю дорогу до Аэродромного комплекса Майк думал о Лив. Он потерял руку, сражаясь за их любовь, но победить не смог, и теперь их совместное счастье вдребезги разбилось. Но не увидеть её было выше его сил, ведь всё это сделано ради неё, и она не сможет не оценить всю глубину его чувств и ту неизмеримо огромную цену, что он заплатил. Быть может, она даже захочет пойти наперекор диктату отца и для их любви ещё не всё потеряно... Ему необходимо обязательно увидеть её и поговорить. Обязательно!

Территория Аэродромного
комплекса оказалась непривычно
оживленным местом. Грузовики,
строительная техника, люди в
арктическом снаряжении,
многочисленные ремонтные
работы... Старый Джеймс не
преувеличивал, здесь стало
многолюдно, и даже местную охрану
сменили полицейские патрули. Но
облаченного в снаряжение Полярного
Бюро Майка на проходной
пропустили беспрепятственно, и
вскоре он уже входил в офис
Гуманитарной Миссии.

– Майк? – Старик увидел его и
заметно помрачнел. – Я же просил
тебя приехать завтра!

– Надоело лежать на кровати, в больнице належаля! – Он издал легкий смешок. – Ты не рад меня видеть? Что случилось, ты в порядке?

– Протез побаливает на погоду, – вдруг заявил Джеймс, никогда раньше не любивший жаловаться на жизнь или болячки. – Майк, сынок, ты не сходишь вместо меня в диспетчерскую? Нужно узнать метеосводку на вечер, а то замерзну ещё по дороге домой.

– Так ведь её можно запросить по сети, зачем идти? – Майк нахмурился, вглядываясь в недовольное лицо старика. – Подожди минуту... – Он осмотрелся:

приемная документация, формуляры, график вылетов на дисплее... – Ты ждешь челнок! Когда он прибывает? Сегодня? Она здесь? Джеймс, отвечай, она уже приехала? Ты ведь специально сказал мне выходить на работу завтра, не хотел, чтобы я виделся с ней! Где она?!

– Не приехала ещё, – недовольно буркнул старик. – Ничего хорошего из этого не выйдет. А вообще – поступай как знаешь, если тебе недостаточно страданий, мешать не собираюсь. – Он кивнул ему на свободное кресло: – Садись. До прибытия челнока ещё три часа, устанешь стоять.

– Письмо ты тоже от меня

спрятал? — Майк уселся на стул и уложил на колени мертвую руку. — Зачем ты звал меня на работу в Миссию, я же всё равно увижу её рано или поздно!

— Не было никаких писем. — Джеймс пренебрежительно фыркнул. — Спроси её сам, если хочешь. И вообще, тебе давно пора было выбросить из головы эту дрянь! Дело надо заниматься, страна в опасности! Потому и позвал!

— Не смей говорить о ней так! — разозлился Майк. — Она не такая! Ты её не знаешь! А за страну пусть борются другие, я потерял руку и ничем помочь не могу! И что Миссия может сделать для Реактора? Если

только консервов и одеял прислать!
Это, кстати, не помешает!

— Можно подумать, ты её знаешь! — Старик иронично скривился, собираясь обосновать свои слова, но вдруг махнул рукой: — Да к черту всё это! Сегодня приходит последний челнок, больше полетов не будет! Миссию передают в подчинение Полярному Бюро, будем обслуживать снежную взлетную полосу, через неделю нам увеличат штат и поднимут зарплату, денег на это дело сейчас правительство не жалеет!

— Снежную взлетную полосу? — Майк непонимающе нахмурился. — Это как?

– Ты что, не помнишь, как возвращался с Реактора? – удивился Джеймс. – Проспал, что ли?

– Я потерял сознание во время стартовых перегрузок, – огрызнулся Майк. – Очнулся в больнице.

– Извини, сынок, – примирительно закивал старик. – Старый я стал, не догадался о простых вещах... В общем, пока Реактор захвачен мутантами, шаттлы могут приземляться только на снег, на безопасном расстоянии от него. Да ты и сам это знаешь. Короче, для этого у них вместо колес должны быть лыжи. А у нас-то здесь всегда была бетонная взлетка! Ученые поначалу разработали какой-то

мудреный блок, который, в зависимости от местности, менял колеса на лыжи и обратно, но вскоре его забраковали. Слишком часто случались отказы, из-за этого мы потеряли три шаттла. Так что теперь все шаттлы снабжены лыжами, и нашу взлетно-посадочную полосу засыпали искусственным снегом, который регулярно обновлялся. После того как температура упала ниже ноля, здесь вместо дождей сыплет снег, и за полосой необходимо следить. Так что ты вовремя вернулся, парень! Через два дня у этих дверей будет стоять очередь из желающих получить работу! Половина сбежавших из

армии станут греметь своими юбилейными медальками и перечислять заслуженные на учениях регалии, лишь бы устроиться потеплее вместо сражений с Холодом!

— Что значит — половина сбежавших из армии? — не понял Майк. — О чем ты говоришь?

— Ты, как я вижу, не в курсе реального положения дел, — догадался Джеймс. — В госпитале особо не до чтения новостей, понимаю, понимаю...

— Я их каждый день читал. — Майк безнадежно отмахнулся. — Бесполезно! Ничего толком не говорят, сплошная патриотическая

чушь и размытые фразы вроде «предпринимаются все усилия», «добились значительных успехов» и «второй энергоблок уверенно функционирует в штатном режиме»! Никто даже толком не знает, что произошло с моей вахтой! Однажды я рассказал паре соседей по палате о Воронке, так меня после этого семь раз осматривал психиатр, очень недвусмысленно намекая на то, что я перенес сильную психическую травму и, если тревожные симптомы будут продолжаться, меня ждёт психиатрическое отделение! А потом появились какие-то типы из Бюро и стали тыкать мне в нос моим контрактом. Сказали, что если я

нарушу пункт о неразглашении, то не получу никаких компенсаций, лишусь пенсии, и мне арестуют счета, на которые Бюро переводит мне деньги! Будешь тут в курсе, дьявол их всех заberi!

– Ты меня не удивил. – Старик невесело хмыкнул. – Полярным Бюро владеют те же семьи, что владеют правительством и решают меж собой, кому быть президентом. Им паника не нужна, и лишняя шумиха тоже. Но слухи просачиваются, гибель двух тысяч человек ещё можно скрыть, но аномальное похолодание не скроешь! Я введу тебя в курс дела, у меня есть в Бюро надежные источники ещё со времен

вахт! Правительство срочно строит шаттлы взамен потерянных. Заводы получили заказ на два десятка ракетопланов! Представляешь, какие это деньги?! И они не жалеют таких сумм, это значит, что дела совсем плохи! В армии начались усиленные занятия по арктической подготовке, но после того, как батальон рейнджеров улетел к Реактору и в полном составе не вернулся оттуда вместе со всем нашим парком шаттлов, brave вояки побежали из войск на гражданку, словно тараканы после травли! Ходят слухи, что, как только будут изготовлены новые шаттлы, президент отправит к Реактору все подразделения, которые

к тому моменту будут обеспечены арктическим снаряжением и техникой. И многие храбрецы увольняются из армии, чтобы туда не попасть! Да что там многие! В армии сейчас повальное бегство! Не удивлюсь, если очень скоро военным сильно поднимут зарплату и попутно сделают разрыв контракта невозможным. Но пока этого не произошло, в Новой Америке с каждым днем прибавляется безработных. И убавляется градусов на термометре. На улице уже минус пятнадцать по ночам!

— Ниже не будет, — успокоил его Майк. — Я ещё когда валялся на нижнем уровне Барбекю в ожидании

спасателей, разговаривал с одним ученым из научной команды АЭС. Он был совсем плох, даже хуже меня, и мы несколько дней пролежали рядом. Было о чем поговорить... Когда у нас хватало на это сил. Так вот, он рассказал, что при нынешнем режиме работы ХААРПа его мощности хватит, чтобы удержать температуру на уровне не ниже минус десяти — пятнадцати по Цельсию.

— Не скажи! — возразил старик. — Это верно только до тех пор, пока на улице стоит лето! А как насчет зимы?! Земля отдалится от Солнца, и температура упадет градусов на сорок в силу естественных причин!

И у нас тут будет минус пятьдесят пять! Думаешь, почему правительство так торопится, выделяет огромные деньги на постройку шаттлов, подготовку армии и так далее?! Потому что у нас есть все шансы повторить судьбу остального мира, а в этом случае деньги будут уже никому не нужны! Едва дневная температура свалится за отметку в минус двадцать, тут такое начнется! Богатеи уже бросились строить себе теплые убежища и запасаться нефтью, те, кто победнее, скупают уголь, остальные заготавливают дрова! Правительство постоянно выкладывает в сети сводки о

состоянии продовольственных запасов, но если этот рынок зашатается хоть чуть сильнее, чем он шатается сейчас, паника вспыхнет мгновенно! Все бросятся скупать продукты, распахивая друг друга локтями! Так и до хаоса недалеко!

– Это глупо! – оценил Майк. – В таком случае правительство правильно делает, что не дает обывателю никакой информации. К чему подогревать панику? Как только у нас будет достаточно шаттлов, к Реактору отправят хорошо вооруженную армию и она отобьет у мутантов всё! В тот раз это почти получилось, если бы не Воронка, тут уже было бы тепло!

— А вот это ещё очень большой вопрос! — не согласился Джеймс. — Ты ещё не знаешь главного! Мало того, что в Реактор переселились все монстры Австралии, огромный кусок ионосферы над ним как-то изменил свои свойства. Есть мнение, что это реакция на затяжную, небывало низкую интенсивность работы ХААРПа. В общем, там теперь очень холодно! Один человек по секрету шепнул мне сегодня утром, что вчера днем, при штилевой погоде, термометры Барбекю показывали минус восемьдесят ровно, а ведь сейчас лето! Если начинается сильный ветер, то техника замерзает прямо на ходу и обогрев не спасает!

Оружие отказывает, нечем сражаться со зверьем! Люди обмораживаются, один раз шаттлы в лагере за Реактором едва не замерзли — начался буран, и топливо начало загустевать прямо в обогреваемых баках! И противообледенительная обработка не помогла, пришлось разводить открытый огонь прямо под фюзеляжем, там все молились, чтобы не случилось взрыва. А вчера на орбите сгорел метеоспутник, тот, что поддерживал стабильность Полярного Круга. В космосе всё ещё болтается что-то на эту тему, но если Полярный Круг пропадет, то не потребуется никакой зимы — к нам придет Холод, прямо сюда! Ты

знаешь, что тогда будет!

— Полярному Бюро не в новинку восьмидесятиградусный мороз, — заявил Майк. — Накопят силы и отобьют Реактор, у них всё равно нет выбора. Наштампуют техники на электрической тяге, вооружат получше, пробьются к директору Грину, и всё, дело сделано. В конце концов, воспользуются точкой аварийного управления ХААРПом. Главное, что второй энергоблок Барбекю стабилен, остальное — дело военных отрядов!

— Так-то оно так. — Старик не стал спорить. — Но ретранслятор, который военные перед смертью успели разместить за входом в

бункер, работает. Только Грин не отвечает на вызовы. И к точке аварийного управления пытались пробиться трижды. Не вышло ни разу. Пять километров через антенное поле не прошел никто, там всё кишит мутантами, они сжирают людей за секунды, техника вязнет в снегу, вертолету приземлиться негде, пытались высадиться с зависшего вертолета по тросам прямо на крышу, так птицы разорвали всех ещё в воздухе!

— Ну, так пусть построят несколько танков на электродвигателях! — зло выдохнул Майк. — Им мутанты не страшны! Это что, проблема для страны с

населением в сорок миллионов человек?!

— Проблема у нас со временем. — Джеймс с презрительной усмешкой кивнул в сторону окна. — И с трусливыми зажавшимися эгоистами, которые готовы обречь страну на пожирание Холодом, лишь бы не рисковать своими толстыми задницами в Реакторе. Никто не хочет туда лететь, сынок! Правительство вертится, словно игуана на раскаленной сковороде, пытаясь завлечь людей в Бюро и армию! Зарплаты вахтам увеличены в десять раз. В десять! И всё равно народу не хватает. Ты знаешь, что Барбекю перевели в автоматический

режим? Там теперь никто не сидит. Обслуживающая команда прилетает раз в неделю, вертолетом добирается до люка на крыше, проводит необходимые профилактические работы и возвращается обратно. Только на таких условиях атомщики согласились работать. Пока у нас только одна надежда — на новые шаттлы, технику и мощное наступление. Но всё это необходимо ещё построить.

Они обсуждали положение дел ещё долго, и Майк настолько увлекся, что пропустил появление Лив. Когда дверь в офис Джеймса распахнулась и на пороге появилось несколько

дюжих здоровяков, он не сразу сообразил, что это её телохранители. Пока Майк растерянно переводил взгляд с осматривающих помещение громил на Джеймса, в офис вошла Лив в сопровождении какого-то слащавого хлыща, одетого в ультрамодные шмотки. Пара телохранителей зашли следом и, затворив дверь, остались стоять возле входа. В изысканной, отороченной песцовым мехом, норковой шубке безукоризненного кроя восхитительная Лив была особенно прекрасна.

– Мисс Шекельсон! – Старик, поскрипывая протезом, поднялся ей навстречу. – Вы сегодня раньше

времени! Добро пожаловать в Гуманитарную Миссию, но челнок ещё не приземлился.

— У меня мало времени, — холодно заявила Лив, даже не взглянув на пожирающего её глазами Майка. — Сколько ещё ждать?

— Я ожидаю посадку через... — Джеймс бросил взгляд на часы, — через пятнадцать минут. Но аэродромные службы подадут контейнер с грузом не сразу, в аэропорту идет серьезное строительство, и всё может затянуться...

— На сколько? — перебила его Лив. — Сколько конкретно я потеряю здесь времени?

– В пределах часа. – Старик поморщился и уселся обратно. – Располагайтесь. Можете чувствовать себя как дома, всё равно наша Миссия доживает свою последнюю неделю.

– Ваше содержание обходится стране слишком дорого, – парировала она. – Тем более что практической пользы от Миссии нет. Хотя не скрою, что я буду скучать по мехам этих дикарей! Сейчас они особенно в цене.

– Здравствуй, Лив! – зачарованно выдохнул Майк. – Ты не представляешь, как я ждал этой встречи! – При этих словах её телохранители разом напряглись.

— О мой бог, это ещё что за ходячее недоразумение?! — Лив брезгливо посмотрела на него и тут же перевела взгляд на Джеймса: — Вы специально подбираете себе помощников из отребья самого низкого пошиба? Сменили неуравновешенного психа на сексуального маньяка?

— Это Майк Батлер, мисс Шекельсон, — ничего не выражающим тоном произнес Джеймс. — Тот самый парень, которого вы любите натравливать на своих ухажеров, когда приезжаете за...

— Джеймс, перестань! — оборвал его Майк. — Лив, милая, не слушай

его! Ты получила мое письмо? Я отправлял его официальным конвертом Миссии прямо перед отлетом к Реактору!

— Письмо?! — Она негромко хохотнула. — Тонны писем, приходящие мне ежедневно от всех кому не лень, разбирают референты. Я не трачу время на такую чушь!

— Дорогая, кто это? — подал голос ультрамодный хлыщ. — Я не в курсе чего-то весьма занятного?

— О да! — снова рассмеялась Лив. — И тебе в некотором роде повезло! Чего не скажешь о вас, мистер Майк Батлер! — Она смерила взглядом его безжизненную руку, пристегнутую к поясу. — Судя по

всему, ваш вояж за Полярный Круг удачным не был? Мои соболезнования, мистер полярник! Но вы, без сомнения, настоящий герой Новой Америки! А сейчас прошу прощения, но у меня серьезный деловой разговор!

Она отвернулась от Майка к своему хлыщу и тихо заговорила с ним о чем-то, коротко хихикая.

— Так это он? — шепотом воскликнул тот и прыснул, подавляя смех. — На видео он казался больше!

Лив присоединилась к его мерзкому смешку, и Майк не выдержал. Он рванулся к ней, выдавая длинную тираду признания в любви, заготовленную им ещё в

госпитале, но тут же поперхнулся, встреченный ударом телохранителя в солнечное сплетение.

– Замерзни! – рявкнул ему один из громил, больно заламывая здоровую руку и опрокидывая лицом на офисный стол. – Не шевелись!

– А ну отпусти его, сукин сын! – Старый Джеймс вскочил со стула, схватил висящий на стене ледоруб с дарственной гравировкой и бросился на охранника, скрипя протезом.

– Брось это! – в один голос заорали все телохранители, мгновенно извлекая оружие, и в сторону сжимающего ледоруб старика уткнулись вороненые стволы.

– О! Как удачно мы с тобой сюда заглянули! – Хлыщ уже снимал происходящее на мобильный. – Лив, киса, ты не находишь, что требование «Замерзни!» применительно к его наряду звучит весьма символично? Моя охрана вызовет полицию или твоя? Кстати, улыбнись, у тебя слишком серьезный профиль под этим освещением. Представляю, какие презабавные будут комменты!

– Я вижу, у вас тут целый клуб по интересам! – Лив усмехнулась в лицо Джеймсу, остановившемуся посреди офиса. – Думаю, на этот раз вам будет сложно переубедить полицию.

– Ты, грязная развратная

шлюшка, подавись своим поганым языком! – злобно прошипел старик. – Это из-за тебя парень лишился руки! Убирайся из моего офиса в Могильник, мерзкая тварь, там тебе самое место!

– Джеймс! – прохрипел Майк, корчась от боли. – Перестань! Перестань сейчас же!

– Вау! – округлила глаза Лив. – Пожалуй, пора звонить отцу. Пусть полицию вызывает он...

Трель телефонного звонка прервала её на полуслове. Она достала мобильник и заговорила:

– Алло? Папа! Ты как раз... Что? – Неразборчивая скороговорка в трубке перебила её. – Что?!!

Замершие телохранители одновременно ткнули пальцами во вставленные в ушные раковины гарнитур, и один из них крикнул, рывком распахивая дверь:

— Уходим! Немедленно!!!
Бросьте его! — Он выскочил из офиса и подпер дверь ногой. — В машину!

Телохранители схватили Лив и её спутника и буквально вынесли из офиса. Майка отшвырнули в Джеймса, и они оба рухнули на пол. В следующую секунду на пульте внутренней связи аэродромного комплекса вспыхнул сигнал тревоги, и взвыла сирена.

— Что происходит?! — Майк вскочил на ноги и ухватил Джеймса

за руку, помогая подняться.

— Не знаю! Тревога! Вроде пожарная... — Старик, кряхтя, поднялся и поковылял к окну, но тут же замер. Его глаза расширились: — О мой бог!

Майк проследил его взгляд и остолбенел. Прямо на них, со стороны взлетно-посадочной полосы, уходящей вдаль, с огромной скоростью мчался исполинский торнадо, сметая на своем пути технику, людей и ограждения.

— Ложись!!! — закричал Джеймс и, схватив Майка, бросился в дальний угол офиса.

Мощный удар заставил здание подпрыгнуть, окна брызнули

потоками стекла, и внутрь помещения с разрывающим барабанные перепонки ревом ворвались облака из снега, грязи и обломков. Всё тряслось, словно при землетрясении, грохот стоял такой, что хруст ломающихся стен казался шорохом сминаемой бумаги, вокруг что-то падало, рушилось и разбивалось вдребезги. Майк лежал на подпрыгивающем полу, закрыв здоровой рукой затылок, и молился о том, чтобы не очнуться внутри залитого кровавым льдом, опрокинутого вездехода под визг мутировавших тварей, рвущих на части человеческие трупы...

— Майк! Майк! — кто-то тряс его

за плечо. – Сынок, ты в порядке? – Знакомый голос смутно пробивался через звон в ушах. – Ты меня слышишь? Майк!

Старый Джеймс перевернул его на спину, и Майк затряс головой, пытаясь прийти в себя.

– Слышу. – Он протер рукой забитые пылью глаза. – Что это было? Я видел в окне торнадо!

– Это он и был. – Старик ухватился за перевернутый шкаф, поднялся на ноги и протянул ему руку.

– Откуда он здесь взялся?! – Майк встал и окинул взглядом превратившийся в свалку заснеженных обломков офис. – Я

думал, здание рухнет! – Он принялся пробираться через перевернутую мебель и разбитое офисное оборудование к окну. – Джеймс, ты посмотри на это!

Аэродромный комплекс лежал в руинах, сметенный ударом стихии. Верхние этажи были полностью разрушены, от диспетчерской вышки остался зазубренный обломок метров пяти высотой, всё вокруг было усеяно обломками зданий, измятой техникой и разможжёнными телами. В установившемся полнейшем безветрии с неба на землю медленно падали крупные хлопья снега.

– Майк, сынок, помоги-ка мне! – Джеймс безуспешно пытался

сбросить выломанную оконную раму с опрокинутого шкафа. — Здесь становится холодно, а в этом шкафу мое снаряжение!

— Твое снаряжение? — Майк налег на раму, упираясь ногами в разбитый стол. — Арктическое? Ты хранишь его в офисе? — Рама поддалась и сползла на пол.

— Где ещё мне его хранить? — Старик распахнул лопнувшую пластиковую дверцу и вытянул из шкафа пухлый одежный чехол. — Если я здесь бываю чаще, чем дома? И потом, дома у меня нет зарядного устройства, а элементы питания всегда должны быть заряжены, это тебе известно!

Он расстегнул чехол, достал снаряжение и принялся сноровисто одеваться, словно последний раз делал это вчера.

— Снаряга, конечно, старая, не чета твоей, — хмыкнул Джеймс, накидывая на голову капюшон, — но всё ещё исправная! Я даже починил шину обогрева левой ноги, чтобы протез не замерз в случае чего! — Он издал полубезумный смешок, глядя на ошарашенного Майка, прицепил к поясу валяющийся неподалеку ледоруб с дарственной гравировкой, и закончил: — Настоящий полярник — полярник навсегда! Пойдем, пора выбираться отсюда, сынок, кому-нибудь может понадобится наша

помощь!

До лестницы они добрались не сразу. Стены второго этажа, на котором располагался офис Гуманитарной Миссии, выдержали удар торнадо, но внутри всё оказалось разбито и превращено в хлам. Оказавшись на лестничной площадке, они слышали доносящиеся снизу голоса, и Джеймс окликнул находящихся на первом этаже людей. В ответ раздался лязг пистолетных затворов.

– Не двигаться! – Один из телохранителей Лив, со следами крови на рассеченном лбу, выглядывал из-за перил с оружием в руках. – Бросайте оружие!

– Лив! С тобой всё в порядке?! – Майк рванулся было вниз по лестнице, но Джеймс схватил его за локоть.

– Если этот маньяк сделает хоть шаг в мою сторону – убейте его! – взвизгнула Лив. – Стреляйте! Слышите?! – Она вцепилась в руку другому охраннику: – Откройте дверь! Немедленно!

– Сэр! Медленно отойдите назад! – приказал телохранитель, взяв Майка на прицел. – Не делайте резких движений! Иначе я буду вынужден применить оружие!

– Дверь завалило снаружи, – ответил ей второй охранник, склоняясь над лежащим без сознания

телом своего товарища. — Мы вызовем помощь, как только наладится мобильная связь!

— Так вызывайте же! — истерично воскликнула она. — Чего вы возитесь с этим болваном? Вы что, врач?! Вызывайте помощь! Сейчас же! Звоните моему отцу, пусть пришлет сюда вертолет...

— Пойдем отсюда, сынок. — Джеймс плавно, но настойчиво потянул за собой потерявшего дар речи Майка. — В другом крыле здания есть ещё одна лестница. Попробуем выйти там. Здесь мы ничего, кроме пули, не получим. Пойдем!

Он увел Майка с лестничной клетки, и четверть часа они

пробирались через полуразрушенное здание. Второй выход оказался наполовину завален обломками, но его двери выломало стихией, и им удалось выползти наружу. С обратной стороны превратившегося в заснеженные руины аэродромного комплекса их взорам открылось жуткое зрелище: вдали из-за горизонта возвышался огромный вьюн беснующихся воздушных потоков, бушующих над городом.

— Второй метеоспутник не выдержал двойной нагрузки. — Хилари, одетая в длинный зимний пуховик, сидела в тесном для её массивного тела кресле и куталась в

одеяло. В руках у неё была небольшая железная кастрюля с только что вскипяченной талой водой. – Что-то там сгорело у него в потрохах, и Полярный Круг вышел из-под контроля. Торнадо сошли со своих обычных путей и помчались в область теплого давления или низкого воздуха, я уж не помню точно. По Ти-Ви объявили тревогу, велели взять теплую одежду и укрыться в подвальных помещениях. Сказали, что времени мало, что торнадо идут через всю страну. Я только успела взять деньги, накинуть пуховик и выбежать в подъезд, как всё запрыгало, дом затрясся, начался жуткий грохот! От нашего дома

остались только стены, как меня не задавило обломками — это просто чудо! Если бы не вы, я так бы и осталась лежать там, пока не замерзла насмерть! Что же теперь будет?

Они нашли Хилари случайно, когда спустя четыре часа после удара торнадо по Аэродромному комплексу смогли добраться до Нью-Вашингтона. Выбравшись из офисного здания, Джеймс разыскал уцелевший ангар аэродромных служб, в котором обнаружился грузовик-снегоочиститель. Около часа они бродили вокруг развалин, собирая выживших, после чего температура воздуха понизилась до

минус тридцати трех, и Джеймс велел всем забираться в кузов и укрыться кто чем может. Майк, не проронивший после произнесенных Лив на лестнице слов и десятка фраз, попросил Джеймса заехать за ней. Старик нехотя согласился, но ни Лив, ни её телохранителей у первого выхода они не нашли, лишь на снегу отпечатались свежие следы больших колес, не то грузовика, не то автобуса.

— Они уехали, пока мы лазали по развалинам, — заявил старый полярник. — Похоже, брать с собой кого-то ещё мисс Шекельсон не собиралась. — Он увидел понурый взгляд Майка и махнул рукой: —

Ладно, какая теперь разница...
Дольше здесь оставаться нельзя,
если похолодает ещё сильнее, можем
до города не доехать, грузовик не
приспособлен к морозам ниже минус
тридцати девяти, что-нибудь откажет,
и застрянем посреди трассы. Надо
ехать сейчас, пока ещё всё работает.
В городе найдем спасателей и
отправим их сюда. У них должна
быть спецтехника.

Шестьдесят километров до
Нью-Вашингтона ехали часа два,
трасса была сильно захламлена
обломками, вырванными с корнем
деревьями и разбросанными
автомобилями. Несколько раз им
приходилось цеплять тросом

преградившее путь препятствие и оттаскивать его грузовиком в сторону. По мере приближения к городу становилось ясно, что торнадо прошел прямо через него, вызвав огромные разрушения. По многим улицам проехать оказалось невозможно, и грузовик долго петлял, выискивая дорогу. Наконец им удалось добраться до одной из городских больниц. Она представляла собой плачевное зрелище, но два первых её этажа уцелели, и выживший медицинский персонал организовал там пункт оказания помощи пострадавшим. Со всех сторон туда стягивались уцелевшие люди, и разрозненные

представители экстренных служб наскоро объединяли добровольцев в спасательные команды. Джеймс отдал им грузовик и сообщил о ситуации с аэродромным комплексом, но один из немногих спасателей, закутанный в обрывок брезента поверх униформы, лишь с прискорбием покачал головой:

— Я даже не знаю, когда кто-нибудь сможет дотуда добраться! — Он кивнул на сгрудившихся вокруг костров, замерзших, полураздетых людей, жмущихся ближе к огню, мимо которых в разрушенную больницу на руках тащили раненых. — Мы оказались не готовы к такому! От нашего офиса остались

одни обломки, технику завалило, больше половины сотрудников погибло. Нам самим сейчас помощь очень бы пригодилась. Как только наладим связь, попробуем выяснить, что к чему. Я даже не знаю, кто сейчас командует, где президент и есть ли поблизости спасательные отряды, укомплектованные техникой! Ваш грузовик сейчас как нельзя вовремя, на нем мы сможем вывезти из завалов больше пострадавших. Я понимаю ограниченность ваших возможностей, но из всех нас вы наиболее подготовлены для работ на морозе. Вы можете возглавить одну из спасательных команд?

— Может быть, позже. — Майк

отрицательно покачал головой. — Мне необходимо разыскать свою мать. Она должна была быть дома, когда произошло всё это. Я должен её найти!

Спасатель пожелал им удачи, и они с Джеймсом отправились к дому Майка. От двадцатиэтажного строения остался лишь остов в три-четыре этажа, утопающий в грудах обломков, из-под которых приглушенно доносились крики погребенных под развалинами людей. Некоторое время они пытались разбирать завалы, но однорукому парню с ослабленным болезнью здоровьем и одноногому старику, разменявшему седьмой

десяток, делать это было крайне тяжело. На улице продолжало холодать, снег всё сильнее засыпал руины, и крики о помощи звучали всё тише и реже. Хилари они нашли совершенно случайно. Майк осматривал развалины в том месте, где ранее находился вход в их подъезд, и услышал её слабый голос, доносившийся из-под двух перекрещенных лестничных пролетов. Как оказалось, она не пострадала в результате обвала, но её грузное, массивное тело было слишком объемисто для того, чтобы самостоятельно выбраться из каменной ловушки. С трудом освободив Хилари, они забрались в

пустую квартиру ближайшего полуразрушенного дома, развели костер и закутали её в найденные здесь же одеяла. Джеймс отыскал какую-то кастрюлю, набрал в неё снега и приготовил для Хилари немного кипятка. Пока донельзя замерзшая мать пыталась отогреться, они обсуждали, что делать дальше.

— Надо бы наведаться ко мне домой, там есть кое-какие полезные вещи. — Джеймс огорченно покачал головой: — Вот только идти отсюда слишком далеко.

Он пошевелил ножкой от стула горящий посреди комнаты костер и бросил в него пару деревянных обломков. Разгоревшиеся языки

чадящего пузырящейся на обломках краской пламени вяло поползли вверх, пуская длинные тени по стенам полутемной квартиры.

— Пока не восстановят электричество, ничего хорошего ждать не приходится, — флегматично продолжил он. — Полярный Круг пропал, стало быть, к нам явился Холод. Температура будет быстро падать. Топливо-энергетическая система Новой Америки не рассчитана на работу при температурах менее двадцати градусов ниже нуля. Двести лет назад здесь всё строили с поправкой на экстремальные ситуации, но с тех пор города сильно разрослись,

население страны увеличилось на четверть, и при строительстве новых районов никто не хотел нести лишние расходы. Да и неизвестно, в каком сейчас состоянии всё то, что устанавливалось два века назад! Так что воды, тепла и света не будет ещё долго. Остается рассчитывать на то, что правительство быстро мобилизует все силы и вскрыет стратегические резервы. Но когда придет помощь — я не знаю, зато Холод будет здесь уже к рассвету.

— Это верно, — кивнул Майк. — А вместе с Холодом всегда приходят голодные твари. Если мы не подготовимся к их появлению, нас просто сожрут. Здесь оставаться

нельзя, нам необходимо место, где можно запереться, как в бункере. И нужна еда, дрова и оружие. Предлагаю засесть в подвале продуктового магазина, тут неподалеку есть один!

— Нет, это не выход, — не согласился старик. — Все, кто уцелел, захотят сделать то же самое. Еда у людей закончится быстро, и уже завтра на развалинах магазинов начнется мародерство. Народ будет грызть друг другу глотки за кусок замерзшего гамбургера, это не Реактор, тут каждый сам за себя, в этом я успел убедиться за последние тридцать лет! До момента, когда правительство возьмет ситуацию под

контроль, доживут не все, это однозначно. Горстке полицейских и спасателей, замерзающих среди десятков голодных людей, порядок не обеспечить. Завтра на улицах начнется стрельба и хаос.

— Что же нам делать? — испуганно воскликнула Хилари. — У нас даже нет оружия! Я видела на улице перевернутую полицейскую машину, там может лежать ружье!

— Когда ударит за минус пятьдесят, толку от него будет не много. — Джеймс покачал головой: — Стрелковое оружие изготавливается из закаленного металла, а он при очень низких температурах становится хрупким. Спусковые

рычаги, тяги, ударники, элементы затвора – всё это может разрушиться, как только ты начнешь много стрелять. Так что первые очереди надо делать короткими, чтобы разогреть винтовку. Опять же, на сильном морозе смазка густеет, и подвижные части застревают, начинаются задержки и отказы при стрельбе. Если ты занесишь оружие с холода в тепло, на оружии выступает конденсат. Не только снаружи, везде. Когда ты выйдешь обратно на холод, он заледенеет, и подвижные части заклинит льдом. Поэтому мы в Реакторе вообще не забираем винтовки из вездеходов, если из них не стреляли, а те, что хранятся в

бункере, всегда находятся в защитных герметичных чехлах. Кроме того, если при стрельбе винтовка попадает в снег, то из-за разницы температур некоторые металлические и пластиковые части могут деформироваться. Особенно магазины и пластиковые рукоятки, они вообще трескаются на предельном холоде. Ну и снег, опять же, если в ствол попадет, то растает и превратится в воду. А она вступает в реакцию с остатками сгоревшего капсюльного пороха и микрочастицами оболочки пуль, остающимися и на внутренней поверхности металла, и в порах, и в трещинах, и даже на гладких

поверхностях. То же касается и затвора, газовой камеры, поршня затворных рам или механизмов помпового взведения. Из-за этого оружие начинает ржаветь. Но самое плохое, что, как только за него вновь берется Холод, вся эта гадость замерзает и расширяется в своих трещинках, распирая их изнутри. Это быстро приводит металл к потере прочности. Ты начинаешь стрелять при минус шестидесяти с гаком, и оружие может разрушиться прямо в твоих руках!

Старый полярник с любовью погладил висящий на поясе ледоруб и красноречиво усмехнулся:

— Я уж и не помню всего, там

много тонкостей, но зачастую именно эта вещьца является самым надежным оружием! Вот почему Бюро всегда имело на вооружении особые арктические винтовки и пулеметы. Там и конструкция специальная, и стволы защиты в защитные кожухи, и пули особенные, и капсюли у нас электрические. Кое-где мягкие углепластики вместо резины и твердых пластиков, ну, ещё какие-то хитрости. Это так же, как с двигателями, — мы используем только электрические, потому что жидкое топливо замерзает прямо в баках и обогрев не спасает.

— Но в Нью-Вашингтоне никогда не было холодно... — Где-то далеко

громыхнул выстрел, и Майк затих, прислушиваясь. Выстрелы повторились дважды, и всё стихло. — Здесь нет ничего, что было бы приспособлено к Холоду. Наверное, всё это имеется в каких-нибудь стратегических запасах, но я понятия не имею, где они расположены.

— Как стемнеет, пойдем к центральному офису Полярного Бюро! — решительно заявил Джеймс. — Там есть перевалочные склады, в которых должно что-то быть. Если где-то и можно раздобыть арктические винтовки, снаряжение, сухие рационы и вообще всё, что очень скоро нам пригодится, то только там! К тому же туда

наверняка будут стекаться полярники, и мы сможем объединиться со своими. Им я доверяю, в отличие от толстозадых офисных слизняков. А одиночке с Холодом не совладать, ледяная пустошь мгновенно сожрет любого громилу, будь он хоть трижды рейнджер!

— Почему ночью? — удивился Майк. — Может, лучше дождаться утра? Будет не так холодно.

— Именно поэтому! — Старик хитро ощерился. — Ночью приморозит ещё сильнее, и любителям пострелять в двух безоружных калек и одну пожилую женщину будет не до прогулок по

свежему снегу в их смешных пуховичках! У нас перед ними преимущество. — Он похлопал рукой по своему арктическому снаряжению: — Мы пройдем куда угодно, даже не включая обогрев, снаружи всего лишь... — Джеймс бросил взгляд на вшитый в рукав термометр: — ...минус сорок два!

Он бросил в костер очередную порцию обломков и поднялся, глухо скрипнув протезом:

— Пошли, мы должны подыскать для твоей матери несколько одеял. Ей переход до Бюро достанется нелегко, но оставлять её одну здесь мы не можем. Никто не знает, что будет завтра.

Глава 9

Вездеход на воздушной подушке, настороженно вращая из стороны в сторону пулеметной турелью, обогнул заваленные трехметровыми снежными шапками развалины многоэтажки и двинулся по снежной целине сквозь россыпь торчащих из бесконечно белой поверхности остовов зданий. Майк внимательно смотрел в перископ, разглядывая занесенные до третьего этажа строения. Где-то под ними, под шестиметровым слоем снега, была дорога, но теперь это было совершенно не важно. Важно было

не угодить в пустоты, образовавшиеся на месте обрушившихся крыш невысоких зданий, полностью занесенных снегом. Утром двухнедельный снегопад пошел на убыль, видимость улучшилась, и Профсоюз постановил выслать патруль для выяснения обстановки. Общий уровень снежного покрова повысился ещё на два метра, и надо было смотреть в оба, если не хочешь, чтобы этот патруль стал для тебя последним.

— Что там видно, сынок? — Сидящий за штурвалом Джеймс обернулся к Майку: — Место вроде подходящее. Останавливаемся или отойдем ещё дальше?

– Пока вроде чисто, – ответил тот. – Следов нет, поверхность нетронута. Но дома совсем заледеневшие, нигде не вижу ни дыма, ни пара. Сколько за бортом?

– Минус пятьдесят три по Цельсию. – Старик бросил взгляд на приборную панель. – Ты прав, если где-то там жгут костер, должны быть хоть какие-то признаки. Но попробовать стоит. Вдруг они забились слишком глубоко. Фил! Пускай ракету! А я подам сигнал. Может, кто и появится.

Третий член экипажа, крепкий молодой парень, слез с сиденья пулеметчика и открыл один из люков. Он высунул наружу руку с

ракетницей и выстрелил в воздух. Огненный шарик бодро взмыл в небо и завис на высоте птичьего полета, медленно опускаясь вниз. Джеймс надавил на клаксон, и морозный воздух прорезала громкая сигнальная сирена. Четверть часа они стояли на месте, периодически подавая сигналы, но к вездеходу так никто и не вышел.

– Похоже, здесь тоже пусто, – заключил старик. – Я думаю, нам стоит доехать до угла третьей авеню и тридцать второй улицы и попытаться ещё раз. Если никого не найдем, будем возвращаться.

– Может, не стоит? – усомнился Майк. – Это прямо на границе с

территорией Гангстеров. Можем попасть под обстрел, как в прошлый раз. Если вездеход повредят, на снегоступах отсюда до Бюро не дойдем, перестреляют на открытом месте!

— А ты наблюдай внимательнее, чтобы они не застали нас врасплох! — посоветовал Джеймс. — Нам всё равно нужно знать, живы они или нет. Главное, не подпустить их близко, а там Фил справится, он у нас в этом деле спец! Да, Фил?

— Да, сэр! — подтвердил пулеметчик. — Мы ни разу не видели у них гранатометов, а пули этому броневику не страшны, если сохранять дистанцию хотя бы в

сотню метров.

— Тогда едем! — решил старик и повел вездеход через погребенный под снегом мертвый город.

До нужного места добрались без происшествий и простояли там полчаса, подавая звуковые сигналы и пуская ракеты. Но к вездеходу так никто и не вышел, вокруг не было ни людей, ни членов местной криминальной банды. Майк поворачивал перископом и констатировал полнейшее отсутствие всякой жизни.

— Странно как-то, — задумчиво произнес он. — Полярный Круг разрушился месяц назад, а мутанты до сих пор не добрались до нас.

Неужели вокруг Новой Америки меньше мутантов, чем в Могильнике? Я вот думаю, может, их вообще больше нигде нет? Может, там место проклятое?

— Не думаю. — Джеймс скептически наморщил старческий лоб. — Скорее, их пугают торнадо. Они ходят здесь слишком часто, и потому зверьё избегает наших мест.

Торнадо действительно пересекали город с регулярным постоянством, каждые три дня, словно по графику. Один парень из научной команды объяснял это работой ХААРПа. Гигантская антенна продолжает работать в режиме минимальной мощности, и

слабая накачка ионосферы ведется постоянно, каждый раз заново создавая Полярный Круг. Но без метеоспутников её силы слишком мало, чтобы удержатъ исполинские ураганы в узде, и торнадо, едва набрав мощь, срываются с траектории и уходят в область более теплых температур, то есть в Новую Америку. И так будет до тех пор, пока кто-нибудь не запустит ХААРП на полную мощность. Либо через восемь лет во втором энергоблоке Барбекю полностью отработает всё ядерное топливо, и подача питания прекратится.

— Ага, как же! — не поверил Майк. — Воронки их не пугают, а

торнадо пугают! Я в это не верю!

— Да дьявол их разберет, этих мутантов, — отмахнулся старик. — Ну, что, прокатимся в глубь территории Гангстеров? Посмотрим, что там? Уж очень тихо в их стороне, обычно они стреляют.

— Вдруг это засада? — предположил Фил. До ледяной катастрофы он служил в армии пулеметчиком, и в день, когда торнадо разнесли Новую Америку на обломки, находился в отпуске. Его дом стоял в двух кварталах от Центрального офиса Полярного Бюро, и он добрался туда одним из первых. — Они могли специально затаиться! Им известно, что

Профсоюз посылает патрули на поиски выживших в каждый штиль.

— Ладно, не будем рисковать, — согласился старик. — Если сами не объявятся, в следующий раз проверим, что там у них. Всё, возвращаемся на базу!

Вездеход развернулся и набрал скорость, ложась на обратный курс. Когда до штаб-квартиры Бюро оставалась половина пути, приникший к пулеметному прицелу Фил насторожился и завертел по сторонам турелью.

— Майк! — позвал он. — Ты слышишь? Звук какой-то, на вертолет похоже! Проверь небо!

— Вон он, я его вижу! — Перископ

выхватил стрекозиный силуэт
посреди посыпающего мелким
белым песком, светлого неба. — С
запада летит! В сторону Бюро!
Похоже, это замдиректора Коэн!

— Вряд ли он лично здесь
появится так рано, — с сомнением
ответил Джеймс. — Но вертолет и
вправду его. Нам стоит
поторопиться, если не хотим
пропустить что-нибудь важное.

Он увеличил скорость, и
вездеход, поднимая вокруг себя
облако клубящегося снега, помчался
к виднеющемуся вдали,
полуразрушенному многоэтажному
комплексу. Джеймс остановил
машину у поста охраны, и Майк

распахнул люк.

— Продукты привезли? — Он кивнул затынутым в арктическое снаряжение часовым, засевшим за пулеметом в собранном из снега доте. Его поверхность обильно полили водой, и образовавшаяся ледяная толща защищала людей от ветра и маломощных пуль. В первые дни после ледяной катастрофы три десятка полярников, собравшихся в штаб-квартире со всех районов Нью-Вашингтона, вели настоящую войну с бандами мародеров и криминальных элементов. Вскоре к Бюро начали стекаться остатки спасательных команд, уцелевшие полицейские и выжившие горожане. Народу

набралось две тысячи человек, и держать оборону стало значительно легче. Потом через город вновь пошли торнадо, зарядили мощные снегопады, температура воздуха продолжила понижаться. Ожесточенные бои сменились позиционным противостоянием: город оказался разбит на территории, занятые различными группировками, каждая из которых выживала, как могла, периодически нападая на соседей.

— Угу, и солярки две тонны! — Часовой указал на прилетевший вертолет, стоящий в глубине обороны недалеко от широких окон третьего этажа, приспособленных под

грузовые ворота. Дюжины полторы человек, выстроившись цепочкой, разгружали его трюм, передавая друг другу коробки. В двух шагах от них ещё одна группа людей вытаскивала из вертолета железные бочки и устанавливала их на самодельные сани с широкими лыжами.

— Раньше обычного! — добавил стрелок. — И сам Коэн прилетел. Неспроста это. Профсоюз собирает всех в главном актовом зале, так что поторопитесь. Похоже, есть важные новости.

Огромный актовый зал располагался на первом этаже штаб-квартиры, ставшем теперь минус вторым от поверхности поглотившего

город снега. Внутри находящейся под снежной толщей части здания было значительно теплее, и показания термометра не превышали отметку в минус пятнадцать градусов. Двери в отапливаемые помещения всегда были приоткрыты, чтобы избежать отравления угарным газом, из-за чего их створы покрывал толстый слой наледи. Теплый воздух от костров и электрических обогревателей постоянно утекал из них, но другого способа наладить вентиляцию не было. Оставлять отверстия в потолке и выходящих наружу стенах полярники не решались, опасаясь нашествия мутантов, в случае которого через дыры внутрь

последних человеческих убежищ
хлынут сотни голодных монстров.

По периметру актового зала
горело несколько разведенных в
железных бочках костров, но их огня
хватало больше для освещения,
нежели для отопления столь
крупного помещения. Длинные ряды
кресел, некогда имевших
повышенную комфортность, а ныне
выпотрошенных ради набивки,
пущенной на самодельные
утеплители, терялись в полумраке
мечущихся по стенам теней. В зале
собралось почти всё население штаб-
квартиры. Основная масса была
одета во что придется, зимняя
синтетическая одежда сочеталась с

шерстяными одеялами, намотанными поверх пуховиков, штанин и обуви. Многие на все это исхитрялись набросить подобие плаща с капюшоном, наскоро сшитого из кусков брезента или рваных частей туристических палаток и пришедших в негодность спальных мешков. Настоящее арктическое снаряжение имелось лишь у пары сотен человек — тех, кому посчастливилось добраться до складов штаб-квартиры в самые первые дни ледяной катастрофы.

Заместитель директора Коэн, облаченный в старое, сильно потрепанное снаряжение, похоже, то самое, что было у него в Реакторе, стоял у трибуны в окружении

лидеров Профсоюза и что-то упорно доказывал всем сразу. Впервые замдиректора появился в штаб-квартире спустя неделю после первых торнадо. На вторые сутки выжившим полярникам удалось отыскать на складах уцелевшую радиостанцию, и в эфир был передан сигнал «СОС». В ответ они получили целый поток сигналов бедствия и отчаянной мольбы о помощи. Новая Америка лежала в руинах, свирепые торнадо распавшегося Полярного Круга прошли через всю страну, превратив её в бескрайнее поле обломков. Миллионы людей пали под ударами стихии, в разы большее количество несчастных погибло от

резкого наступления холода, голода и хаоса. Никто оказался не готов к катастрофе, и стало ясно, что помощи ждать неоткуда.

Сплотившиеся у полуразрушенного комплекса Полярного Бюро люди пытались выжить, рассчитывая на собственные силы. Дюжина наиболее опытных полярников взяла на себя роль управляющего органа, получившего название Профсоюз, и принялась налаживать быт и оборону. Имеющееся на складах штаб-квартиры продовольствие, медикаменты, оборудование и топливо пытались беречь, в первую очередь устраивая вылазки к

разрушенным магазинам и предприятиям. В кровопролитных стычках с соседними бандами гибли люди, и с каждым днем добывать припасы становилось всё сложнее. Постоянный снегопад и новые торнадо усугубили ситуацию, и очень быстро за пределами Бюро кроме топлива для костров найти что-либо стало невозможно.

Пришлось использовать оставшиеся на складах запасы. Две тысячи человек ежедневно нуждались в значительном количестве продовольствия, и Профсоюз столкнулся с ужасающей проблемой: менее чем через месяц начнется голод. Радисты вновь

просили помощи в радиозэфире, но все усилия были тщетны. С каждым днем на запросы откликалось всё меньше передатчиков, и все они жаждали помощи не меньше. Через несколько дней на их сигнал бедствия откликнулся некто, представившийся Коэном, и запросил подробную информацию о положении дел в штаб-квартире. Ещё через два дня внутри их обороны приземлился вертолет. В нем действительно оказался заместитель директора Бюро Коэн.

Он сразу объяснил людям, что не сможет никого эвакуировать. Его группа засела в развалинах какого-то промышленного комбината в четырех

сотнях километров от Нью-Вашингтона, посреди замерзших сельскохозяйственных полей. Железобетонные подвалы и вертолетный ангар полностью не вмещают даже их самих, и люди Коэна вынуждены жить в ледяных развалинах, через которые проходят жуткие снежные торнадо. В результате многие из них гибнут от переохлаждения и страдают от обморожения. Кроме этого, их развалины постоянно штурмуют банды мародеров и уголовников, жаждущих добраться до заполненных топливом и продовольствием складов. Поэтому у Коэна много раненых, и он просит Профсоюз

поделиться некоторыми медикаментами и предоставить хотя бы одного врача, тем более что в штаб-квартире оказалось сразу трое медиков. Взамен он обязуется помогать топливом и продовольствием. Три тонны груза он привез с собой сразу, и каждую неделю будет привозить ещё.

Врача Коэну отдали, с тех пор он прилетал уже трижды, и с его помощью жизнь начала налаживаться. Проблема голода исчезла, благодаря появившемуся топливу заработали генераторы, раздавая питание на отопительные приборы и зарядные устройства. Несколько оборудованных

пулеметными турелями вездеходов на
воздушной подушке и пара аэросаней
быстро переломила ход
вооруженного противостояния с
соседними бандами, и даже
наиболее многочисленная
группировка, называющая себя
Гангстерами, предпочла не соваться
на территорию Профсоюза, и бои
превратились в мелкие пограничные
стычки. Главной проблемой
оставался Холод. Температура
воздуха неуклонно понижалась,
отопление требовало всё больше
энергии, люди страдали от
отсутствия арктической одежды. С
этим Коэн помочь не мог, острый
недостаток снаряжения его люди

испытывали ещё сильнее.

— Майк! Майк! — Хриплый шепот Хилари заставил его завертеть головой. — Я тут! Скорее идите сюда! Вы должны это услышать! — Грузный силуэт матери махал ему рукой из полумрака: — Сюда!

Замотанная во всевозможное тряпье поверх одежды, дородная Хилари выглядела ещё крупнее, и ей часто доставалось место в последних рядах, пролезть через плотную толпу у неё зачастую не хватало сил. Вот и сейчас она сидела у самого прохода, призывно жестикулируя. Майк и Джеймс заторопились к ней, прислушиваясь к ведущемуся спору.

— ...так пусть отправятся туда

сами! — возмущался кто-то из Профсоюза. — Если у них всё так роскошно, что они даже построили шаттл! Почему это должны делать мы? Мы тут едва выживаем!

— Да поймите же! — терпеливо вещал Коэн. — Там нет специалистов! Ни одного! Никто из них даже не представляет, что такое Реактор! Среди них даже военных нет! Они просто работники аэрокосмического предприятия. Шаттл, о котором идет речь, на момент удара торнадо был почти достроен. Люди, работавшие на заводе, объединились в его корпусах так же, как вы здесь! Они страдают от нехватки продовольствия, у них тоже нет

арктического снаряжения, но они готовы закончить строительство шаттла, если кто-то отправится на нем к Реактору и запустит ХААРП!

— Его не удавалось запустить и тысяче с лишним солдат! — всплеснул руками один из полярников. — А нас тут всего три десятка, включая пенсионеров и инвалидов! Как, по-вашему, мы должны сделать это, мистер Коэн?

— Но вы — профессионалы! — не сдавался замдиректора. — Кроме вас это вообще никому не под силу! Страна лежит в руинах, десятки миллионов граждан погибли, остатки населения раздроблены на отдельные анклав, медленно умирающие от

Холода, голода и болезней. Президент пропал без вести, правительство, наверное, тоже, никто не может сказать, где находятся склады стратегических запасов, это же была государственная тайна! Сейчас конец июля, и температура держится в районе минус пятидесяти пяти. Не мне вам объяснять, что здесь будет зимой! Этот шаттл — это наш последний шанс! Я отдам вам один из двух наших вертолетов. Мы утеплим его и погрузим в шаттл. Вы приземлитесь на безопасном расстоянии от Реактора и на вертолете доберетесь до точки аварийного управления ХААРПом. Спуститесь на тросах и

так же подниметесь на борт. Один поворот рубильника, всего один! Уже через семь часов у нас будет стабильный Полярный Круг, спустя сутки начнется потепление, за неделю воздух прогреется до плюс двадцати семи! Мы сможем восстановить Новую Америку и жить, как жили прежде!

— Видит бог, что каждый здесь хочет жить, как прежде! — Старый Джеймс, скрипя протезом, пробирался к лидерам Профсоюза через собравшуюся в зале толпу. — Вот только такой способ уже применялся, господин заместитель директора! Военные пытались высадиться на точку аварийного

управления с зависших над ней вертолетов, по тросам. Всех насмерть заклевали птицы и доели мутанты, вернулись только двое, на них живого места не было. Я сам видел, как их выгружали из шаттла! Зверьё приняло антенное поле за лес и устроило там логово. Вы посылаете людей на верную смерть! Три десятка человек не успеют даже раскопать вход!

— Это неправда! — горячо воскликнул Коэн. — Такой операции не было, это слухи! Их распускали дезертиры, стремящиеся уволиться из армии любой ценой, лишь бы не спасать родину в битве за Реактор! Военная полиция расследовала это

дело и держала меня в курсе. Ещё раз повторяю, не было такой операции, я лично принимал участие в планировании каждой из них как представитель Полярного Бюро. Птицы атаковали солдат, когда те пытались добраться до ХААРПА на снегоходах. Они даже не углубились внутрь антенного поля, зверьё бросилось на них из-под снега, это их излюбленная тактика! Само антенное поле пусто, там мутантов нет. Это известно совершенно точно! Подумайте сами, сектор ХААРП вот уже двести лет не охраняется, и никогда зверье там не селилось, их отпугивает излучение антенн!

— Но сейчас это излучение

минимально, – возразил Джеймс. – И потом, если такой операции не было, то почему? Если всё так просто? Почему эту попытку не предприняли сразу, мистер Коэн?

– Потому что мы не были уверены в его исправности! – Замдиректора не колебался ни секунды. – После взрыва первого энергоблока система мониторинга точки аварийного управления вышла из строя. Мы не знали, что именно неисправно – данная система или сама точка. Помимо этого там двухметровый слой снега, её ещё предстояло откопать. Позже мы выслали туда ремонтную команду, но она не дошла до места: пройдя

три километра, аэросани сломались, вторая машина взяла их на буксир и вернулась. В то время все наши усилия были направлены на освобождение бункера! Там до сих пор томятся люди, и с ними нет никакой связи!

— Почему же тогда точкой аварийного управления не воспользовалась научная команда, которая последней обслуживала второй энергоблок? — поинтересовался кто-то из лидеров Профсоюза. — У них же имелся вертолет, специально оборудованный системами утепления и обогрева! Разве не так?

— Я не знаю! — ответил Коэн. —

Мы давали им такое указание, я сам лично его давал! Но они этого не сделали. Вернулись обратно и доложили, что у них сломался вертолет! Им даже не удалось привести машину обратно, начала формироваться Воронка, и шаттл ушел в последнюю секунду! Мы после этого собирались отправить туда специальную команду, готовили новый вертолет, но не успели, распавшийся Полярный Круг погубил страну! Но перезапустить ХААРП всё ещё можно!

— То есть там сейчас под минус девяносто, и это минимум. — Полярник невесело ухмыльнулся. — Раз вам требовалось так долго

готовить специальный вертолет. Не считая Воронок, образующихся без всякой системы, и возможности прогнозирования, и мутантов, сделавших Реактор своим домом. Значит, живет теперь в антенном поле зверье или нет, доподлинно неизвестно. И любой, кто полезет к точке аварийного управления, делает это на свой страх и риск!

— Я не говорил, что риска нет вообще! — возразил ему Коэн. — Я утверждал и утверждаю, что это наш единственный шанс! И использовать его кроме вас некому! Просто некому, вы — единственные специалисты! Вы — надежда всей Новой Америки, надежда последних

детей, замерзающих от холода и умирающих от голода! Вам нужно сделать всего один поворот рубильника, и сюда вернется вечное лето! Мы восстановим страну и отправим к Реактору огромную армию, она сметет всех мутантов до единого! Один раз мы это уже сделали и почти победили, нам просто не повезло!

— А если нам тоже просто не повезет? — Полярник посмотрел ему в глаза. — Смерть от холода лучше смерти от клыков мутантов, жрущих тебя заживо!

— Никто не заставляет вас бессмысленно умирать! — Коэн положил руку на сердце. — Я сам

полечу с вами! Сам поведу вертолет, если потребуется! И если антенное поле в районе точки аварийного управления окажется заселено мутантами, мы отменим высадку и вернемся!

— А как быть с Холодом? — снова встрял старый Джеймс. — Если там минус девяносто? Налетит буран, да что там буран, обычная метель, и на коже будет далеко за минус сто! Ваш вертолет выдержит? Не рухнет людям прямо на головы? А обогрев? Сколько он продержится на сильном ветру? Двухметровый слой слежавшегося за годы снега не расчистить за пару минут! Вход в точку надо ещё найти, проникнуть

внутри и убедиться, что всё исправно. А если не исправно, то отремонтировать, иначе щелкать рубильником можно до посинения! А оно наступит очень быстро, это посинение! От холода! Сколько минут люди продержатся в таких условиях? Вы об этом подумали, господин заместитель директора? – Старик красноречиво постучал кулаком по своему протезу: – Мы не дикари из Сибири, которые при минус пятидесяти в шкурах-безрукавочках разгуливают! Если начнется даже слабый буран, при тамошней температуре все замерзнут заживо прежде, чем пробьются через снег.

Коэн посмотрел на Джеймса, и в его глазах на неуловимый миг мелькнула едва ли не кипящая злоба, мгновенно сменившись подчеркнутой укоризной.

— Что ж, — вздохнул он. — Давайте ничего не будем делать! Будем просто сидеть сложа руки и бояться того, что никем даже не подтверждено. Я радирую на завод, чтобы катились к такой-то матери со своим шаттлом, потому что мы решили спокойно дожидаться зимы и умереть от холода. Потому что это менее мучительно, чем рисковать, используя единственный шанс спасти свою страну. Как я вижу, мистер, вам уже немало лет! — Коэн

многозначительно прищурился. — Думаю, смерть вас особо не страшит. Но если вам нет разницы, быть Новой Америке вновь цветущей или не быть, то, быть может, объясните это ему? — Замдиректора ткнул рукой в завернутого в целый тюк тряпья ребенка, что удерживала на руках женщина в ближайших рядах. — И ему! — Он указал оторопевшему Джеймсу на ещё одного малыша. — А так же ему и ему, всем им!

— Достаточно! — громко произнес лидер Профсоюза, обрывая его на полуслове. — Спокойствие, господа! Хватит эмоций! Тут идиотов нет, все всё понимают, и умирать никому не хочется, ни от Холода, ни

в пасти монстров. Ваш план необходимо обдумать, мистер Коэн. Риск слишком велик, но на кон поставлено всё. Нам требуется время, чтобы продумать детали и всё осмыслить. Когда будет готов шаттл?

— Через десять дней, если попросить их приступить к работе немедленно, — ответил Замдиректора.

— Нам нужна неделя! — потребовал полярник. — Вы можете подождать неделю?

— Мы все можем ждать вашего решения сколько угодно, — пожал плечами Коэн. — Как я уже сказал, всё зависит от вас. Других полярников у нас нет. Кроме вас

сделать это не сможет никто. Я прилечу к вам через неделю, как обычно. Надеюсь, господь даст нам возможность пережить ещё семь дней. Вчера мы похоронили пятерых. Среди них двое детей, совсем маленьких. Умерли от тяжёлого воспаления легких... перед этим наши склады с продуктами и соляровкой бессильны.

Он тихо попрощался и направился к выходу прямо через собравшуюся толпу. Внезапно у Майка в голове вспыхнула безумная идея, и он бросился вслед за заместителем директора:

— Мистер Коэн! Подождите минуту! У меня есть предложение!

Мистер Коэн!

— Слушаю вас, — тот остановился. — Мы с вами где-то уже встречались, не так ли?

— Я Майк Батлер, единственный выживший из последней вахты! Мы с вами ждали эвакуации на нижнем уровне Барбекю! Помните день наступления на бункер, когда образовалась Воронка?

— Как тут забыть, — печально кивнул Коэн. — Я вижу, вашу руку врачам спасти так и не удалось. Мне искренне жаль, мистер Батлер. Так что вы хотели предложить?

— Мы должны связаться с дикарями! — выпалил Майк. — Отправить к ним в Сибирь шаттл!

Пусть они помогут нам с Реактором! Они выживают в Холоде без всякого снаряжения, при минус пятидесяти в проруби купаются, спросите Джеймса! Я даже не понимаю, как она не замерзает в одну секунду! Они мороз переносят лучше нашего! И пулеметов у них нет, только стрелы, но они до сих пор живы, значит, со зверьем как-то управляться умеют! Надо с ними договориться! Пусть они включают рубильник, там же много ума не надо, просто рукоять повернуть и всё! Ну, или пусть хотя бы снег разроют и двери откроют, а мы потом просто войдем внутрь и всё починим! Не надо рисковать на Холоде и со зверьём! Пусть они

сделают всю опасную работу за нас! Дать им бус и зеркал в десять раз больше, пусть радуются! На них даже продовольствие не придется тратить, они всё равно цивилизованную еду не едят!

— Какие дикари?! — непонимающе поднял брови Коэн. — Какой Джеймс? О чем вы, Батлер?

— Джеймс — это я, господин замдиректора! — Старый полярник протиснулся сквозь окружившую их толпу. — Не берите в голову, парень болтает не по теме! Просто раньше я был руководителем Гуманитарной Миссии, наши челноки вели торговлю с дикарями Сибири. Стекланные бусы и ручное зеркальце

в обмен на меха и шкуры диких тварей. Вы, наверное, слышали — «Изделия из настоящих мехов дикой Сибири Дизайнерского дома “Нуар”, и всё такое. Майк до вахты работал у меня помощником, вот и насмотрелся разных фото с пляшущими на снегу, полуголыми дикарями. На самом деле из этого ничего не выйдет. До Сибири восемь тысяч километров, челнок летит туда более восьми часов сквозь несколько штормовых фронтов, шаттлы к ним никогда не летали, нет ни маршрутов, ни пилотов, знающих те места. Сами русские совсем одичали, они находятся на первобытном уровне, отказываются от продуктов и

медикаментов, берут только никчемные безделушки, да и то, если посылать к ним челноки слишком часто, они их игнорируют. Мы даже их языка не знаем, а на английский они не реагируют, ни на аудио, ни на текст. Ученые считают, что русские вообще утратили письменность. К сожалению, всё это абсолютно нереально. Будь в этом хоть капля шанса, я бы сам предложил организовать полет в Сибирь.

— Восемь тысяч километров? — Коэн невесело покачал головой. — Тут четыреста километров от нас до вас преодолеть огромная проблема, по вертолету постоянно стреляют... Мы не можем рисковать единственным

шаттлом ради не имеющей шансов затеи. — Он как-то странно посмотрел на Майка и закончил: — Господа, я вернусь через неделю с обычным грузом. Мы все с замиранием сердца будем ждать вашего ответа. Прощайте!

Заместитель директора покинул актовый зал, и спустя несколько минут снаружи донесся слабый стрекот улетающего прочь вертолета.

Всю следующую неделю в штаб-квартире не стихали споры. Обитатели разделились на два лагеря, одни считали, что не использовать единственный шанс спасти Новую Америку есть

преступление, другие заявляли, что предложенный Коэном план лишен шансов на успех с самого начала.

— Коэн темнит! — возмущался старый Джеймс. — Я уверен, что не было никакого дезертирства! Я сам видел тех истерзанных рейнджеров, что пытались высадиться на точку аварийного управления с вертолетов! Один из них едва дышал, но я слышал, как он рассказывал об этом медикам, которые выносили его из шаттла!

— Зачем Коэну врать? — возражала крупная женщина, одна из лидеров противоположного лагеря. — Если он сам полетит с вами! И тот раненый, он мог бредить! Я

пятнадцать лет проработала в больнице сиделкой, я знаю, как это бывает! И вообще, кто может опровергнуть слова Коэна?

— А кто может их подтвердить? — вступился за Джеймса кто-то из полярников. — Я тоже не верю замдиректора! Он пятнадцать лет проработал сиделкой в этом здании, в богато отделанном офисе, и ни разу не провел ни одной вахты! Прилетал раз в год с инспекцией, как на экскурсию! Он лжет! Если бы всё было так просто, то точкой аварийного управления воспользовались бы в первые же дни! Но все их усилия были направлены на освобождение бункера, не так ли,

Батлер? Ты же был там, в последней вахте! Расскажи нам, что тогда происходило?

— Ну... — Майк напряг память. — Сначала действительно все пытались отбить бункер. Там же заперся Вахтенный директор Грин с научной командой. Только с ним не было связи, и после того, как починили второй энергоблок, не было возможности сообщить ему об этом. Военные даже сумели затащить внутрь центрального коридора бункера ретранслятор, чтобы приказать Грину перезапустить ХААРП, только он всё равно не отвечал на вызовы. Это очень странно, потому что раньше я без

труда связывался с ним оттуда при помощи обычной портативной рации. А ещё инженер Мартинес, пусть душа его покойся с миром, что-то говорил о том, что в крайнем случае ХААРП можно запустить с точки аварийного управления, но для этого её надо запитать напрямую. Когда Барбекю едва не взорвалась, её перевели на минимальную мощность и отрубили всю нагрузку, от которой в тот момент не зависело выживание... Больше я особо ничего не помню, в то время Коэн уже был на АЭС.

— А про птиц в секторе ХААРП? — настойчиво уточнил полярник. — Что конкретно ты

знаешь об этом? При тебе наши или военные входили в антенное поле?

— Не знаю, — честно ответил Майк. — Я почти все время провалялся в лазарете, попал под мутантов в Могильнике, а после этого сразу под Воронку. Но сам я об этом ничего не слышал. Птиц я видел, это да. Они кружили над полем боя, когда рейнджеры штурмовали бункер, у них гнезда были на его крыше, между поломанных антенн. Птиц было довольно много, но они не нападали, и их тоже накрыло Воронкой. Я видел, как они прямо с неба врезались в снег за несколько секунд до удара!

— Это ничего не объясняет, — заявил кто-то из полярников. — Птицы пугливы и не атакуют большое количество людей. Бешенством они тоже не болеют. Но если их много, а людей мало, то запросто заклюют, голод движет ими не меньше других. И под Воронкой они не гибнут, забиваются глубоко под снег, как остальное зверье. На два-три метра могут углубиться за десяток секунд, и там засыпают, это у них вроде спячки. Многие выживают. Короче, в ХААРПе теперь запросто может быть полно этих тварей! Раньше не было, а теперь есть. Излучение-то минимально!

— Но и про антенное поле это

тоже никак не объясняет! —
выкрикнули из гудящей
обсуждениями толпы. — Если гнезда
были над бункером, они могли там и
остаться! Зачем птицам переселяться
в этот ХААРП, если они сразу туда
не прилетели?

— Потому что мутанты селятся
поближе к пище! — огрызнулись ему в
ответ. — Они жрут людей, а людей в
секторе ХААРП нет. Но поверхность
бункера невелика, в основном всё
под землей, так что если птиц стало
много, то они могут и в антенном
поле жить! И другое зверье тоже!

— Зачем им жить там, где нет
пищи? Ты просто не хочешь
рисковать! Правильно Коэн сказал

вашему старику! Детей у вас нет, за свою жизнь боитесь, вам плевать, что будет с нашими детьми!

— Ну надо же! Дети у него, видите ли! Ну так и отправляйся сам к Реактору! Включишь ХААРП!

— Так ведь я не полярник! — опешил тот. — Я ничего в этом не понимаю...

— А не понимаешь — так заткнись! У меня тоже сын, кто его прокормит, если меня посреди ХААРПа сожрут мутанты?! Ты, что ли?! Да ты без нас и месяца не протянешь, что ты знаешь о выживании в Холоде? Лично я против этого самоубийства!

— Это возмутительно! — гневно

воскликнула толстуха, что работала сиделкой до катастрофы. — Вы должны включить Реактор! Вы полярники, это ваш долг! Мы платили налоги! Вас содержали на наши деньги!

— Я тебе ничего не должен! — взъярился на неё полярник. — Я отдал стране больше, чем она заслуживает! — Он задрал вверх протез руки. — Это вы мне задолжали, сидя в тепле и сытости! Только и умеете, что набивать собственное брюхо да прятаться по норам, когда другие за вас подышают! Налоги она платила! Да если б не уголовная ответственность, платила бы ты их, как же! И какие чертовы

налоги вернут мне руку и потерянное здоровье? Катись к дьяволу, жирная идиотка, вместе со своими детьми! Я и без тебя выживу, и сына выращу, такие, как ты, только зря проедают припасы!

Поднялся жуткий гвалт, люди орали друг на друга, кое-где в толпе завязались потасовки, и совещание в который раз превратилось в массовый скандал. В конце концов лидер Профсоюза поднял вверх арктическую винтовку и дал очередь в потолок. Сверху посыпались куски льда и штукатурки, возмущенные вопли начали стихать, и Профсоюз распустил собрание до следующего дня.

— Так мы никогда не договоримся, — сетовал старый Джеймс, глядя, как злые и взвинченные люди хмуро расходятся по своим жилищам. — Нам нельзя терять единство, мы живы, пока вместе. Холод быстро уничтожает одиночек... Вспомни дикарей, Майк, я не видел ни одной фотографии, где кто-нибудь из них был бы один. Они держатся друг за друга, я в этом уверен...

В конце концов, с огромным трудом, обитателям штаб-квартиры удалось договориться. Несколько часов Профсоюз обдумывал план действий, который озвучили прилетевшему в назначенное время

Коэну едва ли не прямо с порога.

— Мы согласны провести экспедицию, — заявил лидер Профсоюза. — Но у нас есть несколько условий! Первое: вы летите с нами, как было обещано. До самой точки аварийного доступа. И участвуете в раскопках снежного покрова, вскрытии люков и в ремонте, если он потребуется. Никто не будет ждать в безопасном месте, кроме пилотов, мы требуем равных условий для всех!

Второе: вы должны увеличить объем поставок продовольствия и топлива! И гарантировать, что, если мы не вернемся из Реактора, ваши люди продолжают присылать сюда

припасы! Вы обязуетесь свозить к себе наших представителей. Они должны побывать у вас, увидеть, как вы живете, и познакомиться с тем человеком, кто останется вместо вас на время экспедиции. И мы требуем прямой связи с заводом по производству шаттлов!

И третье: мы сразу договариваемся, что, если вертолет, дойдя до центра антенного поля, обнаружит там агрессивных мутантов, высадка отменяется, все возвращаются назад, и вы не отказываетесь от взятых на себя обязательств!

Коэн раздумывал недолго. Он лишь пожал плечами и ответил,

обращаясь сразу ко всем:

– Я согласен. Нам выбирать не приходится, мы полностью принимаем ваши требования. Продовольствие мы продолжим поставлять вам в любом случае, – он махнул рукой. – Всё равно нас с каждым днем становится всё меньше и меньше. Столько припасов нам не съесть. Приказывать заводу шаттлов я не могу, они столь же самостоятельный анклав, как вы, но уверен, что они не откажутся от радиопереговоров с вами. Сам я в любом случае собирался лететь с экспедицией, я полярник, и не собираюсь отсиживаться в стороне, когда другие рискуют жизнями ради

спасения Новой Америки! Ваших представителей я возьму на борт хоть сегодня. Выделите двоих человек.

— Почему только двоих? — насторожился Джеймс. — Вертолет вместит в десять раз больше!

— Наши казематы не вместят. — Коэн болезненно поморщился. — Многим и без того приходится жить снаружи, в берлогах, как дикому зверью. У нас есть очередность, согласно которой люди отогреваются в теплом помещении. Но не это сейчас важно. Я разговаривал с заводом шаттлов насчет идеи мистера Батлера. Они предлагают следующее: у них есть один почти неповрежденный челнок. Если кто-

либо из вас знает координаты, его можно отправить к дикарям с просьбой о помощи. Если они согласятся вылететь с нами к Реактору и вскрыть точку аварийного управления, мы рискнем выслать за ними шаттл. Мы все понимаем, что шансы невелики, но необходимо использовать любую возможность спасти Новую Америку. Но есть проблема с общением. Мистер Батлер, у вас нет идей, каким именно способом уговорить дикарей помочь нам? Бус и зеркал можно насобирать, что-то изготовят на заводе шаттлов, им это несложно...

От неожиданности Майк замялся и принялся торопливо

соображать, что же ответить. Но его спас Джеймс. Он проковылял ближе к заместителю директора и решительно заявил:

— Кто-то должен туда полететь! — Коэн удивленно поднял брови. — Да, да, именно полететь! — подтвердил старик. — Другого варианта просто не существует. Дикари не умеют читать, можно попытаться нарисовать им послание, но истолкуют ли они его верно — это под большим сомнением. Кто-то должен провести с ними переговоры! Даже не зная языка, это будет более эффективно, чем любой другой способ. В трюме челнока могут уместиться даже два человека! Я

полечу! Дайте мне радиостанцию, если дикари согласятся, я сообщу об этом в радиоэфире! Если нет — челнок управляется автопилотом, в назначенное время он привезет меня обратно. Только мне нужен напарник. Трюм челнока не отапливается, если за восемь часов полета произойдет нештатная ситуация, например, обогрев снаряжения выйдет из строя или во время прохождения грозового фронта ледышкой или камнем пробьет обшивку челнока, мне в одиночку не справиться. Там слишком тесно, да и силы у меня уже не те. Кто-то должен мне помочь.

— Я думаю, лучше мистера

Батлера никто не подходит вам в напарники, — произнес Коэн. — Вы хорошо знаете друг друга, и кроме вас во всей стране нет больше экспертов по дикарям. — Он посмотрел на Майка: — Что скажете, мистер Батлер? Вы готовы дать Новой Америке и этим детям ещё один шанс на выживание? — Замдиректора обвел рукой одетых во что попало ребятишек, зябко жмущихся к взрослым.

— Я... — Майк растерянно огляделся, понимая, что две тысячи человек сейчас смотрят только на него. Где-то сбоку Хилари тихонько шипела, чтобы он не делал этого, и услышавшие её шепот люди с

брезгливыми гримасами на лицах торопливо отшагивали от неё, как от прокаженной. За пару секунд она осталась стоять в полном одиночестве.

— Да вы что? — Хилари со смесью злобы и страха нервно оглядывалась вокруг. — У него только одна рука! Он совсем ещё молод! Какие дикари?! Что он сможет сделать?! Ему нельзя лететь!

— Она права! — неожиданно заявил Джеймс. — Он слишком молод, не справится! Нужен кто-нибудь поопытнее.

— Нет, я справлюсь! — воскликнул Майк, понимая, что другого шанса стать героем у него не

будет никогда. После того, как он заставит дикарей запустить ХААРП, его имя станет известно всей стране. И для этого не придется лезть в пасть мутантам. А когда страна вновь расцветет, он очень внимательно посмотрит в глаза Лив, если та ещё жива. А если нет, то быть рядом с героем Новой Америки захочет не одна тысяча девушек! – Я полечу к дикарям вместе с Джеймсом! Для того чтобы вести переговоры, достаточно и одной руки, тут главное интеллект!

– Молодец, сынок! – воскликнул старик. – Я ни секунды в тебе не сомневался! Ты сделал правильный выбор! Выбор настоящего полярника!

— Воистину героическое решение! — восхитился Замдиректора. — Вот такие люди, храбрые и решительные, истинные патриоты, и спасут Новую Америку! Пока жив хоть один патриот, у нашей страны есть шанс! — Он обернулся к лидеру Профсоюза: — В таком случае предлагаю не терять времени даром! Я сейчас же свяжу вас с заводом шаттлов, и вы сами договоритесь с ними по срокам вылета к Реактору. Мистера Батлера, уважаемого Джеймса и двоих джентльменов, что полетят к нам с дружественным визитом, я жду на борту своего вертолета сразу по окончании разгрузки. Чем раньше мы сможем

отправить челнок в Сибирь, тем лучше!

Вертолет резко отвалил в сторону, и длинная трасса пулеметной очереди прошла мимо. Пилот немедленно заложил вираж назад, уходя от продолжающегося обстрела, и Майк вцепился рукой в поручень. Страховочные ремни прижимали его к креслу, но сильная болтанка швыряла туда-сюда безвольную руку, сорвавшуюся с поясного крепления. Сидящий рядом Джеймс попытался навалиться на него, придавливая телом непослушную конечность, но очередной рывок вертолета бросил

их вперед, и Майк повис на страховочных ремнях, почти не касаясь кресла.

— Что происходит? — хрипло выдохнул он и с трудом сделал вдох стиснутой ремнями грудью.

— Мы под огнем! — Джеймс, стараясь перекрыть шум, вжался в кресло и все-таки подхватил безжизненную руку Майка. — Нас обстреливают с земли! Мистер Коэн! Здесь есть винтовка? Надо отстреливаться от этих поддонков, пока нас не сбили!

— Не волнуйтесь, джентльмены! — Сидящий напротив Замдиректора сам был далек от полного спокойствия. — У нас

опытный пилот и превосходный стрелок, у них всё под контролем!

Словно подтверждая его слова, вертолетчик вновь бросил машину в вираж, и в следующую секунду Майк услышал дробный стук курсового пулемета. Полет стал ровнее, и липкий удушливый комок сплетшихся воедино тошноты и страха отступил от горла. Из пилотской кабины доносились отрывистые фразы вертолетчиков, вступивших в бой с неизвестным врагом, и Майк рискнул посмотреть в иллюминатор. Внизу по заснеженным руинам какого-то мелкого пригорода бегали человеческие силуэты, беспорядочно

паля по винтокрылой машине. Меткая очередь вертолетного пулемета разбросала их в разные стороны, несколько фигур так и остались лежать на снегу в неестественных позах, остальные бросились в глубь развалин. Кто-то из них на бегу обернулся и вскинул полицейскую винтовку, но выстрелов не последовало. Человек судорожно затряс оружие, пытаясь заставить его работать, но этот способ ничем не помог, и он рванулся за своими соратниками. Пулеметная очередь настигла его уже внутри руин, он неловко раскинул руки, роняя оружие, упал на обломок стены и сполз вниз, оставляя за собой густой

кровавый след, быстро
заледеневающий на вертикальной
поверхности. В следующую секунду
что-то часто застучало снаружи по
корпусу вертолета, машина рванулась
в разворот, и земля ушла из виду.

— Где он?! — Майку удалось
разобрать фразу пилота. — Ты его
видишь?! Откуда заходить?

— С востока! — выкрикнул
стрелок. — Иди от солнца! Он в окне
верхнего этажа! Под обвалившимися
перекрытиями! Хорошо стреляет,
ублюдок, наверняка дезертир!

Вертолет закончил вираж и
устремился вперед, треща
пулеметом. Стук по обшивке
прекратился.

– Есть! Я достал его! – довольно заорал стрелок. – Можно убираться отсюда, остальные угрозы не представляют!

– Ложусь на курс, – откликнулся пилот. Он что-то добавил гораздо тише, и понять, о чем идет речь, Майк не смог. Зато Коэн, одетый в вертолетные наушники, услышал его голос благодаря системе внутренней связи. Замдиректора немедленно расслабился и расплылся в улыбке.

– Джентльмены, опасность миновала! – заявил он Майку с Джеймсом. – Террористы уничтожены, нам удалось выйти из этого инцидента без лишних проблем. Вы в порядке?

Майк оглянулся на сидящих позади представителей Профсоюза. Один из них что-то ответил, но в грохоте винтов его не было слышно, второй махнул рукой, мол, всё о'кей. Коэн облегченно вздохнул и громко заявил, стараясь говорить как можно громче:

– Через полчаса будем на нашем комбинате! К сожалению, сразу на завод шаттлов мы попасть не сможем, не хватит топлива! Придется произвести дозаправку и только потом продолжить путь!

Комбинат Коэна представлял собой печальное зрелище. Пока вертолет снижался, Майк успел рассмотреть его полностью. Одни

руины, не то что потолков, целых стен не было. На подступах к комбинату в заснеженной лесополосе то и дело мелькали подозрительные силуэты с оружием, и засевшие в центре развалин часовые не сводили глаз со всех четырех сторон. Входом в комбинат служила огромная дыра, укрытая здоровенным куском утепленной стены, в которой было прорезано нечто вроде дверей. Вертолет приземлился в неведь каким чудом уцелевший ангар с раздвижной крышей, и несколько человек принялись вращать самодельную лебедку, закрывая посадочный люк. Едва вертолетные лопасти затихли,

из дальнего угла к ней направились двое людей в изрядно потертом арктическом снаряжении, катящих перед собой бочку с топливом.

— Не опасно жечь костер рядом с керосином? — Один из представителей Профсоюза указал заместителю директора на пылающую бочку, стоящую рядом с запасами топлива.

— Другого выхода нет, — печально поморщился тот. — Здесь очень холодно, ангар весь в дырах, как видите. Пока штиль — ещё более-менее, а как приходит торнадо, то ударяет такой холод, что топливо загустевает до состояния сметаны. Приходится греть. Не бойтесь, мы

тщательно следим за техникой безопасности. Прошу следовать за мной, джентльмены!

— А где второй вертолет? — Джеймс оглядел дырявый ангар. — Вы говорили, у вас их два.

— Он уже на заводе шаттлов, — объяснил Коэн. — Мы готовим его к экспедиции, пытаемся улучшить утепление и установить дополнительный обогрев. На заводе сказали, что справятся.

От ангара до входа в комбинат оказалось не более двадцати шагов, и Майк с тоской разглядывал вырытые в снегу берлоги, густо расположившиеся среди прилегающих руин. Из некоторых

виднелись лица людей, вылезших посмотреть на неожиданных гостей, но большинство входов было заткнуто чем попало, от ледяных глыб до оторванных от каких-то кресел сидений. Неужели так везде? Никто из этих людей не выживет с наступлением зимы. Первый же ураган с температурой за минус сто станет для них последним...

Внутри комбината Майк поник ещё сильнее. Собственно, как такового комбината не было. Было два больших склада, доверху заставленных контейнерами с продовольствием и бочками с топливом. Люди жили прямо между этих штабелей, и приходилось

внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на чью-нибудь постель. Пол был завален рваными картонными коробками, устланными всевозможным тряпьем, на котором ютились измученные люди. Через каждые десять шагов стояли бочки с горящими внутри кострами, и термометр показывал плюс двенадцать по Цельсию. Места возле горячих бочек, похоже, были самыми ценными, и туда пускали только детей и больных. Отовсюду раздавался то сдавленный кашель, то тихий детский плач.

— Вот здесь мы и живем, — грустно произнес Коэн. — Греемся по очереди, места внутри на всех не

хватает... – Он мгновение молчал, после чего указал рукой в угол склада, отгороженный грязными ширмами: – Пройдемте в мой офис. Там радиостанция и стол, я попрошу, чтобы вас накормили.

Офис занимал пространство два на два метра, посреди которого стоял стол, половину которого занимала радиостанция, ноутбук с трещиной через весь экран и стопка каких-то тетрадей, густо переложенных закладками. С одной стороны от стола на полу была разложена постель из картона и тряпья, ничем не отличающаяся от остальных, с другой – стояло несколько стульев. На одном из них сидел немолодой и

донельзя уставший человек и огрызком карандаша заносил какие-то цифры в книгу учета. Он оказался радистом и по совместительству старшим должностным лицом комбината. Пока Замдиректора знакомил с ним парней из Профсоюза, им принесли несколько разогретых консервных банок, и Коэн предложил гостям перекусить. Сам он вместе с радистом принялся налаживать связь с заводом шаттлов. Вызвать завод не удавалось минут пятнадцать, после чего им всё-таки ответили.

— Завод, завод, вы меня слышите? — Замдиректора почти кричал в микрофон. — Это Коэн!

– Слышим вас, мистер Коэн! – откликнулся эфир. – Вы были в Полярном Бюро? Что они сказали?

– Они согласны! Они полетят к Реактору и запустят ХААРП! Необходимо готовить шаттл!

– Да пошлет им Господь все блага, что только есть! – выдохнул собеседник. – Мы уже не надеялись! Я сейчас же сообщу всем! Мы начнем работу прямо сейчас! К чему ждать!

– Завод! Завод! – заторопился Замдиректора. – У меня для вас ещё одна новость! В штаб-квартире Бюро нашлись храбрецы, готовые полететь к дикарям! Они рядом со мной, мы вылетаем к вам через четверть часа! Что с челноком? Вам удалось его

починить?

— Челнок в порядке! Дайте координаты места назначения! Мы запрограммируем автопилот!

Несколько минут Коэн совещался с Джеймсом, записывая какие-то цифры, которые потом начал передавать в эфир. Майк сидел молча, слушая восторженный шепот людей, собравшихся за ширмой офиса. Одно только появление здесь настоящих полярников вселило в жителей комбината надежду. Судя по шепоту, его имя тут уже знал каждый, словно они с Джеймсом отправлялись не к дикарям в Сибирь, а прямоком в Реактор к точке аварийного управления. Майк

поймал себя на мысли, что, похоже, всё-таки стал героем, и тяжело вздохнул, поправляя мертвую руку. Он представлял себе это совсем по-другому... А ещё ему было очень страшно лететь в Сибирь. Восемь часов в утлом промерзшем трюме челнока – шутка ли! А если автопилот откажет или что-нибудь сломается?! Ведь крушения челноков время от времени случались, особенно если они попадали во фронт сильных ураганов. Чем ближе был вылет, тем больше Майк жалел о своем решении, но теперь стало понятно, что отказаться от полета уже невозможно. Все, кто узнает об их путешествии, мгновенно

запоминают имя Майка Батлера. Так что теперь остается лишь молиться.

— Джентльмены, нам пора! — Коэн поднялся из-за стола. — Вертолет заправлен и готов к дальнейшему пути. Предлагаю не терять времени, будет лучше, если старт челнока произойдет засветло. Тогда вы проведете в полете ночь и встретитесь с дикарями при свете дня. Мы считаем, что не стоит пугать их ночным приземлением, всё должно произойти, как обычно, дабы избежать нестандартных реакций и негативных эмоций с их стороны.

Они вышли из офиса и оказались в толпе людей. Им жали руки, хлопали по плечам, желали

удачи, шептали слова
благословления. До ангара их
проводжало человек пятьдесят,
наружу вышли почти все обитатели
комбината, многие вылезали из
берлог и присоединялись к
проводжающим. Уже залезая в люк,
старый Джеймс затянутой в перчатку
рукой коснулся нескольких мелких
вмятин на обшивке вертолета и
обернулся к Майку.

— Этим парням повезло с
вертолетом и нам вместе с ними! —
довольно заявил он. — Машина
тяжело бронированная даже по
армейским меркам! Видать, раньше
летал какой-нибудь генерал. Не
иначе лимузин с собой возил, потому

и вертолет грузопассажирский. — Он влез в пассажирскую кабину и уселся в кресло: — Признаюсь, я изрядно струхнул, когда нас из пулемета поливать начали.

Заместитель директора появился в вертолете последним. Он занял своё место, надел наушники внутренней связи и разрешил пилоту вылет. Винтокрылая машина поднялась вертикально вверх и поплыла на запад. Майк посмотрел в иллюминатор. Внизу, у ангара, молча стояли люди, не сводящие глаз с уходящего вертолета. С высоты птичьего полета сбившиеся на пятидесятиградусном морозе поближе друг к другу обитатели

комбината совсем не выглядели толпой. Гораздо больше они походили на темную каплю, застывающую посреди безмолвного поля заснеженных развалин.

До завода шаттлов добрались с началом вечерних сумерек. С первого же взгляда Майк понял, что тем, кто пытается выжить в этом месте, не повезло больше других. До катастрофы завод занимал огромную площадь, под стать небольшому городку. Но налетевшие на него торнадо произвели ужасные разрушения, которые вызвали ещё более чудовищные пожары. Прежде чем сюда пришел бесконечный

снегопад, весь завод выгорел дотла. Уцелел лишь один производственный корпус, но и его стены, до половины занесенные снегом, были черны от копоти. Но самое страшное заключалось в том, что это место располагалось на окраине Новой Америки и мутанты сюда уже добрались. Стаи кровожадных хищников разбегались по развалинам, зарываясь в снег при приближении вертолета, и Майк сразу же вспомнил жуткую резню у Могильника.

Но оказалось, что основной проблемой завода является острая нехватка продовольствия. В уцелевшем корпусе имелось

множество высокотехнологичного оборудования, но совершенно отсутствовали запасы пищи. Три сотни людей настолько отчаялись найти пищу, что выходили охотиться на мутантов, быстро расселявшихся по новым территориям. Такая охота стоила жизни многим охотникам, но первые десять дней это было единственным средством выжить. Потом их сигналы о помощи услышал Коэн, и с тех пор его комбинат поставлял сюда продовольствие так же, как в Центральный офис Полярного Бюро.

– Нас уже встречают! – Джеймс указал на высыпавших из корпуса людей. – Со снаряжением у них

совсем плохо, однако... Зимой даже за ворота не смогут выйти.

Внутри завода оказалось даже холоднее, чем на комбинате. Замдиректора, термометр показывал едва плюс пять, и вся жизнь сосредоточилась возле костров, размещенных по периметру цеха. Шаттл, о котором рассказывал Коэн, стоял прямо посередине помещения, опутанный всевозможными заводскими приспособлениями. Рядом с ракетопланом стояли массивные лыжные полозья, возле которых лежало несколько сварочных аппаратов. Судя по сизому дыму, витающему в воздухе, в цехе ещё несколько минут назад кипела

работа.

— Мы закончим его к исходу пятых суток! — возбужденно объяснял представителям Профсоюза лидер обитателей завода. — Будет работать, как часы! Завод должен был сдать его приёмной комиссии через два дня после катастрофы Полярного Круга! Ну, если бы не было самой катастрофы, я имею в виду! Этот цех единственный, где от удара торнадо не сдохла система пожаротушения, так что шаттл не пострадал! Он долетит до Реактора хоть десять раз, мы это гарантируем!

Люди говорили одновременно, перебивая друг друга, эмоционально жестикулировали, пытались пожать

руку... Лица светились надеждой, и слово «полярник» произносилось так, что понятие «супермен» блекло в сравнении с ним. Никто уже не помнил или не хотел помнить, что захваченный Холодом и его мутантами Реактор не могли отбить больше месяца. Все были свято убеждены, что полярники вернут в Новую Америку вечное лето, потому как самое важное уже свершилось: полярники нашлись и согласились рискнуть жизнями ради всех остальных. Кто-то даже просился выдать ему арктическое снаряжение и взять с собой перезапускать Реактор. Эмоции бушевали полчаса, после чего Замдиректора напомнил

всем о предстоящем полете.

— Всё готово! — немедленно заверил их заводчанин. — Челнок снаружи, после снегопадов у нас тут полно взлетных полос! Он тоже абсолютно новый, мы нашли его на складе готовой продукции. Обвалом ему повредило элероны, но нашим специалистам удалось исправить все повреждения. Мы всё проверили трижды, никаких неполадок! Автопилот запрограммирован, ящики с товаром загружены. Мы наделали зеркал из битого стекла, думаю, дикари не будут привередничать, там два центнера безделушек! Хотели изготовить больше, но трюм слишком мал, место осталось только

для вас. Мы провели дополнительное отопление, конечно, если за бортом будет ниже минус шестидесяти, многого от него ждать нельзя, но хотя бы около ноля будет держать. Вот только с едой у нас очень тяжело. Мы смогли собрать для вас совсем немного...

— Этот вопрос уже решен, — оборвал его Коэн. — Вам не нужно об этом беспокоиться! Мы привезли с собой контейнер, он внутри вертолета, отдельно от предназначенного для вас продовольствия. Пусть кто-нибудь загрузит его в челнок. Господа, у нас мало времени! Полет в Сибирь занимает свыше восьми часов, наши

спасители должны прибыть туда при свете дня и как можно раньше. А нам ещё предстоит провести финальную проверку и разместить в трюме Майка и Джеймса, смелостью и отвагой которых я не устаю восхищаться!

Народ вновь радостно зашумел, и Майка с Джеймсом едва ли не на руках понесли к челноку. Приготовления к старту заняли ещё час, который пролетел, словно пара минут. Майк с нарастающим страхом смотрел на утлый челнок, понимая, что хлипкий аппарат не внушает ему никакого доверия. В какой-то момент ужас перед предстоящим полетом захлестнул его настолько сильно, что

Майк едва не закричал, не желая менять жизнь, пусть даже с одной рукой, на героическую смерть. Старый Джеймс, похоже, заметил его пограничное состояние и, крепко сжав руку, твердо произнес на ухо:

— Давай, сынок, покажи им, как надо спасать мир! Пусть они навсегда запомнят, кто такой Майк Батлер! Залезай в челнок, устраивайся поудобнее и ни о чем не волнуйся, за все годы моей работы в Миссии не разбилось ни одной машины.

С этими словами старик помахал всем рукой и бодро полез в трюм. Майк, словно в тумане, последовал за ним. Джеймс соврал

насчет разбившихся челноков, он знал это совершенно точно, но именно сейчас ему очень хотелось верить старику, и Майк даже убедил себя в том, что Джеймс прав, а он ошибается. В ту секунду, когда грузовая аппарель поднялась, запечатывая грузовой люк и погружая тесный трюм в полнейшую темноту, Майк чуть не потерял сознание от панического страха. Двигатели челнока взревели, набирая обороты, и после минутного прогрева машина тронулась с места, быстро набирая скорость. Каждую секунду Майк ожидал столкновения, но челнок оторвался от земли, стремительно уходя ввысь, и он

почувствовал, как изменяющимся давлением закладывает уши.

— Нам даже не придется пробивать штормовой фронт Полярного Круга! — сквозь рев турбин прокричал Джеймс. — Потому что его нет! Ха-ха-ха! Расслабься, сынок, и постарайся поспать, это помогает перенести полет. И не включай обогрев без необходимости, тут не так уж холодно.

Заснуть Майку удалось только часа через три, когда предельно измотанная страхом психика отключилась, не выдержав нагрузки. Постоянные воздушные ямы, тряска и скрежет обшивки довели его до изнеможения, и он не понял, как

погрузился в зыбкий сон, наполненный осками кривых желтых клыков и кровавым льдом, покрывающим десантный отсек опрокинутого бронетранспортера. Проснулся он с диким криком от того, что одна из тварей впилась ему в плечо и теребит, пытаясь отгрызть кусок плоти.

— Майк, сынок, спокойно, это я, Джеймс! — Рука старика перестала трясти Майка, и в темноте тесного, словно гроб, трясущегося трюма тускло засветилась подсветка термометра. — Кажется, мы летим сквозь сильный ветер, нас сильно трясет, и в трюме уже минус двадцать два! Натягивай лицевую

маску и включай обогрев. На всякий случай. Не хватало ещё замерзнуть во сне или обморозить физиономию, прижавшись к какой-нибудь железке!

Старик заснул, и Майка вновь охватила паника. Челнок дрожал, двигатели то нутужно гудели, то ревели громче, зловеще тряслись раскрепленные ящики с чертовыми зеркалами для этих чертовых дикарей, вновь скрежетала обшивка, и он проклинал ту секунду, когда в его голове родилась эта идиотская мысль о полете в Сибирь. Больше уснуть Майк так и не смог, и вспыхнувший на потолке неярким желтым светом индикатор болезненно ослепил привыкшие к

темноте глаза.

– Джеймс! Джеймс! Что это?! – заорал он, толкая старика. – Что-то сломалось, мы падаем!!!

– А? Что?! – Джеймс дернулся и ударился затянутой в капюшон головой о ящик с грузом. – Где?! Ах, это! Это сигнал о снижении. Мы идем на посадку, нам стоит держаться крепче, чтобы...

Внезапно челнок забило крупной дрожью, раздался громкий скрежет, переходящий в хруст рвущегося металла, машина дернулась, словно от удара, и завертелась вокруг своей оси подобно летящей пуле. Майк закричал от ужаса, хватаясь за

страховочный ремень, и внутри его тела всё словно рванулось в грудь под действием ускорения падающего вниз челнока. В образовавшейся центрифуге его бросало на стены и ящики, сталкивало с молчащим Джеймсом, било о пол и потолок, несмотря на страховку, и брызгало в лицо чем-то теплым и быстро остывающим. В какой-то момент челнок сотряс мощный удар, Майк потерял сознание, но быстро очнулся от продолжающихся сотрясений и понял, что движение не прекратилось, превратившись из полета в скольжение куда-то вниз. Челнок швыряло от препятствия к препятствию и с размаху било обо

что-то, с хрустом проламывая преграду за преградой, и стремительно тащило дальше. Контуженный ударом Майк уже не мог кричать, и подернутое мутной пеленой сознание бешено билось вместе с телом о лежащий рядом окровавленный труп. Скачущий кубарем челнок сотряс ещё один мощнейший удар, раскалывая машину надвое, в лицо ударил яркий свет вперемишку с острыми иглами снежинок, Майка оторвало от стального борта, швыряя куда-то, будто отломившуюся от вентилятора лопасть, и всё вокруг рухнуло в белёсую мглу.

Глава 10

Жестокая боль в голове заставила его открыть глаза, и Майк застонал, потянувшись рукой к затылку. Капюшон арктического снаряжения оказался разорван и пропитан кровью, но всё ещё находился на своем месте. Майк лежал на груди, уткнувшись лицом в снег, от лицевой маски остались жалкие лохмотья, и кожа на лбу и щеках одеревенела от холода. Продрогшее до костей тело кричало об отказе обогрева, чудом уцелевший термометр показывал минус пятьдесят два по Цельсию.

Необходимо найти укрытие, пока не поднялся ветер, мелькнула саднящая болью мысль. На ветру температура резко опустится, и он быстро замерзнет заживо. Майк попытался встать, но сильное головокружение не позволило этого сделать. Подняться удалось только с третьей попытки, его сильно штормило, каждый дюйм тела изнутри был охвачен болью, а снаружи скован ледяным холодом. Он пошатнулся и едва не рухнул, в последнюю секунду упершись рукой во что-то, мутным темным силуэтом возвышающееся рядом. Острая боль, вспыхнувшая в кисти, заставила его опереться на локоть и прояснила затуманенное

зрение. Похоже, он повредил пальцы, но перчатка на руку надета, не похоже, чтобы что-то было оторвано...

Майк огляделся и понял, что обречен. Он находился посреди высокого густого леса, расположившегося у подножия ледника, трехкилометровой стеной уходящего далеко в небо. Дерево, на которое он опирался, покрывал тонкий слой льда, словно его обмакнули в жидкий сахар. На обледенелых ветвях лежали шапки снега, и весь остальной лес словно являлся множественной копией этого дерева. Позади Майка обнаружилась длинная просека, проломанная через

растительность падающим челноком и густо усыпанная его обломками, срезанными ветвями и лопнувшими от ударов, промерзшими древесными стволами. Видимо, машина, потеряв управление, не врезалась в ледовый панцирь, а прошла его по касательной, закончив падение в лесу, что его и спасло, но сейчас Майку подробности были безразличны. Необходимо отыскать радиостанцию челнока и послать сигнал бедствия! Точно! Он, пошатываясь, сделал несколько шагов по направлению к длинному шлейфу обломков и остановился. Радиостанцию ему не найти. Сил двигаться нет, тело болит и ломит от

холода, конечности теряют чувствительность. Даже если передатчик не разбился вдребезги, вряд ли за ним кого-то пришлют. Челноков больше нет, а шаттл готовят для полета к Реактору, никто не станет рисковать последним ракетопланом ради одного человека.

Метрах в тридцати, в обледенелом заснеженном кустарнике, раздался хруст ломающейся ветки, и Майк испуганно завертел головой. В следующую секунду из-за кустов и сугробов с громкими криками выскочило десятка полтора человеческих фигур, закутанных в объемные одеяния из шкур, с луками

и копьями в руках. Рост бегущих людей едва превышал полтора метра вместе с пушистыми капюшонами, их неожиданно крупные круглые лица были почти совершенно плоскими и блестели в лучах солнца, покрытые толстым слоем чего-то маслянистого. Выражение раскосых, сильно прищуренных глаз с такого расстояния Майк разглядеть не смог, и оставалось лишь надеяться на то, что все нормальные люди в мире хорошо знают английский язык и посчитают своим долгом спасти американца.

– Помогите мне! – закричал он, взмахнув им рукой. – Я гражданин Новой Америки! Мне нужна...

Что-то сильно толкнуло его в мертвую руку, заставляя её болтануться в сторону, Майк поспешил схватить её здоровой рукой и застыл от ужаса. Из предплечья торчала короткая стрела, пронзившая его насквозь! Он в ужасе поднял глаза на приближающихся людей и увидел, как несколько коротышек вновь натягивают небольшие луки. Забыв о терзающей тело боли, Майк бросился бежать, не разбирая дороги, издавая вопли страха при виде стрел, вонзающихся в деревья в считанных сантиметрах от его тела. Он проламывался сквозь ледяные кусты, углубляясь в лесную чащу, и вскоре увяз в сугробах,

доходивших ему до пояса. Оглянувшись, Майк увидел, что преследователи настигают его. К подошвам их обуви было прикреплено нечто вроде снегоступов, и злобные коротышки легко преодолевали глубокий снежный покров. Он изо всех сил забился в снегу, стремясь хотя бы ползти через белую толщу, пробился на несколько метров вперед, и вдруг снежная преграда перед ним рухнула, осыпаясь на длинный пологий склон. Майк кубарем покатился вниз по склону и с размаху влетел в глубокий снег, покрывающий дно лесной котловины. Подскочив на ноги, он увидел прямо перед собой

нагромождения разрушенных когда-то давно строений, вмерзших в ледяную стену, испещренную глубокими трещинами. Майк бросился к самой крупной из них и забился внутрь.

Он упал на спину и несколько секунд тяжело дышал, приходя в себя. Следы! Вспыхнула мысль. Он оставил в глубоком снегу огромную борозду, она приведет преследователей точно к нему! Надо бежать дальше, искать укрытие, пока они отстали! Закоченевшие ноги отказывались подчиняться, и Майк, не сумев встать, перевернулся на четвереньки. Стрелы в пробитой руке уже не было, видимо, сломалась и

выпала во время падения по склону
оврага, рваная дыра в рукаве
арктического снаряжения заledenела
на морозе, но сама рука сильно
потяжелела и безвольно волочилась
по земле. Он пополз в глубь
трещины, стремясь удалиться от
входа как можно дальше, и
неожиданно обнаружил, что ледяной
тоннель пронизывает вмерзшие в лед
развалины насквозь и обрывается
утопающим в мутном мареве
отверстием. Майк пополз туда, уже
не ощущая боли в потерявших
чувствительность пальцах опорной
руки. Преодолев почти полсотни
метров, он всё-таки сумел добраться
до выхода, и его рука неожиданно

выскользнула из-под тела, словно поскользнувшись на банановой кожуре. Он потерял равновесие и упал, поднимая редкие брызги.

Вода?! Майк с трудом сел и ощупал под собой лед. Его поверхность действительно была покрыта тонким слоем воды, а белое марево в конце тоннеля оказалось поднимающимся от неё паром. Он сделал глубокий вдох и почувствовал едва теплый влажный воздух. Термометр показал плюс четыре, и Майк решительно выполз из ледяной трещины. Он находился на лишенной снега земле, густо покрытой коротким буро-зеленым мхом и усеянной старыми развалинами

каких-то очень крупных строений. Как далеко простирается теплое пространство, понять было невозможно из-за густых струек пара, тянущихся от земли в небо. Где-то вверху влага оседала на развалинах и застывала, всё более увеличивая ледяную глыбу, вобравшую в себя руины, но ближе к земле лед вновь таял, стекая каплями росы на поверхность. Видимость внутри этой парилки не превышала нескольких метров, и Майк пополз к ближайшим обломкам искореженного железобетона.

По мере приближения к цели дышать становилось всё тяжелее, головная боль вспыхнула с новой

силой, к горлу подкатила тошнота. Майка вырвало, и он упал на спину, не в силах двигаться дальше. У поверхности термометр показывал уже плюс пятнадцать, и он почувствовал, что задыхается. К окоченевшему телу начала возвращаться чувствительность, обмороженные рецепторы вспыхнули нестерпимой болью, и Майк захрипел. Воздуха для вдоха не хватало, в глазах поплыло, и он погрузился в полубредовое состояние. Откуда возле него появилась мутировавшая тварь, он не увидел. Мелкая уродливая зверюга на кривых лапах разной длины вынырнула из струек пара и с тихим

визгом вгрызлась в локоть поднятой руки. Редкие гнилые клыки впились в рукав и выдрали из него окровавленный клочок синтетики. Майк задергался, слабо отмахиваясь от сверкающего безумными зрачками монстра, но сил сопротивляться больше не осталось. Неожиданно тварь замерла, прекращая рычать, и испуганно принюхалась. В следующий миг она бесшумно исчезла в тумане, и Майк потерял связь с реальностью.

Мутно-серая удушливая вата, забивающая сознание, жгла мозг разъедающей болью, вгрызалась в позвоночник и кости, пульсировала

тошнотой в горле и слабыми судорогами сотрясала ставшее непослушным тело. Майк проваливался в эту вату всё глубже, потеряв всякую способность сопротивляться, и серая пелена начала чернеть, медленно превращаясь во всепоглощающую темноту. Внезапно боль резко притупилась, будто кто-то выкрутил верньер регулировки на минимум, пелена замерла, как на стоп-кадре, и поверх неё возник образ. Майк увидел лицо. Оно принадлежало одетому в белое светлокожему человеку преклонных лет, седому, как снега ледниковой пустоши. Ниспадающие ниже плеч волосы,

густые усы и длинная борода делали его словно высеченным из глыбы спрессованного снега, но покрытая зимним загаром кожа и пронзительный взгляд жестких, словно лазерное излучение, бездонно синих глаз, не оставляли сомнений в том, что, несмотря на возраст, этот человек даст фору многим. Старик стоял, опираясь на резной посох с навершием, выполненным в виде головы орла, и смотрел Майку прямо в глаза. Он поманил его к себе и указал рукой в ватную пелену. Внутри неё растаяло отверстие, и Майк увидел знакомое нагромождение двухсотлетних руин, вмерзших в исполинскую глыбу льда.

Одна из трещин в её подножии виднелась особенно отчетливо. Старик поманил его ещё раз и исчез.

Майк открыл глаза и тут же скрючился, сотрясаемый приступом рвоты. Через минуту ему удалось отдышаться, и он понял, что должен немедленно встать и куда-то идти. Нечто звало его, маня в один из ледяных тоннелей, и образ седого старика вновь всплыл в охваченном болью сознании. Майк поднялся на ноги и побрел сквозь струйки поднимающегося пара. Расплывающаяся в глазах картина не позволяла четко разглядеть, куда он движается, но Майк почему-то точно знал, что идет в правильном

направлении. Вскоре перед ним из тумана возникла ледяная стена с зияющей посреди трещиной, и он углубился в полумрак ледового тоннеля. С каждым шагом идти становилось легче, боль притуплялась, зрению возвращалась четкость.

Тоннель закончился заснеженным выходом, и Майк вновь почувствовал холод, впивающийся в кожу лица. Он вышел к обледенелому лесу и остановился. В нескольких шагах впереди, на рухнувшем стволе могучей ели, сидел старик из видения. Он был точно такой же, каким Майк видел его в бреду. С резным посохом, без шапки, седой

как лунь, в длинных, до пят, одеждах из белых шкур и с непонятным амулетом на груди. Синие глаза внимательно оглядели Майка, старец встал, опираясь на посох, и неожиданно оказался двухметрового роста с внушающей уважение шириной плеч. Майк испуганно огляделся, но не нашел среди деревьев кровожадных коротышек и неуверенно спросил молча разглядывающего его старика:

— Кто вы?

— Дикарь из тайги, разумеется, — невозмутимо ответил тот, и Майк инстинктивно отшагнул назад.

Он одновременно понимал и не понимал этого человека. Старик

говорил на совершенно чужом языке, не имеющем ничего общего с английским, но смысл его слов мгновенно отпечатывался в сознании Майка, словно старец вкладывал фразы ему непосредственно в мозг, пользуясь речью исключительно забавы ради.

— А ты — человек из Новой Америки, прилетевший просить помощи, — с абсолютной уверенностью констатировал седой старец. Похоже, он прекрасно понимал его английский, но продолжал говорить на своем языке.

— Как вы узнали? — изумился Майк, ежась от забирающегося в рваное снаряжение мороза.

– Элементарно. – На губах старика мелькнула легкая улыбка. – У нас в Сибири негров отродясь не бывало. Откуда же ты ещё мог взяться! Ладно, нам пора идти, пока ты не помер.

– Я?.. – Новый приступ рвоты скрутил Майка, и он упал на колени, отплевываясь кровью. В голове опять зашумела боль, в тело вернулась дрожь. Он с трудом отдышался и собрался подняться, как вдруг из заснеженных кустов прямо на него выскочила жуткая тварь. Кабан-мутант со здоровенными кривыми клыками и ненормально короткими лапами злобно сипел, не сводя с него налитых кровью глаз, отбрасывая

копытами снег. Похоже, тварь уже решила, кого из людей убьет первым.

— Уходи! — негромко произнес старец, привлекая к себе внимание кабана. — Ступай восвояси!

Он слегка ударил острием посоха в снег для большей убедительности. Но мутант отреагировал на это по-своему. Кабан злобно завизжал, оскалил клыки и приготовился к атаке.

— Как знаешь, — невозмутимо изрёк старик. — Всяк сам творит свою судьбу. Ты выбрал.

Кабан ринулся в бой, и в тот же миг ближайшие кусты взорвались фонтаном обледеневших обломков и снежных комьев. Раздался

оглушительный рев, и огромный черный таран в мгновение ока сшиб бегущего кабана, подминая его под себя и снося куда-то в сторону. Громко захрустели ломающиеся кости, и истошный предсмертный визг оборвался на высокой ноте. Майк судорожным рывком развернулся к месту событий и увидел изломанную кабанью тушу, лежащую у ног бурого медведя ужасающих размеров. Косматый великан поднялся на задние лапы, возносясь ввысь на добрых три с половиной метра, и громогласно взревел, сообщая заснеженному лесу о своей победе. Стайка птиц, взволнованно кружащих над

верхушками покрытых снежными шапками деревьев, испуганно шарахнулась прочь. Майк захотел последовать их примеру и бросился бежать, но тут же провалился по пояс в глубокий снег.

— Не бойся, — успокоил его старец. — Вылезай оттуда и иди сюда. Поторопись, сознание скоро вновь покинет тебя. — Он как ни в чем не бывало направился к огромному медведю, с треском отдирающему от кабаньей туши куски плоти.

Медведь покосился на него, толкнул мордой добычу и негромко зарычал, не переставая жевать.

— Молодец, Михайло Потапыч! Силён, силён! — Старик ласково

потрепал монстра по громадной голове шириной с его собственную спину. – Чистая победа, не спорю.

Жующий монстр довольно заурчал, потерся исполинским лбом о плечо старика и завилял едва заметным хвостом. Старец почесал монстра за ухом и заявил, недовольно глядя на замершего в сугробе Майка:

– Потом перекусишь, Михайло Потапыч, сейчас нам должно в скуф возвращаться да гостя нашего целителям передать. Давай-ка приторочим добычу твою, да пойдем его из сугроба доставать. Сам он нейдет, видать, совсем туго соображать стал, зову – не

шелохнется! А теперь уж и время у него вышло.

Старик пошарил рукой по медвежьей спине, извлек из густой длинной шерсти что-то наподобие уздечки, но дальнейшего Майк увидеть не смог. В мозг вновь острыми иглами впилась жуткая боль, тело затрясло судорогой, и он упал, проваливаясь в грязную вату наполненного страданиями беспамятства.

Сколько времени он провел без сознания, понять было невозможно. В какой-то миг боль стала уходить, сменяясь безмерной усталостью и разбитостью, и мучительное забытьё перешло в сон. Спал он долго, но

жуткие кошмары скованного кровавым льдом, перевернутого вездехода не посещали его. Каждый раз, когда в сознании вспыхивали картины бескрайней заснеженной пустоши, некая невидимая сила словно отметала их прочь, и вместо крови и разорванных тел Майк видел бесконечный заснеженный лес, тянувшийся во все стороны. В том лесу отсутствовали кровожадные мутанты, переливчато звучали птичьи трели, было тепло и светло. И ещё там был ветер, легкий, шелестящий и совсем невидимый, словно потревоженные им снежные шапки сами сползали с покрытых ажурными ледяными кристаллами

ветвей деревьев. Ветром Майку немного закладывало уши, из-за чего барабанные перепонки тихо гудели, выдавая сознанию замысловатые слуховые галлюцинации. Как будто тихий, ускользающе эфемерный женский голос являлся частью этого странного ветра, нашептывая на непонятном языке понятные слова, смысла в которых Майк не находил.

«На синем море... на белом камне... сидели... три сестры...» — тихо гудел в ушах порыв ветра.

«Батюшка Огнебог... ты всем Огням Огонь... ты всем Богам Бог...» — вторил ему шелест осыпающегося с исполинских сосен снега.

Сон вновь окутывал его, и

заснеженная тайга неслась дальше, словно под крылом челнока.

– Дарьяна, как наш гость? – сквозь истончающуюся дремоту пробились слова на чужом языке, но их содержание оказалось для Майка вполне понятным, как тогда, в лесу, со стариком и совершенно жутким медведем. Тяжёлый бас, видимо, принадлежал крупному мужчине.

– Ещё четыре дня надобно, – негромко произнес совсем рядом тот самый женский голос, что витал в его сне внутри ветра. – Непросто басурманина исцелять. Образы Крови чужие, уж больно слабые, откликаются плохо, выздоровление идет медленно. Покуда нельзя его

будить, пусть спит.

Майк почувствовал, что его затылок лежит на чьей-то теплой ладони и кто-то осторожно поднимает его голову. Край деревянной кружки коснулся его губ, и шелест ветра велел ему пить. Он послушно выпил какую-то горячую жидкость и вновь ощутил под головой подушку. По телу растеклось приятное тепло, сознание стало легким, будто собралось унести в сон вместе с пением лесных птиц, и Майку захотелось посмотреть на источник говорящего ветра. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой женское лицо. Женщина была немолодой и очень доброй, Майк

понял это сразу, едва её голубые глаза посмотрели на него. Но в следующий миг у него перехватило дыхание. Соломенные волосы женщины, заплетенные в длинную косу, на уровне лба перехватывала неширокая повязка, голову венчала ажурная диадема, собранная из серебряных кругов, связанных друг с другом ажурным плетеным ободом, и каждый дюйм всего этого содержал свастики. Зловещие символы были везде: выгравированы на диадеме, вышиты на повязке, выдавлены на ушных клипсах, даже ворот и рукава её белых одежд покрывала свастичная вязь. Глаза Майка расширились от ужаса, он дернулся,

вжимаясь в подушку, и женщина нахмурилась. Она устало вздохнула и коснулась его лба ладонью, внезапно оказавшейся горячей, словно медицинская грелка.

«Спи...» – приказал ему ветер, и волны тепла побежали от женской ладони по всему телу.

Его веки потяжелели, тело расслабилось, и Майк погрузился в сон, мгновенно забыв о страхах.

Когда он проснулся в следующий раз, вокруг никого не было. Пару минут Майк лежал, всматриваясь в полумрак освещенного масляными лампами помещения, и старые тревоги вновь

зашевелились у него в голове. Он находился в дикарском жилище, сложенном из бревен, это точно. Комнат в нем имелось несколько, ему досталась довольно просторная, с парой окон, за которыми сейчас стояла темнота. Деревянные поверхности помещения обильно покрывала искусная резьба, главными элементами которой были свастики всевозможных форм и вариаций: гнутые, ровные, плавные, многолучевые и ещё какие-то, рассматривать времени не оставалось. Он попал в логово фашизма! Необходимо бежать, пока предоставляется возможность. Его арктическое снаряжение лежало на

массивном дубовом столе, стоящем неподалеку от его кровати, такой же тяжелой и деревянной, с резными спинками, отмеченными всё той же свастикой. Майк, стараясь двигаться тихо, встал с кровати и обнаружил, что на нем нет никакой одежды. В помещении было настолько тепло, а постель оказалась столь мягкой и приятной на ощупь, что он совершенно не замечал этого, пока лежал. Он завернулся в одеяло и панически заозирался. Фашисты отобрали у него одежду, чтобы не дать совершить побег! К счастью, она тут же нашлась рядом со снаряжением. Майк не сразу узнал выстиранную и выглаженную,

аккуратно сложенную стопку своих вещей. Он ещё раз более тщательно огляделся, убеждаясь, что в темных углах не притаились его тюремщики, и схватил со стола одежду.

И замер, пораженный внезапным открытием. Его мертвая рука ожила! Она слушалась его, как прежде! Это было невероятно, но это было! Он даже поморгал и ущипнул себя, убеждаясь, что не спит. Рука была живой и послушной, мышцы уже начали восстанавливаться от былой атрофии, и на коже отчетливо виднелись полностью затянувшиеся шрамы от пробившей её стрелы. Пальцы сжимались и разжимались, локтевой сустав сгибался и

разгибался, кисть поворачивалась! Майк, всё ещё не веря такому счастью, оторопело посмотрел на тихо потрескивающий внутри масляной лампадки животный жир. Это сделали люди, не знающие электричества?! Вылечили мертвую руку, от которой открестились лучшие специалисты Новой Америки, оплота передовых научных технологий?! За несколько дней? Кстати, а сколько дней он тут находится? И почему никого нет? Немного подумав, Майк пришел к выводу, что если бы фашисты хотели его убить, то им не имело смысла лечить ему руку. Эта мысль несколько успокоила его, и он

принялся одеваться.

Вся его одежда оказалась тщательно вычищена и аккуратно заштопана. Даже на арктическом снаряжении он не обнаружил ни малейшего следа крови, зато рваные дыры были закрыты кожаными заплатками и залиты по краям чем-то прозрачным, твердым и одновременно эластичным. Наверное, смолой, но Майк не был уверен, что застывшая смола бывает гибкой. Полностью облачившись, он убедился, что обогрев исправен, а элементы питания заряжены. Оставалось только гадать, как им это удалось. Поразмыслив, Майк пришел к выводу, что это совпадение.

Просто, несмотря на множественные разрывы синтетической ткани и внутреннего утеплителя, шина системы индивидуального обогрева нигде не повредилась во время крушения челнока. А элементы питания ему перед стартом установили новые, он просто не включил их во время полета, а думал, что включил. В хорошо натопленном помещении, да ещё и в арктическом снаряжении, Майку быстро стало очень жарко, и он направился к выходу, искать ответы на свои вопросы.

Выйдя из своей комнаты, он оказался в большом помещении, утопающем в полумраке. Язычки

пламени, трепещущие внутри одинокой лампадки, висящей на стене в самом центре, создавали замысловатую игру теней, словно костер посреди леса. Приглядевшись, Майк увидел, что под потолком, через всю комнату, в несколько рядов протянулись тонкие веревки, с которых свисали десятки связок высушенных трав, собранных в пучки кореньев, нанизанных на нити звериных клыков, когтей и много чего-то другого, совершенно непонятного и зловещего. Стены помещения покрывали полки, заставленные всевозможными баночками, корзинами и плетеными из бересты коробами, заполненными

странными вещами, некоторые из которых очень напоминали сушеные части тел мутантов. Майку стало не по себе, и несколько секунд он пытался решить, в какие из трех дверей, черными провалами зияющих в разных стенах помещения, идти дальше.

Что-то маленькое и светящееся стремительно и бесшумно мелькнуло в погруженном во мрак дальнем углу, и Майк похолодел от страха. К нему медленно приближались два желтых глаза с узкими звериными зрачками. Мутант!!! В квартиру к дикарям забрался мутант!!! Вот почему никого нет, он всех загрыз!!! Майк в ужасе попятился назад и уперся спиной в

дверной косяк, не попадая обратно в комнату. Приближающиеся горящие глаза поравнялись с пятном света от лампы, и он увидел монстра. Здоровенная, почти метр в холке, хищная пятнистая кошка внимательно смотрела на него, наострив уши, увенчанные длинными пушистыми кисточками, и медленно, словно раздумывая, шевелила обрубком хвоста. Майк пошарил вокруг в поисках какого-нибудь оружия, но рядом не было ничего, кроме склянок. Он вспомнил о своем ледорубе и дернулся, стремясь снять его с поясного крепления, и в тот же миг рысь громко и предостерегающе

зашипела, оскалив усеянную клыками пасть. Майк застыл. Если не спровоцировать монстра, он может уйти. Он ведь не бросился сразу, значит, не голоден, уже наелся местными дикарями...

Из-за дверей слева приглушенно донеслось далекое и мощное медвежье рычание, и рысь неуловимым движением исчезла в темноте. Это был шанс. Майк рванулся к дверям и выскочил из них, затворяя за собой дверные створы. Не найдя на них никаких замков, он огляделся и понял, что находится, скорее всего, в холле или прихожей, в противоположной стороне которой в темноте слабо виднелись гораздо

более крупные и массивные двери. Это наверняка выход, главное, чтобы он не оказался заперт! Ему повезло. Двери оказались не заперты, и Майк вырвался на улицу. Снаружи стояли вечерние сумерки, но видно ещё было достаточно хорошо, и он торопливо огляделся, опасаясь нападения новых монстров.

В первую секунду ему показалось, что он находится посреди множества высоких ледяных холмов, покрытых снегом, но присмотревшись, Майк понял, что так выглядят строения дикарей. Если внутри всё было изготовлено из дерева, то снаружи он видел купольные сооружения из сплошного

льда, между которыми в глубоком снегу были прочищены широкие дороги. Похоже, поселение дикарей представляло собой круг, в центре которого находилось особенно крупное строение, и от него в разные стороны, подобно солнечным лучам, уходили улицы, с обеих сторон которых стояли другие ледяные холмы. Майк сейчас находился у самого центра, но при этом поселение казалось пустым, словно вымершим.

Лицо защипало холодом, и он машинально бросил взгляд на термометр. Минус пятьдесят два по Цельсию. Майк торопливо включил систему обогрева, чтобы не

допустить переохлаждения пальцев ног и рук, постоянно замерзающих у него самыми первыми. Далекий медвежий рев раздался вновь, и он прижался к ледяной стене, судорожно оглядываясь. Медведь обнаружился в глубине одной из улиц-лучей. Он лежал у порога ледяного дома и что-то неторопливо пожирал, изредка издавая рев. Тут же выяснилось, что монстр не один. Второй медведь оказался на соседней улице, он также лежал возле дома и что-то грыз, отвечая первому своим рычанием. Майк понял, что, пока он спал, поселение подверглось атаке монстров и сейчас кровожадные мутанты-убийцы

пожирают трупы убитых ими дикарей. Рано или поздно они найдут и его, ему не скрыться в окружающей поселение заснеженной тайге, да и куда идти?! Он в отчаянии опустился на снег, как вдруг услышал далекий шум, словно одновременно кричало большое количество людей. Майк осторожно прокрался к ещё одной радиальной улице и увидел вдали зарево огромного костра. Дикари отступили, бросив поселение под натиском мутантов, но закрепились там, у большого огня! Он должен добраться до них, пока его не сожрали!

К счастью, на этой улице монстров не оказалось, и Майк,

крадучись, побежал к окраине поселения. Достигнув последнего дома, он установился, недоуменно взирая на открывшуюся ему картину. Он стоял на обрыве, полого уходящем к берегу широкой реки, скованной вечным льдом. Внизу, в полусотне метров дальше, на побережье собралась огромная толпа полураздетых дикарей, не имеющих даже верхней одежды. Взявшись за руки, они образовали три широких концентрических кольца, в центре которых — о, ужас! — пылал гигантским костром почти десятиметровый деревянный крест. Время от времени толпа дружно орала какие-то жуткие обрядовые

заклятья, явно радуясь, что сжигает святой крест. Никакого боя с мутантами не было, зато совершенно громадный медведь был, он здоровенной бурой горой лежал у берега в каких-то шагах от бредущих вокруг святотатственного костра людей, держащихся за руки. На дикарей монстр внимания почти не обращал, он обхватил лапами деревянное ведро и увлеченно выцарапывал оттуда куски чего-то полупрозрачно-желтого.

«Гори-гори ясно, чтобы не погасло!» — отпечаталась в мозгу фраза, и Майк вздрогнул, узнавая того самого старца, что встретился ему в лесу после крушения. Он стоял

возле горящего креста, в непосредственной близости от ревущего пламени, как ни в чем не бывало. В одной руке старец сжимал свой посох, другую воздел вверх и выкрикивал какие-то фразы, управляя бесчинствующей толпой. Дикари взревели, дружно повторяя за стариком кощунственные слова, но их речи Майк уже не понимал. Особенно ужасало то, что ближайший к горящему кресту круг полностью состоял из детей, таких же едва одетых, как все остальные. Не зная, что делать, Майк в нерешительности попятился назад и внезапно уперся во что-то широкое, твердое и меховое.

— Торопишься куда-то? —
раздалось прямо над головой, и слова
на незнакомом языке всё тем же
необъяснимым образом зазвучали в
голове точным переводом.

Майк подпрыгнул от
неожиданности, отскакивая назад, и
развернулся. Перед ним стояла
настоящая груда мышц в виде
двухметрового, длинноволосого
усато-бородатого дикаря, увешанного
примитивным оружием. Длинные
волосы соломенного цвета были
схвачены на голове такой же
повязкой, проходящей выше бровей,
что была на женщине с голубыми
глазами из того дома, где сейчас
хозяйничал кровожадный монстр. И

вдоль всей его повязки тоже шел узор из переплетенных друг с другом в бесконечную вязь свастика. Дикарь был одет в легкие штаны из звериных шкур, такие же сапоги и рубашку без рукавов, из которой торчали абсолютно голые руки, больше похожие на бревна, перевитые толстыми канатами. При каждом движении дикаря мышцы на его руках вздувались мощными буграми, и тонкая меховая рубашка шевелилась на широченных плечах. За спиной у бородатого громилы был укреплен целый арсенал: лук, колчан, меч и какой-то длинный сверток из шкур, вероятно, набор копий. В ножнах на поясе висел нож,

рукоять ещё одного выглядывала из-за голенища сапога, и абсолютно на всем оружии имелась гравировка в виде различной свастичной символики. Лишь на груди у дикаря висел ажурный и не лишенный изящества амулет в виде круга с переплетенными внутри геометрическими рисунками, но, взглядевшись, Майк и там заметил подобие свастики.

Дикарь смотрел на Майка в упор серыми, почти серебряными глазами, и этот взгляд окончательно лишил его остатков мужества. Майк, словно загнанный зверь, рыскал взглядом по сторонам в поисках спасения и вдруг понял, что всё это время поселение

дикарей не было безлюдным. На каждой улице, сливаясь с вечерними тенями, стоял вооруженный бородатый громила, увешанный дикарским оружием. Значит, он крался на свет костра мимо них! Они могут подумать, что им движут враждебные намерения, а жестокость фашистов всем известна! Если он сейчас же не убедит их в своем дружелюбии, то... Об этом лучше не думать.

— Вам не холодно, сэр? — Майк выдавил из себя первое, что пришло в голову.

— Лето на дворе, — неподдельно удивился бородач. — Конечно не холодно! Но ты ведь не об этом хотел

спросить, ведь так? Спрашивай. И попытайся не бояться настолько сильно. От тебя страхом веет за четыре версты! Эдак ты сюда всех мутантов Сибири приманишь! А то и кое-кого пострашнее... – Судя по странному полувосхищенному прищуру, последнее обстоятельство явно не пугало дикаря, но, наоборот, воодушевляло.

– Мутантов притягивает страх?! – ошарашенно воскликнул Майк, невольно оглядываясь на громадного медведя, увлеченно чавкающего чем-то на берегу замерзшей реки.

Как же быть?! Монстры вызывают у него страх, страх

притягивает монстров, чтобы избежать монстров, надо подавить страх, но один лишь вид, да что там вид, один лишь звук их рычания заставляет Майка сжиматься от ужаса! Это какой-то замкнутый круг, из которого нет выхода!

– Привыкнешь со временем. – Увешанный оружием громила будто уловил его мысли. – Если, конечно, ты не бесхребетный истеричный слизняк. На вот, возьми! – Он достал из висящей на боку небольшой кожаной сумы нечто вроде шерстяного шарфа. – Лицо замотай, не то щеки обморозишь. Хлипкий ты какой-то.

Майк взял шерстяную тряпицу,

снял капюшон и укутал ею лицо и лоб на манер маски. К его удивлению, дикарская ткань грела просто великолепно, и, снова надев капюшон, он почувствовал, как становится жарко. Пожалуй, обогрев на какое-то время можно отключить и сэкономить заряд энергоэлементов. Как он сказал?! Лето на дворе? Майк невольно скосил глаза на термометр. Тот по-прежнему показывал минус пятьдесят два по Цельсию. Хорошенькое же у них лето!

— Спасибо! — Он поблагодарил дикаря и, немного помявшись, спросил: — Сэр, прошу прощения, но... — Майк собрался с духом и выпалил: — Скажите, сэр, вы —

фашисты?

— А то как же! — выпучил глаза бородач, поигрывая огромными мускулами. — Как ты догадался?

— У вас везде свастики! — признался Майк. — А свастику используют фашисты. Это всем известно ещё со школьной скамьи! Это символ нацизма, фашизма и холокоста!

— А ты сообразительный прям-таки не по годам! — Дикарь наморщил лоб. — Но я тоже не промах! Я тоже сразу понял, кто ты! Ты — недоразвитый дебил из Африки! Потому что у тебя рожа черная. А люди с черными физиономиями жили в джунглях Африки, ещё в

двадцать первом веке ходили с копьями, в набедренных повязках и с проткнутыми носами, в которые вставлялись звериные клыки! Так что если рожа черная, то человек однозначно дебил, это всем известно!

– Вы ошибаетесь! – воскликнул Майк. – У вас очень однобокая информация! На первобытном уровне до климатической катастрофы находились единицы! Несколько африканских племен, не более того! Это ничтожное исключение из общей мировой ситуации!

– Нет, погоди! – остановил его дикарь. – Но ты же подтверждаешь,

что они были примитивными? И рожи у них были черными, как у тебя. Значит — ты такой же недоразвитый дебил, как они! Так?

— Нет! — От возмущения Майк даже забыл о рыскающих в тайге вокруг поселения мутантах. — Цвет кожи сам по себе ещё ничего не значит! По нему нельзя судить об интеллектуальных способностях человека! Вы просто ничего не знаете, сэр! Так нельзя! Это неправильно!

— Но ты же судишь, ничего не зная, и ничего! Почему мне нельзя? — парировал бородач. — Объявил нас фашистами только потому, что увидел свастику. Что ты о ней вообще

знаешь, интеллекуал?

— Но... — Майк неуверенно замялся. — Свастика — это символ фашизма... разве нет?

— Для недоразвитых дебилов — именно так, не сомневаюсь! — весело хохотнул громила. — Но люди поумнее знают, что свастика — древнейший солярный символ, ему многие тысячи лет! Это символ нашего народа. Символ движения жизни, символ солнца, любви, радости, света. Он приносит удачу. Его даровали нам наши Предки, которые суть наши Боги. Знаешь, почему форма свастики именно такая, какая есть? Она повторяет форму нашей Галактики, если

смотреть на неё сверху. Ты когда-нибудь смотрел сверху на нашу Галактику?

– Э... – Один только факт того, что бородатому дикарю в шкурах известны такие термины, как «джунгли», «Африка», «Галактика» и «солярный символ», напрочь обескуражил Майка. Растерявшись, он вяло пробубнил: – Нет, сэр...

– А наши предки видели, – пожал плечами косматый громила. – И передали нам это знание в виде свастики. Поэтому для нас этот символ священен, и мы применяем его везде.

– Извините, сэр, я не хотел никого оскорбить, – попытался

оправдаться Майк. — Меня всегда учили, что свастика — это атрибут фашизма и нацизма, и потому её надо запретить...

— Тебя точно учили законченные идиоты, — пожалел его дикарь. — Не повезло тебе, дружище. Если какой-то дебил желает запретить тысячелетний символ только потому, что им пользовалось некоторое количество преступников, пусть даже большое, я предлагаю не останавливаться на достигнутом! До климатической катастрофы в прибрежных водах Африки процветало пиратство, которым занимались некоторые негры. А ещё некоторые негры занимались в США,

была такая страна, ты, наверное, в курсе, торговлей наркотиками и разными преступлениями, отчего погибло множество людей. Поэтому надо запретить всех негров! И всех мусульман, потому что была когда-то очень злобная террористическая организация, Аль-Каидой называлась, так вот в ней состояли одни мусульмане. Так что надо срочно запретить ислам! А заодно надо запретить всех евреев, потому что едва ли не все ученые, создавшие ядерную бомбу, были этническими евреями. А ядерные бомбы и атомные электростанции уничтожили сотни тысяч жизней! И, кстати, продолжают уничтожать. В

четырёхстах верстах к югу от нас есть развалины одной такой электростанции, их ледником притащило откуда-то. В те края лучше не ходить, там радиация похлеще, чем внутри Пятна, из которого тебя вытащил Остромысл.

— Простите, сэр, откуда меня вытащил Острый... эээ... — Майк понял, что не сможет сразу выговорить имя старца, — тот почтенный джентльмен?

— Остромыслом его кличут, — подсказал дикарь. — Это наш волхв. Верховный жрец, по-вашему. Из Радиоактивного Пятна он тебя вытащил. Это область, над которой высоко в небе располагается

озоновая дыра. С тех пор как двести лет назад мир превратился в один большой сугроб, таких Пятен стало не счесть. Солнечная радиация вместе с изменившейся ионосферой творят там страшные вещи. Туда лучше не соваться. Радиация, токсичные испарения, мутанты, каннибалы – ничего хорошего там не найдешь.

– Каннибалы?! – Майк машинально схватился за левую руку, вспоминая торчавшую из неё стрелу. – Они напали на меня, когда я пришел в себя после крушения! Я едва скрылся от них в заледенелых развалинах!

– Это были рыбоеды, – едва

заметно улыбнулся воин. — Обычно они смирные, но иногда объединяются с каннибалами и нападают на наших охотников. Они приняли тебя за злого духа, ты упал с неба, поломал лес, и физиономия у тебя черная — ты их напугал, они пытались спасти от тебя своё стойбище. От каннибалов бы ты так просто не ушел. Эти и в Пятно за тобой полезут, лишь бы сожрать. У них с мозгами не всё в порядке, прямо как у твоих учителей. Повезло тебе, что смог из Пятна выйти. Так бы умер от облучения. Пятно коварное, не любит отпускать свою жертву. Оно теплом заманивает и ядовитым воздухом обездвиживает.

Как это ты смог выход отыскать...

Громила с сомнением покачал головой и замолк. С берега донесся дружный хор дикарей, и Майк обернулся. Толпа продолжала ходить вокруг горящего креста кругами, держась за руки, и громко кричала что-то нараспев. Майк покосился на увешанного оружием дикаря. Он бросал внимательные взгляды по сторонам и время от времени смотрел на толпу. Было заметно, что происходящее ему нравится и дикарь не прочь присоединиться к своему племени. В целом он не выказывал явной агрессии, и Майк, немного осмелев, решился задать ему главный вопрос.

— Сэр... — Он секунду помялся, но всё же продолжил: — Скажите, зачем они сжигают святой крест?

— Что? — вновь искренне удивился громила. — Какой ещё крест?! Ты на него вообще смотрел? Или Дарьяна не успела исцелить твои черные глаза? Это меч, вонзенный в землю! На рукоять и гарду посмотри! На форму клинка! Над ним искусные мастера полмесяца трудились!

— Простите, сэр... — стушевался Майк, понимая, что слишком частые ошибки никак не облегчат ему достижение цели — заключение договора о помощи. Он ещё не думал, как будет связываться с Коэном, не

имея радиостанции, но можно уговорить дикарей вернуться на место крушения и поискать передатчик. А вдруг он уцелел? Хотя, конечно, тут много вопросов. И дикари какие-то странные, слишком много умных слов знают для людей, ведущих обмен элитных мехов на зеркала и бусы. Ему стоит разобраться в этом племени получше. — Мне отсюда не видно... Но зачем жечь меч?

— Это праздник, — просто ответил дикарь. — Сегодня мы празднуем летний день Перуна, одного из наших Богов. Когда-то давно он освободил множество людей Расы Великой и потомков

Рода Небесного из вражеского плена. После того как он разбил силы противника, Вышний Бог Перун вонзил в землю пылающий меч свой в знак победы. И заодно порекомендовал спасенным людям очистить себя огнем и водой от отпечатков вражьих сущностей. С тех пор в честь той победы мы чтим этот праздник, водим хороводы вокруг пылающего меча Перунова и проводим обряды очищения... – Он мгновение молчал и с ноткой мечтательности добавил: – Сейчас Расичи станут через костер прыгать, в прорубь нырять, босыми по углям ходить... А хочешь – айда с нами, когда очередь подойдет!

– Нет, нет! Спасибо! – спешно поблагодарил дикаря Майк. Вот только заживо сгореть ему сейчас как раз и не хватало. – Мне нельзя, я ещё болен и не совсем хорошо себя чувствую! – Пора было срочно переводить разговор на другую тему, пока увешанный оружием громила не стал настаивать. – Не затруднит вас повторить ещё раз, как вы называете свой народ?

– Заветы Предков гласят, что мы – Свята Раса, есть Дети Расы Великой и Потомки Рода Небесного, что прибыли сюда со звезд и избрали землю эту своим домом, – выдал дикарь витиеватую фразу. Майк, пытаясь понять смысл сказанного,

невольно наморщил лоб. Небесный род, звезды – похоже, этот странный феномен, позволяющий ему понимать смысл непонятного языка, на этот раз его подвел, потому что дикарь несет какую-то несусветную чушь.

– А вообще мы зовем себя Расичами, – закончил громила. – Так короче и вполне понятно... – Он улыбнулся кому-то находящемуся за спиной Майка: – Здравия тебе, Дарьянушка!

– И тебе здравия, Святогор! – Майк обернулся на голос и увидел ту самую женщину, что давала ему горячее питьё. Видимо, она пришла сюда с берега, но когда? Он был

готов поклясться, что не слышал ни шагов, ни скрипа снега, и вообще, четверть минуты назад он смотрел на пылающий крест, тьфу ты, на этот чертов дикарский меч, и никто сюда не шел!

— Я вижу, ты познакомился с нашим гостем, — продолжила женщина. Она внимательно посмотрела на Майка и произнесла: — Рано тебе по улице ходить, не отлежал ещё своё. Пойдем-ка в дом, ужинать. Тебе сейчас поесть в самый раз будет, небось голодный, как дикий павиан, или кто там у вас в лесу живет...

— В Новой Америке нет мутантов, — принялся объяснять

Майк и тут же вспомнил про монстра, бесчинствующего внутри дома: — В вашем доме мутант! Я едва сумел спастись от него! Туда нельзя возвращаться без оружия!

— Тимофей Котофеич не мутант, — негромко засмеялась женщина. — Он вполне нормальная рысь, очень даже воспитанная и умная. Приглядывает за домом иногда, пока домовой спит. Не бойся!

— Но там, на улицах, там медведи! — Перед глазами Майка всплыли образы жутких монстров, пожирающих добычу прямо возле ледяных домов. — Я видел их! Они недалеко от дома!

— Они тебя не тронут, —

успокоила его женщина. – Пока ты с кем-нибудь из Расичей, они будут реагировать на тебя спокойно. Это медведи витязей. Когда воин Расичей становится витязем, он берет себе медвежонка и выращивает из него боевого друга, надежного и БЕЗстрашного. Пойдем! – Она взяла его за руку и повела обратно: – Как рука твоя?

– Отлично, мэм! Как вам это удалось?! – Он посмотрел на женщину и понял, что ростом она лишь немногим ниже его.

– На то я и целительница, – едва заметно улыбнулась та. – Таков удел мой. И мать моя, и бабка, и прабабка с прапрабабкой – все были

целительницами и спасали Расичей от хвори всякой и ран бранных.

– Но как? – не унимался Майк. – Лучшие хирурги Новой Америки ничего не смогли сделать, а вы вернули мне руку за несколько дней! И я даже не нашел следов операции! Как такое возможно?

– Предки помогли, – туманно ответила женщина. – Да и не в руке твоей основная беда крылась. В Пятне ты пробыл долго, радиацией тебя поразило сильно. Кабы Остромысл тебя загодя встречать не пошел, не жилец бы ты был. С лучевой хворью пришлось тяжело... злобная она и липкая, исцеляться не желает, человека пораженного

отдавать ой как не любит. Но тебе думать о том не надобно, хвори твои позади, сейчас потрапезничаем, и пойдешь спать да сил набираться. А завтра Коловрату о деле своем расскажешь, утро вечера мудреней!

Она остановилась перед одним из ледяных конусов-жилищ, и Майк только сейчас заметил, что они уже пришли. Странно, но путь от берега до дома этой дикарки занял гораздо меньше времени, что он потратил, когда убегал от монстра. Наверное, в процессе разговора он не заметил, как она провела его короткой дорогой.

Наутро Майк проснулся от

пробивающегося через окно громкого шума. Он открыл глаза и понял, что на улице раздается трубный многоголосый рев мутантов, находящихся где-то совсем рядом. Майк рванулся с кровати к окну и вжался в стену рядом с ним, осторожно выглядывая наружу. По улице, оглушительно ревя, мчался десяток огромных медведей с яростно оскаленными пастьями. Верхом на них восседали мускулистые дикари с мечами и луками в руках, такие же волосатые и усато-бородатые, как все остальные, сверкающие жаждущими крови взглядами. Следом за всадниками на медведях плотными стройными

рядами бежало с полсотни человек с дикарским оружием в руках, все, как на подбор, двухметровые, здоровенные и беловолосые. Их тут всех клонируют где-то, что ли? Майк, привыкший едва ли не всегда быть выше всех, недовольно скривился. Эти дикари, среди которых он чувствовал себя карликом, вызывали у него раздражение. У них даже женщины были ростом в шесть футов. Если такая встанет на дамские шпильки, она будет выше него! Это унижительно и противно! Правильно сказал тогда Джеймс – эти дикари есть порождение Холода. Да они мутанты, вот и всё! Просто в

человеческом обличье. И они что-то скрывают от него, что-то очень важное! Он сжал и разжал кулак некогда парализованной руки. Эта дикарка так и не рассказала ему, как вылечила омертвевший нерв! Хотя за ужином он спросил её об этом раз, наверное, десять. А она твердила одно и то же: мол, пошептала на руку денек-другой, хворь и отступила, Предки подсобили. Конечно! Может, ещё и духи из параллельной вселенной поучаствовали?! Она просто не желает рассказывать ему правду. А ещё они постоянно называют его «ниггером», думают, что он не понимает! Не надо знать их дикарского языка, чтобы понять

оскорбление, даже если оно
искорежено варварским
произношением!

Он простоял возле окна
некоторое время, но больше шума не
услышал. После того как отряд
дикарей скрылся меж ледяных
жилищ, на улице стало относительно
тихо, и Майк решил, что пора одеться
и осмотреть жилище дикарки. Хотя
бы ту его часть, что окажется
доступной, там же где-то бродит этот
жуткий монстр... Держать в доме
рысь! Они тут все точно **ОЧЕНЬ**
странные. Нормальные люди не
ездят на мутантах и не зарастают
белым волосом, словно пещерные
дикари! Впрочем, они и есть дикари,

так что им простительно. Он оделся и вышел из своей комнаты. Монстр конечно же оказался прямо за порогом, словно поджидая его. Узкие кошачьи зрачки, не мигая, вперились в Майка, и он спиной почувствовал, что мерзкая тварь его невзлюбила.

— Котофеич, не пугай гостя, — мягко произнесла целительница, появляясь в дверях соседнего помещения. — Поди-ка в горницу, я тебе сметанки налила. Только что сделала, отведай, хорошо ли получилось.

Разговаривать с диким зверем, словно с разумным существом, — это полный бред. Майк спрятал вздох. Неужели она действительно не

понимает, что зверё не обладает разумом? Или это она таким образом пытается усыпить его бдительность? Откуда, кстати, она взяла сметану? У них тут что, коровы живут при минус пятидесяти с лишним или он опять неправильно понял смысл её рыкающего варварского языка?..

Однако, к удивлению Майка, рысь оставила его в покое и скрылась в указанном дикаркой направлении. В этот момент за стеной хлопнули входные двери, в холле, который, как вчера выяснил Майк, дикари называют «сени», раздался шум, и в комнату ввалились двое косматых дикарей, увешанных оружием и свастиками, ну, конечно, куда же без

этого! Под руки они держали третьего, у него из ноги торчала знакомая короткая стрела рыбоедов. Майк невольно посторонился, пропуская двухметровых громил, следом за которыми вошел ещё один, с волевым лицом и жестким взглядом голубых глаз. Сразу ясно, что вошедший был давно не молод и привык командовать, но вот сколько ему лет, определить оказалось нереально. С одинаковым успехом могло быть и пятьдесят, и шестьдесят, и даже, наверное, семьдесят. Хотя нет, уж слишком легко двигается, в таком возрасте это конечно же невозможно.

— Несите его в светлицу! — не

задавая вопросов, велела целительница. — Укладывайте на центральное ложе и оставьте нас!

Громилы увели раненого вслед за дикаркой, и Майк хотел было пройти следом, чтобы посмотреть на хирургический кабинет дикарей или что там у них его заменяет, но буквально наткнулся на взгляд того, что заходил в дом последним. Суровый бородач разглядывал его сверху вниз, словно букашку под микроскопом, и на какую-то секунду Майку показалось, что этот немолодой дикарь видит его насквозь и знает, что все они ему противны... По спине пробежал легкий холодок испуга, и Майк неуверенно

проямлил:

— Здравствуйте...

— И ты здоров будь, — неторопливым басом ответил ему тот. — Ладно ли чувствуешь себя, гость?

— Что? А! Да, да, спасибо! — заторопился Майк. Он может понимать словесную абракадабру и этого дикаря, это упрощает дело. Не хочется стоять перед ним и тупо молчать, не менее тупо улыбаясь. — Я прекрасно себя чувствую! Ваша медицина творит чудеса! Даже не думал, что когда-нибудь снова буду владеть рукой. Мое имя Майк, сэр! Майк Батлер! Я...

Из соседнего помещения

вернулись двое громил, что заносили раненого. Они обменялись со своим лидером несколькими непонятными фразами и вышли, аккуратно затворив за собой двери.

— Меня зовут Коловрат, — представился важный дикарь. — Я военный князь. Остромысл поведал мне о твоём деле. Если ты более не нуждаешься в исцелении, сегодня мы соберем совет и ты расскажешь нам, зачем пришел. Ты согласен?

— Я готов! — заявил Майк. — Но, боюсь, ваш верховный жрец не знает, что привело меня сюда!

— Возможно, — туманно изрёк дикарский князёк, окидывая его странным взглядом. — Вот ты и

поведаешь обо всём добрым людям, когда они соберутся. Я уже послал за всеми.

Входная дверь вновь отворилась, и в комнату вошла ослепительно красивая девушка в легкой, расстёгнутой, коротенькой шубке из белого песка. Длинное белое платье до пола, сидящее на идеальной фигуре, словно влитое, оттеняло глубину её огромных синих глаз и сексуальную припухлость коралловых губ. Образ несколько портил высокий рост и уродливо длинная и толстая коса соломенного цвета, уложенная на высокую грудь и достающая до поясницы, но и без этого у девицы было чем

поллюбоваться. Майк даже подумал, что, возможно, ему стоит задержаться у дикарей подольше. Тем более, что про шпильки дикаркам ничего не известно. Цивилизованному и образованному человеку заполучить в постель неотесанную дикарку труда не составит, тем более что такое точеное тело сулит определенные удовольствия. Конечно, спасение Новой Америки прежде всего, но кто знает, сколько ещё ему придется здесь пробыть! Для начала Майк широко улыбнулся и поприветствовал юную дикарку. Девушка на неуловимо короткий миг задержала на нем взгляд, в её глазах словно что-то

изменилось, и она осуждающе посмотрела на князька.

— Папа! — недоуменно произнесла синеглазая красавица. — А что у нас горело?

— Весняна! — холодно одернул её князек, и лицо девицы мгновенно приняло кроткое выражение. — Накорми гостя и помоги матери, она исцеляет раненого. Скоро в горнице соберется совет, присмотрите с сестрами за младшими детишками.

— Хорошо, папа, — ответила дикарка и посмотрела на Майка: — Прошу в трапезную, дорогой гость, отведать нашего угощения! — Она странно улыбнулась ему и повела в столовую. Майк последовал за ней,

гада, что означает эта её улыбка: он уже на верном пути или она пытается соблюдать правила приличия? Они тут все реально странные, это однозначно!

В отличие от вчерашнего вечера в столовой оказалось многолюдно. Майк даже не ожидал увидеть за огромным длинным дубовым столом столько народу. Они тут что, всем племенем едят, что ли? Пока его усаживали за стол и подавали дикарскую еду, он присмотрелся к присутствующим. Большинство сидящих вокруг были детьми в возрасте от пяти до двенадцати лет, он насчитал их одиннадцать, и все они были чем-то похожи между

собой, как могут быть похожи только родственники. Четверо других оказались постарше, также похожие на остальных, причем девочка-подросток обладала сходными чертами лица с юной дикарской красавицей. Майк скептически нахмурился от посетившей его мысли. Это что, всё дети дикарского князька и целительницы? Пятнадцать штук? Эти дикари настолько плодовиты или они просто кажутся ему все на одно лицо? Он хотел уточнить свою догадку у сексапильной красотки, тем более что это был отличный предлог для первого разговора, но юная дикарка за стол не садилась. Она то выходила

из столовой, то возвращалась и ухаживала за младшими детьми, то снова выходила — короче, к досаде Майка, поговорить с ней на этот раз так и не удалось. А негромкой детской болтовни, иногда звучащей в столовой, он не понимал.

Вскоре юная дикарка вернулась и сообщила ему, что совет собрался и будет слушать рассказ гостя. Она провела Майка в довольно просторное и светлое помещение, в котором ему бывать ещё не приходилось. Похоже, у местного князька довольно большое жилище, в разы больше, чем его с Хилари квартира в Нью-Вашингтоне. Комната оказалась наполовину

заполнена дикарями, рассевшимися на стоящих вдоль стен лавках. На одной из них Майк увидел самого князька и целительницу. Единственное солидно выглядящее резное кресло выделили ему, и он с удовольствием в него уселся. Так он оказывался выше этих двухметровых человеко-мутантов, и это позволяло ему не чувствовать себя ущербным. Все собравшиеся здесь были немолоды, и Майк с удивлением отметил, что сексапильная дикарка не покинула помещение, а присела на лавку между двух суровых бородачей, что сидели в дальнем углу. Негромко переговаривающиеся меж собой присутствующие затихли,

и князек встал.

— Расичи! — заявил он. — К нам пришел человек из Новой Америки с просьбой о помощи. Все уже знают, что Остромысл советовал выслушать его, ибо это важно. Сам он остался в капище и к нам не присоединится, потому как рёк мне поутру, что дело сие должен решать совет, а не волхв. Давайте послушаем гостя. — Он посмотрел на Майка: — Говори. Здесь тебя поймут.

— Дамы и господа! — Майк старательно собрал в памяти все отрывки речи, которую готовил половину ночи. — Моя страна, Новая Америка, — это замечательное демократическое государство, свято

соблюдающее права человека! Мы всегда готовы протянуть руку помощи любому, кто в ней нуждается! Мы уважаем любую религию и ценим мнение каждого человека на планете! Долгое время мы жили счастливо и оказывали поддержку тем народам, кому приходилось тяжело в борьбе с жестоким Холодом! Мы посылали им еду, теплые вещи, медикаменты – всё, что только могли! Мы были счастливы вести торговлю с вашим народом! И с удовольствием предложили бы не только зеркала и бусы, но и другие плоды нашей высокоразвитой науки! К сожалению, языковой барьер и отсутствие схожей

письменности в то время сделало это невозможным. Но даже не имея возможности общаться с вами, мы изо всех сил старались помочь вам хоть чем-то, что в наших силах. К сожалению, теперь мы сами оказались в беде и нуждаемся в вашей помощи. Нас постигла жуткая трагедия — машина, дающая тепло нашей стране, сломалась. Нас захлестнул Холод! Мы всю жизнь прожили при плюсовой температуре, у нас на улице всегда было так же тепло, как внутри ваших домов. Мы не приспособлены к Холоду и не смогли выдержать жестокого удара ураганов. Ужасные торнадо разрушили нашу прекрасную страну

до основания, множество людей замерзли заживо и продолжают замерзать. Если ничего не предпринять, с наступлением зимы все мы умрем. Погибнут миллионы людей!

Он на секунду замешкался, соображая, а знакомо ли дикарям числительное «миллион», и на всякий случай решил уточнить:

— Представьте сто раз по сто таких поселений, как ваше! Вот сколько людей ожидает жуткая гибель, если вы не протянете нам руку помощи! Дело в том, что шанс ещё есть! Незадолго до чудовищного удара десятков торнадо, превратившего нашу цветущую

страну в руины, нам удалось починить чудесную машину, дающую тепло! Но мы не успели её включить. А теперь там, где она расположена, в заснеженных пустошах Австралии...

Майк подумал, что если они знают, что такое Африка, то должны, по идее, знать и про Австралию. Если что, то лучше не стоит уточнять, как далеко она находится, чтобы лишний раз не пугать дикарей шаттлами и воздушными перелетами.

— ...так вот, в этих пустошах свирепствует Холод! Для нас там слишком холодно, мы не можем приблизиться к чудесной машине и включить её. Поэтому мы просим вас о помощи! Надо добраться до неё,

прокопать к ней доступ через снег и открыть дверь внутрь! Это всё! Дальше мы зайдем в машину и остальное сделаем сами! Сначала мы думали, что справимся, но жуткий Холод, бураны и мутанты оказались для нас неразрешимой проблемой. Мы не умеем жить при нереально низких температурах и не знаем, как управляться с мутантами. Поэтому просим вас помочь нам! Взамен мы готовы дать вам любое количество бус и зеркал! Если у вас есть другие пожелания — только скажите, мы реализуем всё, что в наших силах!

Майк подумал, что таких обещаний может оказаться недостаточно. Дикарей необходимо

убедить во что бы то ни стало, значит, нужно обещать хоть Луну с небес, лишь бы они проглотили приманку. Главное — восстановить Полярный Круг и тепло, а там армия разберется.

— Мы даже можем сделать ваши земли теплыми! — выложил он козырного туза. — Как наши! Только представьте себе: вы выходите на улицу, а там тепло, как в хорошо натопленном жилище! Вы — наша последняя надежда! От вас зависят судьбы миллионов американцев — самых добрых и мягких людей на планете! Помогите нам! Пожалуйста!

Он замолчал, спешно обдумывая, что ещё можно сказать.

Заготовленная речь закончилась, а дикари сидят, молчат и тупо пялятся ему в глаза. Пауза затягивалась, и Майк начал нервничать. Надо срочно сказать им что-нибудь ещё более убедительное, но что для этих примитивных косматых мутантов есть убедительное?! К его огромному облегчению, их царек решил заговорить:

– Расичи! Гость изрёк то, что изрёк. Ведающий да услышит. Что делать будем?

Кто-то из дикарей поднялся и принялся неторопливо разглагольствовать:

– Негоже сидеть сложа руки, когда есть возможность вернуть

былое тепло Земле-Матушке!

При этих словах Майк внутренне восторжествовал. Дикари заглотили наживку! Он не ошибся с выбором приманки – все хотят иметь у себя вечное лето! Теперь надо их дожать!

Ораторствующий дикарь вдруг бросил на него внимательный взгляд и продолжил:

– Но летательный аппарат гостя разбился, и вместе с ним разбился его радиопередатчик. Штурмвой ходили на место крушения. Там теперь хозяйничают каннибалы и рыбоеды, у них меж собой вновь союз. Произошло сражение, и враги обратились в бегство, к сожалению,

Мстислав получил рану. Дарьяна, как его нога? — Он перевел взгляд на целительницу.

— Поправляется с помощью Богов и Предков. — Та слегка улыбнулась: — Через четыре дня Мстислав вернется в рать.

— Разбитый передатчик штурмвои нашли. — Дикарь опять уставился на Майка. — От него осталось очень немного, как и от всего летательного аппарата. Признаюсь, мне неизвестно, как наш гость выжил. Попросить своих соплеменников, чтобы они выслали сюда другой летательный аппарат, он не сможет. Это означает, что если мы отправим с ним штурмвоев, им

придется добираться пешком, а до его страны восемь тысяч верст по поверхности ледника. Не погубим ли мы людей?

Дикарь уселся, и остальные принялись тихо обсуждать между собой его спич. Майк не мог понять их варварское лопотание, и это разожгло его подозрения с новой силой. Царек-то общался вместе со всеми! И Майк не понимал его бормотания, а ведь ещё недавно понимал! Наверняка они специально скрывают от него нечто важное. Например, свои истинные намерения. Он хорошо помнил историю Гуманитарной Миссии. Все попытки помощи сидящим посреди

Холода людишкам всегда
заканчивались черной
неблагодарностью — они желали
переселиться в Новую Америку, и
плевать им было на то, что об этом
думают исконные жители страны —
американцы! Этим дикарям не
удастся его обмануть, как бы они ни
пытались. Интеллект всегда
побеждает двухметровую гору мышц,
видимо, они об этом ещё не знают.
Тем хуже для них!

— Что думают об этом ведьмы? —
вдруг спросил кто-то из седых
бородачей, и все разом посмотрели
на сексапильную девицу. — Весняна?

Та невесело вздохнула, словно
до последнего надеялась избежать

этого вопроса, и ответила:

— Я бы попросила помощи у Огнеслава.

Судя по гробовому молчанию, повисшему в помещении, юная дикарка произнесла нечто из ряда вон выходящее. Царек нахмурился и вперил в неё тяжелый взгляд.

— Ведьма — суть ВЕДающая МАТЬ — весьма мудрая и знающая женщина рода, а то и всей общины! И вижу я, что кто-то ещё не дорос до сего удела. Поди-ка, доченька, в детскую, да погляди, всё ли ладно с младшенькими. Мы тут с помощью Богов и Предков управимся и без тебя.

Девушка едва заметно пожала

плечами, мол, се ля ви, отвесила всем присутствующим низкий поклон и невозмутимо покинула собрание. Взгляды присутствующих немедленно переключились на целительницу. Та увлеченно рассматривала кружочки со свастиками, из которых состоял браслет на её запястье.

— Дарьяна! — негромко окликнул её царек. — Время дорого. Говори.

— А что я? — обреченно вздохнула та. — Я бы тоже попросила помощи у Огнеслава. — Она встрепенулась под грозно сверкнувшим взглядом царька, бодро поднялась и скромно сообщила: — Ухожу-ухожу! В детскую! — И плывущей походкой

вышла из помещения.

Царек закрыл глаза, издал тяжелый вздох и несколько секунд сидел неподвижно. Остальные продолжили обсуждение, но их слов Майк вновь не понимал. Через четверть часа дикари смолкли, и царек взял слово.

– Совет решил исполнить твою просьбу, Майк Батлер. – Косматый дикарь будто пронзил его взглядом, и Майку в который раз стало не по себе. Да чего они все так любят на него зыркать?! Насквозь проглядеть решили, что ли?! Лучше пусть точку аварийного управления откопают! – Мы дадим тебе витязя. Он отведет тебя в твою страну и поможет

исполнить то, чего ты хочешь.

— Всего один?! — растерялся Майк. Такого ответа он не ожидал. — Но что сможет сделать всего лишь один человек?! Он не справится! Нам потребуется гораздо больше людей! Там же Холод, Воронки и множество кровожадных мутантов!

— И один в поле воин, коли Богами Вышними был Расичем скроен! — туманно изрёк царек очередную варварскую белиберду и громко произнес: — Святогор!

Спустя пару секунд в помещение вошел тот здоровенный дикарь, что поймал его вчера вечером у края поселения варваров и постоянно оскорблял, называя «ниггером». Он

остановился посреди зала, кивнул Майку и отвесил остальным поклон, произнося что-то непонятное, наверное, приветствие.

— Совет наказывает тебе идти с гостем в земли его народа, — сообщил громиле царек. — Помоги им... если они действительно желают помощи. Первые пятьсот вёрст пойдете по нашей низине, дорога предстоит опасная, на вашем пути лежит Город и АЭС. Дальше пойдете по поверхности ледника, кузнецы и плотники соберут для вас сани и парус. Что взять с собой — реши сам. Сколько дней нужно на подготовку?

— Мне хватит и одного. — Громила был абсолютно невозмутим,

словно это не его только что послали дьявол знает куда через четверть планеты. — Как мастеровые дело сделают, так и пойдем.

Увешанный оружием дикарь вышел вон, следом за ним потянулись остальные бородачи. Майк сидел, словно в тумане, и невидящим взглядом смотрел на проходящих мимо варваров. Эти дикие примитивные скоты всё-таки подставили его. Они отправили его на верную смерть! Ради этого не пожалели даже одного из своих, видать, самого тупого, раз он даже не понял, что его ждёт! Если вдруг, каким-то чудом, им всё-таки удастся добраться до Новой Америки, Майк

убедит Козна, чтобы тот прислал сюда шаттл со своим вертолетом в трюме! То, чего не удалось добиться Майку путем переговоров, удастся добиться пулеметчику путем опустошения пулеметной ленты! Эти напыщенные дикари наперегонки бросятся в трюм ракетоплана! Они не только откопают точку аварийного управления ХААРПом, но и на руках внесут внутрь неё Майка. Уж он об этом позаботится.